

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2015

№ 6 (38)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-29498 от 27 сентября 2007 г.

Международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-8613).

Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО
ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентерберри, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, председатель научной редакции, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Кулемзин Владислав Михайлович**, д-р ист. наук, проф.; **Ларьков Николай Семёнович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории и документоведения; **Румянцев Владимир Петрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений; **Тимошенко Алексей Георгиевич**, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой мировой политики; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Черняк Эдуард Исаакович**, д-р ист. наук, проф., директор института искусств и культуры ТГУ; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф.; **Шевелев Дмитрий Николаевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, проф.; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**ACADEMIC EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasilii P., Chairman of the Academic Editorial Board, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Kulemzin Vladislav M.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Larkov Nikolay S.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of History and Documentation Studies; **Rumyantsev Vladimir P.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History and International Relations; **Timoshenko Aleksey G.**, PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of World Politics; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Chernyak Eduard I.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Museum Studies, Cultural and Natural Heritage, Director of the Institute of Art and Culture; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Shevelyov Dmitry N.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ancient and Medieval History and Methodology of History; **Sherstova Lyudmila I.**, Dr. of History, Professor; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Родигина Н.Н., Митрофанова К.Н. «И вдруг она приблизилась к нам...»: образ Сибири в детских журналах конца XIX – начала XX в.	5
Качин Н.А. В.М. Флоринский: в поисках сибирской модели «классического университета»	11
Семиколенов М.В. Проблема собственности на крестьянские надельные земли в Сибири во второй половине XIX в.	19
Румянцев П.П. К проблеме определения характера взаимоотношений начальника и подчиненного на примере работников золотопромышленных предприятий в Сибири в XIX – начале XX в.	24
Храмцов А.Б. Донесения административных чиновников об изменении общественно-политической ситуации в Западной Сибири в 1900–1914 гг.	31
Суслов А.Ю. Эсеровская эмиграция о проблемах партийной истории (1920–1930-е гг.)	35
Пинаева Д.А., Юнусова Р.Р. Распространение научно-технических знаний и передового производственного опыта в 1940–1980 гг. (на примере деятельности Татарской республиканской организации общества «Знание»)	40
Луков Е.В. Межрегиональное взаимодействие в области политики социальной защиты населения в 1990-х гг.: на примере деятельности ассоциации «Сибирское соглашение»	49

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Девятков А.В., Арутюнян В.С. Нормативность против государственного интереса: вопрос о признании геноцида армян в политике Германии	56
Гладкова Ю.П. Консульская защита прав мексиканских мигрантов за рубежом	64
Андреева Т.Л., Таловская Б.М. Языковая ситуация в Соединённом Королевстве Великобритании и Северной Ирландии в 2000–2010-х гг.	67
Шаповалова Т.А., Витютнева А.С. Манипулятивный потенциал эпидейктической речи	74

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Бородовский А.П., Горохов С.В., Игнатов М.М. Умревинский клад серебряных проволочных копеек периода правления Петра I: опыт изучения состава металла	79
Барсуков Е.В. Темерчинская волость и темерчинцы в составе Томского уезда XVII в.	86
Чиндина Л.А., Малиновская С.М. Отражение этнокультурных процессов в селькупской антропонимике XVII в. в Нарымском Приобье (опыт междисциплинарного исследования)	92
Чёрная М.П., Татауров С.Ф. Ограждения в бытовом контексте городской усадьбы (по материалам Томска и Тары)	100
Савельева А.С., Герман П.В. Бронзы из курганного могильника тагарской культуры Некрасово II (по материалам раскопок 1970 г.)	108
Фодор И. К вопросу о религиозных верованиях древних венгров	119
Тадышева Н.О. Свадебная обрядность народов Саяно-Алтая: общее и особенное	133
Кошкарёва П.А. «Быть или не быть казаком?»: казачья смена на форуме Селигера через призму социальной драматургии Ирвинга Гофмана	139

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Rodigina N.N., Mitrofanova K.N. “Suddenly it has drawn nearer to us”: the image of Siberia in the children magazines of the late XIX – early XX centuries	5
Kachin N.A. V.M. Florinskiy: in search of a Siberian model of classical university	11
Semicolenov M.V. The issue of ownership of peasant allotment land in Siberia in the second half of the XIX century	19
Rumyantsev P.P. To the problem of determining of nature of relationship of the chief and subordinate on the example of employees of the gold mines in Siberia in XIX – the beginning of the XX century	24
Khramtsov A.B. Reports of administrative officials on change of the political situation in Western Siberia in 1900–1914	31
Suslov A.Y. Socialist-revolutionary emigration about the problems of the party history (1920–1930s)	35
Pinaeva D.A., Iunusova R.R. Dissemination of Scientific and Technical knowledge and advanced Production experience in 1940–1980 years (on the example of the Tatar Republic branch of All-USSR public organization «Knowledge» («Znanie»))	40
Lukov E.V. Interregional cooperation in the field of social protection policy in the 1990s: on the case of ‘Siberian Accord’ association’s activity	49

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Devyatkov A.V., Harutyunyan V.S. Normativity vs. Raison d'état: issue of recognizing Armenian genocide in German politics	56
Gladkova Yu.P. Consular protection of the Mexican migrants’ rights abroad	64
Andreeva T.L., Talovskaya B.M. Linguistic situation in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland in 2000–2010-s	67
Shapovalova T.A., Vitjutneva A.S. Manipulative potential of the epideictic speech	74

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY & ANTHROPOLOGY

Borodovskiy A.P., Gorokhov S.V., Ignatov M.M. Umrevinsky gold silver wire copecks during the reign of Peter I: experience study of metal	79
Barsukov E.V. Temerschinskaya volost and the Temerschins of ujezd Tomskiy in XVII century	86
Chindina L.A., Malinovskaya S.M. The reflection of ethnocultural processes in the XVII century selkups’ anthroponymy of the Narym territory of the river Ob area (interdisciplinary research experience)	92
Chernaya M.P., Tataurov S.F. Fences in Domestic Context of Urban Manor (on Tomsk and Tara Material)	100
Savelieva A.S., German P.V. Bronzes from the Tagar burial mound Nekrasovo II (research based on the data of excavations in 1970)	108
Fodor I. To the Question of Pre-Christian Beliefs of Hungarians	119
Tadisheva N.O. Wedding rites of the Sayano–Altai region nations: the general and special	133
Koshkareva P.A. “To be or not to be a Cossack?”: The Cossacks at the Seliger forum through the prism of Erving Goffman’s social dramaturgy	139

РЕЦЕНЗИИ

Керов В.В. Рецензия: Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX века. Томск : ТМЛ-Пресс, 2009. 392 с.	143
Котляров М.В. «Шаг вперед, два шага назад». Рецензия: История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А.Б. Безбородов ; науч. ред. Н.В. Елисеева. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 671 с.	145
Зиновьев В.П., Чепурин И.В. Памяти товарища – Голикова Валерия Ивановича (11.01.1949 – 03.10.2015)	149

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	151
----------------------------------	-----

REVIEWS

Kerov V.V. Review: Nikulin P.F. The economic structure of peasant economy of Western Siberia early XX century. Tomsk: Publishing house "TML-Press", 2009. 392 p.	143
Kotlyarov M.V. One Step Forward, Two Steps Back. Review: The history of the Communist Party of the Soviet Union (<i>collective of authors</i>). Moscow, 2014. 671 p.	145
Zinovyev V.P., Chepurin I.V. Dedicated to the memory of Golikov Valeriy Ivanovich (11.01.1949 – 03.10.2015)	149

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	151
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 002.5(09)(47)
DOI 10.17223/19988613/38/1

Н.Н. Родигина, К.Н. Митрофанова

«И ВДРУГ ОНА ПРИБЛИЗИЛАСЬ К НАМ...»: ОБРАЗ СИБИРИ В ДЕТСКИХ ЖУРНАЛАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

*Работа выполнена при финансовой поддержке некоммерческой организации
«Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)», договор № АМ – 34/15 от 10.04.2015.*

Раскрыты ключевые репрезентации Сибири в детских иллюстрированных журналах конца XIX – начала XX в. В качестве источников привлечены еженедельный журнал «Задуманное слово» М.О. Вольфа и ежемесячный «Родник» Н.А. Альмедингена. На основании фронтального просмотра годовых комплектов журналов выявлены основные сюжеты, при помощи которых формировались первоначальные представления юных читателей о регионе, показаны причины обращения к теме Сибири в названных периодических изданиях, раскрыто общее и особенное в образе региона, конструировавшемся детскими журналами.

Ключевые слова: репрезентации Сибири; детские периодические издания; история журналистики.

Два обстоятельства предопределили наш выбор темы статьи. Во-первых, усилившийся историографический и общественно-политический интерес к роли детской литературы в формировании мировоззрения и социальных идентичностей юных читателей, о чем свидетельствуют как междисциплинарные научные конференции последних десятилетий [1, 2 и др.], так и активные дебаты в периодической печати о функциях и содержании школьных учебников. Во-вторых, стремление понять, существовали ли отличия в образе Сибири, конструировавшемся периодическими изданиями для детей и для взрослых, и если да, то от чего зависела «версия региона» для детей.

Итак, задача статьи – на основе сравнения публикаций о Сибири журналов «Задуманное слово» и «Родник» выявить образ Сибири в детской периодике конца XIX – начала XX в. Вне сферы нашего анализа остались письма детей в названные издания, так как их источниковому ресурсу уже посвящено специальное исследование [3]. Критерием выбора журналов стала их популярность, подтверждаемая как относительно высокими тиражами, так и благодарственными письмами юных читателей в редакции, а также достаточно длительный период существования, подаривший надежду раскрыть эволюцию представлений о регионе. Для нас важна была и разная периодичность выхода журналов: «Задуманное слово» выходил еженедельно, а «Родник» – ежемесячно, что дало возможность выяснить влияние типологических характеристик изданий, определяющихся в том числе и периодичностью, на содержание репрезентаций изучаемого нами региона.

Для того чтобы был понятен контекст актуализации образа Сибири, остановимся на краткой характеристике привлеченных нами периодических изданий.

«Задуманное слово» было основано в 1876 г. М.О. Вольфом по образцу зарубежных детских журналов.

Первоначально издание имело четыре отдела. Первый предназначался для детей от 5 до 8 лет. Второй был рассчитан на детей от 8 до 12 лет. Третий адресовался юношеству, четвертый – взрослым читателям и назывался «Семейное чтение для взрослых». С 1879 по 1918 г. издание выходило еженедельно в составе двух отделов – для детей младшего (от 5 до 9 лет) и старшего (от 9 до 14 лет) возраста. В данной статье мы использовали материалы второго отдела. Журнал ставил перед собой следующие задачи: вызвать в своих читателях осмысленное отношение к окружающей их жизни, развить в них эстетический вкус и любознательность, направить живые способности ребенка на верный путь доброй нравственности и полезного труда, наглядными примерами из истории и жизни замечательных людей подготовить детей и юношей к полезной деятельности и разумной семейной жизни, а научно-популярными сведениями расширить их умственный кругозор [4. С. 3–4]. Реализуя данные задачи, редакция журнала публиковала, учитывая возрастные особенности своих читателей, беллетристические и поэтические произведения, научно-популярные очерки, путевые записки, иллюстрации, а также многочисленные анкеты для детей и их родителей, описание игр, шарады и пр. В круг авторов «Задуманного слова» входили известные педагоги и детские писатели: С.М. Макарова, Л.А. Чарская, К.А. Лукашевич, Т.Л. Щепкина-Куперник, А.Н. Толстой, С.Ф. Либрович и др.

Иллюстрированный ежемесячный журнал «Родник» имел схожий замысел и структуру, но предназначался только для детей старшего возраста. Он издавался в Петербурге Н.А. Альмедингеном и его семьей ежемесячно с 1882 по 1917 г. Похожей была и география распространения журналов. Они имели подписчиков не только в России (в том числе и в Сибири), но и за рубежом. К примеру, в разделе «Клуб общения Родника», являвшемся аналогом «Почтового ящика» в «Задуманном

ном слове», публиковались письма от подписчиков из Китая, Франции. Как и в «Задушевном слове», в «Роднике» помещались стихотворения, небольшие повести и рассказы, популярные статьи по истории, этнографии и естествознанию, очерки народной жизни. В «Роднике» публиковались К.С. Баранцевич, В.И. Немирович-Данченко, К.Д. Носилов, Я.П. Полонский и др. Одним из своих главных преимуществ редакция «Родника» считала тот факт, что авторы научно-популярных статей, в том числе на исторические и этнографические темы, были специалистами в своей области.

Как уже было упомянуто, журналы ставили перед собой схожие задачи. Так, «Родник» провозглашал: «...доставлять детям занимательное и полезное чтение, дать своим маленьким читателям самые разнообразные сведения о родном крае в форме описаний природы его от арктических стран до роскошной природы юга, в исторических рассказах и очерках о быте разных племен и народов, населяющих Россию» [5. С. 3–4]. Исходя из замысла изданий, очевидно, что обращение к различным сюжетам сибирской жизни способствовало решению как воспитательных, так и образовательных задач: воспитание любви к родине и уважительного отношения к народам, проживавшим на ее территории, расширение кругозора, формирование исторических, географических, этнографических представлений читателей.

Создание «Родника» совпало по времени с пиком популярности «сибирской темы» в общественном мнении Российской империи, связанным с началом строительства Сибирской железной дороги, организацией массовых крестьянских переселений, изменением правительственной политики в отношении региона, известными «литературными», научными экспедициями в восточные губернии. Все это способствовало активному включению (встраиванию) Сибири в коммуникативное пространство русского государства, ментальному освоению восточных губерний, превращающихся из далекой и малоизвестной жителям европейской части страны, окраины, своеобразной *terra incognita* в одну из многих областей «нашего отечества».

Данный процесс, подробно ранее охарактеризованный нами на примере журнальной прессы для взрослых читателей второй половины XIX – начала XX в. [6], наглядно отражался и в детских журналах, которые, собственно, и конструировали, наряду со школьными учебниками, картами, детской художественной литературой, представления о «нашей Сибири» у юных читателей. Так, в серии очерков В. Сорокина «Наше житье», которые давали читателям возможность составить представление о территориальном и административном устройстве страны, впервые на страницах «Родника» упоминаются Сибирь и ее города. Объясняя, что такое губернский город и в чем его отличия от других населенных пунктов, автор в качестве примера типичного центра губернии приводит Красноярск [7. С. 179]. При этом он подчеркивает, что губернский город ошибочно представлять себе как захолустье, где люди живут од-

нообразно и скучно, без необходимых удобств и развлечений. Кроме этого, в перечне сравнительно молодых губернских городов, возникших по торговым или политическим соображениям, упоминается Тобольск.

В заглавие данной статьи вынесены слова из путевых очерков А.В. Осипова «В Сибирь», опубликованных в этом же журнале. На наш взгляд, они наиболее точно отражают эволюцию представлений образованных русских конца XIX – начала XX в. о Сибири, транслировавшихся благодаря периодике детской аудитории. Для того чтобы был понятен контекст употребления понравившейся нам фразы, приведем всю цитату: «О ней мало писали, мало говорили, и вдруг, точно по мановению волшебного жезла, она приблизилась к нам, и через пять-шесть дней уже можно гулять по пустынным улицам Красноярска, совершенно позабыв о том, что от Москвы вас отделяют четыре с половиной тысячи верст» [8. С. 75].

Из приведенного текста очевидны, как минимум, два момента, раскрывающие представления редакций детских журналов о регионе: 1) характерное и для авторов «взрослых» журналов мнение о том, что до недавнего времени Сибирь была неизвестна широкой читательской публике; 2) признание роли Транссибирской железной дороги в формировании массового интереса к восточным губерниям.

Отметим, что путевые заметки, наряду с историческими и этнографическими очерками, были одним из основных способов «знакомства» старших школьников – читателей «Родника» – с Сибирью и другими окраинами Российской империи. При этом показательно, что практически во всех текстах рассматриваемого журнала Сибирь понималась не как обособленная Уральскими горами от Европейской России территория с дикой природой и экзотическими народами (что было характерно для отечественной литературы и журналистики вплоть до 1880-х гг.), а как часть единого с «внутренней» Россией экономического, политического и культурного пространства. Возвращаясь к уже упомянутым путевым наброскам А.В. Осипова, считаем важным обратить внимание на идею автора о том, что путешествие в Сибирь не только интересно и полезно «для знакомства со своей родиной», но и доступно для юных читателей благодаря постройке знаменитой железной дороги. Более того, оно престижно и модно для жителей столиц и центральной России. «У всех, остающихся здесь, в Москве, в душе невольно шевелится зависть к тем, кому судьба дает познакомиться с далекой и неизвестной Сибирью», – утверждал Осипов [Там же].

Предпринятый нами анализ публикаций журнала «Родник» не позволил выявить эволюцию представлений его редакции о Сибири. С первых лет издания и до 1900 г. на страницах журнала появлялись отдельные статьи и заметки о Сибири как об одной из многих окраин «нашего отечества» наряду с Кавказом и Средней Азией. К примеру, в статье о похоронах И.С. Тургенева Сибирь называется «дальней окраиной русского

государства» [9. С. 381]. Однако это не отрицало факта признания самобытного прошлого региона, а также репрезентаций его как места ссылки преступников – не только тех, кто действительно совершил преступление, но и несправедливо обвиненных. В тех публикациях, где на первый план выдвигаются наиболее актуальные социальные проблемы (голод, сиротство и т.д.), Сибирь объявлялась тем местом, где объединялись все те, от кого по каким-то причинам отказалось общество. «Спросите в деревне, кто в ней преступник, кто в ней пользуется недоброй славой, – это дети умерших отцов и матерей. И от них откажется общество, их будут преследовать, и их сошлют в Сибирь, даже не подумавши о том, что сделало их несчастными поневоле...», – резюмировал популярный писатель, путешественник и этнограф К.Д. Носилов [10. С. 419].

Новый виток внимания журнала к региону был связан с событиями Русско-японской войны. Однако интерес к Сибири ограничивался информационными сообщениями о передвижении войск к местам боевых действий. После 1904–1905 гг. издание практически не помещает статей и сообщений о Сибирском крае, ограничиваясь лишь публикацией писем сибиряков в рубрике «Клуб общения “Родника”», лишенных, впрочем, какой-либо региональной специфики. Можно предположить, что после 1905 г., по мнению редакции журнала, Сибирь уже стала хорошо известна его читателям, она уже была в символическом смысле «открыта» и включена в ментальную карту маленьких россиян и не нуждалась в специальном внимании редакции.

Более сложным в плане структурной организации был образ Сибири в еженедельнике «Задуманное слово».

Первая заметка в «Задуманном слове», имеющая отношение к Сибири, была опубликована в 1877 г. и посвящена описанию сибирского соболя [11. С. 318–320]. Однако стабильное внимание к региону журнал начал проявлять со второй половины 1880-х гг., несколько позже, чем «Родник» и массовые еженедельные иллюстрированные журналы, ориентированные на взрослую аудиторию. Увлечение Сибирью проявилось в этом журнале в виде небольших по объему, как правило, иллюстрированных заметок, посвященных следующим темам: истории, этнографии, географии региона, культурной жизни зауральских городов, известным сибирякам, в том числе и детям; исследовательским экспедициям; участием сибиряков в войнах начала XX в.

В отличие от «Родника», авторы «Задуманного слова» постоянно подчеркивали самобытность природы и географии региона, антропологические, этнопсихологические особенности его аборигенного населения, специфику его материальной и духовной культуры и, в конечном итоге, особое место Сибири в составе Российской империи. Не случайно вплоть до конца 1880-х гг. при описании Сибири в «Задуманном слове» часто использовалась номинация «страна», а не «окраина», «край», как в «Роднике».

Остановимся на том, как объяснялось детям значение слова «инородец». Самое развернутое его опреде-

ление встречаем в статье Н. Гвоздева о татарах Томской губернии. «Между многими народами, живущими у нас в России, повинующимися русскому царю и считающимися русскими подданными, есть и такие, которые не только совсем не знают русского языка, не исповедуют христианской веры, одеваются совсем не так, как русские, но и по внешности своей резко отличаются от своих русских братьев. Особенно много таких народов, которые живут в той части России, которая называется Сибирью. Все они издавна живут там, а потому их называют инородцами, то есть не русскими, и, хотя много лет прошло с тех пор, как эти народы стали русскими подданными, они все еще по большей части не говорят совсем по-русски, объясняются на своих родных языках, исповедуют свою особую веру, одеваются в такие наряды, которых среди русских никогда ее встретишь, и дома свои устраивают по-своему, совсем не так, как остальные народы, заселяющие Россию», – утверждал Гвоздев [12. С. 46–47].

Таким образом, «инородцы» – это «не русские» народы империи, которых «своими» делают подданство русскому царю и, соответственно, проживание на территории русского государства. В качестве основных критериев этнической принадлежности фигурировали язык, религия, антропологические признаки. В отдельных случаях в качестве синонима слову «инородцы» употреблялся термин «туземцы». О синонимичном содержательном наполнении последнего свидетельствует, к примеру, фрагмент описания сахалинских айнов: «Между Охотским и Японским морями, которые омывают дальние восточные берега России, находится остров Сахалин, тоже принадлежащий нашему отечеству. На острове этом, так же как и на соседних Курильских островах, живет племя айнов, внешностью, языком, верою, обычаями и одеждою резко отличающееся от нас, русских. Живут эти айны на Сахалине с давних, давних времен и поэтому их называют туземцами Сахалина» [13. С. 382–383].

Во многих статьях, помимо бытовых аспектов жизни того или иного народа, акцентировалось внимание на качествах, которые редакция стремилась воспитать у своих читателей. Например: «Тунгусы славятся по всей Сибири своею честностью. Если кто из них взял, например, что-нибудь в долг и назначил время платежа, то сдержит свое слово непоколебимо твердо» [14. С. 94–95]. Подобно «взрослым» собратьям – иллюстрированным еженедельникам «для семейного чтения», авторы публикаций «Задуманного слова» об «инородческом» населении Сибири, как правило, избегали негативных оценочных суждений и стремились «объективно» проинформировать своих читателей об их образе жизни, особенностях материальной и духовной культуры, подкрепляя тексты иллюстрациями. Можно даже утверждать, что романтизация «своих» туземцев, характерная для народнической и либеральной журналистики, порожденная феноменом «внутренней колонизации», описанным А. Эткинсом [15], была свойственна и для «За-

душевного слова». В качестве типичного в этом смысле приведем описание гольдов (нанайцев): «Гольды отличаются очень тихим, спокойным характером и честностью своих правил. Они замечательно искренни, радушны и гостеприимны» [16. С. 78–79].

Общим для «Родника» и «Задушевного слова» был интерес к детской повседневной культуре, воспитанию и образованию детей коренного населения региона. Для подтверждения можно привести ряд заметок в рубрике «Из современной жизни» в журнале «Родник», посвященных образованию и воспитанию детей у разных сибирских этносов. Так, автор заметки «Самоедская школа» делает особый упор на то, что дети, понимая свою оторванность от мира (в данном случае под «миром» явно понимается мир русской культуры), стараются впитывать те знания, которые дает им миссионер, являющийся не только священником, но и учителем самоедских детей [17. С. 85]. Авторы «Задушевного слова» также описывали особенности воспитания детей у аборигенных народов Сибири, предметы детского быта. Для иллюстрации последнего приведем один из многих аналогичных текстов: «Чем севернее, тем вид люльки все дальше и больше изменяется. Так, в Сибири у некоторых племен мы встречаем люльку и без полозьев, и даже не подвешенную к потолку. Такая сибирская люлька – это предмет, представляющий в одно время и мебель, и гнездо ребенку» [18. С. 293]. Примечательно, что даже если дети в тексте статьи не упоминались, то читатели могли увидеть их на рисунках и фотографиях, репрезентировавших представления редакции о том, как должны выглядеть дети «наших инородцев» [19. С. 30–31].

К середине 1890-х гг. образ региона как территории с экзотичной природой, населенной загадочными туземными народами, в «Задушевном слове» постепенно вытесняется представлениями о Сибири как одной из многих отдаленных провинций Российской империи. Упоминания о торжественных вечерах, посвященных юбилеям русских писателей, соседствовали с заметками о пожарах и землетрясениях, а местный колорит задавали лишь упоминания о диких животных, забредавших то на железную дорогу, то в населенные пункты [20. С. 210; 21. С. 74–75; 22. С. 2 и др.].

Репрезентация сибирских губерний как «своей» имперской периферии обуславливала выбор точки отсчета местной истории, которая начиналась с Ермака и времени вхождения зауральских территорий в состав русского государства. Примечательно, что серия очерков по отечественной истории С.Ф. Литвинцева, объединенных названием «Родная старина», начиналась рассказом о покорении Сибири и гибели Ермака. Заметим, что риторика «покорения» Сибири (а не «присоединения», «вхождения») была доминирующим языком описания процесса включения Сибири в состав империи, характерным для иллюстрированных еженедельников, рассчитанных как на взрослую, так и на детскую аудиторию. Любопытно авторское обоснование необходимости

изучения истории своей страны: «Любить родную землю, любить народ, который живет на этой земле, обязан каждый – ребенок он или взрослый. Но только тот может истинно и искренне полюбить свою родину, кто ознакомился с ее минушею судьбою, кто знает ее радости и невзгоды в прошлом, кто знает, какие были в ней цари, герои и полезные труженики, каковы были подвиги первых и деяния последних» [23. С. 1].

Публикации о Ермаке были хронологически первыми в числе текстов и иллюстраций, посвященных «замечательным людям» Сибири, биографии которых могли выполнять дидактические функции для юных читателей. В этот список «героев» вошли: «писатель, трудившийся на пользу юношества» С.В. Максимов; поэт П.П. Ершов; амурский казак Александр Кобызов, убивший двух тигров; писатель Г.А. Мачтет; путешественник С. Дежнев; героически погибший во время событий Русско-японской войны студент Томского университета Павел Прудников; бурят-изобретатель Г. Митруев из Иркутской губернии; учительница церковно-приходской школы г. Канска Енисейской губернии. Александра Косова; благотворитель П.И. Макушин; крестьянин-изобретатель Михаил Попов из д. Ключи Иркутской губернии; митрополит Тобольский И. Максимович. Важно, что в этом перечне соседствовали первооткрыватели Сибири, ее исследователи, крестьяне, учителя, литераторы, люди, совершившие героический поступок в экстремальных ситуациях «войны и мира», священнослужители, «урожденные» сибиряки и те, кто в силу разных обстоятельств оказался в Азиатской России.

Воспитательный потенциал текстов о «лучших людях» Сибири наиболее наглядно воплотился в биографическом очерке С.Ф. Либровича о Г.Н. Потанине. Номинация Потанина как путешественника по Монголии, вынесенная в название статьи Либровича, не случайна для «Задушевного слова». Рассказы о путешествиях, в том числе и по Сибири, были одним из самых популярных жанров в детской периодике. Романтика дальних странствий, идея научного освоения имперских окраин актуализировала образ региона как места, где есть еще «неизведанные земли», где могут исполниться мечты об открытиях и куда устремляются отважные путешественники со всего мира. Причем как взрослые, так и дети. В интерпретации Либровича Потанин – это юноша, добившийся воплощения своей мечты о дальних странствиях, несмотря на многочисленные преграды. «В 50-х гг. прошлого столетия в число воспитанников кадетского корпуса был принят десятилетний Гриша Потанин, сын сибирского казака-офицера, уроженец Ямышевской станицы. Мальчик с первых же дней пребывания в корпусе только и мечтал о путешествиях в малоизвестные неисследованные углы Сибири и в Китай», – читаем о лидере областнического движения [24. С. 490]. В числе личностных характеристик, позволивших Потанину стать известным ученым и путешественником, упоминались целеустремленность, любовь к родине и желание учиться. Ценность последнего особенно подчеркивалась авторами «Задушевного слова», в том числе и в текстах о Сибири.

Журнал помещал на своих страницах заметки о детях, которые стремились получить образование. К примеру, редакция рассказывала о сыне крестьянина из Верхнеудинска Иркутской губернии, бежавшем в губернский город для того, чтобы попасть в городское училище. Деньги на обучение и пропитание («хлеб и квас») он заработал сам, нанимаясь дворником, кучером, помогая на постоялом дворе [25. С. 6].

Круг авторов «Задушевного слова» способствовал популяризации образа Сибири у юных читателей не только своими публикациями на страницах журнала, но и благодаря созданию художественных текстов о регионе, вышедших отдельными изданиями. Так, огромной популярностью у гимназистов начала XX столетия пользовалась повесть известной писательницы, кумира дореволюционных подростков Л.А. Чарской «Сибирочка». О популярности этой повести свидетельствуют многочисленные письма читателей и анкеты «Задушевного слова» [26. С. 3 и др.].

В годы Русско-японской и Первой мировой войн на страницах «Задушевного слова» появлялись заметки о героизме сибиряков и жителей Дальнего Востока на полях сражений, о помощи юных сибиряков фронту [27. С. 2 и др.]. Осенью 1917 г., после перевода царской семьи в Тобольск, журнал обращается к истории города, его достопримечательностям, называя его «сибирским захолустьем» [28. С. 2–3 и др.]. Рефреном последних публикаций журнала становится мысль о том, что «родина гибнет», народ переживает время ужасных бедствий, надежды на долгожданную свободу не оправдались [29. С. 1–2]. Одним из показателей этой символической смерти государства и являлась сибирская ссылка бывшего императора и его семьи.

Итак, в результате сравнения образа Сибири в «Роднике» и «Задушевном слове» мы пришли к следующим выводам. Рассчитанный на старших школьников ежемесячный журнал «Родник» с самых первых

номеров позиционировал Сибирь как одну из многих окраин «нашего отечества», имеющую больше сходства, чем отличий от «внутренней России». Регион был представлен в информационном поле журнала в 1880–1900-е гг. и во время Русско-японской войны, ему посвящались научно-популярные очерки, путевые заметки, информационные сообщения в разделе «Современная жизнь». Еженедельное «Задушевное слово» же в отделах, ориентированных на средних и старших школьников, со второй половины 1880-х гг. и до закрытия журнала в 1918 г. постоянно обращалось к различным сюжетам сибирской жизни. Разножанровые тексты и иллюстрации журнала позволяют проследить эволюцию образа региона на его страницах: от экзотической и малоизвестной детям «далекой страны» к «нашей окраине», ведущей свою историю с походов героического Ермака и присоединения к русскому государству, населенной самобытными, но «нашими» народами – поданными русского царя, а также «героями нашего времени» – чем-либо выдающимися сибиряками.

Общим для образа Сибири в детских журналах было доминирование дидактической, патриотической и информационной функций над контролирующей, развлекательной и др. Тексты, посвященные региону, по представлению авторов привлеченных изданий, должны были воспитывать любовь к «нашей огромной отчизне», населенной разными народами, исповедовавшими разные религии и имевшими отличный образ жизни, но объединявшимися по признаку подданства русскому царю. Учитывая возрастную специфику «своего читателя», детские периодические издания помещали на своих страницах именно то, что, по представлениям их авторов, будет интересно школьникам, – рассказы о путешествиях и исследовательских экспедициях, героических людях и событиях, о воспитании детей у коренных народов, об их играх и игрушках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Веселые человечки* : Культурные герои советского детства : сб. статей. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 544 с.
2. *Убить Чарскую*. Парадоксы советской литературы для детей (1920-е – 1930-е гг.) : сб. статей. М. : Алетейя, 2013. 364 с.
3. *Родиgina Н.Н.* Письма сибиряков в журнал «Задушевное слово» как источник для изучения истории детства второй половины XIX века // Новые исследовательские подходы в работе с историческими источниками XVIII–XXI вв. Новосибирск : НГПУ, 2013. С. 64–84.
4. *От издателя* // Задушевное слово. 1897. № 12.
5. *От редакции* // Родник. 1882. № 1.
6. *Родиgina Н.Н.* «Другая Россия» : образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск : НГПУ, 2006. 343 с.
7. *Сорокин В.* Наше житье. Губернии // Родник. 1882. № 8.
8. *Осипов А.В.* Сибирь. Путевые наброски от Москвы до Иркутска // Родник. 1899. № 1.
9. *Похороны Тургенева* // Родник. 1883. № 10.
10. *Носилов К.* Детские сельские приюты // Родник. 1900. № 4.
11. *Соболь* // Задушевное слово. 1877. № 2.
12. *Гвоздев Н.* Как живут черные татары // Задушевное слово. 1886. № 3.
13. *Айны* // Задушевное слово. 1888. № 24.
14. *Сибирские татары* // Задушевное слово. 1887. № 2.
15. *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
16. *Гольды* // Задушевное слово. 1888. № 5.
17. *Самоедская школа* // Родник. 1900. № 1.
18. *Теплов И.* Сибирская люлька // Задушевное слово. 1886. № 14.
19. *Тунгусы* // Задушевное слово. 1888. № 32.
20. *Из записной книжки редакции* // Задушевное слово. 1899. № 13.
21. *О праздновании юбилеев Гоголя и Жуковского* // Задушевное слово. 1902. № 19.
22. *Тигры в России* // Задушевное слово. 1910. № 17.

23. Литвинцев С.Ф. Родная старина. Рассказы из истории России // Задусhevное слово. 1894. № 1.
24. Русаков В. [Либрович С. Ф.] Русский исследователь Монголии // Задусhevное слово. 1915. № 31.
25. Из записной книжки редакции // Задусhevное слово. 1903. № 2.
26. Койка гимназисток // Задусhevное слово. 1916. № 27.
27. Из истории Тобольска // Задусhevное слово. 1917. № 48.
28. Вопросный листок // Задусhevное слово. 1917. № 27–28.
29. Родина гибнет // Задусhevное слово. 1917. № 52.

Rodigina Nataliya N. Tobolsk complex scientific station UB RAS (Tobolsk, Russian Federation), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation), Senior Researcher. E-mail: natrodigina@list.ru; Mitrofanova Kseniya N. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: sifero00@yandex.ru

«SUDDENLY IT HAS DRAWN NEARER TO US»: THE IMAGE OF SIBERIA IN THE CHILDREN MAGAZINES OF THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES

Keywords: representation of Siberia; children's periodicals; history of journalism.

This article aims to reveal the image of Siberia in the magazines for children in the late 19th – early 20th centuries. We consider the children magazines as a tool of formation of the national identity, one of the sources of the construction of individual and collective ideas about Russian empire and its regions. The article draws upon the popular children magazines, such as “Zadushevnoe slovo” (1876–1917), a weekly illustrated magazine, and “Rodnik” (1882–1917), a monthly magazine. In this article we pay a special attention to the questions of author, audience, context, genre, and content of publications about the Siberian region and its population. We found out and analyzed all articles, notes, letters, illustrations of Siberia, but also all kinds of texts where “Siberia” was mentioned, as well as cities, towns, villages, and the people of the region. We aim to find out who wrote about Siberia, their reasons, and recognize what genres they used to describe Siberia, what topics the editors of the magazines were interested in to publish. We compare the representations of Siberia in the children magazines with the representations of region, which were constructed by the magazines and journals for different audiences. We can conclude that the children magazines began to tell stories about Siberia since the first volumes. However, if “Zadushevnoe slovo” paid attention to the topic of Siberia until the late 1880-s just occasionally, publishing only brief notes or illustrations of the Siberian aborigines, animals, and plants, on the contrast, “Rodnik” published long essays and travelogues. It can be explained by the different format of the magazines, the first one was a weekly magazine, aiming to entertain readers, publishing the very short-life information; the second one was a monthly magazine, publishing novels, articles, travelogues, essays for long and careful reading. The most popular themes included the geographical description of the Siberian region, its climate, the architecture and urban everyday life, and the cultural traditions of the Siberian people. The authors of “Rodnik” (V. Sorokin, A. Osipov) emphasized the common traits of the European Russia and Siberia, though they acknowledged some specific of Siberia as a place of hard labor and exile. On the contrary, the authors of “Zadushevnoe slovo” mostly described the specific of the region, focusing on the wild nature and the exotic culture of the Siberian people. This way of representations of Siberia was quite typical for other popular Russian magazines (“Niva”, “Rodina”) at that time.

REFERENCES

1. Kukulin, I., Lipovetskiy, M.N. & Mayofis, M.L. (eds) (2008) *Veselye chelovechki : Kul'turnye geroi sovetskogo detstva* [Merry Men: Cultural Heroes of the Soviet Childhood]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Balina, M. & V'yugin, V. (eds) (2013) *Ubit' Charskuyu. Paradoksy sovetskoy literatury dlya detey (1920-e – 1930-e gg.)* [To Kill Charskaya: Paradoxes of Soviet Children's Literature (1920 – 1930)]. Moscow: Aletеyаа.
3. Rodigina, N.N. Pis'ma sibir'yakov v zhurnal “Zadushevnoe slovo” kak istochnik dlya izucheniya istorii detstva vtoroy poloviny XIX veka [Letters of Siberians in the magazine “Sincere Word” as a source for studying the history of childhood in the late 19th century]. In: Zverev, V.A. & Rodigina, N.N. (eds) *Novye issledovatel'skie podkhody v rabote s istoricheskimi istochnikami XVIII–XXI vv.* [New Approaches to Historical Sources of the 18th – 21st centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 64–84.
4. Anon. (1897) Ot izdatel'ya [From the Publisher]. *Zadushevnoe slovo*. 12.
5. Anon. (1882) Ot redaktsii [Editorial]. *Rodnik*. 1.
6. Rodigina, N.N. (2006) “Drugaya Rossiya”: obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noy presse vtoroy poloviny XIX – nachale XX v. [“Another Russia”: the image of Siberia in the Russian journals of the late 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
7. Sorokin, V. (1882) Nashe zhit'e. Gubernii [Our life. Provinces]. *Rodnik*. 8.
8. Osipov, A.V. (1899) *Sibir'. Putevye nabroski ot Moskvy do Irkutsk* [Siberia. Travel sketches from Moscow to Irkutsk]. *Rodnik*. 1.
9. Anon. (1883) *Pokhorony Turgeneva* [Turgenev's funeral]. *Rodnik*. 10.
10. Nosilov, K. (1900) Detskie sel'skie priyuty [Children's rural orphanages]. *Rodnik*. 4.
11. Anon. (1877) Sobol' [The Sable]. *Zadushevnoe slovo*. 2.
12. Gvozdev, N. (1886) Kak zhivut chernye tatyary [On the life of Tubalars]. *Zadushevnoe slovo*. 3.
13. Anon. (1888) Ayny [The Ainu]. *Zadushevnoe slovo*. 24.
14. Anon. (1887) Sibirskie tatyary [Siberian Tatars]. *Zadushevnoe slovo*. 2.
15. Etkind, A. (2013) *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal Colonization. The Imperial Experience of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
16. Anon. (1888a) Gol'dy [The Golds]. *Zadushevnoe slovo*. 5.
17. Anon. (1900) Samoed'skaya shkola [The Samoyed school]. *Rodnik*. 1.
18. Teplov, I. (1886) Sibirskaya lyul'ka [The Siberian cradle]. *Zadushevnoe slovo*. 14.
19. Anon. (1888b) Tungusy [Tunguses]. *Zadushevnoe slovo*. 32.
20. Anon. (1899) Iz zapisnoy knizhki redaktsii [Form the Editor's notebook]. *Zadushevnoe slovo*. 13.
21. Anon. (1902) O prazdnovanii yubileev Gogolya i Zhukovskogo [On the celebration of Gogol's and Zhukovsky's anniversaries]. *Zadushevnoe slovo*. 19.
22. Anon. (1910) Tigry v Rossii [Tigers in Russia]. *Zadushevnoe slovo*. 17.
23. Litvintsev, S.F. (1894) Rodnaya starina. Rasskazy iz istorii Rossii [Our History. Stories of Russian history]. *Zadushevnoe slovo*. 1.
24. Rusakov, V. [Librovich S.F.] (1915) Russkiy issledovatel' Mongolii [A Russian explorer of Mongolia]. *Zadushevnoe slovo*. 31.
25. Anon. (1903) Iz zapisnoy knizhki redaktsii [Form the Editor's notebook]. *Zadushevnoe slovo*. 2.
26. Anon. (1916) Koyka gimnazistok [The Schoolgirls' bunk]. *Zadushevnoe slovo*. 27.
27. Anon. (1917) Iz istorii Tobol'ska [From the history of Tobolsk]. *Zadushevnoe slovo*. 48.
28. Anon. (1917a) Voprosnyy listok [A Questionnaire]. *Zadushevnoe slovo*. 27–28.
29. Anon. (1917) Rodina gibnet [The homeland is dying]. *Zadushevnoe slovo*. 52.

УДК 378.4(571.16)
DOI 10.17223/19988613/38/2

Н.А. Качин

В.М. ФЛОРИНСКИЙ: В ПОИСКАХ СИБИРСКОЙ МОДЕЛИ «КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Рассматривается проект В.М. Флоринского по созданию Сибирского исследовательского университета в контексте концепции «классического университета», представленной в трудах немецких «неогуманистов» первой половины XIX в.

Ключевые слова: Ф.М. Флоринский; Томский государственный университет; «классический университет»; Научная библиотека Томского государственного университета.

XIX в. стал важным периодом в истории европейского высшего образования, связанным с появлением новой модели высшей школы – «классического университета», или «Гумбольдтовского университета». Новая концепция изменила «...роль <...> университетов в обществе, в развитии национальной культуры тех стран, которые приступили в грядущем веке к реорганизации высшего образования» [1. С. 504]. Россия в поисках национальной модели высшей школы, как и многие другие страны, обратилась к концепции «классического университета» [2. С. 167–168].

Многие русские общественные и государственные деятели XIX в. задавались вопросом, возможно ли построить в России университет в «классическом» его понимании? Устроителю Томского университета Василию Марковичу Флоринскому (1834–1899), разностороннему ученому и высокопоставленному чиновнику, пришлось сформулировать свой ответ на этот вопрос.

Важным источником по истории Сибирского университета являются воспоминания Флоринского (относящиеся к 1875–1880 гг.), опубликованные в журнале «Русская старина» (1906) [3]. Дневники и письма ученого, охватывающие период 1880–1894 гг., остаются неопубликованными и хранятся в фондах Государственного объединенного музея Республики Татарстан. Исследователь Е.В. Ястребов, который работал с материалами этого фонда, отмечает: «Разобраться в них сложнее, чем в опубликованных работах, поскольку среди них есть незавершенные рукописи и наброски статей без названий. Непредвиденная кончина Василия Марковича не позволила подвести итоги творческой деятельности, и это усложняет сбор и анализ его публикаций и рукописей» [4. С. 2]. В некоторых работах Флоринский возвращается к размышлению о концепции Томского университета и его основных задачах [5–9].

Единственной исследовательской работой, полностью посвященной жизни и деятельности Флоринского, остается монография его правнучатого племянника Е.В. Ястребова [10]. Стоит отметить и целый ряд трудов научного коллектива Томского государственного

университета под руководством профессора С.Ф. Фоминых, в которых деятельность устроителя университета рассматривалась в контексте истории высшего образования в Сибири [11–17]. Современные исследователи, обращаясь к личности Флоринского, видят в нем прежде всего высокопоставленного государственного чиновника, сыгравшего положительную роль в развитии образовательной системы в Сибири [18, 19].

Цель данного исследования – охарактеризовать проект В.М. Флоринского по созданию Томского университета, сопоставив его с концепцией «классического университета», разработанной в трудах немецких «неогуманистов» первой половины XIX в.

В отечественной историографии модель «классического университета» традиционно связывают с именем В. фон Гумбольдта – филолога, государственного деятеля, автора меморандума «О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине» (1810). Но на самом деле эта концепция не имела одного автора и была сформулирована в работах И. Канта («Спор факультетов», «Критика чистого разума»), И.Г. Фихте (проект Берлинского «высшего научного учреждения», лекции «О назначении ученого»), Ф.В. Шеллинга («Лекции о методе академического исследования»), Ф. Шиллера («Что такое всеобщая история и с какой целью ее следует изучать»), Ф. Шлейермахера («Размышления об университетах в немецком смысле»), Г. Штеффенса («Об идее университета»), Ф.К. фон Савиньи («Суть и ценности немецких университетов»).

Как правило, исследователи формулируют несколько основных принципов, которые характеризуют немецкую модель исследовательского университета: *свобода преподавания и обучения* (Lehrund Lernfreiheit); *единство преподавания и исследования* (Einheit von Lehre und Forschung); *единство гуманитарных и естественных наук* (Einheit der Wissenschaft); *приоритет «чистой науки»* (Bildung durch Wissenschaft) *перед специализированным профессиональным обучением* (Ausbildung, Spezialschulmodell) [20. С. 59–60].

Условно можно выделить три этапа проникновения идей немецких «неогуманистов» на русскую почву:

1) 1819–1849 гг. Первым, кто обратил внимание на положительный опыт внедрения немецкой модели «классического университета», был Сергей Семенович Уваров – президент Императорской Академии наук (1818–1855), попечитель Петербургского учебного округа (1811–1822), министр народного просвещения (1833–1849). В своем проекте Устава Петербургского университета (1819) Уваров обратился к основному тезису немецких «неогуманистов» о «чистой науке» («*Bildung durch Wissenschaft*», дословно «образование через науку»): «Цель университета есть *образование человека наукой*, усовершенствование науки и образования гражданина, достойного служить Отечеству» [21. С. 93]. Уваровские реформы в 1830–1840-х гг. в области образования и университетский устав 1835 г. во многом были выстроены на основе немецкой модели «классического университета», но с учетом, как отмечал сам министр, «национального характера» [22. С. 506; 23. С. 231–237]. Идею модернизации отечественных университетов в соответствии с принципами «классического университета» поддержала часть российской либеральной интеллектуальной элиты («западники») [24–26].

2) 1850–1860-е гг. В этот период министр народного просвещения А.В. Головнев (1862–1866) продолжил либеральную политику С.С. Уварова в области высшего образования, в том числе уделил особое внимание подготовке отечественных профессорских кадров за рубежом [27, 28]. Новый Устав 1863 г. во многом носил характер общественного договора государства и университетской корпорации. В силу «половинчатости и непоследовательности» он не привел к «коренным изменениям в жизни высшей школы», но «активизировал научную и преподавательскую деятельность» в университетах [29. С. 256–257]. На волне этих настроений многие видные ученые и общественные деятели, такие как Н.И. Пирогов, И.К. Бабст и К.Д. Кавелин, вновь отметили необходимость обращения к немецкому опыту в организации высшего образования [1. С. 574–578; 27].

3) 1870–1880-х гг. На этом этапе «классический университет» начинает рассматриваться прежде всего как «исследовательский» (*Forschungsuniversität*), обретая характерные для себя атрибуты: «научные лаборатории и институты, музейные коллекции, библиотеки, постоянно действующие и институционально оформленные научные семинары» [2. С. 159]. Университетский устав 1884 г. сделал определенные шаги в сторону «классического университета»: закрепил за министерством народного просвещения право назначать профессоров и с введением почасовой оплаты труда создал прочный фундамент для развития института приват-доцентов [1. С. 580]. В учебном процессе появилась новая форма научно-практического занятия – семинар. Кроме того, при университетах активнее стали открываться

научно-исследовательские лаборатории и институты [Там же. С. 580–581]. В обществе продолжались дискуссии, связанные с критикой старого устава 1863 г. и надеждами на создание более либерального документа, гарантирующего широкую автономию университетов от государства [30, 31]. Именно в этот период начинает формироваться идейная база проекта Флоринского по созданию в Сибири научно-исследовательского университета.

Основатель Сибирского университета получил медицинское образование, окончив в 1858 г. Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге, и в 1861 г. успешно защитил диссертацию на степень доктора медицины. Флоринский сумел сформировать определенные представления и о принципах устройства европейской науки, и об организации высшего образования во время своей заграничной командировки (1861–1863) в Германию, Австрию, Чехию, Францию, Швейцарию, Италию и Англию.

Флоринский рано проявил исследовательский талант в области медицины: будучи студентом 4-го курса, он опубликовал первую статью «Проницающая рана коленного сустава» в Военно-медицинском журнале (1857. № 70), основываясь на своем опыте работы ординатором в хирургической клинике. Устроитель Томского университета как ученый-универсал интересовался не только медициной, но и другими научными дисциплинами. Среди 328 научных работ ученого, по классификации Ястребова, только 118 работ были посвящены исследованиям в области медицины, 28 – археологии и этнографии, 72 – публицистические произведения и работы в других областях научного знания и 55 посвящены Томскому университету [10. С. 148–168]. Многие труды Флоринского по всеобщей и отечественной истории, языкознанию, физической географии, топонимике, архитектуре, педагогике, психологии еще до сих не опубликованы [4. С. 2; 10. С. 118, 135].

Сам Флоринский понимал суть научного знания в духе деятелей немецкого «неогуманизма», где наука – это «постоянный и незавершенный процесс», «настрой ума, особая способность и навык мыслить иначе, чем узкие специалисты» [20. С. 61].

Флоринский был не только разносторонним ученым, но достиг определенных успехов на поприще государственной службы. С 1875 по 1877 г. он служил в комиссиях Министерства народного просвещения по вопросам реформирования университетской системы и в период 1885–1898 гг. состоял на должности попечителя Западно-Сибирского учебного округа.

Именно с 1875 г., когда, по словам Флоринского, «...вопрос о Сибирском университете переходит из области помыслов и предположений к действительным мероприятиям», он принимает «активное участие в разработке и осуществлении всех связанных с этим вопросом проектов и подготовительных действий, продолжавшееся... двадцать лет». Ученый отмечает, что «это увлекательное дело, к которому я вначале прикос-

нулся случайно и, казалось, мимолетно, впоследствии силой обстоятельств втянуло меня в совершенно иную сферу служебной деятельности, заставило посвятить ему лучшую половину моей жизни, расстаться со стольным комфортом и надеждами верного обеспечения в будущем и переселиться в далекую, холодную и некультурную Сибирь» [3. Янв. С. 80–81].

В 1877 г. Флоринский был включен в состав комиссии по «Изучению вопроса об избрании города для Сибирского университета» [32]. Во многом благодаря усилиям Флоринского именно Томск стал тем самым городом, где был воздвигнут «храм сибирской науки».

Флоринский совмещал свою административную работу с преподавательской деятельностью в Казани, но старался ежегодно приезжать в Томск на весенне-летний период, чтобы лично проконтролировать ход строительных работ и составить подробный отчет для министерства [33].

По замыслу Флоринского, важными составными частями «исследовательского университета» должны были стать комплексы музейных учреждений, библиотека и ботанический сад.

Впервые идея создания университетской библиотеки была представлена Флоринским в «Проекте предложения к пожертвователям для собрания библиотеки Сибирского университета» [6], где он подробно изложил основные принципы и подходы к формированию книжных фондов библиотеки, признав библиотеку неотъемлемой и важной частью университета. Ученый видел в создании подобного учреждения особое значение, называя его источником «духовной силы, без которого немыслима ученая жизнь... в сибирской глуши университет будет единственным источником света и разума, а его библиотека единственным литературным пособием при ученых трудах» [Там же. С. 86].

У основателя первого сибирского университета сложились определенные представления о будущей библиотеке. По его мнению, в силу удаленности Томска от европейских центров науки, где хранятся основные источники по разным научным дисциплинам, библиотека «должна заключать в себе возможно полное собрание литературы по всем отраслям знаний» [Там же. С. 86–87; 8. С. 1].

В своем проекте Флоринский обратил внимание на необходимость приобретения для будущей библиотеки не только «новейшей текущей литературы», но и «старых сочинений», которые играют особую роль «для изучения истории литературы предмета» и в целом отражают сложившуюся научную традицию. В своих воспоминаниях устроитель университета замечал: «Профессор без хорошей книги – это воин без оружия. Мыслящий профессор должен искать в книге не текущие новости, а новые идеи. Для этой цели старая хорошая книга... дает больше пищи, нежели современный газетный листок... Без сподручных книг, казалось мне, невозможно начать ни одного научного дела» [3. Март. С. 825].

Собирать «старые сочинения» было достаточно трудно. Флоринский отмечал, что «для приобретения их недостаточно иметь средства – нужно иметь случай...», а ценность подобных книг «определяется не только достоинством содержания, но и редкостью и трудностью [их] приобретения» [6. С. 87]. Ученый надеялся преодолеть это препятствие, приобретая прежде всего частные книжные собрания и рассчитывая на активное участие «любителей книжной старины», которые захотели бы подарить свои личные библиотеки университету как в знак уважения к ученому труду, так и в целях жертвования первому в Сибири университету.

Флоринский отмечал в своем проекте, что будущий университет должен стать не только учебным учреждением, но и центром изучения «по всем царствам природы, по истории и этнографии ее жителей» необъятной территории Сибири [Там же. С. 88]. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа считал, что для этого нужно создать постоянно пополняющуюся «сибирскую книжную коллекцию», которая могла бы стать основой для будущей сибирской науки. Флоринский признался, что сам интересуется подобными изданиями, составляет «коллекцию сочинений о Сибири» и собирается подарить её университету [Там же].

Флоринский принял активное участие в создании первоначального книжного фонда университетской библиотеки, лично участвуя в переговорах о приобретении и передаче особо ценных и необходимых, по его мнению, университету книжных собраний. Благодаря его стараниям в фондах библиотеки появились ценнейшие личные библиотеки: графов Строгановых (1879), князя С.М. Голицына (1879), поэта В.А. Жуковского (1879), профессора А.И. Артемьева (1879), академика А.В. Никитенко (1880), медицинская библиотека В.А. Манассеина (1889) и др. Из Императорской Публичной библиотеки лично Флоринским было отобрано свыше 3 тыс. книг разнообразного содержания (1880) [8].

Уже к открытию университета (1888) в фондах библиотеки хранилось более 96 тыс. томов книг и журналов, а к 1898 г. в библиотеке было накоплено свыше 162 тыс. томов. В этом отношении Сибирский университет выгодно выделялся на фоне других российских университетов: Петербургский университет открылся с библиотекой 7 784 томов (к 1895 г. – 230 тыс. томов), Казанский университет располагал к своему открытию только несколькими десятками книг (1895 г. – 146 тыс.), Московский университет – 30 тыс. томов к 1812 г. (1895 г. – 240 тыс.) [34. С. 162; 35. С. 25].

Флоринский не только решил трудную задачу по формированию первоначального книжного фонда библиотеки, но и сформулировал саму важность существования подобного учреждения при университете. Можно утверждать, что ученый концептуально определил на самых первых этапах развития библиотеки её научно-исследовательский характер [36].

В процессе формирования таких важных элементов университетской инфраструктуры, как библиотека, археологический музей, ботанический сад, и других учебно-вспомогательных учреждений, Флоринский проявил себя как хороший администратор. Ученый уже на стадии проектирования имел представление, где будут размещены наиболее важные объекты инфраструктуры. По ходу строительства Флоринский вносил определенные коррективы в проект архитектора А.К. Бруни «в целях удобства расположения музеев, а также библиотеки в главном университетском здании» [14. С. 5].

Из всех созданных при университете музейных комплексов Флоринский особо выделял для себя Археологический музей. Впервые ученый проявил интерес к собиранию археологических древностей в 1860-х гг., когда познакомился с комплексом курганов юга России и музеями древностей в Одессе и Керчи (1860-е гг.) [37. С. 18]. Свою первую работу в области археологии ученый опубликовал уже в 1874 г. (Вестник Европы. № 12). В Казанском университете Флоринский активно участвовал в деятельности местного археологического общества.

Устроитель сибирского университета уже был знаком с музейной работой. Так, в 1878 г. Флоринским был разработан проект создания при Казанском университете публичного историко-этнографического музея [38. С. 126–140].

В докладной записке на имя министра народного просвещения И.Д. Делянова Флоринский отмечал важность создания археологического музея в Томском университете: «...по отделу древностей Сибирь более, чем какая-либо другая страна, обладает, можно сказать, бесчисленным и совершенно неразработанным археологическим материалом... Можно надеяться, что результаты археологических исследований Сибири, произведенных при содействии местных университетских сил, откроют совершенно новую страницу древнейшей истории не только народов северной Европы, но и, в частности, нашего отечества» (цит. по: [14. С. 27]).

Одной из первых коллекций музея, переданных университету благодаря участию Флоринского, стало собрание «тобольских древностей» известного сибирского художника и писателя М.С. Знаменского. Это собрание за 300 рублей выкупил у него и подарил университету исследователь русского Севера, красноярский купец 1-гильдии М.К. Сидоров [37. С. 14–18].

Стоит заметить, что Флоринский сам начал работу по систематизации научных фондов Археологического музея. Он отмечал, что «им было собрано и приведено в порядок более 4 500 предметов, составлен и отпечатан каталог археологического и этнографического отдела...» [7; 39; 40. С. 261].

В деятельности всех университетских учебно-вспомогательных учреждений, в том числе университетского музейного комплекса и библиотеки, Флоринский видел воплощение важного принципа модели

«классического университета» – *единство преподавания и исследования*. Университет, согласно этому принципу, – не просто государственный институт, где сохраняются и передаются знания, а прежде всего – исследовательский центр, деятельность которого направлена на поиск новых научных знаний. Процесс обучения в таком университете – равноправное сотрудничество учёного-преподавателя и студента, «в котором не профессора нужны для студентов, но профессора и студенты для науки (и учености)» (цит. по: [20. С. 61]).

Флоринский стал одним из инициаторов создания при университете «Общества естествоиспытателей и врачей», где с 1889 г. он был председателем и на заседаниях которого неоднократно выступал в роли докладчика. По плану Флоринского, подобная научная организация должна была активизировать и популяризировать изучение Сибири по разным отраслям научного знания. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа отметил в своем выступлении на первом заседании «Общества естествоиспытателей и врачей»: «Наш университет, как оазис в пустыне, стоит одиноко, привлекая взоры всех, томимых духовною жаждой. Поэтому в нашей университетской корпорации всего естественнее должна была возводиться мысль о расширении границ научной деятельности и о привлечении в свою среду возможно большого числа деятельных сил» [9. С. 22].

Флоринский также отмечал «выгодность» географического положения университета для проведения разнообразных научных исследований по сибирской тематике: «...наше поле представляет собою непочатую целину, правда, трудную для обработки, но зато более плодотворную. Какого бы из местных вопросов мы ни коснулись, он будет представлять особый интерес новизны, так как научные исследования нашего края едва только начаты, и притом большей частью не местными силами, а случайными учеными-путешественниками, изучавшими Сибирь, можно сказать, мимоходом и отрывочно» [Там же. С. 23].

В своем выступлении Флоринский обратил внимание на важность специализации «в сфере географического и национального распределения научных исследований». По его мнению, «каждая страна должна иметь и свои собственные задачи, ей по преимуществу присущие и ей наиболее доступные. И это относится не только к наукам описательным, каковы, например, география, климатология, геология, петрография, но может относиться и ко всем естественноисторическим и гуманитарным наукам, именно в тех отделах их, которые касаются данной страны или области» [Там же].

Стоит отметить, что в самом уставе «Общества естествоиспытателей и врачей» закреплялись широкие исследовательские задачи: «1) содействие успехам всех отраслей естествознания и научной медицины; 2) изучение Сибири и прилегающих к ней стран в естественно-историческом и медицинском отношении».

ях, имея в виду не только научные, но и практические цели изучения страны; 3) изучение населяющих Сибирь племен, преимущественно инородцев, в антропологическом отношении, а также антропологическое изучение по археологическим памятниками живших здесь доисторических племен...» и популяризация среди местного населения «естественно-исторических и медицинских сведений... и привлечение наибольшего числа лиц» к деятельности научного общества [41. С. 5].

«Общество естествоиспытателей и врачей» содействовало развитию многих научных дисциплин и способствовало применению их результатов на практике. За период 1889–1916 гг. на заседаниях научного общества прозвучали доклады по медицинским наукам, археологии, химии, физике, астрономии, этнографии, зоологии, ботанике и географии [11. С. 72–73]. Деятельность научной организации «содействовала интеграции естественно-научных знаний, разработке актуальных проблем естествознания, нередко лежащих на стыке различных направлений» [Там же. С. 74].

Таким образом, благодаря стараниям Флоринского университет к своему открытию обладал необходимой базой для организации учебного процесса и проведения научных исследований прежде всего в области естественнонаучных дисциплин. Флоринский, будучи не только чиновником, но и разносторонним ученым, понимал потребности высшего учебного заведения «изнутри» и эффективно организовал процесс создания «храма Сибирской науки» с учетом ограниченного строительного бюджета.

Многие воплощенные в жизнь идеи ученого остаются актуальными до сих пор. Например, благодаря настойчивости Флоринского в вопросе о выделении университету дополнительно территории, «примыкающей к университетской земле и весьма удобной для устройства ботанического сада с оранжереями и теплицами, равно и здания астрономической обсерватории» [42. Л. 8], университет смог получить для своего развития компактный кампус.

Конечно, трудно представить себе, что уже существующие отечественные университеты первой половины XIX в. смогли бы изменить свой облик, взяв за образец модель «классического университета», или вновь созданные институты высшего образования смогли бы реализовать в себе все идеалы немецкого «неогуманизма». Это было не важно. Российские уни-

верситеты выбрали особый путь развития высшей школы, при этом стараясь частично использовать по-своему понимаемые элементы европейской модели «классического университета».

Можно согласиться со знаменитым медиком и общественным деятелем в области отечественного образования Н.И. Пироговым, что два принципа немецкой модели классического университета – *свобода преподавания и обучения, приоритет «чистой науки» перед специализированным профессиональным обучением* – не прижились на русской почве в силу разных причин: «...наш университет еще менее похож на германский, который служил образцом, потому что в нем нет самого характеристичного: полной *Lehr- und Lernfreiheit* [свободы преподавания и обучения] и стремления научного начала преобладать над прикладным и утилитарным» [27. С. 385].

Флоринский, описывая свою концепцию высшей школы, хорошо понимал главную проблему Томского университета – его месторасположение, удаленность от российских и европейских центров просвещения. Компенсировать этот недостаток Флоринский предлагал за счет внутренних ресурсов университета. В этих условиях библиотека и комплекс музейных учреждений изначально становились неотъемлемой информационной базой. Важно при этом отметить, что устройству Томского университета приходилось соблюдать в своей работе хрупкий баланс между государственной образовательной политикой и созданием «внутренней свободы» в занятиях наукой.

Именно Флоринский впервые сформулировал проект развития Томского университета как научно-исследовательского, прежде всего занимающегося изучением самой Сибири, и приложил все усилия к реализации этой амбициозной задачи. Созданные при его непосредственном участии университетская библиотека и музейный комплекс, «Общество естествоиспытателей и врачей» должны были воплотить на практике два главных принципа «классического университета» – *единство преподавания и исследования и единство гуманитарных и естественных наук*, тем самым заложив основу для междисциплинарного сотрудничества ученых Сибири.

Автор выражает благодарность за советы и помощь в поиске необходимых материалов зав. отд. рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ Г.И. Колосовой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М. : Знак, 2009. 640 с.
2. Андреев А.Ю. «Национальная модель» университетского образования // Высшее образование в России. 2000. № 1–2. С. 156–169.
3. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания // Русская старина. 1906. Янв. С. 75–109; Февр. С. 288–311; Март. С. 564–596; Апр. С. 109–156; Май. С. 280–323; Июнь. С. 596–621.
4. Ястребов Е.В. Библиография опубликованных трудов Василия Марковича Флоринского. М. : Издание автора, 1992. 63 с.
5. Ястребов Е.В. Сто известных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 221 с.
6. Флоринский В.М. Проект предложения к пожертвователям для собрания библиотеки Сибирского университета // Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. Томск, 1998. Вып. 3. С. 86–88.

7. *Флоринский В.М.* Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. 276 с.
8. *Флоринский В.М.* Предисловие // Каталог главной библиотеки императорского Томского университета. Томск, 1889. Т. 1. С. 1–8.
9. *Флоринский В.М.* Вступительная речь // Известия Императорского Томского университета. 1889. Кн. 1. Отд. III. Труды Томского общества естествоиспытателей. С. 21–26.
10. *Ястребов Е.В.* Василий Маркович Флоринский. Томск, 1994. 174 с.
11. *Некрылов С.А.* Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 258 с.
12. *Некрылов С.А.* Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.) : в 2 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 514 с.
13. *Флоринский Василий Маркович* // Ректоры Томского университета : биографический словарь (1888–2003) / С.Ф. Фоминых [и др.]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. Т. 5. С. 20–27.
14. *Некрылов С.А.* [и др.]. Начало формирования музейных и ботанических коллекций первого в Азиатской России Сибирского (Томского) университета (конец 1870-х гг. – 1880 г.) // Томские музеи : сб. док. и ст. Томск, 2010. С. 3–40.
15. *Некрылов С.А.* [и др.]. В.М. Флоринский – устроитель Томского университета // Д.И. Менделеев и В.М. Флоринский у истоков Томского университета / сост. С.Ф. Фоминых [и др.]. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. С. 76–85.
16. *Некрылов С.А., Фоминых С.Ф.* Дневники В.М. Флоринского как источник по истории императорского Томского университета // Документ как социокультурный феномен : сб. матер. IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Томск, 29–30 октября 2009 г. Томск, 2010. С. 540–546.
17. *Дунбинский И.А.* В.М. Флоринский – устроитель первого университета в азиатской части России // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сб. материалов X Междунар. молодеж. Науч. конф. Томск, 16–18 апреля 2014 г. Томск, 2014. Т. 2. С. 11–15.
18. *Сеченова А.А.* Василий Маркович Флоринский – первый попечитель Западно-Сибирского учебного округа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 12 (90). С. 139–141.
19. *Бубнов В.А.* Василий Маркович Флоринский – организатор и создатель науки в Сибири // Вестник Курганского государственного университета. Сер. Физиология, психология, медицина. 2014. № 6. С. 3–15.
20. *Эш М.* Бакалавр чего, магистр кого? / пер. с англ. А. Маркова // Новое литературное обозрение. 2013. № 4. С. 59–83.
21. *Санкт-Петербургский университет* в первое столетие его деятельности : материалы по истории Санкт-Петербургского университета. Пг., 1919. Т. 1: 1819–1835 / под ред. С.В. Рождественского. 753 с.
22. *Уваров С.С.* Отчет об образовании Московского университета // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 2. Отд. I. (1825–1839).
23. *Шевченко М.М.* Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М. : Три квадрата, 2003. 268 с.
24. *Катков М.Н.* Берлинские новости // Отечественные записки. 1841. Т. XIX. Отд. VII. С. 111–116.
25. *Неверов Я.М.* Эдуард Ганс // Отечественные записки. 1839. Т. IV. Отд. II. С. 39–51.
26. *Мельгунов Н.А.* Шеллинг : из путевых записок // Отечественные записки. 1839. Т. III. Отд. II. С. 112–128.
27. *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М. : Наука, 1993. 272 с.
28. *Стафорова Е.Л.* А.В. Головин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.). М. : Канон+, 2007. 511 с.
29. *Пирогов Н.И.* Университетский вопрос // Избранные педагогические сочинения. М. : Академия педагогических наук РСФСР, 1952. С. 380–463.
30. *Любимов Н.А.* По поводу предстоящего пересмотра университетского Устава // Русский вестник. 1873. Т. 10. № 2. С. 886–904.
31. *Герье В.И.* Университетский вопрос // Вестник Европы. 1873. Т. 2, № 4. С. 818–836.
32. *Труды* Комиссии для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета. СПб., 1878. 158 с.
33. *Государственный архив* Томской области. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1.
34. *Володин Б.Ф.* Всемирная история библиотек. СПб. : Профессия, 2004. 432 с.
35. *Филимонов М.Р.* Книжные сокровища Сибири: к 100-летию со дня открытия Научной библиотеки Томского университета. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. 198 с.
36. *Жеравина О.А., Колосова Г.И.* Формирование первоначального фонда Научной библиотеки Томского государственного университета сквозь призму концепции «Университетская исследовательская библиотека» // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 64–69.
37. *Ожередов Ю.И.* К истории создания Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета: дата основания // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения : сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2005. Вып. 1. С. 13–21.
38. *Флоринский В.М.* Проект публичного историко-этнографического музея // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1878. Т. 1. С. 126–140.
39. *Флоринский В.М.* Второе прибавление к каталогу археологического музея Томского университета. Томск, 1898. 42 с.
40. *Краткий исторический очерк* Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.). Томск, 1917. 544 с.
41. *Труды* Томского общества естествоиспытателей // Известия Императорского Томского университета. 1889. Кн. 1. Отд. III. С. 1–32.
42. *Журнал* Высочайше учрежденного Строительного комитета для возведения зданий сибирского университета в г. Томске. Заседания № 1 от 3 июня 1880 г. Л. [1–46].

Kachin Nicolay A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Kachinnikolay@rambler.ru

V.M. FLORINSKIY: IN SEARCH OF A SIBERIAN MODEL OF «CLASSICAL UNIVERSITY».

Keywords: F.M. Florinskiy; Tomsk State University; «classical university»; Tomsk University Research Library.

The 19th century became an important period in the history of European higher education due to the emergence of a new model of higher education – “classical university” or “Humboldt university”. The new concept changed the role of universities in society and constituted the basis for modernization of national higher education. Many Russian public and state figures of the 19th century asked themselves whether it is possible to build a university in Russia in its classical, i.e. German, understanding. The organizer of the Siberian University Vasilii Markovich Florinskiy (1834–1899) – a multifaceted scientist and senior state official – had to formulate his own answer to that question. The author distinguishes three stages of German ‘neohumanists’ ideas appearing on Russian soil: 1819–1849, 1850–1860, and 1870–1880. At the third stage, a ‘classical university’ started to be seen as a ‘research one’ (Forschungsuniversität), acquiring some specific attributes: research laboratories and institutes, museum collections, libraries, and research workshops. Being not only a state official but a multifaceted scientist himself, Florinskiy understood the needs of the University “from within” and efficiently organized the establishment of ‘Siberian Alma Mater’, taking into account the limited construction budget. Florinskiy realized the main problem of the Tomsk University – its location and remoteness from European centres of education. He suggested this disadvantage to be compensated for based on University’s internal resources and on the rational choice in favour of scientific and research activities. From the beginning, the library and the complex of museum institutions, according to Florinskiy’s plan, became an integral part of the University information system. In his administrative work, Florinskiy kept a delicate balance between state education policy and ‘internal freedom’

in research. Florinskiy was the first to elaborate a project for the development of the Tomsk University as a scientific and research one, first and foremost exploring the very region of Siberia. Created with the direct involvement of Florinskiy, the University library and museum complex 'Society of Naturalists and Physicians' had to embody the two main principles of 'classical university' – the unity of learning and research (*Einheit von Lehre und Forschung*) and the unity of the humanities and hard science (*Einheit der Wissenschaft*), thus creating the basis for interdisciplinary cooperation of Siberian scientists.

REFERENCES

- Andreev, A.Yu. (2009) *Rossiyskie universitety XVIII – pervoy poloviny XIX veka v kontekste universitetskoy istorii Evropy* [Russian universities in the 18th – early 19th centuries in the context of European history of universities]. Moscow: Znak.
- Andreev, A.Yu. (2000) "Natsional'naya model'" universitetskogo obrazovaniya [The "National model" of university education]. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 1–2. pp. 156–169.
- Florinsky, V.M. (1906) Zametki i vospominaniya [Notes and memoirs]. *Russkaya starina*. January. pp. 75–109; February. pp. 288–311; March. pp. 564–596; April. pp. 109–156; May. pp. 280–323; June. pp. 596–621.
- Yastrebov, E.V. (1992) *Bibliografiya opublikovannykh trudov Vasiliya Markovicha Florinskogo* [The bibliography of published works by Vasily Markovich Florinsky]. Moscow: Izdanie avtora.
- Yastrebov, E.V. (1996) *Sto izvestnykh pisem russkikh uchenykh i gosudarstvennykh deyateley k Vasiliyu Markovichu Florinskomu* [A hundred letters from Russian scientists and public figures to Vasily Markovich Florinsky]. Tomsk: Tomsk State University.
- Florinsky, V.M. (1998) Proekt predlozheniya k pozhertvovatelyam dlya sobraniya biblioteki Sibirskogo universiteta [The draft proposal for donors to collect the Library of the Siberian University]. In: Yesipova, V.A. (ed.) *Iz istorii kniznykh fondov biblioteki Tomskogo universiteta* [From the history of books funds in the library of Tomsk University]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 86–88.
- Florinsky, V.M. (1888) *Arkheologicheskiy muzey Tomskogo universiteta* [The Archaeological Museum of Tomsk State University]. Tomsk, 1888. 276 s.
- Florinsky, V.M. (1889) Predislovie [Preface]. In: Kuznetsov, S.K. (ed.) *Katalog glavnoy biblioteki imperatorskogo Tomskogo universiteta* [The catalog of the main library of the Imperial Tomsk University]. Vol. 1. Tomsk. pp. 1–8.
- Florinsky, V.M. (1889) Vstupitel'naya rech' [The opening speech]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 1. pp. 21–26.
- Yastrebov, E.V. (1994) *Vasily Markovich Florinsky*. Tomsk: Tomsk State University.
- Nekrylov, S.A. (2013) *Nauchnye obshchestva v Tomskom universitete v dorevolutsionnyy period* [Scientific societies in Tomsk University in the pre-revolutionary period]. Tomsk: Tomsk State University.
- Nekrylov, S.A. (2010) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk State University – the first scientific center in the Asian part of Russia (the mid-1870s–1919)]. In 2 vols. Tomsk: Tomsk State University.
- Fominykh, S.F. et al. (2003) *Rektory Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar' (1888–2003)* [Tomsk University Rectors: A Biographical Dictionary (1888–2003)]. Vol. 5. Tomsk: Tomsk State University. pp. 20–27.
- Nekrylov, S.A. et al. (2010) Nachalo formirovaniya muzeynykh i botanicheskikh kollektsiy pervogo v Aziatskoy Rossii Sibirskogo (Tomskogo) universiteta (konets 1870-kh gg. – 1880 g.) [The formation of museum and botanical collections in the Siberian (Tomsk) University, the first university in Asiatic Russia (the late 1870s–1880)]. In: Fominykh, S.F. & Chernyak, E.A. (eds) *Tomskie muzei* [The Tomsk Museums]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–40.
- Nekrylov, S.A. et al. (2009) V.M. Florinskiy – ustroitel' Tomskogo universiteta [V.M. Florinsky – the founder of Tomsk University]. In: Fominykh, S.F. et al. *D.I. Mendeleev i V.M. Florinskiy u istokov Tomskogo universiteta* [D.I. Mendeleev and V.M. Florinsky at the origins of Tomsk University]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 76–85.
- Nekrylov, S.A. & Fominykh, S.F. (2009) [The diaries of V.M. Florinsky as a source for the history of Imperial Tomsk University]. *Dokument kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Document as a Sociocultural Phenomenon]. Proc. of the 4th All-Russian Research Conference with International Participation. Tomsk. 29th to 30th October, 2009. Tomsk. pp. 540–546. (In Russian).
- Dunbinskiy, I.A. (2014) [V.M. Florinsky – the founder of the first university in the Asian Russia]. *Voprosy istorii, mezhdunarodnykh otnosheniy i dokumentovedeniya* [Issues of History, International Relations and Documentation]. Proc. of the 10th International Youth Research Conference. Tomsk. 16th to 18th April, 2014. Tomsk. pp. 11–15. (In Russian).
- Sechenova, A.A. (2009) Vasily Markovich Florinskiy – the first trustee of the West Siberian educational district. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 12(90). pp. 139–141. (In Russian).
- Bubnov, V.A. (2014) Vasily Markovich Florinsky – organizator i sozdatel' nauki v Sibiri [Vasily Markovich Florinsky – the organizer and founder of science in Siberia]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Fiziologiya, psikhologiya, meditsina*. 6. pp. 3–15.
- Ash, M. (2013) Bakalavr chego, magistr kogo? [Bachelor of what, Master of whom?]. Translated from English by A. Markov. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 4. pp. 59–83.
- Rozhdestvenskiy, S.V. (1919) *Sankt-Peterburgskiy universitet v pervoe stoletie ego deyatel'nosti: materialy po istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta* [St. Petersburg State University in the first century of its activity: the materials on the history of St. Petersburg University]. Vol. 1. Petrograd: The 2nd State Typography.
- Uvarov, S.S. (1875) Otchet ob obrazovanii Moskovskogo universiteta [The report on education at Moscow University]. In: *Sbornik postanovleniy po ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [The collection of resolutions of the Ministry of Education]. Vol. 2. St. Petersburg: B.S. Balashev.
- Shevchenko, M.M. (2003) *Konets odnogo velichiya. Vlast', obrazovanie i pechatnoe slovo v imperatorskoy Rossii na poroge osvoboditel'nykh reform* [The end of greatness. Power, education and the written word in Imperial Russia on the verge of liberation reforms]. Moscow: Tri kvadrata.
- Katkov, M.N. (1841) Berlinskije novosti [News from Berlin]. *Otechestvennyye zapiski*. XIX. pp. 111–116.
- Neverov, Ya.M. (1839) Eduard Gans. *Otechestvennyye zapiski*. IV. pp. 39–51.
- Melgunov, N.A. (1839) Shelling: iz putevykh zapisok [Schelling: From travel notes]. *Otechestvennyye zapiski*. III. pp. 112–128.
- Eymontova, R.G. (1993) *Russkie universitety na putyakh reformy: shestidesyatye gody XIX veka* [Russian universities on ways to reform: the sixties of the 19th century]. Moscow: Nauka.
- Staferova, E.L. (2007) A.V. Golovnin i liberal'nye reformy v prosveshchenii (pervaya polovina 1860-kh gg.) [A.V. Golovnin and liberal reforms in education (the early 1860s.)]. Moscow: Kanon+.
- Pirogov, N.I. (1952) *Izbrannyye pedagogicheskie sochineniya* [Selected Works on Pedagogics]. Moscow: RSFSR Academy of Pedagogical Science. pp. 380–463.
- Lyubimov, N.A. (1873) Po povodu predstoyashchego peresmotra universitetskogo Ustava [On the forthcoming review of the University Charter]. *Russkiy vestnik*. 10(2). pp. 886–904.
- Guerrier, V.I. (1873) Universitetskiy vopros [The University question]. *Vestnik Evropy*. 2(4). pp. 818–836.
- Florinsky, V.M. (1878) *Trudy Komissii dlya izucheniya voprosa ob izbranii goroda dlya Sibirskogo universiteta* [Proceedings of the Commission for the selection of the city for the Siberian University]. St. Petersburg.
- The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 1.
- Volodin, B.F. (2004) *Vsemirnaya istoriya bibliotek* [The World History of Libraries]. St. Petersburg: Professiya.

35. Filimonov, M.R. (1988) *Knizhnye sokrovishcha Sibiri: k 100-letiyu so dnya otkrytiya Nauchnoy biblioteki Tomskogo universiteta* [The book treasures of Siberia: the 100th anniversary of the Research Library of Tomsk State University]. Tomsk: Tomsk State University.
36. Zheravina, O.A. & Kolosova, G.I. (2011) Formation of the initial fund of the Research Library of Tomsk State University in the light of the "University Research Library" concept. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2. pp. 64-69. (In Russian).
37. Ozheredov, Yu.I. (2005) K istorii sozdaniya Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri im. V.M. Florinskogo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: data osnovaniya [The history of the Museum of Siberian Archaeology and Ethnography named after V.M. Florinsky of Tomsk State University: the date of foundation]. In: Ozheredov, Yu.I. (ed.) *Kul'tury i narody Zapadnoy Sibiri v kontekste mezhdistsiplinarnogo izucheniya* [Cultures and peoples of Western Siberia in the context of interdisciplinary studies]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 13-21.
38. Florinsky, V.M. (1878) Proekt publichnogo istoriko-etnograficheskogo muzeya [The project of a public historical and ethnographic museum]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. 1. pp. 126–140.
39. Florinsky, V.M. (1898) *Vtoroe pribavlenie k katalogu arkheologicheskogo muzeya Tomskogo universiteta* [The second addition to the catalog of the Archaeological Museum of Tomsk State University]. Tomsk.
40. Anon. (1917) *Kratkiy istoricheskiy ocherk Tomskogo universiteta za pervyy 25 let ego sushchestvovaniya (1888–1913 gg.)* [A brief historical sketch of Tomsk University for 25 years (1888–1913)]. Tomsk: Siberian Typography Partnership.
41. Anon. (1889) *Trudy Tomskogo obshchestva estestvoispytateley* [Proceedings of the Tomsk Society of Naturalists]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 1. pp. 1-32.
42. The Higher Building Committee for the Siberian University. (1880). *Zhurnal Vysochayshe uchrezhden'nogo Stroitel'nogo komiteta dlya vozvedeniya zdaniy sibirskogo universiteta v g. Tomske* [Magazine of the Higher Building Committee for the erection of the Siberian University in Tomsk]. Meeting 1, dated by June 3, 1880.

УДК 94(57)
DOI 10.17223/19988613/38/3

М.В. Семиколенов

ПРОБЛЕМА СОБСТВЕННОСТИ НА КРЕСТЬЯНСКИЕ НАДЕЛЬНЫЕ ЗЕМЛИ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Рассматривается феномен частной собственности и возможность ее распространения на крестьянские наделные земли в Сибири пореформенного периода. Прослеживается эволюция законодательства, связанная с вопросами собственности и возможностью его распространения на Сибирь. Особое внимание акцентируется на работе комиссии барона М.Н. Медема, которая не видела препятствий введения частной собственности в Сибири. Немаловажными являются и взгляды крестьян на проблему частной собственности, так как они были основаны на обычном праве, которое являлось преобладающим в период господства захватной формы землепользования.

Ключевые слова: частная собственность; крестьянство; Сибирь; наделная земля; М.Н. Медем.

Проблема земельной собственности крестьян и ее правовое содержание до сих пор остаются неизученными в трудах исследователей. В данной статье предстоит выяснить сущность феномена частной собственности на землю, проследить влияние общественной мысли на формирование законодательства, установить взаимосвязь правительственных законов по вопросам предоставления государственным крестьянам частной собственности на землю.

Вопросы частной собственности на землю ставились уже в начале XIX в. Под влиянием идей А. Смита начинают появляться работы, в которых экономисты настаивали на безземельном освобождении крестьян [1. С. 109]. Позднее стало понятно, что безземельное освобождение крестьян невозможно. В то же время некоторые помещики осознавали необходимость введения частной собственности, которая, по их мнению, должна была внести прогресс в сельское хозяйство.

В 1820 г. в «Трудах Вольно-экономического общества» появилась заметка помещика Зубова, считавшего целесообразным отмену крепостных отношений с предоставлением крестьянам земли в полную собственность. Автор заметки считал доказанным, что крестьяне, не имея в земле незыблемой собственности, недостаточно обрабатывают ее для того, чтобы производить хороший урожай хлеба и покоса. Единственным целесообразным выходом из этого положения автор признавал утверждение земли в неотчуждаемую собственность крестьянам с предоставлением им права продавать в своих землях участки, для чего предлагал пашенную землю и покосы разделить во всю длину полей. Государственные подати и помещичий оброк взимались бы с земли. Благодаря такому утверждению собственности всякий земледелец был бы уверен, что его труды и издержки на обработку земли принадлежат ему или его наследникам. При отделении же помещичьих земель в вечное обращение крестьянам, по мнению автора, вполне достаточно отвести на каждую душу мужского пола полевой и сенокосной земли от 4–5 десятин. Остальная земля находилась бы в полном владении помещика [2.

С. 122–123]. Заметка Зубова была для своего времени революционной, так как о такой форме крепостных отношений никто еще не думал.

В 1827 г. статс-секретарь Н.Н. Муравьев составил проект, в котором предлагалось разрешить лицам, возведенным за службу в дворянское достоинство, приобретать деревни с правом собственности на землю. Уже на ней поселенные крестьяне должны быть свободны и пользоваться землею по добровольному с помещиком соглашению. Автор выражал уверенность, что и владельцы наследственных вотчин постепенно осознают необходимость перехода к новому порядку отношений, охотно даря крестьянам свободу с сохранением права собственности на землю [3. С. 156].

Перед отменой крепостного права разгорается дискуссия между славянофилами и западниками, в которой затрагивался вопрос, кому принадлежит право собственности на землю: государству или крестьянам [4. С. 123–127]. Славянофилы считали, что после отмены крепостного права следовало дать крестьянам право собственности на землю. По их мнению, труд многих поколений крестьян, вложенный в землю, позволяет говорить о праве пользования и владения землей, которая юридически принадлежала государству [5. С. 31]. Западники же считали, что никакого самостоятельного «исторического права» крестьян на землю не существует. Право на землю сосредоточено только в государстве [6. С. 57–58].

Закон 19 февраля 1861 г. предусматривал введение частной собственности на крестьянские земли. В главе II «*О правах по имуществу*» в «Высочайше утвержденном общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», говорилось о том, что «крестьянам оставляется их усадебная оседлость впредь до приобретения ими оной в собственность на правилах, определенных в Положении о выкупе крестьянами усадебной оседлости и о содействии Правительства к приобретению ими в собственность полевых угодий» [7. С. 146]. Крестьянам предоставлялось право выкупить землю у помещика. При заключении выкупных сделок на основе добровольного согла-

шения с крестьянами помещик имел право требовать дополнительный платеж. Дополнительный платеж вносился в рассрочку от одного года до 49 лет [8. С. 244]. Земли, приобретенные в собственность, передавались общине, а она по своему усмотрению распоряжалась ими и могла разделить земли между крестьянами и предоставить каждому участок в частную собственность либо оставить земли в общем владении [7. С. 146]. Каждый член сельского общества мог потребовать, чтобы из состава земли, приобретенной в общественную собственность, был ему выделен в частную собственность участок, соразмерный с долей его участия в приобретении земли [Там же].

Отмена крепостного права и перевод бывших крепостных в разряд государственных привели к увеличению их числа до 38 млн чел., что вызвало необходимость принятия законов об управлении государственными крестьянами и о поземельном их устройстве [8. С. 273]. При реформе управления государственных крестьян от 18 января 1866 г. было решено уравнивать их в вопросах собственности на наделенные земли с крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости. Согласно закону от 18 января 1866 г. **«О преобразовании общественного управления государственных крестьян и о передаче сих крестьян в владение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений»** государственные крестьяне передавались управлению государственных имуществ, образуя затем сельские волости. Крестьяне обязаны были уплачивать государственные подати. Кроме того, они облагались сбором на содержание местных учреждений по крестьянским делам [9. С. 34]. Данный закон говорил о том, что «крестьяне, водворенные на казенных землях, сохраняют на существующем ныне основании все состоящие в их наделе земли и предоставленные им угодья. Действующий ныне порядок остается без изменения впредь до ближайшего определения особым постановлением поземельного устройства сих крестьян» [Там же].

Затем был принят указ от 24 ноября 1866 г. **«О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях»**, в котором почти дословно повторялась мысль закона от 19 февраля 1861 г. В указе обращалось внимание на то, «что, признав возможным приступить к окончательному устройству хозяйственного быта государственных крестьян, необходимо расширить их права по владению и распоряжению предоставленными им в надел от казны землями» [Там же. С. 280]. В п. 4 указа от 24 ноября 1866 г. говорилось, что государственным крестьянам предоставлялось право пользоваться и распоряжаться по своему усмотрению данными им во владение по записям землями при соблюдении следующих условий: «При согласии 2/3 членов общества допускался раздел общественной земли на подворные участки, а также выдел участков отдельным домохозяевам» [Там же. С. 281]. Пункт 14 Указа от

24 ноября 1866 г. гласил, что выкупленные у казны земли составляли «полную собственность их владельцев» [Там же. С. 283].

По 36 губерниям, на которые распространялся указ 24 ноября 1866 г. (за исключением западных, прибалтийских, сибирских, кавказских и Бессарабской области), государственные крестьяне должны были получить на владение землями особый по каждому сельскому обществу акт, названный «владенною записью». В запись должны были входить земли крестьянского надела с определением границ и размером причитающейся с каждого селения оброчной подати [10. С. 185]. Распространение указа от 24 ноября 1866 г. на территорию Сибири напрямую зависело от межевых работ, проведенных в крае.

Возможностью распространения указа от 24 ноября 1866 г. на сибирских крестьян занималась комиссия под председательством барона М.Н. Медема, учрежденная в декабре 1872 г. О значении работы комиссии барона М.Н. Медема говорит то, что император Александр II на основании журнала Комитета Министров от 6 февраля 1873 г. «соизволил Собственнолично написать на ведомости против помянутого объяснения: “Министру государственных Имуществ донести Мне лично, в каком положении находится это дело”» [11. Л. 33]. Комиссия открыла свои заседания в начале марта 1873 г. На них предстояло обсудить, главным образом, следующие вопросы. Во-первых, в какой степени и на каких основаниях могут быть применены к государственным крестьянам Сибири указы от 18 января и 24 ноября 1866 г. об административном и поземельном устройстве государственных крестьян Европейской России. Во-вторых, право собственности крестьян на наделенные земли. В-третьих, размеры земельных и местных наделов. В-четвертых, определить устройство управления для заведывания государственными имуществами и свободными казенными землями, которых состоит в обеих частях Сибири до 10 700 000 кв. верст или до 1 100 млн десятин, приносящими казне в настоящее время самый ничтожный доход [12. Л. 36].

В ходе работы комиссии М.Н. Медема подробно были рассмотрены вопросы крестьянского землепользования. Отмечалось, что если в целом Европейская Россия почти повсеместно генерально обмежевана, то в Сибири, несмотря на то что межевые работы производились уже более 30 лет, размеры крестьянского землепользования оставались неопределенными, так как межевые действия выполнены лишь в общих чертах с установлением границ надела не для каждого отдельного сельского общества. К тому же межевание производилось в Сибири на незначительном, по сравнению с общей территорией, пространстве. Так, из числа всех казенных земель обмежевано и рекогносцировано: в Западной Сибири – до 11 млн десятин, а в Восточной – до 13 млн десятин [13. Л. 432–433]. Комиссия считала, что необмежевание казенных земель не может служить в обеих частях Сибири достаточным основанием к от-

срочке поземельного устройства. Межевание земель и снятие их на план может быть начато немедленно по изданию для Сибири правил о поземельном устройстве поселян, по примеру северных и северо-восточных губерний Европейской России, и должно проходить одновременно с работами по составлению владенных записей [13. Л. 440–441].

В вопросе о поземельном устройстве Комиссия считала необходимым обратить внимание на следующее обстоятельство: межевые чины Министерства государственных имуществ, производившие съемку земель в Европейской России, хотя и определяли границы крестьянских наделов и составляли чертежи и планы хозяйственной съемки, но их действия и поставленные ими межевые признаки не имели юридического значения. В Сибири генерального межевания не было, поэтому Комиссия считала, что необходимо межевым чинам, проводящим работы по отграничению земель крестьянского надела, предоставить те же права, какие предоставлены губернским и уездным землемерам, т.е. чтобы эти чины укрепляли границы крестьянского владения не временными, а постоянными межевыми признаками, установленными для генерального и специального межевания, и чтобы составленные ими планы имели бы юридическую силу и значение планов генерального межевания.

Это особенно было необходимо в Сибири, где не существовало никакого юридического разграничения земель и местное население привыкло распоряжаться казенными землями и лесами бесконтрольно и безгранично, как своей личной собственностью. При этом владенная запись давала крестьянам юридическое право собственности на отведенные земли, следовательно, план, определявший пределы этого права, должен был иметь юридическое значение [Там же. Л. 474–476]. Содержание захватного права, на первый взгляд, совершенно совпадает с содержанием права собственности: раз захватив землю, сибирский крестьянин считал себя ее полновластным хозяином, он никого не допускал распахать землю. Для охраны своего права на исключительное владение землей он не останавливался и перед насилием, и перед обращением к авторитету старосты и волостного суда, которые всегда ограждали его права от всякого вторжения [14. С. 53]. При захватном владении в руках крестьянина сосредотачивались фактически все три составных права собственности – владение, пользование и распоряжение [Там же. С. 59].

Право «трудоу собственности» крестьянское сознание ставило выше юридического права на землю и угоды, не подкрепленного вложением труда или средств. Трудовое право русского человека состояло в том, что он пользовался занятым им пространством по известной поговорке: «Куда топор, коса и соха ходили». Затрата труда служила, в большинстве случаев, определяющим фактором владения землей [15. С. 97].

Для исправления данного положения дел необходимо было приступить к немедленному межеванию

земель в Сибири. Комиссия барона М.Н. Медема настаивала на формировании поземельно устроительных отрядов в каждой губернии в целях окончательного поземельного устройства крестьян с предоставлением им надела в частную собственность [13. Л. 472]. Срок земельно-устроительных работ определялся комиссией в 10 лет. Однако только через 12 лет, в 1885 г., был учрежден Западно-Сибирский переселенческий отряд. Деятельность отряда должна была заключаться в изыскании свободных земель и заготовлении участков, пригодных для поселений [16. Л. 5]. С начала деятельности Переселенческого отряда размер надела составлял 15 десятин. Данная норма удобной земли на душу мужского пола только казалась равной для всех. В действительности никто не дал четкого определения, что считать «удобной землей». Далеко не вся «удобная земля» была пригодной для земледелия. Приискивая земли для переселенцев, партии исключали из числа пригодных земель те, которые считали нужными оставить в единственном пользовании казны [17. С. 36–37]. Обозначение площадей, пригодных для земледелия, не делалось, а составлялось лишь в общих чертах описание почв и растительного покрова. Эти описания не давали материалов для каких-либо заключений о хозяйственной ценности или даже просто пригодности отводимых земель. Определяя пригодность участков, землемеры руководствовались только личными впечатлениями. В сибирской печати отмечалось, что приезжий чиновник при поверхностном взгляде на Сибирь наблюдал превосходную растительность, обилие естественных богатств, и, видя бедных крестьян, страдающих от недорода хлеба, падежа скота, ему и в голову не приходило заняться исследованием данных территорий, поскольку все неудачи он связывал с непросвещенностью крестьян и верил, что в его руках хозяйство дало бы иные результаты [18]. Поскольку работа межевых чиновников оказалась неудовлетворительной, то и дальнейшее распространение частной собственности на крестьянские наделные земли становится невозможным. Законом от 13 июля 1889 г. земли переселенцам были отведены не на праве собственности, а на ограниченном праве пользования с исключением свободы распоряжения отводимым участком. Последующий закон от 23 мая 1896 г. о поземельном устройстве крестьян Сибири носил консервативный характер прежде всего потому, что окончательно признавалась собственность государства на землю.

Таким образом, изначально правительство после освобождения крестьян от крепостной зависимости предусматривало предоставление им в частную собственность земельного надела под воздействием развернувшихся в обществе дискуссий. Последующее законодательство, а именно указ от 24 ноября 1866 г., предусматривало введение частной собственности на крестьянские земли, а комиссия барона М.Н. Медема рассматривала возможность распространения данного

указа на Сибирь. Однако частная собственность на крестьянские наделенные земли так и не была введена. Предположим, что причина кроется не только в консервативности мышления правительственных чинов-

ников, но и в менталитете крестьян, поскольку обычное право долгое время регулировало поземельные отношения и являлось определяющим фактором в разрешении поземельных споров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пичета В.И. Противники крепостного права // Великая реформа. М., 1911. Т. II.
2. Вормса А.Э. Положения 19 февраля // Великая реформа. М., 1911. Т. VI.
3. Бочкарева В.Н. Дворянские проекты по крестьянскому вопросу при Николае I // Великая реформа. М., 1911. Т. III.
4. Дорофеев М.В., Семиколонов М.В. Проблема крестьянской собственности на землю в российской исторической мысли во второй половине XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381.
5. Селиверстов С.В. Проблема крестьянской собственности в русской исторической мысли. Караганда, 1995.
6. Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения : в 9 т. М., 1987. Т. 8.
7. Высочайше утвержденное Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (№ 36657) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1-е.
8. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968.
9. Именной, данный Сенату, опубликованный 1 декабря «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1868. Т. 41. Отд. 2-е.
10. Высочайший указ 24 ноября 1866 г. о поземельном устройстве // Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности министерства государственных имуществ 1837–1887. СПб, 1888. Ч. 2 : Попечительство. Поземельное устройство.
11. Письмо из Комитета Министров от 16 марта 1873 г. № 405 // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739.
12. Доклад по департаменту общих дел М.Г.И. «О положении дела об устройстве государственных крестьян и имуществ в Сибири». (На докладе имеется надпись: «Должено Его Величеству в Санкт-Петербурге 19 марта 1873 г.») // РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739.
13. РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739.
14. Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири: по местным исследованиям 1886–1892 гг. М., 2011.
15. Платонов О.А. Русский труд. М., 1991.
16. РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 17.
17. Молодых И.А. К реформе переселенческого дела // Вопросы межевания и землеустройства. М., 1906. Кн. 4.
18. Сибирское многоземелье и малоземелье // Восточное обозрение. 1883. 25 авг.

Semicolenov Maxim V. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: semikolenov.maksim@yandex.ru

THE ISSUE OF OWNERSHIP OF PEASANT ALLOTMENT LAND IN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY.

Keywords: private property; the peasantry; Siberia; allotment land; M.N. Medem.

In this article we submit for consideration the problem of introduction of private property on peasant allotment land and the opportunity of its spreading in Siberia. The necessity of introduction of land privacy was realized at the beginning of XIX century. So, a landowner Zubov considered that peasants cultivate land insufficiently in order to have a good crop, because it is not their property. Before the abrogation of serfdom in Russia the discussion between westernizers and slavophiles flares up again. Their points of view on the property problem were absolutely contrary. If slavophiles acknowledged peasant property on allotment land, proceed from the fact that they invested their productive labour in it, westernizers thought that land privacy right should be concentrated in the state. The act of 19 February 1861 proposed to give peasants land in private property. Land lots, bought in results of redeemed operations were brought to the community and the community disposed them by its own. The community could divide lots between peasants and give everybody a lot in private ownership, or leave it in common possession. Every member of village society could demand to allot him land out of social possession, equal to his share of participation in acquisition of land. During state peasants managing reform it was decided to give them equal rights with peasants from serfdom dependence. According to the act of 18 January 1866 state peasants were transferred to state department of property than forming rural parishes. In the given act, the attention was concentrated on the point that peasants settled on the state lots own their land and keep their possession. This functioning order worked without changing up to the definition of land arrangement of the state peasants. Edict of November 24, 1866 foresaw introduction of private property in 36 provinces of The Russian Empire, except Siberia because its lands had no boundaries. The possibility of spreading act of 24 November 1866 on Siberian peasants had a committee under the leadership of M.N. Medem, set up in December 1872. The commission considered that optionally surveying state lands in both parts of Siberia may not be sufficient reason to postpone the land-unit. Land surveying and removal of the plan could be initiated immediately after the publication of the rules in Siberia on the land unit. As in Siberia have developed special forms of land use and prevailing remained gripping, the commission insisted that the officials conducting land management, strengthened border peasant ownership is not temporary and permanent land-signs established for general and special surveying, and that made up their plans would have legal force and the value of general plan survey. When gripping ownership in the hands of peasant focused virtually all three constituent property rights - ownership, use and disposal. The farmer thought that if they had invested labor in the cultivation of land, it is his property. However, subsequent legislation definitively determined the ownership of land by the state.

REFERENCES

1. Picheta, V.I. (1911) Protivniki krepostnogo prava [Opponents of serfdom]. In: Yakovlev, A.I. (ed.) *Velikaya reforma* [The Great Reform]. Moscow: Obrazovanie.
2. Vormsa, A.E. (1911) Polozheniya 19 fevralya [Provisions of 19 February]. In: Yakovlev, A.I. (ed.) *Velikaya reforma* [The Great Reform]. Vol. 6. Moscow: Obrazovanie.
3. Bochkareva, V.N. (1911) Dvoryanskie proekty po krest'yanskomu voprosu pri Nikolae I [Projects of the aristocracy on the peasant question under Nicholas I]. In: Yakovlev, A.I. (ed.) *Velikaya reforma* [The Great Reform]. Vol. 3. Moscow: Obrazovanie.
4. Dorofeev, M.V. & Semikolenov, M.V. (2014) The problem of peasant land ownership in the Russian historical thought in the second half of the nineteenth century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 381. (In Russian).

5. Seliverstov, S.V. (1995) *Problema krest'yanskoy sobstvennosti v russkoy istoricheskoy mysli* [The problem of peasant property in Russian historical thought]. Karaganda: Karaganda State University.
6. Klyuchevsky, V.O. (1987) *Sochineniya: v 9 t.* [Works. In 9 vols]. Vol. 8. Moscow.
7. The Russian Empire. (1863) *Vysochayshe utverzhdennoe Obshchee Polozhenie o krest'yanakh, vyshedshikh iz krepostnoy zavisimosti (№ 36657)* [The Highest Approved General Provision on the Peasants, emerged from serfdom (№ 36657)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 36. St. Petersburg.
8. Zayonchkovskiy, P.A. (1968) *Otmena krepostnogo prava v Rossii* [The abolition of serfdom in Russia]. Moscow: Prosveshchenie.
9. The Russian Empire. (1868) *Imennoy, dannyy Senatu, raspublikovannyy 1 dekabrya "O pozemel'nom ustroystve gosudarstvennykh krest'yan v 36 guberniyakh"* [The resolution given to the Senate and published on December 1 "On the land organization of state peasants in 36 provinces"]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 41. St. Petersburg.
10. The Russian Empire. (1888) *Vysochayshiy ukaz 24 noyabrya 1866 g. o pozemel'nom ustroystve* [The Highest Decree of 24 November 1866 on the land unit]. In: Kareev, N.I. *Istoricheskoe obozrenie pyatidesyatiletney deyatel'nosti ministerstva gosudarstvennykh imushchestv 1837–1887* [A historical review of fifty years of activity of the Ministry of State Property for 1837–1887]. St. Petersburg: Steam Typography by Yablonsky and Perotti.
11. The Russian State Historical Archives (RGIA). *Pis'mo iz Komiteta Ministrov ot 16 marta 1873 g. №405* [Letter №405 from the Committee of Ministers on March 16, 1873]. Fund 385. List 11. File 6739.
12. The Russian State Historical Archives (RGIA). *Doklad po departamentu obshchikh del M.G.I. "O polozhenii dela ob ustroystve gosudarstvennykh krest'yan i imushchestv v Sibiri"* [Report of the Department of General Affairs M.G.I. "On the state of affairs about the state peasants and assets in Siberia"]. Fund 385. List 11. File 6739.
13. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 385. List 11. File 6739.
14. Kaufman, A.A. (2011) *Krest'yanskaya obshchina v Sibiri: po mestnym issledovaniyam 1886–1892 gg.* [The peasant community in Siberia by local research 1886–1892]. Moscow: A.F. Tsinzerling.
15. Platonov, O.A. (1991) *Russkiy trud* [Russian labor]. Moscow: Sovremennik.
16. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 391. List 1. File 17.
17. Molodykh, I.A. (1906) *K reforme pereselencheskogo dela* [To the resettlement reform]. *Voprosy mezhevaniya i zemleustroystva*. Book 4.
18. *Vostochnoe obozrenie*. (1883) *Sibirskoe mnogozemel'e i malozemel'e* [Siberian abundance and lack of land]. 25 August.

УДК 94(571)
DOI 10.17223/19988613/38/4

П.П. Румянцев

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ХАРАКТЕРА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАЧАЛЬНИКА И ПОДЧИНЕННОГО НА ПРИМЕРЕ РАБОТНИКОВ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ / Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

Рассматривается характер отношений между рабочими и служебным персоналом золотопромышленных предприятий Сибири – крупнейшей производственной отрасли края в дореволюционное время. В историографии этого вопроса прослеживается вывод, которого придерживались советские историки, о ярко выраженном антагонистическом характере взаимоотношений между названными группами работников. Автор пытается установить, насколько этот вывод достоверен, используя самые различные группы источников, как опубликованные (материалы периодической печати), так и неопубликованные (архивные дела).

Ключевые слова: Сибирь; XIX – начало XX в.; золотопромышленность; рабочие; служебный персонал.

Изучение характера взаимоотношений между начальством и подчиненными на промышленных предприятиях, будь то на дореволюционном, советском или современном этапе развития нашего государства, является интересным социально-психологическим и историческим исследованием. Подобного рода исследования позволяют проникнуть в самую суть этих взаимоотношений и проследить, как они развивались, выявить причины и характер конфликтов между двумя этими категориями работников.

Советские историки при исследовании характера отношений между начальством и подчиненными в дореволюционное время придерживались классового подхода, разводя названные категории работников по разные стороны баррикад и отрицая даже малейшую возможность сближения между ними. В послевоенное время советские ученые активно отстаивали названный подход, опровергая положение об утрате смысла классового подхода в изучении той или иной социальной группы и депролетаризации рабочего класса, на чем настаивали западные ученые, которые говорили о постепенном растворении рабочего класса после окончания Второй мировой войны в так называемом «среднем классе». Советских исследователей такой вариант развития исторического процесса не мог устроить, что и послужило причиной выхода большого количества публикаций отечественных исследователей о месте рабочего класса в современном мире и его отношении к «средним слоям», куда причислялись многочисленные категории служащих [1–4 и др.].

В своих заключениях советские исследователи приходили к выводу, что при развитии специализированного производства служащие становятся представителями власти владельцев промышленных заведений, заключая в себе прежде всего функции надзора. К. Маркс писал по этому поводу, что техническое подчинение многочисленных рабочих однообразному труду «создает казарменную дисциплину, которая разви-

вается в завершённый фабричный режим и доводит до полного развития... труд надзора, а вместе с тем и разделение рабочих на исполнителей и надсмотрщиков за трудом, на промышленных рядовых и промышленных унтер-офицеров» [5. С. 434–435].

С подачи К. Маркса многочисленный слой служащих капиталистических предприятиях в отечественной историографии рассматривали именно с этой точки зрения – как надсмотрщиков, выполняющих репрессивные функции по отношению к рабочим, своим подчиненным. Однако, как отмечал А. Черняев, важно различать управление людьми и управление вещами. По мере развития капитализма «надзор» за техникой становится задачей высшего инженерно-технического звена, в то время как рядовой инженерно-технический и научный состав является наемными работниками, подобно многочисленной армии трудящегося пролетариата [6. С. 105].

Как отмечали отечественные историки, на протяжении XIX в. инженерно-технические работники имели особые условия, отделявшие их от основной массы рабочих и сближавшие с буржуазией. По причине длительной подготовки, наличия образования, доступного немногочисленной группе людей, и универсального характера труда, оплата инженерно-технических и торгово-конторских служащих отличалась в большую сторону, по сравнению с квалифицированной прослойкой рабочих, занятых в сфере физического труда. Малочисленные служащие, находясь в тесном контакте с собственниками предприятий и выполняя административно-дисциплинарные функции по отношению к рабочим, могли со временем накопить достаточно средств для открытия собственного дела и перехода в класс буржуазии [7. С. 43–44]. Ситуация быстро менялась, и уже в XX в. большая масса служащих теряет часть своих управленческих функций, становясь в более подчиненное положение, приближаясь по социальному статусу к рабочим.

Советская историческая наука, признавая факт того, что административно-управленческий аппарат строится за счет наемной силы, считала его все-таки бюрократической структурой, характеризовавшейся авторитарностью правления. Отечественный исследователь С.М. Меньшиков настаивал на том, что управляющие в глазах простых рабочих олицетворяют современный капитал, а наемные менеджеры выполняют только роль заслонки монополистической буржуазии от рабочего [8. С. 110–111].

Таким образом, советские историки рассматривали средние слои, к которым принадлежали служащие, либо с антагонистической стороны – как эксплуататоров рабочего класса, либо как возможные источники пополнения рабочего класса в качестве «временных союзников». Подобный взгляд на характер отношений между начальником и подчиненными с небольшими изменениями сохраняется в отечественной науке до сих пор [9. С. 164].

Тем не менее, как нам кажется, при изучении данного вопроса не стоит придерживаться какой-либо однозначной оценки. Цель нашей статьи заключается в попытке рассмотрения характера отношений между административно-управленческим аппаратом и рабочими промышленных предприятий на примере работников золотых промыслов, наиболее развитой промышленной отрасли дореволюционной Сибири.

Соотношение служащих и рабочих на золотопромышленных предприятиях в Сибири постоянно менялось. На начальном этапе развития золотой промышленности и до 70-х гг. XIX в. количество служебного персонала равнялось 3–6% от числа рабочих. Такое незначительное количество приисковых служащих было вызвано главным образом низким уровнем техники добычи золота, не требовавшей технически обученных служащих, а нуждавшейся в большой армии рабочих, выполнявших самые простые операции при промывке золота. С развитием технической базы золотодобывающей промышленности доля представителей служебного персонала на золотых приисках выросла до 7–12% от числа рабочих. Если в 1863 г. на золотых промыслах в Западной Сибири на 19 523 рабочих приходилось 884 служащих, т.е. 4,5% от числа рабочих, то в 1897 г. эти показатели соответственно равнялись 20 927 и 2 083 человек – 10% [10. Л. 50–51; 11. С. 232]. Не последнюю роль в увеличении контингента служащих сыграл переход на золотничные работы, которые требовали большого количества служащих, следивших за деятельностью рабочих-золотничников. На золотопромышленных предприятиях, перешедших на механизацию труда, выраженную в таких способах добычи благородного металла, как гидравлический, дражной, химический и др., количество служащих также было высоким. Такое положение обуславливалось сложностью добычи золота указанными способами, что требовало специально подготовленного для этой работы служебного персонала. На долю рабочих при таких способах

добычи золота приходилось выполнение только самых простых операций. Например, на Георгиевском прииске золотопромышленной компании «Драга» в операцию 1906 г. был следующий штат работников: 5 служащих, 4 мастеровых (т.е. помощников служащих) и всего 7 рабочих [12. Л. 153].

С самого начала возникновения частного золотого промысла в Сибири отношения между служебным персоналом золотопромышленных предприятий и рабочими можно охарактеризовать как натянутые, склонные к конфликтам. Одна из главных причин недоверия в отношениях между ними скрывалась в различном положении в приисковой иерархии. Как отмечалось в советской историографии, главный определяющий фактор во взаимоотношениях между рабочими и служащими вытекал из условий приискового труда. После изнурительного трудового дня у рабочих не хватало обычных материальных стимулов для интенсивного труда. Отсюда и возникала необходимость держать на приисках большое количество служащих, чья главная задача состояла только в понукании рабочих [13. С. 101].

Среди главных причин недовольства рабочих служащими можно выделить следующие. Больше всего недовольство рабочих вызывали ругань и рукоприкладство служебного персонала в их сторону. Эта тема постоянно поднималась в литературе о золотой промышленности. Служащих на золотых промыслах часто обвиняли в грубости, придирчивом отношении и полном неуважении к рабочим. Жалобы представителей рабочей команды на предвзятое отношение к ним служебного персонала часто не достигали цели. Управляющие, кому адресовались жалобы рабочих на дерзкое поведение служащих, редко когда взыскивали с последних за эту провинность.

О необходимости наказания служащих за их грубое поведение по отношению к рабочим свидетельствует следующий пример. Горный исправник Олекминского горного округа доносил в 1872 г., что на одном из золотых приисков его округа наем рабочей команды пошел только тогда успешно, когда уволили смотрителя разреза, «дерзкого донельзя в обращении» [14. Т. 2. С. 457]. Однако потребовались кровавые Ленские события 1912 г., чтобы приисковый служебный персонал стал нести наказание за свою дерзость и прочие проступки по отношению к рабочим. За дерзость служащих Ленского товарищества после указанных событий стали наказывать: на станowego Мурцева наложили двухмесячный арест за площадную брань в адрес детей рабочих; нарядчику Бурову выписали штраф в размере 16 руб. за то, что он матерно обругал рабочего Мазникова [15. С. 2].

Следующая причина недовольства заключалась в обвинении служащих в занижении объема выполненных работ. Во многом данное явление представлялось следствием крайне низкого уровня образования большинства представителей приискового служебного персонала, для которого подсчет дневной выработки рабо-

чих представлялся порой не самой простой задачей. Так, следственной комиссии, расследовавшей причины Ленских событий 1912 г., штейгер Утесистого прииска П-в, окончивший в свое время Иркутское горное училище, признавал, что замеры производились приисковыми служащими приблизительно, «как Бог на душу положит» [16. Приложения. С. 167]. И это на приисках самой крупной и технически развитой золотопромышленной компании дореволюционной России!

Еще одна из причин неуважения рабочих по отношению к приисковым служащим скрывалась в происхождении большинства служащих из рабочей среды. Майор Грамотин в своем донесении по поводу волнений рабочих на золотых промыслах Прибрежно-Витимской компании в 1876 г. писал о причинах недоверия рабочих к контингенту служащих на золотопромышленных предприятиях следующее: «Нравственность большей части служащих низших на промыслах немного разнится от нравственного состояния рабочих, и вследствие этого рабочие не питают уважения к ним, а поэтому самому в глазах рабочих не могут заслуживать доверия и послушания, какое требуется от рабочего при известной обстановке» (цит. по: [17. С. 551]).

Предвзятое, а подчас и грубое отношение приисковых служащих к рабочим неоднократно вызывало ответную реакцию последних. Одной из самых распространенных форм протеста против притеснения со стороны служащих на золотопромышленных предприятиях в Сибири были волнения рабочей команды. Выступления рабочих против приискового правления, заканчивавшиеся прямыми столкновениями с представителями служебного персонала золотых промыслов, стали происходить практически одновременно с возникновением золотодобычи в Сибири. Первое столкновение рабочих с приисковой администрацией зафиксировано на золотых промыслах Я.М. Рязанова в Мариинском округе в 1831 г. [18. С. 440–441]. Это волнение породило целую волну выступлений рабочих, недовольных своим положением, условиями труда и оплаты на золотопромышленных предприятиях в Западной Сибири.

Другой распространенной формой протеста приисковых рабочих на первых этапах развития золотопромышленности в Сибири были такие пассивные методы борьбы, как невыход на работу, уход или бегство с предприятий. Во многом такие формы протеста были обусловлены неорганизованностью рабочего движения в Сибири. По подсчетам В.И. Семевского, за первые три десятилетия развития золотой промышленности в Сибири ежегодно бежали от 3 до 5% рабочих [14. Т. 1. С. 30–300]. В побеге рабочих можно увидеть в первую очередь протест против высокой эксплуатации и тяжелых условий существования на золотопромышленных предприятиях. За этот же период (до 1861 г.) на золотых приисках в Сибири произошли 26 стачек и 33 волнения. Среди причин выступлений рабочего люда доминировало требование улучшения условий контрактов – в 23 случаях. И только в 4 случаях – недовольство

рабочих грубостью и жестокостью со стороны служебного персонала (подсчет мой по: [19]).

С отменой крепостного права, приведшей к увеличению числа рабочих на предприятиях сибирской золотой промышленности за счет крестьян из центральных районов России и самой Сибири, в последующее время наблюдались рост волнений и разнообразие форм самих протестов. За период 1861–1894 гг. на золотопромышленных предприятиях края были зафиксированы 100 стачек и 131 случай других активных протестов [20. С. 201]. Также происходило изменение мотивов рабочих выступлений (из установленных): в 20 случаях рабочие требовали повышения заработной платы, в 18 случаях выступали против дерзости и грубости служащих, 17 раз – против полицейского режима, 13 раз – за улучшение условий труда и быта, 12 раз – за сокращение рабочего дня (подсчет мой по: [19]). Таким образом, в причинах протестов наметилось преобладание мотивов, связанных с улучшением экономического положения рабочих на предприятиях.

Одной из самых крайних мер протеста приисковых рабочих выступало избивание представителей служебного персонала. С 1830 по 1880 г., по моим подсчетам, на золотопромышленных предприятиях в Сибири было зафиксировано 6 случаев избивания служащих, а за период 1880–1917 гг. избиванию подверглись 9 служащих (подсчет мой по: [Там же]). Несмотря на складывание пролетариата на золотопромышленных предприятиях, а вместе с тем перехода к организованным формам борьбы за свои права и улучшение положения, рабочие по-прежнему, как и на раннем этапе развития золотопромышленности в Сибири, избивали служащих, что свидетельствует о присутствии в их борьбе старых методов решения проблем.

Доведенные до отчаянного положения рабочие могли пойти и на крайний шаг – убийство ненавистных приисковых служащих. Случаев убийства служебного персонала на золотых промыслах в дореволюционное время можно привести достаточное количество. Среди главных причин убийств можно назвать следующие: личные оскорбления служащих в адрес рабочих; неправильная приемка служащими результатов работ рабочих; убийства для завладения золотом, хранимым у приисковой администрации и др. Согласно подсчетам сибирских историков, с момента зарождения частного золотого промысла в Сибири и до 1905 г. произошло 22 убийства служащих [Там же. С. 74, 87–88, 118]. Жизнь служащих на золотопромышленных предприятиях всегда находилась под угрозой. С одной стороны, опасность заключалась в условиях работы, с другой стороны, она могла исходить от рабочих, находившихся в подчинении у служащих.

Всё же рабочие не всегда пытались разобраться со служащими только с помощью физической силы. С самого возникновения золотого промысла в Сибири рабочая команда многих золотых промыслов обращалась к приисковым управлениям и местной власти с

жалобами на грубость служащих, зачастую требуя их увольнения. За первые полвека развития сибирской золотопромышленности мной отмечены три случая обращения рабочих к власти имущим с целью увольнения неугодных им служащих, причем в двух случаях эти требования были удовлетворены (подсчет мой по: [19]). По мере консолидации рабочего движения увеличивается и количество обращений рабочих об увольнении служащих. С 1880 по 1917 г. мной зафиксировано 18 таких случаев, среди которых в 7 случаях требования были выполнены (подсчет мой по: [Там же. Т. 1–3]). Особо можно выделить Ленские события 1912 г., когда приисковые рабочие составили целую программу своих требований к руководству компании «Лензото», получившую название «Наши требования», из 18 пунктов. В их числе содержались и требования об увольнении до 30 служащих [16. С. 3–155].

Из указанных цифр видно, что к требованиям рабочих руководители золотопромышленных компаний начинают прислушиваться все больше. Выбирая из двух зол меньшее, приисковое начальство предпочитало уволить неугодных служащих, чем спровоцировать выступление рабочих, приобретающих все большую организованность и сплоченность, что свидетельствует о первых победах рабочего класса.

Негативное отношение рабочих к большинству служащих нашло отражение в многочисленных песнях рабочих золотых промыслов, а также в ругательных прозвищах приискового начальства. В этих песнях служащих за их грубость и постоянные придирки по отношению к простым работникам иначе, как «собакой», «вором», «чёртом», сочинители этих устных произведений не называли [21. С. 83–84; 22. С. 45–46]. Однако следует помнить, что песни складывались на ранних этапах развития золотопромышленности в Сибири и передавались рабочими из поколения в поколение. На золотопромышленных предприятиях, а особенно около них, всегда присутствовало достаточное количество уголовного элемента, от которого пришли и прочно закрепились прозвища людей, занимавших должности начальников на золотых промыслах, такие как, например, «дух» (хозяин золотого промысла или любой начальник), «баночник» (служащий, собирающий намытое за рабочую смену золото в специальную банку) и др. [23. С. 194–195].

В качестве одной из популярной форм протеста на золотопромышленных предприятиях в Сибири рабочие использовали публичное освистывание или «тюканье» служащих. А. Вережников, сам когда-то прослуживший на золотых промыслах Восточной Сибири, писал, что «"Тю" – позорный столб всякого ненавистного рабочими служащего. После того как какого-нибудь служащего рабочие освистали всей командой, он вынужден был убираться с приисков» [24. С. 184].

Рабочие, так же как и приисковые служащие, не стеснялись употреблять ругательства, в том числе и в

адрес служащих. К примеру, зафиксированных случаев оскорблений служащих рабочими на золотопромышленных предприятиях в Южно-Енисейском горном округе было следующее количество: в 1892 г. – 45, в 1893 г. – 27, 1894 г. – 15, 1895 г. – 23 [25. Т. 1. Табл. 5.]. Служащие имели право штрафовать рабочих за ругательства в свой адрес, что выступало еще одним источником недовольства рабочих золотых промыслов.

Строгое, подчас суровое отношение служащих к рабочим имело следующее объяснение. Из воспоминаний участников Ленской забастовки явственно следует, что служащие не шли на контакт с рабочим людом, стараясь всегда держать дистанцию с ними из-за страха быть уволенными якобы за благосклонное отношение к рабочей массе, читай – нерадивое исполнение своих служебных обязанностей. Подобное поведение могло иметь для служащих печальное последствие – увольнение [26. С. 23, 35].

Тем не менее нельзя утверждать, что взаимоотношения между рабочими и служащими на золотопромышленных предприятиях в Сибири были построены исключительно на недоверии и даже ненависти друг к другу. Терпимое отношение рабочих к служебному персоналу могло быть по ряду причин. Главная из них заключалась в том, что сами служащие халатно относились к своим обязанностям, плохо следили за ходом работ, а результаты ежедневных работ принимали, закрывая глаза на многое. Рабочие пользовались таким пренебрежительным отношением служащих к своим обязанностям. В этом плане показателен известный случай на Ленских приисках в 1873 г., не раз описанный в исторической литературе, когда обнаружили слишком большое снисхождение со стороны одного служащего к рабочей команде, выраженное в увеличении результатов труда рабочих [27. С. 126; 28. С. 163].

Служащие могли заработать авторитет и уважение среди рабочих добросовестным исполнением своих непосредственных обязанностей. Если служащий ответственно относился к возложенным на него обязанностям, лишний раз не ругался со своими подчиненными, то подобного служаку рабочие если не ценили, то, по крайней мере, уважали. Такому служащему рабочие могли даже вернуть в целостности и сохранности когда-то им утерянный кошелек, как это произошло на одном из золотых приисков в Олекминской тайге в конце XIX в. [29. С. 2].

Следует отметить, что служебный персонал и рабочие на золотопромышленных предприятиях в Сибири, несмотря на многочисленные противоречия между ними, имели немало общего. Связывала их, в первую очередь, общая работа – процесс золотодобычи.

Также у рабочих и служащих (особенно среднего и нижнего звена) было во многом схожее экономическое положение. Владельцы золотопромышленных предприятий нередко экономили не только на обустройстве быта рабочих, но и на самих служащих. Доказательством этого могут послужить слова из воспоминаний одного слу-

жащего золотых промыслов в Восточной Сибири: «Приходилось 2–3 служащим, да подчас семейным, ютиться в одной комнатке, разбитой лишь досчатыми загородками на разные углы. Мебели не давалось никакой, и радовались, если дадут деревянную скамейку» [30. С. 32]. Жалование большинства представителей служебного персонала золотых промыслов по всей Сибири отличалось в большую сторону по отношению к рабочим, однако необходимо учитывать дороговизну товаров и припасов в таежных условиях.

В социально-правовом положении на всем протяжении развития дореволюционной золотой промышленности в Сибири служащие мало чем отличались от своих подчиненных, рабочих. Так, правовое положение служащих на сибирских золотопромышленных предприятиях определялось более обычаями и традициями, чем юридическими нормами. Отсутствовали специальные правила найма служащих на работу, в отличие от рабочих, чьи права при найме регулировались на основе многочисленных положений, инструкций, правил и т.п. В заключаемых служащими контрактах прописывалось в основном их материальное положение на предприятии – размер жалования, пищевое довольствие и т.п. – и отсутствовали положения о правах служащих. Сложившаяся практика отказа от письменных контрактов со служащими при поступлении их на работу только ухудшала правовое положение приискового служебного персонала.

Социальная защищенность служащих на золотопромышленных предприятиях в Сибири находилась на крайне низком уровне, как и у простых рабочих. В начале прошлого столетия стали появляться законодательные акты, регулировавшие безопасность труда рабочих на производстве. Однако приисковый служебный персонал не попадал в сферу их действия. Возникающие в это время в золотопромышленном мире первые страховые кассы и общества взаимопомощи не могли в полной мере обеспечить все нужды служебного персонала [31, 32]. Отсюда можно сделать вывод о том, что практически схожее как экономическое, так и правовое положение рабочих и служащих нижнего и среднего звена могло являться одним из факторов сближения этих категорий работников, прихода к осознанию наличия общих проблем и необходимости их совместного решения. Так, совет рабочих депутатов всей группы Золотопромышленного общества Мариинских приисков 20 апреля 1917 г., признав крайне тяжелое положение и рабочих, и служащих этих предприятий, принял решение об увеличении на 100% оклада

жалований служащих низшей и средней категории, мотивируя это тем, что «...горные служащие работают в сырых работах, что отражается на здоровье, носится больше одежды и обуви, а также с начала войны и по 1917 г. оклады жалования им были ничтожно увеличены» [33. Л. 34].

Резюмируя все вышесказанное, можно прийти к следующим выводам. Как отмечалось отечественными исследователями, главный фактор в отношениях между двумя этими категориями наемных работников вытекал из тяжелых условий приискового труда: для компенсации отсутствующих у рабочих материальных стимулов к труду следовало держать на приисках большое количество служащих, главная задача которых заключалась только в понукании рабочих, что являлось причиной ненависти приисковых рабочих к служащим.

С ростом солидарности рабочих, особенно в крупных золотопромышленных компаниях, к требованиям рабочих, в том числе и о замене ненавистных им служащих, администрации золотых промыслов начинают прислушиваться и исполнять. Приисковое управление, выбирая из двух зол меньшее, предпочитало уволить неугодных служащих, как того требовали рабочие, чем спровоцировать выступления рабочих, приобретавших все большую организованность и сплоченность.

Также можно увидеть, что взаимоотношения между служащими и рабочими на золотопромышленных предприятиях претерпели изменения от антагонизма между этими категориями наемных работников в XIX в. до осознания к началу прошлого столетия наличия общих интересов, прежде всего по вопросам экономического положения. Особенно это наблюдалось на предприятиях, перешедших на механизацию производства, что было характерно в большей степени для золотопромышленных предприятий Западной Сибири и в меньшей – для приисков, где главенствовал золотничный характер работ, лидировавший в Восточной Сибири.

Таким образом, можно прийти к заключению, что выводы советских историков о непримиримом антагонистическом характере отношений, основанных на классовых противоречиях между рабочими и служащими золотопромышленных предприятий в Сибири, по меньшей мере представляются спорными. Еще рано подводить окончательную черту в исследовании характера отношений между служебным персоналом и рабочими на золотых промыслах дореволюционной Сибири, а равно и на других промышленных предприятиях, которые нуждаются в тщательном исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дилигенский Г.Г. Рабочий на капиталистическом предприятии. М., 1969. 410 с.
2. Надель С.Н. Современный капитализм и средние слои. М., 1978. 382 с.
3. Распутник Б.И. Советская историография современного рабочего движения. Львов, 1976. Ч. 1. 224 с.
4. Семенов В.С. Проблема классов и классовой борьбы в современной буржуазной социологии. М., 1959. 213 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал // Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 23.
6. Черняев А. Постоянно растущий и развивающийся класс, класс гегемон // Коммунист. 1972. № 11.
7. Социально-экономические проблемы трудящихся капиталистических стран (занятость, заработная плата, потребление) / отв. ред. В.В. Любимова. М., 1974.

8. Меньшиков С.М. Миллионеры и менеджеры. М., 1965.
9. Галиева Р.Д. О месте торговых служащих в социальной структуре капиталистического общества в конце XIX – начале XX в. (на материале Сибири) // Актуальные вопросы Сибири. Науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина : матер. конф. / под ред. Ю.Ф. Кирюшина, В.А. Скубневского. Барнаул, 1998. С. 182–185.
10. Государственный архив Иркутской области. Ф. 712. Оп. 1. Д. 1167.
11. Румянцев П.П. Служащие на сибирских золотых промыслах в XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. 250 с.
12. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 428. Оп. 1. Д. 2249.
13. Плотников А.Е. О формировании социального облика рабочих сибирской золотопромышленности (1895–1904 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 73–85.
14. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах : в 2 т. СПб., 1898. Т. 1–2.
15. Сибирь (Иркутск). 1912. № 169.
16. Баташев П.Н. Правда о ленских событиях. М., 1913. 99, 216 с.
17. Семевский В.И. На сибирских золотых промыслах // Вестник Европы. 1896. № 5.
18. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 2. 458 с.
19. Рабочее движение в Сибири : историография, источники, хроника, статистика : в 3 т. Томск, 1988. Т. 1.
20. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. 258 с.
21. Отголоски Сибири. Томск, 1889. VIII, 191, IV с.
22. Гуревич А. Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири. Иркутск, 1940. 131 с.
23. Борхвальд О.В. Лексика русской золотопромышленности в историческом освещении. Красноярск, 2000. 401 с.
24. Вережников А. В золотых россыпях // Современник. 1912. № 8. С. 163–189.
25. Тове Л.Л., Горбачев М.Ф. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности южной части Енисейского горного округа. СПб., 1899.
26. Предвестник революционной бури (исторический очерк, документы, воспоминания). Иркутск, 1962. 210 с.
27. Ленские прииски : сб. док. / под ред. А. Поспелова. М., 1937. 564 с.
28. Шарпов И.П. Очерки по истории Ленских золотых приисков. Иркутск, 1949. 205 с.
29. Русская жизнь (С.-Петербург). 1894. № 44.
30. Корнев Е.Н. Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых промыслах Витимско-Олекминской системы Якутской области. СПб., 1904. 262 с.
31. Румянцев П.П. Формирование пенсионного обеспечения промышленных работников дореволюционной России на примере служебного персонала крупных золотопромышленных компаний Восточной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 142–146.
32. Румянцев П.П. Пенсионное обеспечение служебного персонала золотопромышленных предприятий Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Исторический Ежегодник. 2014 : сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск, 2014. Вып. 8. С. 52–61.
33. ГАТО. Ф. 428. Оп. 1. Д. 3187.

Rumyantsev P.P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: petroom@mail.ru

TO THE PROBLEM OF DETERMINING OF NATURE OF RELATIONSHIP OF THE CHIEF AND SUBORDINATE ON THE EXAMPLE OF EMPLOYEES OF THE GOLD MINES IN SIBERIA IN XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY.

Keywords: Siberia; XIX – the beginning of the XX century; gold mining; workers; employees.

The study of relationship between superiors and subordinates on industrial plants is an interesting social, psychological and historical research. Such studies allow to plumb into the essence of these relations, to trace the historical dynamics of their development, to identify the causes and nature of the conflict between these two categories of workers. Soviet historians used the class-specific point of view during the study of the nature of relationship between superiors and subordinates in the prerevolutionary period and separated these categories of workers on opposite sides denying even the slightest possibility of their similarity to each other. In the postwar period the soviet scientists actively defended idea denying the thesis about the loss of the meaning of the class-specific point of view for studying a particular social group and about deproletarianization of working class. Western researchers insisted on such thesis and spoke about the gradual dissolution of the working class in so-called “middle class” after the World War II. Soviet researchers came to the conclusion that during the development of specialized production the employees became representatives of the authority of the owners of industrial enterprises and played firstly a supervisory function. Such an attitude to the nature of the relationship between superior and subordinate with minor changes still exists in the Russian science. In this article the author made an attempt to review the nature of the relationship between management personnel and workers of industrial enterprises on the example of workers of gold mining, the most developed industrial sector of pre-revolutionary Siberia. During research the author came to the following conclusions. The main factor in the relationship between these two categories of employees depended on hard working conditions on the mines: to compensate the lack of financial incentives of workers it was necessary to keep in the mines a large number of managers whose main task was only to goad the workers. It was the reason of hatred between mining workers and managers. With the growing solidarity of the workers, especially in the large gold mining enterprises, the administrations of gold mining began to listen and respond to the requirements of workers, including the replacement of the hated managers. In general the relationship between managers and gold mining workers changed from antagonism between these two categories in the XIX century to understanding the common interests in the beginning of the XX century, especially on the economic situation.

REFERENCES

1. Diligenskiy, G.G. (1969) *Rabochiy na kapitalisticheskoy predpriyatii* [Work in the capitalist enterprise]. Moscow: Nauka.
2. Nadel, S.N. (1978) *Sovremennyy kapitalizm i srednie sloi* [Modern capitalism and the middle class]. Moscow: Nauka.
3. Rasputnis, B.I. (1976) *Sovetskaya istoriografiya sovremennogo rabochego dvizheniya* [The Soviet historiography of the modern labor movement]. Lviv: Vishcha shkola.
4. Semenov, V.S. (1959) *Problema klassov i klassovoy bor'by v sovremennoy burzhuaizmskoy sotsiologii* [The problem of classes and class struggle in contemporary bourgeois sociology]. Moscow: The State Publishing House of Political Literature.
5. Marx, K. & Engels, F. (1961) *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 23. Moscow.
6. Chernyaev, A. (1972) *Postoyanno rastushchiy i razvivayushchiysya klass, klass gegemon* [A constantly growing and developing class, the hegemonic class]. *Kommunist*. 11.

7. Lyubimova, V.V. (1974) *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy trudyashchikhsya kapitalisticheskikh stran (zanyatost', zarabotnaya plata, potreblenie)* [Socio-economic problems of the working people in capitalist countries (employment, wages, consumption)]. Moscow: Mysl'.
8. Menshikov, S.M. (1965) *Millionery i menedzhery* [Millionaires and Managers]. Moscow: Mysl'.
9. Galieva, R.D. (1998) [On the role of sales employees in the social structure of capitalist society in the late 19th – early 20th centuries (a case study of Siberia)]. *Aktual'nye voprosy Sibiri. Nauch. chteniya pamyati prof. A.P. Borodavkina* [Topical problems of Siberia. Readings in the memory of Prof. A.P. Borodavkin]. Proc. of the Conference. Barnaul. pp. 182-185. (In Russian).
10. The State Archives of Irkutsk Region. Fund 712. List 1. File 1167.
11. Rumyantsev, P.P. (2009) *Sluzhashchie na sibirskikh zolotnykh promyslakh v XIX – nachale XX vv.* [Employees in the Siberian gold fields in the 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Tomsk.
12. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 428. List 1. File 2249.
13. Plotnikov, A.E. (1973) O formirovani sotsial'nogo oblika rabochikh sibirskoy zolotopromyshlennosti (1895 – 1904 gg.) [On the formation of the Siberian gold mining employee's social image (1895–1904)]. In: *Iz istorii Sibiri* [From Siberian History]. Issue 8. Tomsk: Tomsk state University. pp. 73-85.
14. Semevskiy, V.I. (1898) *Rabochie na sibirskikh zolotnykh promyslakh: v 2 t.* [Workers at the Siberian gold fields in 2 vols.]. Vol. 1–2. St. Petersburg: I.M. Sibiryakov.
15. *Sibir'*. (1912). 169.
16. Batashev, P.N. (1913) *Pravda o lenskikh sobyitiyakh* [The truth about the Lena events]. Moscow: P.N. Batashev.
17. Semevskiy, V.I. (1896) Na sibirskikh zolotnykh promyslakh [On the Siberian gold fields]. *Vestnik Evropy*. 5.
18. Okladnikov, A.P. & Shunkov, V.I. (eds) (1968) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Siberia From the Ancient Times to the Present]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.
19. Blinov, N.V. & Zinov'ev, V.P. (eds) (1988) *Rabochee dvizhenie v Sibiri : istoriografiya, istochniki, khronika, statistika: v 3 t.* [The labor movement in Siberia: historiography, sources, chronicles, statistics. In 3 vols.]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Zinov'ev, V.P. (ed.) (2007) *Industrial'nye kadry staroy Sibiri* [Industrial employees of old Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
21. *Otgosloski Sibiri*. (1889) VIII, 191.
22. Gurevich, A. (1940) *Pesni i ustnye rasskazy rabochikh staroy Sibiri* [Songs and oral histories of old Siberia workers]. Irkutsk: OGIZ.
23. Borhvaldt, O.V. (2000) *Leksika russkoy zolotopromyshlennosti v istoricheskoy osveshchenii* [Lexicon of Russian gold mining in works on history]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
24. Verezhnikov, A. (1912) V zolotnykh rosspyakh [Gold placer mines]. *Sovremennik*. 8. pp. 163-189.
25. Tove, L.L. & Gorbachev, M.F. (1899) *Otchet po statistiko-ekonomicheskoy i tekhnicheskoy issledovaniyu zolotopromyshlennosti yuzhnoy chasti Eniseyskogo gornogo okruga* [Report on statistical and economic and technical study of the gold mines in the southern part of Yenisei mountain district]. St. Petersburg.
26. Kudryavtseva, F.A. (ed.) (1962) *Predvestnik revolyutsionnoy buri (istoricheskiy ocherk, dokumenty, vospominaniya)* [The harbinger of the revolutionary storm (a historical essay, documents, memoirs)]. Irkutsk: Irkutsk Book Publishing.
27. Pospelov, A. (ed.) (1937) *Lenskie priiski* [The Lena mines]. Moscow: Ogiz Istoriya zavodov.
28. Sharapov, I.P. (1949) *Ocherki po istorii Lenskikh zolotnykh priiskov* [Essays on the History of the Lena Goldfields]. Irkutsk: Regional Book Publishing.
29. *Russkaya zhizn'*. (1894) 44.
30. Korenev, E.N. (1904) *Ocherk sanitarno-ekonomicheskogo polozheniya rabochikh na zolotnykh promyslakh Vitimsko-Olekminskoy sistemy Yakutskoy oblasti* [The sanitary and economic situation of workers in the gold fields in Vitim-Olekma of Yakutsk region]. St. Petersburg.
31. Rumyantsev, P.P. (2014) Formation of industrial workers pension in pre-revolutionary Russia by example of employees of large gold mining companies in Eastern Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 381. pp. 142-146. (In Russian).
32. Rumyantsev, P.P. (2014) Pensionnoe obespechenie sluzhebnoy personala zolotopromyshlennykh predpriyatiy Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [Pension service of the personnel of the gold mining companies in Western Siberia in the late 19th - early 20th centuries]. In: Elert, A.Kh. (ed.) *Istoricheskiy Ezhegodnik* [A Historic Yearbook]. Novosibirsk: Sibprint. pp. 52-61.
33. The State Archives of Tomsk Region. Fund 428. List 1. File 3187.

УДК 32.019.5 + 571.1
DOI 10.17223/19988613/38/5

А.Б. Храмцов

ДОНЕСЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЧИНОВНИКОВ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1900–1914 гг.

Исследованы донесения административных чиновников об изменении общественно-политической ситуации в Западной Сибири в начале XX в. По материалам впервые введенных в научный оборот источников выделены три ключевые этапа изменения общественных настроений в регионе: спокойный, предреволюционный (1900–1904), этап социального катаклизма, революционный (1905–1907) и этап стабилизации (1908–1914). Каждый этап выделялся чередой событий, был обусловлен как внешними, так и внутренними факторами.

Ключевые слова: донесения; общественно-политическая ситуация; забастовка; дороговизна; преступление; ссыльные; Западная Сибирь.

Территория Западной Сибири (Тобольская и Томская губернии) в XIX в. в общественно-политическом отношении являлась слабо развитой частью страны. Какие-либо общественные акции можно было наблюдать лишь в губернских центрах (Томске и Тобольске) и отдельных уездных городах.

Оживлению общественной жизни содействовали такие факторы, как рост местного и пришлого населения, развитие учебных заведений, растущая политическая и административная ссылка, увеличение объемов торгово-промышленных операций и др. К концу XIX в. в таких городах Томской губернии, как Мариинск, Казанск, Кузнецк, Барнаул, Бийск и Колывань, а Тобольской губернии – Тюмень, Курган, Ишим, Тара, Тюкалинск и Ялуторовск, уже сложилась достаточно сложная социальная структура, здесь сосредоточивалось значительное число образованных людей. В частности, открытие первого в Сибири Томского университета заметно прибавило забот полиции. Ссыльных из города по большей части выдворили, а «Сибирскую газету», как источник смуты, власти закрыли [1. С. 16].

В рамках данной статьи исследуются донесения административных чиновников (полицейских и жандармов) об изменении общественно-политических настроений и ценностных ориентиров сибирского населения.

Служебные донесения как массовые источники информационно-справочного и отчетно-аналитического характера отличались многоаспектной тематикой, краткостью, обстоятельностью и описательностью. По существу, они содержали официальную трактовку текущего положения в городах и селах, данную чиновниками местного административного аппарата. При анализе донесений важно учитывать профессиональный уровень докладчиков, их грамотность в оценке происходящих событий, а также личную заинтересованность в представлении тех или иных сведений. Анализ донесений позволил выделить три основных этапа в освещении общественно-политической ситуации.

Так, в *первый этап* (1900–1904) каких-либо изменений против прежних лет не замечалось. В Томской губернии к 1 января 1900 г. состояло под негласным

надзором полиции 60 человек. В особенности обращали на себя внимание поднадзорные, проживавшие в гг. Барнаул, Бийск, Кузнецк и Змеиногорск, где большая часть из них служила в Управлении Алтайского горного округа и в Статистическом бюро. За 1899 г. возбуждалось 35 дел по политическим преступлениям. Отдельные случаи волнений отмечались в среде крестьян, преимущественно в Кузнецком уезде, и были вызваны их отказом платить подати, но эти недоразумения не приняли острый характер, так как администрация вовремя приняла меры, арестовав главных виновников беспорядков [2. Л. 11].

В Тобольской губернии, согласно донесению начальника местного губернского жандармского управления за 1899 г., «общее настроение населения не отличается от предыдущего года; все народонаселение предано Правительству, спокойно и ровно относится ко всем мероприятиям оного. Чувства любви и преданности Престолу особенно привиты сельскому сословию». В этом году было произведено 26 дознаний в порядке ст. 1035 Устава Уголовного Судопроизводства. Такой незначительный объем дел свидетельствует о том, что «народонаселение по-прежнему продолжает оставаться преданным своему Государю» [3. Л. 1]. При этом чиновник отмечал, что интеллигентный класс местного общества состоял из чиновников и небольшого процента образованного купечества. Ссылный элемент низшего класса давал дурной пример местному крестьянскому населению вследствие того, что ссыльные в большинстве случаев вели нетрезвый и бродячий образ жизни, совершали разного рода преступления, занимались кляузами и доносами. Большое число государственных преступлений, предусмотренных ст. 246–248 Уложения о наказаниях, совершенных по невежеству и в состоянии опьянения, выпадало на долю ссыльного элемента [Там же. Л. 3].

Некоторое беспокойство в общественное спокойствие на первом этапе вносили органы местного самоуправления в лице городских дум и управ. В частности, в Ишимской городской управе происходили пререкания и распри, большей частью на личной почве, что не без вреда отзывалось на интересах города. Здесь город-

ским головой был избран Иосиф Бокарев, человек малограмотный и малоразвитый, который попал под влияние бывшего начальника Ишимской почтово-телеграфной конторы Артемьева, состоявшего под судом за растрату по службе, но оправданного Правительствующим Сенатом. После этого он сам пытался «пройти» в городские головы, но его кандидатура, ввиду его небезупречного прошлого, не прошла, и ему удалось попасть только в гласные думы, при этом он вполне использовал в своих интересах нового неопытного главу города [3. Л. 4].

В целом, согласно донесениям чиновников, деятельность городских управлений Томской и Тобольской губерний хотя и оставляла желать лучшего, но в противозаконных деяниях особого упрека не снискала. Импульсом к изменению общественных настроений на этом этапе городские власти не стали.

В 1902–1903 гг. хорошая урожайность и активизация торговли способствовали нормальному ходу жизни. В частности, в южной части Томской губернии урожай хлебов был выше среднего. Жители стали спокойно относиться к налогам и с усердием исполнять натуральные служебные повинности, до этого они не проявляли такой сознательности. По мнению жандарма, в положительную сторону изменилось отношение русского элемента к инородческому, а с введением в северной части Тобольской губернии винной монополии устанавливался более нормальный порядок для нравственных требований жизни [Там же. Л. 5].

К ссыльным местные крестьяне относились скорее враждебно, чем безразлично. Жители среднего и старшего возраста (за исключением молодежи) верили заветам своих отцов, государю-императору и родине. Политические ссыльные жили не в местах своего выдворения, а там, где им более выгодно. Уездная полиция вследствие своей малочисленности совершенно была бессильна что-либо изменить в проживании ссыльных, которые свободно разъезжались по губерниям.

Общественно-политическая жизнь в регионе получает тенденцию к изменению в ходе Русско-японской войны [4]. Уже в донесении от 1 марта 1905 г. жандармский чиновник отмечал, что настроение народонаселения под влиянием военных неудач России отклонилось в отрицательную сторону: «Чувствуется повсюду недостаток в рабочих руках, что сильно отражается на экономическом быте населения» [5. Л. 1]. Публичные чтения для народа постепенно расширялись, и это явление дало благоприятные результаты в контексте повышения культурного уровня местного населения и формирования его нравственных ориентиров. Местная печать, несмотря на подчиненность цензуре, становилась рупором общественного мнения, что, по мнению жандармов, «может иметь вредное влияние на читающую публику» [Там же. Л. 2].

Второй этап (1905–1907) развития общественно-политической ситуации в Западной Сибири сопровождался чередой манифестаций, стачек и забастовок, маршдерств и погромных акций, что побудило власти вве-

сти военное положение. Наиболее кровавым стал погром в г. Томске 20–22 октября 1905 г., жертвами которого стали 66 погибших и 126 раненых [6. С. 4]. В годы Русско-японской войны и Первой российской революции социально-политические волнения наблюдались во многих уездных городах и отдельных селениях Западной Сибири. Спокойное настроение под влиянием неудачно оконченной войны с Японией, охватившего Россию освободительного движения, под гнетом железнодорожных и почтово-телеграфных забастовок резко ухудшилось, повсюду и во всем ощущались недостаток и общее неудовольствие положением вещей и дороговизной жизни.

Очаги напряженности фиксировались большей частью на юге Тобольской губернии – в Кургане, Ишиме и Тюмени, а также в крупных центрах Томской губернии – Томске, Барнауле и Новониколаевске. Скажем, 18 января 1905 г. в Томске произошли беспорядки. Учащаяся молодежь вышла около часа дня на демонстрацию вблизи почтово-телеграфной конторы. Участники демонстрации размахивали красными флагами с революционными надписями. На требование полиции разойтись демонстранты открыли огонь из револьверов, ранив шесть полицейских. Для устранения беспорядков были вызваны до 50 казаков, также встреченных выстрелами. Чины полиции и казаки применили ответный огонь, толпа рассеялась. В результате был задержан 121 человек, из них получивших ранения – 23 (один скончался), началось расследование [7. С. 1].

Согласно донесению жандарма, в Тюмени 28 и 31 мая 1905 г. прошла забастовка рабочих экономического характера, окончившаяся благополучно после мирного разрешения экономических вопросов между хозяевами и рабочими. В Тюмени и Кургане состоялась двукратная железнодорожная забастовка, длившаяся по две недели, затем почтово-телеграфная забастовка в Тюмени. Забастовка служащих и рабочих на станции Курган Сибирской железной дороги отразилась и на обстановке в самом городе. На митинге в октябре 1905 г. собралось около 4 тыс. рабочих, разбрасывались прокламации, поднимался красный флаг. Когда полиция вызвала войска, толпа рассеялась [8. Л. 1]. В это же время недовольство кипело среди учеников Ишимского духового училища [9. С. 49].

После публикации Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. Тюменская городская Дума приняла либеральное направление, выразившееся в открытом сочувствии забастовщикам и в посылке по этому поводу телеграммы председателю Совета министров С.Ю. Витте. Такое же либеральное направление приняла и Тобольская городская дума. Но благодаря усилиям со стороны городского головы Трусова и вице-губернатора Троицкого деятельность думы удалось вернуть в нормальное русло [8. Л. 3].

Третий этап (1908–1914) начался с отмены в 1908 г. военного положения в губерниях Западной Сибири. На

особом положении оставалась полоса отчуждения Сибирской железной дороги. В политическом обзоре за этот год отмечено, что неправильных действий со стороны общественных или правительственных учреждений не было, за исключением Тарского уезда Тобольской губернии, где была обнаружена растрата; многие чиновники и служащие в различных учреждениях, безусловно, либерального направления, но активного участия в политике не принимали, ограничиваясь лишь обсуждением различных социальных вопросов [10. Л. 11].

После 1905 г. МВД и губернаторы при утверждении результатов выборов высших должностных лиц городских управлений особое значение придавали их политической благонадежности, о чем чиновники периодически докладывали в Департамент полиции. Так, один из «тяжких» конфликтов разразился в Томске по результатам прошедших 22 ноября 1909 г. выборов в городскую думу. На выборах городского головы 27 декабря 1909 г. был избран Е.Л. Зубашев, левый кадет, бывший директор Томского технологического института, о чем губернское отделение Союза русского народа поспешило донести министру внутренних дел. Согласно донесению, «профессор Зубашев, известный всему Томску лентяй, ведущий нетрезвый образ жизни... бесхарактерен и может быть орудием в руках местных революционных заправил». Его революционная деятельность вынудила Временного генерал-губернатора принять такую исключительную меру, как устранение его от должности директора института и высылка его в феврале 1906 г. на время военного положения за пределы Сибири. В этой связи Союз ходатайствовал перед МВД о его неутверждении в должности [11. Л. 85].

Из Главного управления по делам местного хозяйства 11 февраля 1910 г. последовал ответ, что итоги выборов министром не утверждены, необходимо провести перевыборы. В этой ситуации местная дума дважды забаллотировала предложенную губернатором кандидатуру прежнего городского головы И.М. Некрасова (1906–1910). Гласные думы проголосовали против, поскольку за время его «правления» выросло недовольство жителей ошибками в управлении местным хозяйством. На вновь назначенных выборах думцы решили избрать головой крупного купца-промышленника Д.Е. Зверева, но он также не был утвержден. По настоянию томского губернатора министр применил ст. 119 закона 1892 г., назначив на должность того же Некрасова (т.е. в обход решения думы). Гласные думы сочли такое назначение «безотнositельно личности» фактом «прискорбным и обидным в истории города Томска» [Там же].

После 1908 г. количество «политически неблагонадежных» в Сибири стало сокращаться. Например, в Тобольской губернии в это время под специальным надзором находилось всего 21 лицо [8. Л. 2], что было в три раза меньше, чем в 1905–1907 гг.

Начальник Тюменского отделения губернского жандармского управления Поляков 9 января 1909 г. доклады-

вал, что волнений среди рабочих не было, хотя противоправительственная пропаганда среди них шла путем распространения нелегальной газеты «Тюменский рабочий», издававшейся Тюменским комитетом РСДРП; в городе две нелегальные организации: социал-демократов и социал-революционеров, и, по мнению жандарма, «они развиты слабо и враждуют между собой» [12. Л. 128–129 об.]. В 1909–1913 гг. административным органам удалось подавить революционные настроения широких масс сибирского населения. Лишь изредка фиксировались случаи разбрасывания прокламаций и небольшие стачки, преимущественно в Тюмени и Томске. В частности, послереволюционное затишье в Томске первыми нарушили студенты технологического института, которые устроили уличные демонстрации с пением «Вечная память», дабы почтить кончину Л. Толстого. В декабре 1910 г. студенты института требовали отменить чересчур жесткий порядок сдачи зачетов и экзаменов. Ученый совет не принял требований и закрыл институт. Студенты объявили месячную забастовку, а 17 января 1911 г. студенческая сходка была арестована и 375 человек исключены из института [1. С. 43].

Согласно донесению по Тобольской губернии за 1911 г. «ни голодный год, вследствие неурожая, ни влияние ссыльных не отразились на общем настроении народонаселения уездов в смысле подготовки удобной почвы для пропаганды, создания каких-либо вредных политических организаций... вообще настроение, по примеру прежних лет, вполне спокойное, и никаких брожений не замечается» [13. Л. 16]. Тюменский уездный исправник 6 августа 1913 г. рапортовал, что «забастовок и случаев недовольства существующим государственным строем не проявлялось.... Пресса, просветительские организации, общества и учащая молодежь никакой явной агитационной деятельности не ведут» [9. С. 356].

Таким образом, по мнению чиновников, основной причиной нарастания общественно-политической напряженности в регионе стали экономические факторы: дороговизна, инфляция, отсутствие тех или иных товаров, низкая оплата труда, тяжелые условия труда, продолжительность рабочего дня и др. К тому же обстановку «накаляли» нелегальные организации, ссыльные и местная печать, влияющие на нравственность жителей, их отношение к войне, власти, ссылке, что особенно проявилось во время социального катаклизма 1905–1907 гг. Благодаря административным мерам ситуацию удалось успокоить. Очевидно, что местные жандармы и полицейские не имели сил и особого желания вникать в суть происходящих изменений в общественно-политической жизни региона, о чем свидетельствуют их доклады. Во многих случаях они упрощали проблему, сводя ее к низким урожаям, влиянию ссыльного элемента или «лентяя» профессора на население, а ряд фактов замалчивали. Соответственно и методы разрешения конфликтов со стороны административной власти не отличались глубиной и системностью. Полиция не стремилась разобраться в явных причинах проблем и договориться, а пыталась подавить их за счет запретов и устранения неблагонадежных лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев В.П., Харусь О.А. Общественно-политическая жизнь в Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. Хроника. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 398 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Д-3. Оп. 98. Д. 1. Ч. 47 А.
3. ГАРФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 98. Д. 1. Ч. 56 А.
4. Шиловский М.В. Влияние Русско-японской войны 1904–1905 гг. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 12–16.
5. ГАРФ. Ф. 102. Д. 3. Оп. 103. Д. 1. Ч. 55 А.
6. Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 150 с.
7. Томские губернские ведомости. 1905. № 4.
8. ГАРФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 104. Д. 1. Ч. 8 А.
9. Революционное движение в Тобольской губернии. 1905–1914 гг. : сб. док. Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1981. 384 с.
10. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 95.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 15.
12. Государственный архив Тюменской области (далее – ГАТО). Ф. И-239. Оп. 1. Д. 80.
13. ГАТО. Ф. И-239. Оп. 2. Д. 5.

Khramtsov Aleksandr B. Tyumen State Architectural University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: khramtsov_ab@bk.ru

REPORTS OF ADMINISTRATIVE OFFICIALS ON CHANGE OF THE POLITICAL SITUATION IN WESTERN SIBERIA IN 1900–1914.

Keywords: reports; political situation; strike; high cost; crime; exiled; Western Siberia.

The territory of Western Siberia (The Tobolsk and Tomsk provinces) in the XIX century in the political relation was underdeveloped part of the country. Any public actions could be observed only in the provincial centers (Tomsk and Tobolsk) and the certain district cities. In this article we research reports of administrative officials (police officers and gendarmes) about change of political moods and valuable reference points of the Siberian population. Office reports as mass sources of directory and reporting and analytical character differed in multidimensional subject, brevity, thoroughness and descriptiveness. Substantially they contained the official interpretation of the current situation in the cities and villages given by officials of local administrative facilities. In the analysis of reports it is important to consider the professional level of speakers, their literacy in an assessment of the occurring events, and also personal interest in submission of these or those data. The analysis of reports allowed to allocate 3 main stages according to a political situation. In the first stage (1900–1904), according to reports, any changes against former years were not noticed. Good productivity and intensification of trade promoted the normal course of life. Political life in the region receives a tendency to change in the course of Russian-Japanese war. The mood of the population under the influence of military failures of Russia deviated in a negative side. Everywhere the lack of working hands that was strongly reflected in economic life of the population was felt. The second stage (1905–1907) of development of a political situation in Western Siberia was followed by series of demonstrations, strikes, marauding and rabble-rousing actions that induced the authorities to impose the martial law. Public readings for the people gradually extended, and this phenomenon yielded favorable results in the context of increase of cultural level of local population and formation of its moral guidelines. The local press, despite subordination to censorship, became a loud-hailer of public opinion. After the publication of the Imperial manifesto on October 17, 1905 the Tyumen City Council accepted the liberal direction expressed in open sympathy to strikers and in a parcel about it telegrams to the chairman of the board of ministers G. Witte. The same liberal direction was accepted also by the Tobolsk City Council. The third stage (1908–1914) began with cancellation in 1908 of the martial law in provinces of Western Siberia. During this period there were no wrong actions from public or government agencies. Many officials serving in various establishments, certainly, of the liberal direction, but didn't take active part in policy, being limited only to discussion of various social problems. Thus, according to officials, economic factors became the main reason for increase of political intensity in the region: high cost, inflation, lack of these or those goods, low compensation, severe conditions of work, duration of the working day, etc. It is obvious that local gendarmes and police officers hadn't the power also special desire to penetrate into an essence of the happening changes in political life of the region to what their reports testify. In many cases they simplified a problem, reducing it to poor harvests, influence of the exiled of an element or professor's "idler" on the population, and a number of the facts hushed up. Respectively and methods of a resolution of conflicts from the administrative power didn't differ in depth and consistency. The police didn't seek to understand the obvious reasons of problems and to agree, and tried to suppress them at the expense of a ban and elimination of unreliable persons.

REFERENCES

1. Zinoviev, V.P. & Kharus, O.A. (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Tomskoy gubernii v 1880 – fevrale 1917 g. Khronika* [Political life in Tomsk Province in 1880 – February 1917. Chronicles]. Tomsk: Tomsk State University.
2. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 102. D-3. List 98. File. 1. Part 47 A.
3. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 102. D-3. List 98. File. 1. Part 56 A.
4. Shilovsky, M.V. (2004) Vliyaniye russko-yaponskoy voyny 1904–1905 gg. na vnutrennyuyu zhizn' Sibiri [the influence of the Russian-Japanese war of 1904–1905 on the inner life of Siberia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. pp. 12–16.
5. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 102. D-3. List 103. File 1. Part 55 A.
6. Shilovsky, M.V. (2010) *Tomskiy pogrom 20–22 oktyabrya 1905 g.: khronika, kommentariy, interpretatsiya* [The Tomsk pogrom of 20th to 22nd October 1905: Chronicle, Comments, Interpretation]. Tomsk: Tomsk State University.
7. *Tomskie gubernskie vedomosti*. (1905) 4.
8. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 102. D-3. List 104. File 1. Part 8 A.
9. Kopylov, D.I. (1981) *Revolutsionnoye dvizheniye v Tobolskoy gubernii. 1905–1914 gg.* [The revolutionary movement in Tobolsk Province in 1905–1914]. Sverdlovsk: The Mid-Urals Book Publishing.
10. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 1. File 95.
11. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1288. List 5. File 15.
12. The State Archives of Tyumen Region (GATO). Fund I-239. List 1. File 80.
13. The State Archives of Tyumen Region (GATO). Fund I-239. List 2. File 5.

УДК 94(47+57)
DOI 10.17223/19988613/38/6

А.Ю. Суслов

ЭСЕРОВСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ О ПРОБЛЕМАХ ПАРТИЙНОЙ ИСТОРИИ (1920–1930-е гг.)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00264.

Рассматриваются трактовки истории партии социалистов-революционеров, данные самими эсерами в заключительный, эмигрантский период их существования. Характеризуются особенности эсеровской эмиграции после октября 1917 г., ключевые моменты ее формирования и развития. Отмечаются неоднократные попытки написания партийной истории, внимание к этому вопросу видных деятелей партии. Выделяется анализ проблем партийной истории во время полемики вокруг судебного процесса 1922 г. над лидерами ПСР, а также на конференции пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. Исследуются основные подходы эсеров-эмигрантов к деятельности партии в 1917–1920 гг., период революции и Гражданской войны, выделяются причины неудач ПСР в политической борьбе. Подчеркивается влияние эсеровских оценок на последующее развитие зарубежной историографии.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров; эмиграция; революция; Гражданская война; историография.

С первой половины 1920-х гг. основная деятельность партии социалистов-революционеров протекала в эмиграции. В Советской России оставались разрозненные подпольные группы, подвергавшиеся постоянным преследованиям. Несмотря на то что руководство партий социалистов революционеров (ПСР) крайне отрицательно относилось к наличию значительной эсеровской эмиграции, за границей после октября 1917 г. оказалось довольно много видных деятелей ПСР, в том числе В.М. Чернов, Н.Д. Авксентьев, Е.К. Брешко-Брешковская, М.В. Вишняк, В.М. Зензинов, Е.Е. Лазарев, О.С. Минор и др.

В то же время формирование эсеровской эмиграции после октября 1917 г. имело свои особенности. В отношении членов ПСР (в отличие от социал-демократов меньшевиков), как правило, не практиковались высылки за границу. ЦК ПСР, избранный на последнем IV съезде партии (ноябрь – декабрь 1917 г.) [1. С. 152], практически полностью был арестован и осужден на известном процессе 1922 г. Из 20 членов ЦК только трое – В.М. Чернов, В.М. Зензинов и Н.С. Русанов – сумели эмигрировать, из 5 кандидатов в члены ЦК – только один (В.В. Сухомлин). Таким образом, возможность легальной эмиграции с территории Советской России для эсеров практически отсутствовала. Преимущественно они покидали страну с территорий, контролируемых антибольшевистскими правительствами (В.М. Зензинов, Н.Д. Авксентьев, А.А. Аргунов, Е.Ф. Роговский и др.), часть уехала нелегально.

Эсеровская эмиграция оставила большое идейно-теоретическое наследие, в том числе мемуарные и исторические работы (многие из которых не опубликованы), непредвзятое изучение которых представляет немалый научный интерес. Это касается не только творчества В.М. Чернова, но и целого ряда других социалистов неонароднического толка. За более чем тридцать лет существования правозесеровского зарубежья (до середины 1950-х гг.) на свет появилось великое множество изданий, составивших один из самых больших

эмигрантских комплексов [2]. Как отмечает В.Л. Кожевин, «...для авторов, волею судеб эмигрировавших из России, безусловно важна была психологическая компенсация, возможность каковой предоставляло обращение к пережитому» [3. С. 79].

С другой стороны, работа над историей партии представлялась и как важный элемент объединения имеющихся партийных сил, сплочения эмиграции. Весьма характерно мнение по этому поводу эсеровского ветерана О.С. Минора, подробно высказанное в его переписке с другим известным деятелем ПСР – С.П. Постниковым. 7 января 1930 г. Минор пишет Постникову в Прагу: «На днях получил Ваше письмо о Вашем соглашении с Василием Васильевичем о подготовке истории п[артии] с[оциалистов] р[еволюционеров]. Что до меня, то могу лишь приветствовать принятое вами решение. Необходимость такого труда вытекает, конечно, не только из того, что роль партии извращается историками, непосредственными участниками революции, которые всякий на свой салтык ее излагает, глядя на события только из своего угла, как это сделал Милуков, Мартов в своей истории Общественных движений, и даже Керенский, не говоря уже о Суханове, Теодоровиче и других, но и потому, что, будучи изложена партийными людьми, может быть удастся наметить и то, что надо будет делать в ближайшем будущем нашей партии, если жизнь нас вновь как-нибудь вытолкнет на арену истории. И вот это последнее мое соображение делает меня энтузиастом Вашего предприятия. Но есть и еще одно соображение: может быть, создание истории нашей партии СОВМЕСТНЫМИ усилиями всех социалистов-революционеров создаст новую возможность более мирной и толковой между нами жизни и работы» [4. Л. 4]. Проект еще обсуждался некоторое время, но не был осуществлен, как и другие попытки написать историю партии.

Работы о революции и Гражданской войне в подавляющем большинстве носили мемуарный характер.

Собственно исторических исследований, вышедших из-под пера правых эсеров, практически не было. В то же время этот вопрос обсуждался в партийной среде, и неоднократно. Мешало отсутствие средств – так, А.Р. Гоц писал В.М. Чернову 2 февраля 1922 г.: «...когда сознаешь, что проживаешь последние гроши, невольно начнешь сугубо взнудывать свои устремления. Такие вещи, как Вещичка об «Учр[едительном] соб[рании]» или «история п.с.-р.», сейчас нам не по карману» [5].

Вновь эта тема была поднята в 1925 г., когда Заграничная делегация ПСР в письме Центральному бюро отмечало: «...здесь выходит много историческ[ой] литературы, касающейся только что прожитой нами эпохи. Единственно только мы ничего серьезного не делаем в этом отношении. Много ведь и б[ольшевик]и выпускают в этой области. Для исправления этого пробела мы предполагаем выпускать “Историч[еский] сборн[ик]”. Подготавливаем № 1. Мы не можем выпускать здесь сборники, посвященные какой-либо эпохе, одному вопросу истории – с[оциалисты]-р[еволюционеры] и б[ольшевик]и, сиб[ирская] эпопея и т[ак] д[алее]. Не достает многих участников каждого из периодов. Поэтому решили № 1 составить примерно так, чтобы каждый писал о том, что лучше знает: политика м[инистерств]а земледелия в 1917 г.; подготовка и работа Учр[едительного] соб[рания]; Уфимское и Челябинское совещания; наша политика на Дальнем Востоке; Закавказье в 1917 г.; Комуц; война и с[оциалисты]-р[еволюционеры]; предфевральские дни; большев[ики] в Финляндии; гор[одская] Петр[оградская] дума и Корнилов. Во всех этих статьях должна указываться наша политика, наша позиция. Примите и вы участие» [6]. Предполагались и исследовательские статьи. В данном случае средства у заграничных эсеров имелись, но помешали, очевидно, иные обстоятельства. В 1928 г. в Париже на заседании II съезда Заграничных организаций ПСР С.П. Постников в докладе о деятельности Заграничной делегации партии с горечью отмечал: «Партийный архив находится в полной сохранности в надежном месте, под замком. Богатейший архив, который, к сожалению, никем не разрабатывается» [7].

Свою концепцию истории партии эсеров после Октябрьской революции представила в 1922 г. Заграничная делегация ПСР. Причиной этому послужила широкая антиэсеровская кампания, развернутая в Советской России весной и летом 1922 г. вокруг судебного процесса над ЦК ПСР и партийными активистами. Заграничные эсеры уже 7 марта 1922 г. создали в Берлине комиссию по ведению кампании в связи с процессом в Москве [8. С. 245–257]. Среди многочисленной печатной продукции, изданной Заграничной делегацией, выделяется сборник «Двенадцать смертников», в приложении к которому правые эсеры представили очерк истории ПСР после Октябрьской революции [9]. Он стал своеобразным ответом на прозвучавшие в Москве обвинения в адрес социалистов-революционеров.

Эсеры предъявили большевикам контробвинения и категорически отрицали свою вину в инкриминируемых им преступлениях. Большевики обвинялись в вооруженном диктате и репрессиях по отношению к социалистам, арестах, закрытии эсеровских газет и типографий, роспуске антибольшевистских Советов. Свое поражение в Гражданской войне эсеры объясняли заговорами буржуазно-монархических групп, синхронно с большевиками напавших на демократические силы в Поволжье и Сибири. Цитируя решения IX Совета, Заграничная делегация доказывала, что ПСР прекратила вооруженную борьбу с большевиками и сосредоточила все свои силы на борьбе с реакцией [Там же. С. 125]. Приведенные факты, указывалось в заключении, вполне достаточны для опровержения «клеветнических измышлений» большевиков.

С оценками Заграничной делегации ПСР были солидарны известный немецкий социал-демократ К. Каутский и русский меньшевик В.С. Войтинский, представившие свои статьи в сборнике «Двенадцать смертников». По мнению К. Каутского, большевики первыми применили насилие по отношению к другим социалистам и разогнали Учредительное собрание потому, что признали свое бессилие в попытках привлечь на свою сторону большинство пролетариата и крестьянства методами пропаганды. В таких условиях оппозиции оставалась только одна форма открытого политического выступления – Гражданская война [10. С. 9]. В.С. Войтинский указывал, что суд над эсерами в Москве – последнее звено в длинной цепи преследований социалистов в Советской России, которые начались сразу же после захвата власти большевиками [11. С. 23].

Концепция истории ПСР, представленная Заграничной делегацией, носила преимущественно рекламный характер и умалчивала о некоторых существенных сторонах партийной жизни. Не упоминалось о репрессиях, к которым прибегали сами правые эсеры в эпоху Комуца, оставался в тени вопрос о партийных расколах, тактических ошибках партии, имевших серьезные последствия. В своем кругу, как отмечалось выше, эсеры высказывались гораздо откровеннее. Издания же, ориентированные на широкие круги западного общества (сборник «Двенадцать смертников» был переведен на немецкий, английский, французский и чешский языки), создавали впечатление, что в плачевном положении ПСР в Советской России повинны исключительно большевистские репрессии. Столь же рекламный характер носил очерк В.М. Чернова об истории ПСР, подготовленный для несостоявшегося издания Ф. Адлера «Handbuch des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Впрочем, В.М. Чернов в 1920–1930-е гг. многократно обращался к истории ПСР, но ни одна из этих попыток не была доведена до логического конца.

Размышления об историческом пути ПСР звучали на конференции пражской группы социалистов-революционеров 1931 г. Материалы этой конференции являются ценным источником для понимания эволю-

ции программных установок партии социалистов-революционеров в эмиграции в 1920–1930-е гг. [12]. В ее работе принимали участие такие известные деятели партии, как Е.Е. Лазарев, В.Г. Архангельский, С.П. Постников, И.А. Якушев и др. (Чернов, находившийся в то время также в Праге, не был приглашен на конференцию из-за конфликта различных частей Заграничной организации ПСР).

Вопросы истории партии не находились в повестке дня, однако так или иначе затрагивались докладчиками. Более того, отношение пражских эсеров (среди которых были представители разных партийных течений) к прошлому партии социалистов-революционеров, особенно событиям 1917 г., являлось довольно критическим. Это было заметно во время обсуждения вопроса о политическом строе России после большевизма (доклад С.Н. Николаева и Е.Е. Лазарева). Так, И.И. Калюжный, размышляя о причинах поражения ПСР, отметил ошибочность поддержки эсерами советов. По его мнению, «Временное правительство, государственная власть, ответственная за свои действия перед страной, оказалась фикцией, лишенной всякого значения и силы. Фактическая власть была у безответственной частной политической организации – у советов. И партия с.-р., находясь еще в зените своего значения и влияния, не только допустила такое развитие советов, но и способствовала ему». Вывод Калюжного вполне определен: «партия с.-р. оказалась негосударственной и несостоятельной логически. Если она сознательно и способствовала всем своим поведением фактическому захвату власти советами, она должна была бы сделать соответствующие выводы – возложить на советы и ответственность, устранить временное правительство и установить единовластие» [13].

Напротив, эсер Я.Г. Лозовой видел проблему партии именно в уходе в государственные дела: «Партия государство никогда не отрицало. Можно утверждать обратное: в 1917 г. партия слишком ушла в “государственность”. Задачи общегосударственные, защита границ (оборончество) от внешнего врага, охрана правопорядка и права внутри страны и т.д. были в России во время революции задачами доминирующими, в ущерб политическим задачам партии как таковой. <...> Партия отставала государство как программный пункт, но, к сожалению, в партии не было решимости отстаивать свои задачи и цели, не было воли, а главное людей» [Там же].

Дискуссии такого рода шли в партии и в 1917 г., и в эмиграции; фактически они продолжаются и в современной исторической науке. Видимо, рациональные моменты есть и в той, и в другой позиции: с одной стороны, эсеры действительно превратились в 1917 г. из демократов в «государственников», однако эта эволюция была неполной и не затронула всю партию, с другой стороны, недооценка государственных институтов и переоценка массовых организаций (а XX в. трансформация общества проходит через государство) привела ПСР к кризису.

Наибольшее внимание причинам поражения ПСР уделил в своем докладе на пражской конференции С.П. Постников (1883–1965), опытный социалист-революционер, в 1917 г. депутат Учредительного собрания, гласный Петроградской думы и секретарь редакции главного партийного печатного органа – газеты «Дело народа». Постников вообще отличался вниманием к партийной истории. Тогда же, в статье 1931 г., он подвел некоторые неутешительные итоги изучения истории ПСР в послеоктябрьский период: «Наш центральный комитет последнего состава сознавал всю необходимость скорейшего составления истории партии. На одном из своих заседаний в 1919 г., когда еще большинство членов его, хотя и нелегально, но еще были на свободе, ЦК рассмотрел и утвердил программу, по которой должна быть составлена история партии. Были распределены и статьи между авторами. Но, к сожалению, большинство вскоре были арестованы и лишены возможности работать. <...> В с.-р. эмиграции было несколько попыток издания исторических сборников. Но партийная неурядица каждый раз препятствовала осуществлению этого дела, казалось бы никакого отношения не имеющего к фракционным раздорам. За последние годы мною подготавливается материал для работы по составлению истории партии. Но эта работа удовлетворительно, конечно, не может быть выполнена индивидуальными силами.

Зимой 1930 г. Минором, Сухомлиным и мною составлена примерная программа истории ПСР, причем предложено выпустить два тома, приблизительно по 20 листов каждый.

Первый том предполагается посвятить собственно истории партии и второй том ее мирозерцанию, теории и отдельным видам работы. Успех работы по составлению и изданию истории будет зависеть оттого насколько заграничные эсеры, вне зависимости от своих группировок сочтут ее своим общим делом» [14. С. 6–7].

В выступлении на пражской конференции 1931 г. Постников обратил внимание на проблему соотношения программы и тактики партии в 1917 г., а также на состояние партийных кадров. Он отмечал: «...итак, наша программа была хороша. Но почему же все-таки мы потерпели в революции разгром и поражение? По этому поводу следует вспомнить известную фразу Чернова, сказанную им еще в полемике с “искровцами”: “мы-то, может быть, и плохи, но программа наша хороша”. Чернов, конечно, тогда и не подозревал, сколько правды окажется в обеих частях его фразы в эпоху революции 1917 г. За нашу программу голосовал чуть ли не весь народ, но мы не сумели использовать это и провести свою программу, оказавшись плохими политиками и тактиками» [13]. И далее Постников обобщил причины неудачи партии: «...преимущество большевиков было в том, что они имели почти гениального тактика и организатора в лице своего лидера Ленина, в то время как у нас, с одной стороны, был лидером только теоретик Чернов,

а с другой стороны Керенский, главный герой февральской революции, хотя и политический тактик, но органически не связанный с партией и часто действовавший в порядке индивидуальном» [Там же]. Ярким примером стала позиция ПСР в эпоху Брестского мира, «...когда партия в угоду принципам совершенно не считалась с реальной действительностью. Если бы партия действительно хотела, чтобы Учредительное Собрание имело возможность работать по восстановлению страны и по проведению требований революционной демократии, то прежде всего надо было заключать какой-то “модус вивенди” с немцами...» [Там же]. Из этого опыта партия должна была вынести очень важный урок – учитывать фактическое соотношение сил при решении политических вопросов, особенно, как подчеркнул Постников, при решении национального вопроса, который, наряду с аграрным, являлся наиболее принципиальным в России.

Главное, что объединяло всю эсеровскую эмиграцию в оценке деятельности партии в годы Гражданской войны, – стремление представить борьбу ПСР как «третий путь», движение за настоящее народовластие, подлинную демократию и социализм. Можно согласиться с историком А.В. Медведевым, утверждающим, что эсеры «не создали более или менее завершенной картины Гражданской войны, борьбы классов и партий. <...> Однако вряд ли верно то, что эсеры стремились «замолчать свою роль в разжигании Гражданской войны, нередко шли на заведомую фальсификацию событий и домыслы...» [15. С. 39–40]. Бесспорно, социалистам-революционерам, как и всякой другой партии, было свойственно желание оправдать свои действия. Однако нет оснований обвинять их в заведомом искажении фактов. Более того, в отдельных работах эсеров встречается резкая критика деятельности ПСР в 1917–1918 гг., откровенно признаются крупные и «роковые» ошибки партии [16].

С 1930-х гг. эмигрантских исследований по истории ПСР стало гораздо меньше. Сказались многочисленные конфликты, сотрясавшие партию правых эсеров за границей, общее ухудшение положения выходцев из России в Европе. Парижский съезд (1928) стал последним форумом в истории партии социалистов-революционеров, где были представлены, пусть и не в полном объеме, различные течения в партии социалистов-революционеров. Дальнейшие попытки собрать зарубежных эсеров и наладить общепартийную работу оказались безуспешны. На конференции пражской группы ПСР 1931 г. И.А. Якушев отмечал, что «...связь с

Россией оборвалась, ЗД практически не существует, во всяком случае, общепартийной работы не ведет, отсутствует и центральный орган». Угасает и издательская деятельность партии. Журнал «Революционная Россия» перестал выходить в Праге в 1931 г. (на № 77/78), «Воля России» и «Социалист-революционер» прекратили свое существование в 1932 г. Только в Париже в 1933–1936 гг. группе эсеров под редакцией В.В. Руднева удалось выпустить шесть номеров журнала «Свобода».

В целом эсеровские (как и меньшевистские) авторы, признавая свои политические ошибки, главной причиной поражения все же считали слабость тех общественных сил, на которые мог опереться в России демократический социализм. Социальной опорой демократии социалисты-революционеры считали «трудящийся класс» (рабочие, крестьяне, интеллигенция), а социал-демократы – пролетариат. Неудачный для социалистических партий исход российской революции был связан в первую очередь с тем, что эти общественные классы не успели в полной мере сформироваться и достигнуть необходимой степени зрелости. Их борьба против большевизма всегда имела существенные самоограничения и почти никогда не была последовательной.

Версии эмигрантской историографии и мемуаристики о причинах поражения эсеров оказали влияние на развитие зарубежной исторической науки. До сих пор эта тема не стала предметом специального исследования. Между тем утверждения социалистов-революционеров-эмигрантов о «подлинно крестьянском, народном» характере их партии активно использовались западной исторической наукой, особенно в 1950-е гг. Зарубежная историография социалистических партий также прошла сложный путь, меняясь как под воздействием текущих событий (прежде всего, холодной войны), так и под влиянием метаморфоз внутри самой исторической науки. Важным корректирующим фактором было воздействие советской историографии, противостояние двух идеологически полярных мировоззрений, «стартовавшее» сразу после Октябрьской революции. Эмигрантская либеральная и социалистическая литература, педалируя идею «искусственности» прихода большевиков к власти, признавая права на подлинность лишь за революцией Февральской, серьезно воздействовала на послевоенную западную, прежде всего американскую, русистику 1950-х гг. В годы холодной войны именно этот образ – противопоставление двух революций – утвердился в академических кругах и общественном сознании Запада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткий отчет о работах Четвертого Съезда Партии социалистов-революционеров (26 ноября – 5 декабря 1917 г.). Пг., 1918.
2. Базанов П.Н. Издательская деятельность Заграничной делегации партии социалистов-революционеров: на материалах Бахметевского архива (США) и ГАРФ (Россия) // Политические партии России: прошлое и настоящее : матер. конф. СПб., 2005. С. 263–273.
3. Кожевин В.Л. Историк – очевидец событий: «ситуация пограничья» // Мир историка. XX век. М., 2002.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 6065. Оп. 1. Д. 63.
5. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 9. Folder 3.
6. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 9. Folder 6.

7. ГАРФ. Ф. Р-6108. Оп. 1. Д. 24.
8. Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926) : этика и тактика противоборства. М., 2005.
9. Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922.
10. Каутский К. Московский суд и большевизм // Двенадцать смертников. Берлин, 1922.
11. Войтинский Вл. Суд над социалистами-революционерами в Москве // Двенадцать смертников. Берлин, 1922.
12. Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. / Публикацию подготовили А.П. Новиков и А.Ю. Суслов // Вопросы истории. 2014. № 8. С. 3–26; № 9. С. 3–15; № 10. С. 3–14; № 11. С. 3–18; № 12. С. 3–19; 2015. № 1. С. 3–15.
13. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 28. Folder 11.
14. Постников С.П. К истории Партии социалистов-революционеров // Социалист-революционер. Париж. 1931. № 3 (январь).
15. Медведев А.В. Большевики и неонародники в борьбе за крестьянство в годы Гражданской войны, октябрь 1917 – 1920 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 1994.
16. Сухомлин В.В. Политические заметки // Воля России. Прага, 1928. № 10–11. С. 156–167.

Suslov Aleksey Y. Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation). E-mail: plusha131333@yandex.ru

SOCIALIST-REVOLUTIONARY EMIGRATION ABOUT THE PROBLEMS OF THE PARTY HISTORY (1920–1930).

Keywords: the party of socialists-revolutionaries; emigration; revolution; civil war; historiography.

The article is devoted to interpretations of the history of the party of socialist revolutionaries given by the SRS in the final, the emigrant period of their existence (1920–1930). The author analyses the features of the socialist revolutionary emigration after October 1917, the key moments of its formation and development. The formation of the socialist revolutionary emigration after the October 1917 had its own peculiarities in respect of members of the PSR (unlike the social Democrats, Mensheviks or members of the cadet party), generally not practiced expulsion abroad. The repeated attempts of writing party history, attention to the issue of eminent party members are also marked. The history of the PSR was the subject of research of V.M.Chernov, S.P.Postnikov, V.V.Sukhomlin, O.S.Minor. Socialist Revolutionaries in exile several times referred to the history of the party in connection with major events of the political life of Russia and Abroad in 1920–1930. The author also analyses the problems of party history during the controversy surrounding the trial of 1922 over the leaders of the PSR, as well as at the conference of the Prague group of the Party of Socialists Revolutionaries in 1931. The process of 1922 brought to life official interpretation of the history of the PSR given largely for promotional purposes. More frank and critical analysis is contained in the speeches of the conference on theoretical Prague group of the Party of Socialists Revolutionaries in 1931. The author examines the main approaches SRs emigrants to the activities of the party in 1917–1920, the period of revolution and civil war, highlighted the reasons for the failures of the RPS in the political struggle. On the whole SR authors, while acknowledging their political mistakes, the main reason for the defeat considered the weakness of those social forces that could draw in Russia of democratic socialism. The social pillar of democracy the socialists-revolutionaries considered the "worker class" (workers, peasants, intellectuals), but the Social Democrats – the proletariat. Unfortunate for socialist parties of the outcome of the Russian revolution was associated primarily with the fact that these public classes are not yet fully formed and to achieve the required degree of maturity. Underscored the revolutionary impact of evaluations on the subsequent development of foreign historiography. Version émigré historiography and memoirs about the reasons for the defeat of the socialist party has influenced the historical development of foreign science. Still, this topic has not been the subject of special study. Meanwhile, the claims of the socialist revolutionary emigrants "authentically peasant folk" nature of their party was actively used Western historical science, especially in the 1950-es. Emigrant liberal and socialist literature emphasized the idea of "artificiality" the Bolsheviks came to power, recognizing rights for authenticity only after the February revolution, seriously influenced post-war Western, primarily American, Russian Studies.

REFERENCES

1. The Socialists-Revolutionary Party. (1918) *Kratkiy otchet o rabotakh Chetvertogo S"ezda Partii sotsialistov-revolutsionerov (26 noyabrya – 5 dekabr' 1917 g.)* [The summary of the Fourth Congress of the Socialist Revolutionary Party (26th November – 5th December 1917)]. Petrograd.
2. Bazanov, P.N. (2005) *Izdatel'skaya deyatel'nost' Zagranichnoy delegatsii partii sotsialistov-revolutsionerov: na materialakh Bakhmetevskogo arkhiva (SShA) i GARF (Rossiya)* [Publishing activities of the Foreign Delegation of the Socialist-Revolutionaries: based on Bakhmeteff's Archive (USA) and the State Archives of the Russian Federation (Russia)]. *Politicheskie partii Rossii: proshloe i nastoyashchee* [The Russian Political Party: The Past and Present]. St. Petersburg. pp. 263–273.
3. Kozhevnikov, V.L. (2002) *Istoriik – ochevidets sobytiy: "situatsiya pograniich'ya"* [The historian as an eyewitness: "the borderland situation"]. In: Sakharov, A.N. (ed.) *Mir istorika. XX vek* [The World of a Historian. The 20th century]. Moscow: RAS.
4. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 6065. List 1. File 63.
5. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 9. Folder 3.
6. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 9. Folder 6.
7. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-6108. List 1. File 24.
8. Morozov, K.N. (2005) *Sudebnyy protsess sotsialistov-revolutsionerov i tyuremnnoe protivostoyanie (1922–1926): etika i taktika protivoborstva* [The trial of the Socialist-Revolutionaries and jail opposition (1922–1926): ethics and tactics of warfare]. Moscow: ROSSPEN.
9. Voitinsky, Vl. et al. (1922) *Dvenadtsat' smertnikov. Sud nad sotsialistami-revolutsionerami v Moskve* [Twelve suicide bombers. The trial of the Socialist-Revolutionaries in Moscow]. Berlin: The Socialist-Revolutionaries Foreign Delegation.
10. Kautsky, K. (1922) *Moskovskiy sud i bol'shevizm* [The Moscow trial and Bolshevism]. In: Voitinsky, V. et al. (1922) *Dvenadtsat' smertnikov. Sud nad sotsialistami-revolutsionerami v Moskve* [Twelve suicide bombers. The trial of the Socialist-Revolutionaries in Moscow]. Berlin: The Socialist-Revolutionaries Foreign Delegation.
11. Voytinsky, Vl. (1922) *Sud nad sotsialistami-revolutsionerami v Moskve* [The trial of the Socialist-Revolutionaries in Moscow]. In: Voitinsky, V. et al. (1922) *Dvenadtsat' smertnikov. Sud nad sotsialistami-revolutsionerami v Moskve* [Twelve suicide bombers. The trial of the Socialist-Revolutionaries in Moscow]. Berlin: The Socialist-Revolutionaries Foreign Delegation.
12. Novikov, A.P. & Suslov, A.Yu. (eds.) (2014) *Konferentsiya Prazhskoy gruppy partii sotsialistov-revolutsionerov 1931 g.* [The Conference of the Prague group of the Socialist Revolutionary Party in 1931]. *Voprosy istorii*. 8. pp. 3–26.
13. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 28. Folder 11.
14. Postnikov, S.P. (1931) *K istorii Partii sotsialistov-revolutsionerov* [On the history of the Socialist Revolutionary Party]. *Sotsialist-revolutsioner*. 3.
15. Medvedev, A.V. (1994) *Bol'sheviki i neonarodniki v bor'be za krest'yanstvo v gody grazhdanskoy voyny, oktyabr' 1917 – 1920 gg.* [The Bolsheviks and neonarodniki in the fight for the peasantry during the Civil War, October 1917–1920]. History Doc. Diss. Nizhny Novgorod.
16. Sukhomlin, V.V. (1928) *Politicheskie zametki* [Political notes]. *Volya Rossii*. 10–11. pp. 156–167.

УДК 94(470)19
DOI 10.17223/19988613/38/7

Д.А. Пинаева, Р.Р. Юнусова

РАСПРОСТРАНЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И ПЕРЕДОВОГО ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОПЫТА В 1940–1980 гг. (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»)

Публикация осуществлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 15-11-16004 а(р).

Статья посвящена изучению деятельности Татарской республиканской организации общества «Знание» по развитию лекционной пропаганды научно-технических достижений и передового опыта. Показана эволюция форм и методов лекционной работы, изучены влияние государственной политики на лекционную пропаганду, особенности взаимодействия с организациями, занимающимися разработкой и внедрением технических новшеств и передового опыта, выявлены проблемы лекционной деятельности. На основе анализа архивных материалов показано влияние деятельности Общества на экономическое развитие республики.

Ключевые слова: пропаганда научно-технических знаний; пропаганда передового опыта; лекционная пропаганда; распространение знаний; общество «Знание»; Татарская АССР.

После окончания Второй мировой войны в СССР начинается новый этап модернизации промышленности, вызвавший необходимость мобилизации научно-производственного потенциала страны для решения задач ускоренного развития в условиях нового витка противостояния капиталистической и социалистической систем развития. Новые производственно-технические условия требовали от широких слоев населения овладения техническими знаниями, передовыми разработками, достижениями науки и техники. Важнейшей задачей стало формирование у населения, особенно молодежи, интереса к техническому творчеству и производственному труду. Одним из способов решения поставленных задач была пропаганда научно-технических знаний среди широких слоев населения.

Термин «пропаганда» применим к объекту исследования, поскольку подразумевает не только распространение знаний, но и активное восприятие этих знаний населением [1. С. 250–251].

Понятие «научно-технические знания», применяемое в статье, подразумевает технические решения, в которых реализуются достижения науки. Пропаганда передового производственного опыта подразумевает распространение знаний об изобретениях и рационализаторских предложениях, технологиях их применения на конкретных производствах, а также знаний о деятельности новаторов и передовиков производства.

В данной работе рассматриваются особенности организации пропаганды научно-технических знаний и передового производственного опыта преимущественно в городах Татарской АССР, поскольку в городах имелся кадровый потенциал для организации мероприятий, выше была потребность в ускоренном внедрении достижений науки и техники в производство.

Казанское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, созданное в 1947 г. (с 1949 г. – Татарское отделение

Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, с 1964 г. – Татарская республиканская организация общества «Знание») (далее – Общество), являлось мощной, институционально развитой пропагандистской организацией [2]. Архивные материалы позволяют изучить особенности организации, формы, методы и другие аспекты лекционной пропаганды.

Следует отметить, что пропаганда научно-технических знаний являлась одним из самых сложных участков деятельности Общества, поскольку далеко не каждый может доступно изложить сложные технические вопросы, заинтересовать публику, грамотно ответить на вопросы. С одной стороны, пропаганда научно-технических знаний и передового опыта требует наличия высококвалифицированных лекторов, ученых-специалистов в узких областях знания, с другой стороны, необходима тесная связь с предприятиями, на которых реализуются научно-технические знания в виде изобретений, рационализаторских предложений, новаций.

В первые же месяцы своего существования Казанское отделение Общества начало налаживать связь с заводами республики: авиационным заводом им. С.П. Горбунова (г. Казань), машиностроительным заводом им. С.М. Кирова (г. Казань), Казанским механическим комбинатом, ремонтно-механическим заводом (г. Свияжск) и др., по заказу которых в 1947 г. было организовано несколько лекций на научно-технические темы. Так, по заказу Свияжского завода были прочитаны лекции на темы «Новейшие течения в теории сопротивления материалов», «Новейшие данные по механической обработке металлов» и др. О востребованности просветительской работы говорит тот факт, что руководители предприятий обращались в Казанское отделение Общества для организации повторных лекций [3. Л. 20, 88].

Динамика лекционной работы по пропаганде научно-технических знаний и передового производственного опыта*

Год	Всего прочитано лекций	Прочитано лекций на научно-технические темы и об опыте передовиков производства	3/2 (%)
1949	4 582	32	0,7
1955	10 631	362	3,4
1962	130 727	5 536	4,2
1965	154 263	8 394	5,4
1970	193 598	8 990	4,6
1976	254 183	13 068	5,1
1980	286 669	16 538	5,8
1985	282 170	17 014	6,0

*См.: [4. Л. 10, 11; 5. Л. 3; 6. Л. 1; 7. Л. 1; 8. Л. 1; 9. Л. 3; 10. Л. 1; 11. Л. 1].

Несмотря на некоторые успехи, в конце 1940-х гг. пропаганда научно-технических знаний и передового опыта в республике оставалась на низком уровне. Как видно из таблицы, из прочитанных в 1949 г. 4 582 лекций пропаганды технических знаний были посвящены всего 32 (0,7%). Основная проблема заключалась в отсутствии лекторов подходящей квалификации, имеющих производственный опыт. Крайне плохо обстояло дело с привлечением в ряды Общества инженерно-технических работников (ИТР). О неудовлетворительном состоянии пропаганды научно-технических знаний говорит и тот факт, что к 1949 г. в республике было открыто всего три лектория: на заводе им. Горбунова, заводе им. Ленина и заводе им. С.М. Кирова (все в г. Казань) [4. Л. 12].

Такое положение дел было признано неудовлетворительным. В 1949 г. Казанское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний было преобразовано в Татарское, что подчеркивало необходимость усиления пропаганды знаний на территории всей республики. В городах создавались городские и районные отделения общества, на предприятиях и организациях – первичные [2]. Реформа принесла некоторые положительные результаты. В 1950 г. в республике насчитывалось уже 18 заводских и фабричных лекториев, на 9 промышленных предприятиях Казани были созданы первичные организации [4. Л. 109, 119]. В 1955 г. в республике были прочитаны 362 лекции на научно-технические темы и об опыте передовиков производства, что в 10 раз больше, чем в 1949 г. (см. таблицу). Вместе с тем необходимо отметить, что благодаря реформе значительно увеличилось общее количество лекций по международной тематике, истории КПСС, праву и педагогике, доля же лекций по научно-технической тематике оставалась незначительной (всего 3,4% в 1955 г.). Наиболее отстающим участком в пропаганде было распространение передового опыта. Основная проблема заключалась в том, что среди новаторов производства, рационализаторов и изобретателей немногие были готовы рассказывать о своих достижениях широкой аудитории, поскольку не имели соответствующего опыта лекторской работы.

Для решения проблемы привлечения инженерно-технических работников, рационализаторов, новаторов производства к распространению передового опыта, а

также увеличения числа мероприятий, посвященных пропаганде научно-технических достижений советской и мировой науки, были предприняты следующие меры. На всех крупных предприятиях республики были созданы первичные организации Общества и молодежные лектории. Это позволило значительно усилить лекционную пропаганду и организовать методическую помощь начинающим лекторам, усилить контроль за качеством читаемых лекций.

Одним из ярких положительных примеров можно считать работу первичной организации Общества при Казанском химико-технологическом институте им. С.М. Кирова (КХТИ), которая была создана в 1960 г. и объединила 86 научных работников, профессоров, доцентов, ассистентов из различных областей науки и техники. Тематика читаемых лекций отличалась разнообразием: из 130 тем большинство было посвящено задачам семилетнего плана и путям его выполнения, ускоренному развитию технического прогресса в стране, большой химии, новой технике [12. Л. 45, 46]. Тематика лекций была доведена до сведения крупнейших предприятий города, которые отправляли в первичную организацию Общества заявки на интересные их темы и согласовывали даты проведения мероприятий. Большинство лекций, прочитанных в 1960–1962 гг., читались именно по заявкам предприятий. По наиболее перспективным темам организовывались циклы лекций. Так, в 1960 г. группой лекторов были проведены циклы лекций на темы: «Современное представление о теории химического строения», «Достижения советских ученых в области фосфорорганических соединений», «Большая химия и современная промышленность», «Комплексная автоматизация основных процессов в производстве синтетического каучука и спирта» и др. [13. Л. 47].

Группой Общества при КХТИ была создана выставка, отражающая 7-летний план развития химической промышленности, в ходе проведения которой организовывались экскурсии, беседы, консультации. Всего за время работы выставки ее посетили 1 700 человек, была проведена 81 экскурсия.

Члены Общества проводили консультации на предприятиях, по научно-техническим вопросам на кафедре неорганической химии проводились семинары гальваностоегов с участием представителей промышленных предприятий города и республики, читали лекции в

Университете молодого химика, на семинарах учителей в общежитиях, производственных мастерских и школах [12. Л. 48].

Важнейшим направлением деятельности Татарского отделения Общества стало тесное сотрудничество с организациями, занимающимися разработкой и внедрением в производство научно-технических новшеств: инженерно-техническими обществами (с 1954 г. — научно-технические общества (НТО)), службами технической информации предприятий (НТИ), Всесоюзным обществом изобретателей и рационализаторов (ВОИР) и др. Благодаря более тесной интеграции исключался параллелизм в работе, ряды Общества пополнялись высококвалифицированными инженерами. С другой стороны, Общество оказывало методическую и организационную поддержку указанным организациям при проведении конференций, выставок, семинаров. Так, совместно с первичными организациями ВОИР и НТО на заводе им. Горбунова были организованы институт передового опыта и заводской университет технической культуры, слушатели которых выступали с ценными инициативами. Например, инженер-конструктор завода В.П. Олимпиев взял шефство над цеховой бригадой в целях изыскания внутренних резервов для повышения производительности труда и культурно-технического уровня членов бригады. Ежедневно В.П. Олимпиев проводил в бригаде беседы на научно-технические темы, организовывал обсуждение вопросов улучшения организации труда, что привело к внесению на рассмотрение бригады ряда рационализаторских предложений [Там же. Л. 5].

Организационный вывод о необходимости интеграции деятельности всех учреждений, занимающихся распространением научно-технических знаний, лег в основу решения о создании в 1960 г. Республиканского научно-методического совета по координации пропаганды технических знаний, который должен был объединить усилия всех пропагандистских организаций технического профиля. В Совет входили представители научно-методического совета по пропаганде научно-технических знаний и передового опыта Татарского республиканского отделения общества по распространению политических и научных знаний, представители НТО, ВОИР, Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете министров ТАССР, представители Дома научно-технической пропаганды, ЦБТИ (Центральное бюро технической информации), книжного издательства. Данный совет регулярно рассматривал планы пропаганды научно-технических знаний и передового опыта почти всех предприятий Татарской АССР. Эти планы координировались, наиболее крупные мероприятия объединялись в сводные годовые планы [14. Л. 12].

Совершенствовались формы пропаганды технических знаний. Новой формой в работе Татарского республиканского отделения Общества явилось проведение недель или декад технического прогресса. Так, в

1960 г. была проведена «Неделя технического прогресса» одновременно в четырех нефтяных районах Татарстана: Альметьевском, Азнакаевском, Лениногорском, Бавлинском. Для организации мероприятия во все эти районы в начале февраля 1960 г. из Казани были направлены бригады по 5–6 человек. План проведения «Недели» в каждом из четырех районов обсуждался в райкомах КПСС с участием партработников, руководителей организаций Общества, первичных организаций НТО и ВОИР, специалистов-производственников. Это позволило наиболее полно учесть местные запросы и возможности.

В рамках «Недели» на предприятиях, стройках, в рабочих клубах, красных уголках и общежитиях было проведено более 250 лекций по вопросам технического прогресса. Для сравнения, Альметьевским отделением Общества за весь 1959 г. на эти темы было прочитано всего 88 лекций. Кроме традиционных лекций было организовано 8 совещаний-семинаров по обмену опытом бригад и ударников коммунистического труда, 9 вечеров ответов на вопросы, 4 тематических вечера о перспективах развития экономики региона, 11 встреч с передовиками производства, 5 экономических и технических конференций, 8 коллективных выездов лекторов на предприятия, 2 технические консультации и ежедневный показ технических кинофильмов, подготовлены технические странички в районные газеты. В ходе подготовки и проведения «Недели» были организованы два университета технической культуры и передового опыта в Азнакаеве и рабочем поселке Актюбинском. На первом занятии этих университетов (24–25 февраля 1960 г.) присутствовали более 300 нефтяников [13. Л. 4, 5].

В ходе «Недели» были приняты в члены Общества 60 ИТР и новаторов производства, организованы четыре новые группы Общества. Были вскрыты также и недостатки в организации и содержании научно-технической пропаганды, вносились предложения по их устранению [Там же. Л. 6].

Проведение подобных мероприятий в республике позволяло широко использовать в одном комплексе разнообразные средства устной и печатной пропаганды, активизировать распространение передового опыта. Участие в проведении «Недели» различных организаций служило укреплению и развитию контактов между отделениями Общества, организациями НТО, ВОИР и учреждениями культуры.

За 9 месяцев 1960 г. было проведено 6 «Недель» технического прогресса в нефтяных районах Татарстана, 3 «Недели» пропаганды технических знаний и передового опыта: в Зеленодольском районе, Приволжском и Бауманском районах Казани [12. Л. 11, 12].

Эффективным мероприятием признавались так называемые «Дни лекции», когда на предприятиях в определенный день проводились лекционные мероприятия по различным темам и слушатели сами выбирали, какое мероприятие им посетить. В 1959–1960 гг. на

предприятиях Приволжского, Советского районов Казани, в Аэропорту было проведено свыше 60 «Дней лекции» [12. Л. 46].

С 1960-х гг. популярность приобрела новая форма повышения культурного и технического уровня трудящихся – двухгодичные институты передового опыта [Там же. Л. 20, 47].

Данные мероприятия привели к некоторым положительным результатам. Так, в 1962 г. только по линии Татарского республиканского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний было прочитано 3 602 лекции на научно-технические темы и еще 1 934 лекции об опыте передовиков и новаторов промышленности, транспорта и строительства, что в 15 раз больше, чем в 1955 г. Однако в общем количестве читаемых Обществом лекций научно-техническая тематика составила чуть больше 4% (см. таблицу).

Одной из проблем, с которыми сталкивались пропагандисты науки, ученые, практические работники, была проблема поиска и систематизации научно-технической информации: о том, какие открытия, изобретения и рационализаторские предложения были сделаны, где и кем. Данному вопросу уделялось серьезное государственное внимание. 29 ноября 1966 г. вышло в свет Постановление Совета министров СССР № 916 «Об общегосударственной системе научно-технической информации» [15], направленное на укрепление и активизацию работы по отбору и внедрению технических новшеств, по распространению передового производственного опыта. В соответствии с Постановлением на предприятиях должны были быть созданы службы технической информации. Одной из мер совершенствования информационной доступности было создание информационных карт на внедрение новшеств. На предприятиях стали составляться координационные планы научно-технической пропаганды.

Татарское республиканское отделение общества «Знание» также совершенствовало свою работу. Начиная с 1967 г. Общество приступило к составлению сводных планов научно-технической пропаганды на всех предприятиях республики; к чтению лекций привлекались специалисты, ИТР, новаторы (среди членов Общества в 1967 г. насчитывалось 2 618 – 12% инженеров и техников); создавалась общая база лекторов с темами выступлений [14. Л. 11].

В порядке обмена опытом научно-методический совет по пропаганде научно-технических знаний Татарского республиканского отделения общества «Знание» приглашал из Москвы, Ленинграда и Свердловска новаторов производства. Например, из Ленинграда был приглашен инженер Ю.К. Беловинский, из Москвы – токарь-новатор тов. Ильин. На чертежи их изобретений и рационализаций был целый ряд заявок [Там же. Л. 11–12].

Большие усилия прикладывались к расширению сети народных университетов технического прогресса и пе-

редового опыта, которые были признаны эффективным способом повышения квалификации и творческой активности работников промышленных предприятий [16].

Показателен в этом отношении опыт народного университета технического прогресса Казанского электротехнического завода. Этот университет имел три факультета: конструкторский, технологический и факультет качества и надежности. Председателем Совета университета являлся главный инженер завода Р.С. Гильфанов.

В программе университета были отражены конкретные проблемы развития предприятия и совершенствования производства на ближайшее время, большое внимание уделялось обмену опытом на своем предприятии и с другими предприятиями Казани и страны, для чего ежегодно организовывались командировки слушателей [17. Л. 1].

Слушатели, побывавшие в командировках, выступали с отчетами перед товарищами, докладывали о новшествах, внедряемых на других заводах. В результате только в 1973–1974 гг. было внедрено в производство 114 рационализаторских предложений по улучшению конструкции и технологичности изделий, качества и надежности, сделанных слушателями университета.

В целях оперативного распространения научно-технической информации слушатели университета назначались референтами и техническими информаторами, которые дважды в месяц изучали, обобщали и отбирали поступающую на предприятие техническую литературу. По материалам, представляющим ценность для предприятия, проводились «часы» технической информации.

Общим итогом работы университета стало значительное уменьшение брака и увеличение экономии материалов во всех цехах по механической обработке деталей и сборке изделий завода [Там же. Л. 2].

Усиление внимания к пропаганде научно-технических знаний дало положительные результаты. Только по линии общества «Знание» в 1967 г. было прочитано 4 137 лекций на научно-технические темы и 2 368 лекций об опыте работы передовиков производства (около 6% всех лекций). Экономический эффект от внедрения технических новшеств, заимствованных из различных информационных источников, в целом по республике составил в 1967 г. около 25 млн руб. [18. Л. 4].

К концу 1960-х гг. были систематизированы основные формы и методы пропаганды научно-технических знаний и передового опыта, которые включали следующие мероприятия:

– лекции, доклады, беседы на научно-технические темы. Все лекции организовывались и проводились только через общество «Знание». Роль организаций НТО, служб технической информации состояла в том, чтобы правильно определять тематику лекций с учетом задач производства;

– научно-технические конференции, совещания, семинары. Между обществом «Знание», организациями

НТО и службами технической информации распределялись обязанности по проведению подготовительных мероприятий;

– *школы передового опыта* (заводские и межзаводские). Школы были организованы непосредственно в цехах. Содержание работы школ было разным: показ приемов работы новатора, когда сам новатор практически показывал и рассказывал о своих достижениях, занятия специалистов и др. Главное – участники школы должны были усвоить прогрессивные способы работы на отдельных производственных операциях, освоить новую технологию, технические усовершенствования. Например, межзаводская школа, проведенная в январе 1968 г. на заводе «Сантехприбор» по теме «Фрезерование резьбы на автоматах», собрала технологов по механической обработке, конструкторов инструментальных цехов, токарей, фрезеровщиков, автоматчиков 13 предприятий Казани, всего 72 человека [Там же. Л. 14];

– *университеты технического прогресса*. На 1968 г. в республике насчитывалось 17 университетов технического профиля (на заводе «Теплоконтроль», Казанском мотостроительном, авиационном и др.). Организации НТО, «Знание», службы технической информации принимали активное участие в разработке учебных планов и программ, подборе лекторов и т.д. Университеты технического прогресса признавались высшей формой технической учебы;

– *творческие командировки комплексных бригад, производственные экскурсии* играли большую роль в деле заимствования технических новшеств и передового опыта. Роль организаций НТО, «Знание», служб информации состояла в том, чтобы уточнить, на каком предприятии можно изучить опыт по данному вопросу, укомплектовать бригаду;

– *демонстрация научно-технических фильмов, журналов, оперативной информации, прослушивание радиовестников*. На предприятиях практиковались обсуждения просмотренных фильмов, на которых рабочие и ИТР высказывали предложения по использованию новшеств и передового опыта на своем предприятии;

– *тематические выставки, радио, телевидение, наглядная агитация*. Центральное бюро технической информации (ЦБТИ) в 1968 г. располагало десятью тематическими выставками, изготовленными на планшетах. Совместно с обществом «Знание» были налажены регулярные радио- и телепередачи в виде вестников технической информации.

Улучшение координации деятельности организаций, занимающихся распространением научно-технических знаний и передового опыта, дало положительные результаты. Количество рационализаторских предложений в республике в 1967 г. увеличилось, по сравнению с 1966 г., почти на 20%. Внедрение новшеств имело значительный экономический эффект. Однако в 1967 г. организации НТО не смогли обеспе-

чить выполнение плана по новой технике, который был выполнен на 85,7% [Там же. Л. 9]. Кроме прочих причин невыполнения плана, называлась и недостаточная пропаганда научно-технических знаний и несоответствие некоторых лекций современному состоянию развития науки и техники. Отмечалось также, что крайне мало проводилось публичных лекций на научно-технические темы, несмотря на явную заинтересованность в них трудящихся (за 1966–1967 гг. публичных лекций на технические темы было прочитано всего 30). О том, что научно-технический прогресс интересует слушателей, свидетельствует популярность лекций многих членов Общества, например, много положительных отзывов было сделано слушателями на лекцию канд. физ.-мат. наук В.В. Скворцова «Кибернетика и жизнь» [14. Л. 14].

Если говорить о территориальной распространенности лекционной работы, то лучше других обстояло дело с научно-технической пропагандой в г. Зеленодольске, где за 1967 г. было прочитано 303 лекции на научно-технические темы и 54 лекции об опыте передовиков и новаторов. Хорошо обстояло дело в г. Набережные Челны, где были прочитаны 237 и 71 лекция соответственно. Хуже всего с лекционной пропагандой обстояли дела в Бугульме и Елабуге. В первом городе было прочитано всего 89 лекций на научно-технические темы и 24 об опыте передовиков и новаторов. Во втором – 92 и 27 лекций соответственно. Для организации помощи в научно-технической пропаганде в указанных городах были организованы выездные заседания Общества [Там же. Л. 8, 9].

Среди сельских районных организаций Общества хорошо обстояло дело с пропагандой в Агрызе и Азнакаеве. В первом районе было прочитано 115 лекций на научно-технические темы и 33 об опыте передовиков и новаторов. Во втором – 109 и 50 лекций соответственно. Особенно плохо обстояли дела в Куйбышевском, Сабинском, Дрожжановском, Черемшанском, Сармановском, Пестречинском и Высокогорском районах. В Куйбышевском и Сабинском районах, например, за 1967 г. не было прочитано ни одной лекции на научно-технические темы и ни одной об опыте передовиков и новаторов [Там же. Л. 9].

Новый этап развития лекционной пропаганды научно-технических знаний и передового опыта связан с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 августа 1983 г. «О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве», в котором отмечалась необходимость «...широкого и ускоренного внедрения в практику достижений науки, техники, и передового опыта». Пропагандистским организациям предписывалось «...уделить главное внимание пропаганде научных открытий и высокоэффективных изобретений, опыта внедрения результатов научных исследований и разработок в производство, работы по повышению технического уровня и качества продукции, деятельности передовых научно-исследова-

тельских, конструкторских, проектно-конструкторских и технологических организаций, высших учебных заведений, объединений и предприятий...» [19].

В начале 1980-х гг. научно-методический совет (НМС) по пропаганде научно-технических знаний и передового опыта при Правлении Татарского республиканского общества «Знание» особое внимание уделял оказанию методической помощи лекторам, выступающим по научно-технической тематике, поскольку в отчетных документах Общества указывалось на снижение качества читаемых лекций, несоответствие их содержания современному состоянию науки. Только за период с 1982 по 1984 г. был проведен один республиканский и 6 зональных методических семинаров для лекторов в Казани, Бугульме, Брежневе (ныне – Набережные Челны), Нижнекамске. В Нижнекамске на методическом семинаре для лекторов, состоявшемся в 1982 г., были прочитаны лекции «О единой технической политике КПСС», «О научно-техническом прогрессе в строительстве», «Методика подготовки и чтения лекций по научно-технической тематике» и др. [20. Л. 57].

В 1983 г. на семинаре в г. Казани были прочитаны лекции по темам «Основные направления научно-технического прогресса на современном этапе», «Промышленные роботы и их применение для автоматизации производственных процессов», «Лазеры и их применение в технике». Члены НМС принимали участие в проведении семинаров для лекторов на крупных предприятиях республики: КамАЗе, Казанском авиационном производственном объединении (КАПО), Казанском моторостроительном производственном объединении (КМПО), «Оргсинтезе» и др. В 1984 г. было издано 6 методических пособий в помощь лекторам, выступающим по научно-технической тематике, таких как «Основные направления научно-технического прогресса на современном этапе», «Пути рационального использования и экономии материальных и трудовых ресурсов», «Научно-технический прогресс и интенсификация общественного производства» и др. [Там же. Л. 58].

Определенного успеха добились городские организации общества «Знание». Так, в 1985 г. по проблемам научно-технического прогресса и распространения передового производственного опыта в г. Зеленодольске было прочитано 1 022 лекции, организовано 22 цикла лекций. Пропаганду научно-технических знаний вели 155 лекторов, среди которых были 2 кандидата технических наук, лауреат Ленинской премии, лауреат Государственной премии, Заслуженный изобретатель СССР.

Наиболее популярными темами были: «Научно-технический прогресс как средство повышения производительности труда», «Передовая мысль – производству», «Развитие и совершенствование бригадной формы организации и стимулирования труда рабочих на современном этапе».

Координировала работу пропаганды научно-технических знаний научно-методическая секция, которой руководил профессор, преподаватель Казанского авиационного института (КАИ) С.В. Златоустов [Там же. Л. 27].

Эффективность лекционной пропаганды в г. Зеленодольске связывалась с успехами промышленных предприятий. Так, в 1985 г. по производственному объединению «Завод им. Серго» от внедрения рационализаторских предложений была получена 531 тыс. руб. экономии, бригадной формой организации труда было охвачено 77% рабочих [Там же. Л. 28].

Инициатором новой формы пропаганды технических знаний явилась первичная организация завода им. А.М. Горького, где в чтении лекции принимали участие два человека: рационализатор-рабочий, рассказывающий о своем рационализаторском предложении, и инженер, дающий этому техническое обоснование. Такая форма проведения лекций вызвала интерес у слушателей. Научно-методическая секция рекомендовала распространить данный опыт среди других организаций, однако в источниках нет упоминаний о том, что данная практика была использована на других предприятиях [Там же].

Другим положительным примером можно считать деятельность Бауманской районной организации общества «Знание» (г. Казань). В 1985 г. вопросам пропаганды научно-технического прогресса была посвящена 1 751 лекция, опыту передовиков и новаторов производства – 37, в целом – 16% от общего числа лекций, прочитанных в 1985 г. Для сравнения, по Татарской АССР – 6% (см. таблицу). Всего по району лекции на научно-технические темы читали 229 лекторов [Там же. Л. 42].

Результатом работы явились конкретные предложения слушателей по совершенствованию производства, повышению качества продукции, увеличению производительности труда. Так, взятые на себя обязательства по сокращению брака на производстве слушателя школы передового производственного опыта фабрики по пошиву верхней одежды, инженера по сырью М.Е. Семеновой привели к сокращению процента внутренних выпадов на 10 фасонов на 1,5% с выпуском 37 700 единиц, повысилась рентабельность на 0,2%, было сэкономлено ткани 1 696,5 кв. м, подано 2 рационализаторских предложения с экономической эффективностью 2,3 тыс. руб. [Там же. Л. 43].

Большую работу по пропаганде вопросов НТП выполняли лекторы первичной организации общества «Знание» КАИ (председатель – доцент, канд. техн. наук В.А. Назарычев), в которой состояли более 300 человек, из них докторов наук и профессоров – 43 человека, кандидатов наук, доцентов – 193.

В соответствии с фундаментальными исследованиями ученых института, лекционная работа велась по следующим направлениям: проблемы управления, динамики и прочности летательных аппаратов; физико-

химические проблемы двигателей и энергетических установок летательных аппаратов; разработка прогрессивных средств и методов производства деталей, узлов и изделий; исследование проблем радиоэлектроники; исследования по математическим методам оптимизации, автоматизированным системам управления и использованию ЭВМ в производстве.

Как видно из перечня, исследования ученых охватывали широкий круг проблем, связанных с развитием авиационной, космической, информационно-измерительной и вычислительной техники, что могло быть интересно не только специалистам, но и широкому кругу слушателей.

В целях интеграции пропагандистских организаций с вузами, производственными коллективами, исследовательскими институтами ежегодно проводились республиканские смотры-конкурсы творческого сотрудничества по лекционной пропаганде между вузами, НИИ и трудовыми коллективами. В 1985 г. первичная организация общества «Знание» КАИ заняла в таком конкурсе первое место, заключив пять договоров с различными предприятиями республики [20. Л. 43, 44].

Как отмечалось ранее, хорошие результаты давало участие в лекционной пропаганде рационализаторов и изобретателей, т.е. совместная работа организаций общества «Знание», НТО и ВОИР. В таких организациях, как НПО «Мединструмент», ТПО «Радиоприбор», НПО «Вакууммаш», составлялись совместные планы работы. Общими усилиями проводились научно-практические конференции, «Дни специалистов», «Дни новаторов», организовывалась работа школ передового опыта и университетов научно-технического прогресса [Там же. Л. 49].

Высокую эффективность лекционной работы показывали народные университеты технического прогресса. Например, народный университет технического прогресса Казанского завода «Полимерфот» был образован в 1964 г. Многие слушатели университета стали инициаторами соревнования за достижение высоких результатов труда. Об активности слушателей говорит их участие в рационализации и изобретательстве.

Так, в течение 1985/86 учебного года слушателями технологического факультета производства желатина было подано 17 рационализаторских предложений с экономическим эффектом 48,7 тыс. руб. Слушателями технологического факультета производства магнитфонных кассет было подано 8 рацпредложений с общим экономическим эффектом 20 тыс. руб. Слушателями технологического факультета товаров народного потребления подано 18 рационализаторских предложений, из которых внедрено в практику 13 с общим экономическим эффектом 90,9 тыс. руб. На механическом факультете 20 из 33 слушателей являлись активными рационализаторами, причем каждый из них подал два и более рационализаторских предложения [21. Л. 3–4, 31].

Результаты деятельности предприятия показали, что учеба в народном университете непосредственным об-

разом способствовала повышению производительности труда, экономии сырья и материалов, лучшему использованию основных производственных фондов, повышению качества выпускаемой продукции.

Вместе с тем необходимо отметить, что в 1980-е гг. радикального повышения количества лекционных мероприятий по научно-технической тематике не произошло. В 1980 г. удельный вес лекций по общественно-политической тематике составил 66,8%, по научно-технической тематике, экономике промышленности, транспорта, строительства, об опыте передовиков и новаторов производства этих отраслей народного хозяйства – 7,6% [22. Л. 9]. Качественных пропагандистов технических инноваций было крайне мало. Так, например, объединение «Вакууммаш» Приволжского района г. Казани единственное в городе (в числе 26 предприятий) создало в 1984 г. образцово-показательный цех с гибким автоматизированным производством. Перед обществом «Знание» встала задача по организации широкой пропаганды эффективности этого внедрения. Но оказалось, что в районе всего 8 лекторов специализировались на чтении лекций о новой технике, и ни один из них не был готов читать лекции на тему преимуществ гибкого автоматизированного производства [20. Л. 50]. Потребности в качественных пропагандистах технических знаний и инноваций значительно превышали возможности Общества.

Анализ архивных данных позволяет сделать вывод о том, что в пропаганде научно-технических знаний в 1980-е гг. наметился крен в пользу чтения лекций на довольно отвлеченные от конкретного производства темы, связанные с особенностями реализации пятилетних планов, с перспективами тех или иных отраслей промышленности, о единой технической политике партии, органичном соединении НТР с преимуществами социализма. Количество лекций по распространению передового производственного опыта в 1984 г. сократилось на тысячу по сравнению с 1980 г. (3 603 лекции в 1984 г., 4 626 – в 1980 г.) [10. Л. 1; 23. Л. 2]. Пропаганда научно-технических знаний стала все больше походить на абстрактное просветительство. Так, в отчетном докладе НМС по пропаганде научно-технических знаний и передового опыта за 1984 г. отмечалось, что «в лекциях не находят должного отражения вопросы контрпропаганды» [20. Л. 60].

К пропаганде научно-технических достижений слабо были привлечены ведущие специалисты НИИ и КБ, инженерно-технические работники предприятий, передовики и новаторы производства (в 1984 г. среди членов общества «Знание» менее 8% составляли инженерно-технические работники). О неудовлетворительном состоянии пропаганды научно-технических знаний говорит хотя бы тот факт, что в 1984 г. Татарским республиканским отделением общества «Знание» не было организовано ни одной

публичной лекции по научно-технической тематике [20. Л. 61].

Негативно сказался на деятельности Общества и перевод его на хозрасчет и самоокупаемость. Следуя за постановлениями партии и правительства, Общество наращивало количество пропагандистских мероприятий, направленных на демонстрацию преимуществ социалистического уклада, разъяснение решений съездов партии, пленумов и т.д. Появились новые формы распространения знаний, например экспресс-университеты, которые, по существу, представляли платные курсы повышения квалификации. Все это имело весьма слабое отношение к распространению конкретно научных и технических знаний, утрачивалась связь Общества с производством, организациями НТО, конструкторскими бюро, вузами.

Однако при всех вышеуказанных негативных моментах необходимо признать, что общество «Знание» сыграло существенную роль в общем повышении научно-технического уровня работников, увеличении объемов производства, в росте количества инноваций, рационализаторских предложений. Неоспорим тот факт, что повышение образовательного и культурного уровня населения прямо влияет на отношение к труду, на выполнение производственных планов, на желание участвовать в социалистическом соревновании, добиваться результатов на своем рабочем месте, что в конечном итоге приводит к получению экономического эффекта (экономии сырья, снижению себестоимости продукции, повышению производительности труда), новым изобретениям и рационализациям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ярмолич Ф.К. Лекционная пропаганда естественно-научных и научно-технических достижений в конце 1940-х – начале 1950-х гг. (на материалах Ленинграда) // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 250–256.
2. Пинаева Д.А. Совершенствование организационной структуры Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний в конце 1940-х – 1950-е гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 8-2. С. 25–28.
3. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. Р-7240. Оп. 1. Д. 4.
4. НА РТ. Ф. Р-7240. Оп. 1. Д. 28.
5. НА РТ. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 61.
6. НА РТ. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 230.
7. НА РТ. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 366.
8. НА РТ. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 513.
9. НА РТ. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 657.
10. НА РТ. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 756.
11. НА РТ. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 866.
12. НА РТ. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 150.
13. НА РТ. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 178.
14. НА РТ. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 446.
15. Постановление Совмина СССР от 29.11.1966. № 916 «Об общегосударственной системе научно-технической информации». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=21424;div=LAW;dst=100004;rnd=0.16967503470368683>, свободный (дата обращения: 02.06.2015).
16. Пинаева Д.А. Народные университеты в системе непрерывного образования советских граждан в 1970–1980 гг. (на примере Татарской АССР) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1–2 (39). С. 164–169.
17. НА РТ. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 857.
18. НА РТ. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 441.
19. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 18.08.1983 № 814 «О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве» («Свод законов СССР». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=629>, свободный (дата обращения: 04.06.2015).
20. НА РТ. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 871.
21. НА РТ. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 915.
22. НА РТ. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 754.
23. НА РТ. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 840.

Pinaeva Daria A. Kazan National Research Technical University Named after A.N. Tupolev-KAI (Kazan, Russian Federation). E-mail: dashkevna1@mail.ru; Iunusova Rimma R. Kazan National Research Technical University Named after A.N. Tupolev-KAI (Kazan, Russian Federation). E-mail: lilith20@mail.ru

DISSEMINATION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL KNOWLEDGE AND ADVANCED PRODUCTION EXPERIENCE IN 1940–1980 YEARS (ON THE EXAMPLE OF THE TATAR REPUBLIC BRANCH OF ALL-USSR PUBLIC ORGANIZATION «KNOWLEDGE» («ZNANIE»)).

Keywords: dissemination of Scientific and Technological knowledge; propaganda of Advanced Production Experience; lecture propaganda; dissemination of knowledge; organization «Knowledge» («Znanie»); Tatar ASSR.

After the end of The World War II a new phase of modernization of industry began in the Soviet Union. New conditions of production and technical achievements demanded from the Soviet people high level of technical knowledge, knowledge of advanced industrial experience, new data in science and technology. One of the ways to achieve the objective of increasing interest of Soviet people in technical creativity and engineering, to make people more productive, was the active popularization of scientific and technological knowledge among the Soviet people. One of the biggest propaganda organizations in the second half of XX century was the Society «Knowledge» («Znanie»), created in 1947. The article reviews the results of activities of Tatar Republic branch of the All-USSR Public Society «Knowledge» in the field of development of lecture propaganda of scientific and technical achievements and advanced production experience. The evolution of forms and methods of propaganda, the impact of public policy, interaction with the organizations involved in the development and implementation of technical innovations and best practices, problems of lecture activities have been stud-

ied in article. The research is based on the analysis of archival material and investigates the impact of the Society «Knowledge» on the economic development of the Republic. The detailed investigation of archival sources has shown that the Society «Knowledge» had been conducting an extensive work in popularization scientific and technical knowledge and best industrial practices among the population: the number of lecture events were constantly increased, methodical assistance to lecturers was provided, publishing activities was carried out. The Society "Knowledge" established close contact with the institutions dealt with engineering design and new technology, made contacts with the largest enterprises and universities of the Tatar Republic. Organization «Knowledge» has constantly improved the forms and methods of propaganda of scientific and technical knowledge and advanced industrial experience. The most widespread forms were single lectures, series of lectures, scientific and technical conferences, schools of excellence, public universities of technical progress, exhibitions. However, it is shown that despite the constant increase of the number of lectures and other forms of popularization of knowledge (in 1985 there was read almost in 50 times more lectures than in 1955), the proportion of lectures on scientific and technical topics and about innovations in the total number of lectures was insignificant (not more than 6.0%). The situation with involvement of technical workers, innovators and inventors in the ranks of lecturers was unsatisfactory. Nevertheless, the Society «Knowledge» has played a significant role in raising the general level of knowledge of technical workers, in broaden the people's scope of knowledge, in the increase in product volume and a number of innovations. Improving the educational and cultural level of the population directly affected the attitude to the work, the implementation of production plans, the willingness to participate in socialist competition. All this eventually led to the different economic effects: saving raw materials, reducing the cost of production, increasing productivity.

REFERENCES

1. Yarmolich, F.K. (2013) Propagation of knowledge on natural science and technical achievements in the late 1940s and early 1950s (Leningrad data). *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 2. pp. 250-256.
2. Pinaeva, D.A. (2014) Development of the organizational structure of the All-Union Society on Dissemination of Political and Scientific Knowledge in the late 1940th – 1950s. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 8(2). pp. 25-28.
3. The National Archives of the Republic of Tatarstan (AT RT). Fund R-7240. List 1. File 4.
4. The National Archives of the Republic of Tatarstan (AT RT). Fund R-7240. List 1. File 28.
5. The National Archives of the Republic of Tatarstan (AT RT). Fund R-7240. List 2. File 61.
6. The National Archives of the Republic of Tatarstan (AT RT). Fund R-7240. List 2. File 230.
7. The National Archives of the Republic of Tatarstan (AT RT). Fund R-7240. List 2. File 366.
8. The National Archives of the Republic of Tatarstan (AT RT). Fund R-7240. List 2. File 513.
9. The National Archives of the Republic of Tatarstan (AT RT). Fund R-7240. List 2. File 657.
10. The National Archives of the Republic of Tatarstan (AT RT). Fund R-7240. List 2. File 756.
11. The National Archives of the Republic of Tatarstan (AT RT). Fund R-7240. List 2. File 866.
12. The National Archives of the Republic of Tatarstan (AT RT). Fund R-7240. List 2. File 150.
13. The National Archives of the Republic of Tatarstan (AT RT). Fund R-7240. List 2. File 178.
14. The National Archives of the Republic of Tatarstan (AT RT). Fund R-7240. List 2. File 446.
15. The USSR. (1966) *Postanovlenie Sovmina SSSR ot 29.11.1966. № 916 "Ob obshchegosudarstvennoy sisteme nauchno-tehnicheskoy informatsii"* [Resolution № 916 of the USSR Council of Ministers on November 29, 1966 "On the national system of scientific and technical information"]. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=21424;div=LAW;dst=100004;md=0.16967503470368683>. (Accessed: 2nd June 2015).
16. Pinaeva, D.A. (2014) People's universities in system of Soviet citizens' continuing education in the 1970–1980s (a case study of Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 1–2 (39). pp. 164-169.
17. The National Archives of the Republic of Tatarstan (AT RT). Fund R-7240. List 2. File 857.
18. The National Archives of the Republic of Tatarstan (AT RT). Fund R-7240. List 2. File 441.
19. The CPSU USSR. (1983) *Postanovlenie TsK KPSS, Sovmina SSSR ot 18.08.1983 № 814 "O merakh po uskoreniyu nauchno-tehnicheskogo progressa v narodnom khozyaystve"* "Svod zakonov SSSR" [Resolution № 814 of the CPSU Central Committee and USSR Council of Ministers of August 18, 1983 "On measures to accelerate scientific and technological progress in the economy", "The USSR Code of Laws"]. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=629>. (Accessed: 4th June 2015).
20. The National Archives of the Republic of Tatarstan (AT RT). Fund R-7240. List 2. File 871.
21. The National Archives of the Republic of Tatarstan (AT RT). Fund R-7240. List 2. File 915.
22. The National Archives of the Republic of Tatarstan (AT RT). Fund R-7240. List 2. File 754.
23. The National Archives of the Republic of Tatarstan (AT RT). Fund R-7240. List 2. File 840.

УДК 94:316.334.3(571.1)
DOI 10.17223/19988613/38/8

Е.В. Луков

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОБЛАСТИ ПОЛИТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ В 1990-х гг.: НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АССОЦИАЦИИ «СИБИРСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ»

*Статья подготовлена в рамках проекта НУ 8.1.32.2015С
«История изучения и освоения Сибири» научного фонда Д.И. Менделеева.*

Рассматривается деятельность ассоциации «Сибирское соглашение» в сфере социальной защиты населения в условиях переходного периода 1990-х гг. В ходе выстраивания взаимодействия как между регионами, так и территорий с федеральными органами власти создавались механизмы информирования о ситуации на местах, устанавливались каналы трансляции региональных интересов на уровень центра, появлялись возможности воздействия на федеральную власть с целью изменения законодательства и проводимой политики в сфере социальной защиты населения.

Ключевые слова: Сибирь; Сибирское соглашение; межрегиональное взаимодействие; региональная политика; социальная политика; социальная защита.

Социальная политика всегда является одним из факторов поддержания стабильного развития общества. Особенно ее роль возрастает в условиях переходного периода, который характеризуется трансформацией институтов и дефицитом ресурсов. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. особенно болезненными стали вопросы разграничения ответственности между центром, регионами и хозяйствующими субъектами относительно выполнения социальных обязательств, поскольку федеральные власти старались нормативно закрепить решение социальных вопросов за территориями, а предприятия де-факто снимали с себя «лишнюю» ответственность в рассматриваемой сфере. В то же время становление федерализма позволило регионам оказывать воздействие на центр с целью корректировки проводимого курса, исходя из ситуации на территориях, а также выработки основ новой региональной социальной политики. Тем не менее большая часть ответственности оказалась возложена на местную власть как «самую близкую» населению. Ограниченность ресурсов, особенно финансовых, заставляла администрации территорий искать новые формы решения социальных проблем, одной из которых стало развитие межрегионального взаимодействия. Рассмотрение механизмов решения острых социальных проблем в период 1990-х гг. на региональном уровне позволит лучше понять причины сохранения устойчивости государства и недопущения крупных акций социального протеста. Эти механизмы вновь могут оказаться востребованными в кризисных условиях.

Цель исследования – в ходе ретроспективного анализа взаимодействия региональных властей в 1990-е гг. выявить механизмы решения острых социальных проблем в Сибири, а также отстаивания интересов региона в федеральном центре. Объектом исследования стало социальное развитие Сибири в 1990-е гг., предметом – деятельность, проводимая в рамках межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (МАСС), направ-

ленная на социальную защиту населения в условиях переходного периода.

В начале 1990-х гг. резко изменилась ситуация в социальной сфере, что было связано как с политическими, так и с экономическими факторами. Прежде всего, произошел отказ от советской идеи выравнивания уровня жизни, которая проявлялась в регулировании заработной платы, цен на продукты первой необходимости, доступности мест рекреации и т.д. Наряду с этим углубление экономического кризиса, во многом спровоцированного реформами, привело к резкому сокращению доходов, росту цен, ослаблению механизмов государственного регулирования. Для социальной сферы стали характерны такие явления, как бедность, ограниченность доступа к социальным благам, низкое качество предоставляемых услуг. Происходило падение уровня жизни основной массы населения, что усиливало протестные настроения и сужало социальную базу проводимых реформ. В особенно тяжелом положении оказались группы населения с ограниченными возможностями.

В Сибири сложилась следующая структура нуждающихся в социальной защите: пенсионеры – 50%, инвалиды – 15%, многодетные семьи – 20%, другие категории граждан (неполные семьи, сироты и т.д.) – 15%. Социально-демографическая ситуация в сибирских регионах выглядела следующим образом: пенсионеры составляли от 10 до 25%, инвалиды (I и II группы) – от 1 до 3%. Процент малообеспеченных по отдельным регионам Сибири доходил до 15 (Омская область). Таким образом, регионы отличались по количеству нуждающихся в помощи, а также по наличию мест в стационарах, численности социальных работников и т.д. Существовали различия и по обеспеченности самих социальных служб. Федеральные нормативы не были еще разработаны, но на практике сложились следующие показатели: районному отделу соцзащиты требовались один автомобиль, компьютер, один социальный

работника на 100 подопечных, но таким требованиям отвечало не более 1/3 регионов Сибири [1. Л. 121–128].

В итоге ситуация в социальной сфере потребовала от властей всех уровней принятия экстренных мер для ее улучшения. На федеральном уровне было образовано Министерство социальной защиты, а на уровне администраций субъектов РФ стали создаваться структуры, отвечавшие за социальную политику. В то же время бюджетный дефицит, появление новых проблем в условиях несформировавшейся нормативной базы и отсутствия методических указаний из центра подталкивали регионы к совместному поиску решений.

Одним из первых межрегиональных документов, где были подняты проблемы социальной сферы, стала Концепция комплексной программы развития Сибири, принятая Советом МАСС в июле 1992 г. Приоритетные направления деятельности были обозначены достаточно широко: уровень заработной платы и цен, проблема занятости и вынужденной миграции населения, формирование и регулирование региональных рынков труда, социальные гарантии населению и т.д. В то же время именно в актуализации такого направления, как социальная защита и социальная политика, заключалась значимость данной концепции.

Непосредственная организация межрегионального взаимодействия в социальной сфере первоначально должна была строиться на основе программно-целевого метода. В исполнительной дирекции МАСС была создана специальная дирекция программы по социальным вопросам. Однако в условиях катастрофического нарастания проблем в социальной сфере Сибири участники «Сибирского соглашения» в начале 1993 г. выступили с инициативой о создании специального органа, способствующего развитию взаимодействия. Вскоре Совет МАСС принял решение о создании Координационного совета по социальной политике (КССП), что мотивировалось «чрезвычайной остротой социальных проблем в Сибирском регионе» [2].

К основным задачам КССП были отнесены: разработка концепций и программ единой социальной политики территорий, содействие выполнению федеральных программ, разработка рекомендаций для органов власти и управления, налаживание информационного обмена между участниками МАСС, подготовка проектов нормативных документов и т.д. Координационный совет состоял из заместителей глав региональной исполнительной власти по социальным вопросам. Возглавил КССП заместитель главы администрации Томской области Владимир Анатольевич Бауэр¹. Деятельность КССП должна была строиться по перспективному плану, который формировался председателем Совета на основе предложений от региональных структур исполнительной власти, ответственных за социальные вопросы. Заседания координационного совета должны были проводиться не реже одного раза в квартал.

Летом 1993 г. Совет МАСС поручил Координационному совету по социальной политике, совместно с

Исполнительной дирекцией Ассоциации, в срочном порядке разработать региональную программу социальной защиты населения. Для выполнения поручения КССП организовал сбор данных по регионам и поставил вопрос о регулярном обмене информацией и формировании баз данных о нуждающихся в социальной защите в масштабе Сибирского региона. Также КССП выступил с инициативой создания при исполнительной дирекции МАСС сектора координации социальной политики на штатной основе. Это мотивировалось значительным объемом работы, проводимой координационным советом, что требовало привлечения дополнительных кадров и финансовых средств. Одними из задач сектора должны были стать создание временных творческих коллективов по разработке отдельных проблем и координация их работы. В итоге взаимодействие КССП с исполнительной дирекцией (ИД) МАСС было достигнуто путем введения должности директора программы по социальным вопросам в состав координационного совета [3. Л. 69].

Приоритетной задачей деятельности КССП в начале 1990-х гг. было объявлено выравнивание уровня жизни территорий, поскольку «именно такое неравенство и есть главный источник социальных напряжений и конфликтов» [1. Л. 129]. Только в четырех регионах – Иркутской области, Бурятии, Хакасии и Ханты-Мансийском АО – было достигнуто финансовое покрытие программ социальной защиты от 70 до 100%. В остальных регионах уровень обеспечения был очень низким, что определялось фактически «нулевым» федеральным финансированием. Необходимо отметить, что «выравнивание» рассматривалось не только как единообразие показателей, но и выработка «единой политики» по отношению к центру. Также речь шла об установлении единообразной структуры расходов. Координационный совет рекомендовал территориям больше средств вкладывать в развитие инфраструктуры системы социальной защиты, «беря пример с Иркутска и Кемерово», а не «сорить деньгами». Последнее относилось к сырьевым регионам, имевшим возможность тратить на программы защиты больше средств, что вызывало недовольство остальных членов МАСС.

Проблема выравнивания прежде всего требовала определения реальной нуждемости и методик ее расчета. Главным показателем стал устанавливаемый регионами, исходя из их финансовых возможностей, так называемый порог нуждемости. КССП рекомендовал территориям установить минимальный порог нуждемости в 75% от прожиточного минимума, что обосновывалось сложившейся практикой в условиях невозможности достоверно определить уровень доходов. Признавалось, что наиболее «верный путь решения проблем, связанных с установлением высокого порога нуждемости», – привлечение федеральных средств. Предлагалось утвердить единую по Сибири методику расчета прожиточного минимума и его корректировки в зависимости от специфики региона, на основании

чего выработать единый подход к определению критериев нуждаемости. Для этого в качестве дополнительных мер планировалось создать сибирский банк данных по социальным показателям, а также наладить между территориями обмен опытом в проведении социальной политики. При выполнении регионами Сибири этих предложений МАСС получала достаточно оснований для выхода на федеральный уровень, с тем чтобы нормативно закрепить «сибирский порог нуждаемости» на федеральном уровне в качестве регионального стандарта, установить принципы разграничения ведения и совместного финансирования этой базовой для социальной защиты программы.

Значительная часть работы координационного совета по социальной политике оказалась связана с реализацией на местах постановлений федеральных структур. Сибирские регионы поднимали вопросы о доработке нормативных актов о предоставлении жилищных льгот «чернобыльцам», координации деятельности по оказанию помощи инвалидам и т.д. [1. Л. 130, 131], что становилось основой для развития взаимодействия не только по горизонтали, но и по вертикали. КССП стал площадкой согласования интересов территорий между собой, а также сибирских регионов с центром. В одном из заседаний координационного совета в 1993 г., наряду с представителями министерств социального блока, приняла участие министр соцзащиты Э.А. Памфилова. По результатам встречи был подписан совместный протокол, «определяющий ряд взаимных обязательств сторон на ближайшую перспективу» [Там же. Л. 129]. Это создавало основу для совместной проработки самых болезненных вопросов соцзащиты.

Тем временем ситуация в социальной сфере продолжала ухудшаться. Росла задолженность по выплатам пособий и компенсаций, более 40% населения оказалось за чертой уровня прожиточного минимума. Увеличивалось число обращений в органы социальной защиты различных категорий нуждающихся граждан – инвалидов, беженцев, вынужденных переселенцев. В то же время острый политический кризис в конце 1993 г. и последовавшие за ним выборы в новый Парламент, одним из депутатов которого стал В.А. Бауэр, отодвинули социальную политику «на второй план».

Однако острота социальных проблем привела в 1994 г. к активизации деятельности КССП по социальной политике. На состоявшемся в июне 1994 г. в Томске заседании были рассмотрены вопросы о состоянии социальной защиты населения в Сибири и мерах по ее улучшению, а также о приоритетах единой социальной политики МАСС. В целях координации усилий по стабилизации обстановки в Сибирском регионе вновь был поднят вопрос о разработке стратегии межрегиональной программы социальной защиты населения и единой социальной политики. К приоритетным направлениям программы были отнесены «Дети в Сибири», «Реабилитация инвалидов», «Подготовка кадров», «Материально-техническая база объектов и предприя-

тий социальной защиты». Для разработки концепции программы была создана рабочая группа под руководством нового председателя координационного совета В.Е. Хохлова. Территории должны были принять долевое участие в финансировании намеченных работ.

Важная роль в предоставлении социальной помощи отводилась взаимодействию КССП с Министерством социальной защиты РФ. По результатам заседаний координационного совета министерству направлялись просьбы рассмотреть проблемы Сибирского региона и определить план совместных действий. Особо было акцентировано внимание на необходимости принятия пакета нормативных документов, а также выработки механизмов их реализации. Для повышения эффективности совместных действий было подготовлено Соглашение о сотрудничестве между КССП и Министерством социальной защиты РФ [4. Л. 66, 67].

Координационный совет стал площадкой по обмену опытом между сибирскими регионами в сфере социальной политики. В частности, 16–18 августа 1995 г. в Кемерово прошло заседание КССП, на котором рассматривался и был рекомендован регионам Сибири опыт Кемеровской области, где к активной благотворительной деятельности стали широко привлекаться общественные организации, различные фонды, коммерческие и банковские структуры. Кемеровчанам, несмотря на серьезные трудности, удалось ввести 1% сбор с покупок на реализацию социальных программ [5. Л. 19 об.–20 об.]. На заседании КССП в Кемерово 3 ноября 1995 г. был одобрен опыт местной администрации по использованию программно-целевого метода для управления развитием социальной сферы. Использование данного метода признавалось наиболее оптимальным в сложившихся условиях [6. Л. 71].

Решая проблемы людей с ограниченными возможностями в Сибири, КССП совместно с ИД и территориями вел работу по созданию межрегиональных центров социально-профессиональной реабилитации инвалидов. В 1996 г. координационный совет вел работу по созданию на базе Новосибирской областной специальной библиотеки для незрячих и слабовидящих межрегионального тифло-центра [5. Л. 19 об.–20 об.]. Департамент социальной политики ИД МАСС оказал содействие учреждению некоммерческого партнерства общества слепых «Сибинформресурс» [7. Л. 113]. Была выдвинута идея по перепрофилированию слабо загруженных санаториев и профилакториев под оздоровительные центры для детей и инвалидов [8. Л. 41]. Обращалось внимание на важность развития социально значимых производств, в том числе изготовления инвалидных колясок. Предлагалось развивать новые формы услуг, например радиовещания для инвалидов, ветеранов и др. в условиях резкого сокращения трансляции по проводному радио. В качестве новых эффективных средств по реабилитации инвалидов рассматривались компьютерные технологии. Для оперативного обмена информацией по основным показателям уровня жизни

населения планировалось организовать совместное издание межрегионального бюллетеня.

Однако далеко не все идеи и обсуждаемые вопросы удавалось реализовать, прежде всего по причине дефицита ресурсов. В середине 1990-х гг. на заседаниях КССП все чаще стали звучать заявления о том, что программно-целевой метод управления социальной сферой не работает, поскольку «финансирование Сибирского региона из республиканского бюджета, осуществляемое по остаточному принципу... отрицательно сказывается на реализации... программ» [9. Л. 69 об.]. В данной ситуации акцент делался на повышение эффективности адресной социальной помощи. КССП выступал с постоянными обращениями в Государственную Думу об ускорении принятия нормативных актов социальной направленности – «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», «Об инвалидах», «О ветеранах», «О прожиточном минимуме» и т.д. Регионы выступали с требованием создания многоуровневой системы социальной защиты населения на основе четкого разграничения прав между федеральным центром, регионами и муниципалитетами. В Правительство была направлена просьба об увеличении для сибирских территорий норм отчисления от налогов в местный бюджет с целью получения дополнительных средств на финансирование социальных программ. В середине 1990-х гг. в условиях резкого снижения уровня жизни КССП выступил с инициативой корректировки концепции социальной защиты населения. Координационный совет обратился в федеральные органы власти с просьбой о признании приоритетности социально-культурной сферы Сибирского региона при разработке федеральных программ развития [6. Л. 71, 71 об.].

КССП стал инициатором проведения межрегиональных научно-практических конференций, на которых велось обсуждение путей развития социальной политики. Одной из самых заметных стала проведенная в августе 1995 г. в Новосибирске Международная сибирская конференция лиц с ограниченными возможностями «Среда обитания. Равные права – равные возможности». На ней активно обсуждалось участие в социальной политике не только государства, но также общественных и коммерческих структур. Среди других значимых вопросов, обсуждавшихся на конференции, можно выделить следующие: налаживание практического взаимодействия между различными структурами, реабилитация инвалидов и их интеграция в общество, программы социальной помощи и др. Участники конференции наметили широкую программу действий. Было объявлено о создании межрегиональной Сибирской ассоциации общественных организаций инвалидов. В целом выработанные конференциями рекомендации способствовали внесению определенных коррективов в практическую деятельность органов исполнительной власти территорий. Ставилась задача разви-

вать совместные научные разработки проектов социальных программ.

Во второй половине 1990-х гг. на Советах МАСС отмечалось, что некоторые негативные тенденции, такие как возрастание бедности, безработицы, детской беспризорности, приобретают застойные черты. Принимаемые Правительством меры носят разрозненный характер, не объединены общей идеей, имеют ситуативные целевые установки. Население в них не вовлечено и, как правило, пассивно сопротивляется начинаниям реформаторов. Анализ среднедушевых доходов населения Сибири позволял говорить о его значительной бедности, а качество социальных услуг было ниже, чем в среднем по России. В то же время отмечалось, что сложность формирования комплексного подхода к разработке региональной социальной политики заключается в том, что социальная сфера в ее настоящем виде в наименьшей степени готова к созданию интегрированной структуры. Она по-прежнему остается «вторичной частью инфраструктуры депрессивного производства», где каждый субъект Федерации решает возникающие проблемы самостоятельно. Связующим звеном, способным обеспечить интеграцию, должна была стать Федеральная целевая программа «Сибирь» [10. Л. 7, 8], вокруг разработки которой стала строиться работа по социальной защите населения ассоциации «Сибирское соглашение» во второй половине 1990-х гг.

В соответствующем разделе подготовленной программы [11] были определены цели региональной социальной политики, к которым относилось создание условий для улучшения уровня и качества жизни населения регионов Сибири, преодоления хронического отставания от среднего по стране уровня жизни. Среди приоритетных направлений, ориентированных на интересы незащищенных групп населения, выделялись борьба с бедностью и защита социально уязвимых групп населения. Для борьбы с бедностью предлагалось создать региональные фонды социальной защиты населения, формируемые за счет различных источников, в том числе это касалось пенсионного обеспечения. Признавалось необходимым расширение сети муниципальных учреждений социального обслуживания населения. Эффективность работы социальных служб предлагалось поднять за счет создания региональных и муниципальных информационных систем учета нуждающегося в социальной поддержке населения. Основными элементами региональной социальной политики в области трудовых отношений должны были стать региональные программы трудоустройства и адаптации разных социальных групп в новых экономических условиях (молодежи, малообеспеченных, инвалидов и др.), а также регулирование доходов населения путем определения прожиточного минимума с учетом реальной структуры расходов населения Сибири на питание, услуги и платежи. Размер минимальной заработной

платы должен был учитывать прожиточный минимум в регионах Сибири.

Органы взаимодействия регионов в социальной сфере претерпели некоторые изменения, что в большей степени было связано со структурными изменениями в Правительстве. Так, 19 марта 1996 г. Совет МАСС принял предложение координационного совета и исполнительной дирекции о переименовании КС по социальной политике в КС по социальной защите [12]. В середине января 1997 г. председателем Совета МАСС В.П. Мухой был поднят вопрос о необходимости объединения КС по социальной защите населения и по проблемам труда, занятости и миграции населения. Это мотивировалось необходимостью поднятия статуса органа, координирующего указанные сферы деятельности [13. Л. 23, 24]. Одним из структурных подразделений нового КС по социальной политике стал сектор по проблемам социальной защиты населения [14].

Заметной сферой работы координационного совета стало законодотворчество на местном и федеральном уровнях. Это объяснялось тем, что делегированные субъектам Федерации права использовались ими не в полной мере, а законодательные портфели содержали далеко не полный пакет нормативно-правовых актов, необходимых для нормального функционирования. Не вмешиваясь в права органов местного самоуправления, ставилась задача наладить через координационный совет обмен опытом по состоянию законодотворческой деятельности, договориться о единых принципах и подходах к формированию бюджетного обеспечения социальной сферы, способствовать созданию специальных фондов для реализации социальных программ [10. Л. 8].

Одним из важных направлений деятельности оставалось отстаивание интересов сибирских регионов в бюджетной сфере. В частности, начиная с 1996 г. из-за дефицита бюджета всех уровней в большинстве субъектов РФ образовалась огромная задолженность по выплате детских пособий. Так, на начало 1996 г. она составляла 2,3 трлн руб. в старых ценах, а к концу 1999 г. сумма задолженности возросла до 28 млрд денонмированных рублей. Выполнение же федерального законодательства по выплате пособий в полном объеме было невозможно из-за явного несоответствия величины задолженности и объемов федерального финансирования на указанные цели. Еще одной причиной задолженности, по мнению территорий МАСС, стало «несоответствие законодательства о пособиях современным социально-экономическим условиям» [15. Л. 15]. Главное требование заключалось в изменении существующего законодательства и предоставлении права на пособие только тем семьям, где среднедушевой доход на каждого члена семьи не превышает прожиточного минимума. В прениях по данному вопросу на Совете МАСС прозвучали мнения о необходимости прекратить «порочную практику Правительства, которое свешивает все что можно и все что нельзя на субъекты Федерации... Поэтому социальную напряжен-

ность в России создает, прежде всего, само Правительство вместе с Государственной Думой, которая принимает популистские законы...» [Там же. Л. 17]. Правительству предлагалось прекратить давать необдуманные обещания и перейти от распределительной системы к прозрачной системе законного регулирования социальной сферы. Глава администрации Новосибирской области В.А. Толоконский заявил: «Не мы должны упражняться в льготах, кто добрее, от выборов до выборов. Мы должны заниматься развитием своих регионов, а государство должно гарантировать стабильное пенсионное и социальное обеспечение жестко на федеральном уровне всем одинаково...» [Там же. Л. 19].

Пытаясь найти альтернативные источники финансирования мероприятий социальной политики, МАСС взаимодействовала с частными организациями. В частности, развивалось сотрудничество с Институтом «Открытое Общество» (Фонд Сороса). На паритетных началах реализовывались благотворительные проекты, направленные на снижение социальной напряженности, повышение уровня жизни и достижение устойчивого состояния территорий «Сибирского соглашения». В основе такого взаимодействия лежали договоры о сотрудничестве, подписанные Дж. Соросом с МАСС (октябрь 1997 г.), а также с Красноярским краем, Новосибирской и Томской областями. Развитие получили программы по информатизации образования, рынка труда и т.д. В развитие сотрудничества МАСС предложила несколько межрегиональных проектов, часть из которых носила социальный характер. В частности, проект «Возвращение слуха детям Сибири», серия видеосюжетов «Нет наркотикам» и др. [16. Л. 59].

В конце 1990-х гг. КССП совместно с лабораторией прикладной социологии Сибирской академии государственной службы провел анализ социальной структуры регионов Сибири. Обобщенные выводы сводились к следующему: сибирский регион отличает значительная бедность населения, устойчивое отставание от общероссийских показателей, негативные тенденции демографической обстановки. Данная ситуация обуславливалась исторически сложившимся и усугубившимся в последнее десятилетие неравенством экономического развития. В то же время отмечалось неравенство и самих регионов Сибири, что приводило к различиям и в социальной сфере. Сырьевым регионам рекомендовалось сделать упор на вторичном перераспределении доходов, чтобы снизить социальные контрасты. Экономически развитым территориям предлагалось активнее задействовать негосударственные структуры к проведению социальных мероприятий. Остальным регионам требовалась существенная поддержка со стороны федерального центра [17. Л. 49–51].

Таким образом, в условиях 1990-х гг., когда федеральный центр и хозяйствующие субъекты попытались минимизировать свои социальные обязательства, социальная межрегиональная политика, проводимая ассо-

циацией «Сибирское соглашение» и направленная на защиту прав малообеспеченных слоев населения, стала одним из механизмов стабилизации социального пространства в рамках Сибирского региона. Это позволило избежать перехода общественного недовольства в крайние формы протеста и стало одним из факторов устойчивости новой общественной системы. В рамках Ассоциации был определен круг проблем, требующих совместной проработки, созданы органы взаимодействия, стали разрабатываться инструменты и механизмы решения как конкретных социальных проблем, так и воздействия на социальную политику в масштабе страны. Заседания Совета «Сибирского соглашения» и созданного в его рамках Координационного совета по социальной политике, проводимые с участием представителей федеральных органов власти, становились не только механизмом информирования центра о ситуации на местах, но и важным каналом трансляции региональных интересов на уровне центра. Взаимодействие «по вертикали» становилось средством воздействия на федеральную власть с целью изменения проводимого курса реформ и корректировки государственного бюджета. В ходе практической работы межрегиональных структур шла выработка рекомендаций органам мест-

ной власти, привлекалось внимание к конкретным проблемам, существующим в социальной сфере.

«Сибирское соглашение» вело активную законотворческую деятельность на уровне принятия региональных законов по защите людей с ограниченными возможностями, а также направляя законодательные инициативы в парламент страны. Первоначально разрозненные решения постепенно выстраивались в некую систему мер, появлялись теоретические подходы к проведению социальной региональной политики, что становилось основой для выработки программ социального развития. В основу концепции межрегионального взаимодействия в сфере социальной защиты населения были заложены принципы «единства усилий», «выравнивания» как единообразия показателей и выработки единой политики, «особости Сибири», взаимодействие с центром, а также «социальные гарантии» как условие стабилизации уровня жизни в сибирских регионах. В ходе диалога федеральных органов власти и регионов на площадке межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» устанавливались и корректировались принципы разграничения ведения и совместного финансирования социальных обязательств со стороны центра и территорий.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В связи с избранием В.А. Бауэра депутатом Государственной Думы РФ с 6 апреля 1994 г. Председателем координационного совета по социальной политике МАСС был утвержден заместитель главы администрации Томской области Хохлов Валерий Евгеньевич.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Протокол IX заседания Совета МАСС от 9–10 июля 1993 г.* Саяногорск // Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-245. Д. 26.
2. *О социальной защите населения Сибирского региона. Решение № 5 Совет МАСС от 9–10 июля 1993 г.* Саяногорск // Текущий архив Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (МАСС).
3. *Решение № 1 КС по социальной политике МАСС от 13 января 1995 г.* Омск // ГАО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 66.
4. *Решение № 1 координационного совета по социальной политике МАСС от 30 июня 1994 г.* Томск // ГАО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 66.
5. *Информация о работе Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» за 1994–1995 гг.* // ГАО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 64.
6. *Решение координационного совета по социальной политике МАСС от 3 ноября 1995 г.* Кемерово // ГАО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 66.
7. *Информация о работе Исполнительной дирекции МАСС за 1998 г.* // ГАО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 198.
8. *Информация о работе МАСС за 1994 г.* // ГАО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 64.
9. *Решение № 2 КС по социальной политике МАСС от 13 января 1995 г.* Омск // ГАО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 66.
10. *Отчет о работе Исполнительной дирекции и Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» за 1997 г.* // ГАО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 161.
11. *Основные направления социальной политики в Сибири. Федеральная целевая программа экономического и социального развития Сибири на 1997–2000 годы* // Текущий архив МАСС.
12. *О переименовании координационного совета по социальной политике. Решение № 6 Совета МАСС от 19 марта 1996 г.* Москва // Текущий архив МАСС.
13. *Всем главам...* // ГАО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 136.
14. *О реорганизации КС по социальной политике. Решение № 6 Совета МАСС от 28 июля 1997 г.* Новосибирск // Текущий архив МАСС.
15. *Стенограмма XXXIII заседания Совета МАСС, проведенного 18 февраля 2000 г. в г. Иркутске* // ГАО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 232.
16. *Новосибирское отделение Института «Открытое общество»...* // ГАО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 218.
17. *Отчет о работе МАСС за 1998–1999 гг.* // ГАО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 197.

Lukov Evgenii V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lev74@mail2000.ru

INTERREGIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF SOCIAL PROTECTION POLICY IN THE 1990S: ON THE CASE OF 'SIBERIAN ACCORD' ASSOCIATION'S ACTIVITY.

Keywords: Siberia; Siberian Accord; interregional cooperation; regional policy; social policy; social protection.

Social policy has always been one of the factors of the stable development of society. Its importance increases in transition periods characterized by the transformation of institutions and lack of resources. In the 1990s, when the federal centre and business entities tried to minimize their social obligations, the interregional social policy conducted by the association 'Siberian Accord' and oriented toward the protection of rights of the poor constituted one of the mechanisms of stabilization of the social space within the region of Siberia. This helped avoid the social discontent taking the extreme forms of protest and became one of the factors of stability of the new social system. Within the association, a range of problems was identified that required joint efforts, cooperation bodies were created, and tools and mechanisms for solving specific social problems and influencing the social policy on the national level were developed. Meetings of

the Board of the 'Siberian Accord' association and the Coordination Council on Social Policy created within the Board were held involving federal authorities representatives and constituted not only the mechanism of informing the centre of the situation on the ground but also an important channel for communicating regional interests to the centre. The 'vertical' interaction became a means of influencing the federal government with the view of changing the current policy and adjusting the state budget. In the course of practical cooperation of the interregional structures, recommendations for local authorities were developed, and specific social problems were drawn attention to. The Siberian Accord actively carried out legislative activities on the level of regional legislation directed at the protection of the disabled and also directed its legislative initiatives to the parliament of the country. Initially disparate solutions were gradually lining up in a system of measures, and theoretical approaches to the conduct of regional social policy emerged that formed the basis for the development of social programmes. The concept of interregional cooperation in the field of social protection was based on the principles of 'unity of efforts', 'alignment' as uniformity of indicators and development of common policy, 'Siberia's specifics', interaction with the centre, as well as 'social guarantees' as a prerequisite for stabilization of standards of living in Siberian regions. In the dialogue between the federal authorities and the regions through the Siberian Accord association, the principles were established and adjusted of the division of management and co-funding of social obligations on the part of the centre and the regions.

REFERENCES

1. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). (1993) *Protokol IX zasedaniya Soveta MASS ot 9–10 iyulya 1993 g. Sayanogorsk* [Minutes of the 9th Meeting of the Council of the Interregional Association "Siberian Accord" (IASA), dated by 9–10 July 1993. Sayanogorsk]. Fund R-245. File 26.
2. Interregional Association "Siberian Accord". (1993) *O sotsial'noy zashchite naseleniya Sibirskogo regiona. Reshenie № 5 Sovet MASS ot 9–10 iyulya 1993 g. Sayanogorsk* [On the social protection of the population of the Siberian region. Decision # 5 of the IASA Council dated by 9–10 July 1993. Sayanogorsk].
3. Interregional Association "Siberian Accord". (1995) *Reshenie № 1 KS po sotsial'noy politike MASS ot 13 yanvarya 1995 g. Omsk* [Resolution # 1 of the Coordination Council on social policy of the Interregional Association "Siberian Accord" dated by January 13, 1995. Omsk]. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 66.
4. Interregional Association "Siberian Accord". (1994) *Reshenie № 1 koordinatsionnogo soveta po sotsial'noy politike MASS ot 30 iyunya 1994 g. Tomsk* [Resolution # 1 of the Coordination Council on social policy of the Interregional Association "Siberian Accord" dated by June 30, 1994. Tomsk]. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 66.
5. Interregional Association "Siberian Accord". (1994–1995) *Informatsiya o rabote Mezhregional'noy assotsiatsii "Sibirskoe soglasenie" za 1994–1995 gg.* [Information on the work of the Interregional Association "Siberian Accord" 1994–1995]. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 64.
6. Interregional Association "Siberian Accord". (1995) *Reshenie koordinatsionnogo soveta po sotsial'noy politike MASS ot 3 noyabrya iyunya 1995 g. Kemerovo* [Resolution of the Coordination Council on social policy of the Interregional Association "Siberian Accord" dated by November 3, 1995. Kemerovo]. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 66.
7. Interregional Association "Siberian Accord". (1998) *Informatsiya o rabote Ispolnitel'noy direktzii MASS za 1998 g.* [Information on the work of the Executive Directorate of the Interregional Association "Siberian Accord" in 1998]. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 198.
8. Interregional Association "Siberian Accord". (1994) *Informatsiya o rabote MASS za 1994 g.* [Information on the work of the Interregional Association "Siberian Accord" for 1994]. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 64.
9. Interregional Association "Siberian Accord". (1995) *Reshenie № 2 KS po sotsial'noy politike MASS ot 13 yanvarya 1995 g. Omsk* [Resolution # 2 of the Coordination Council on social policy of the Interregional Association "Siberian Accord" dated by January 13, 1995. Omsk]. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 66.
10. Interregional Association "Siberian Accord". (1997) *Otchet o rabote Ispolnitel'noy direktzii i Mezhregional'noy assotsiatsii "Sibirskoe soglasenie" za 1997 g.* [Report on the work of the Executive Directorate and the Interregional Association "Siberian Accord" in 1997]. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 161.
11. Interregional Association "Siberian Accord". (1997–2000) *Osnovnye napravleniya sotsial'noy politiki v Sibiri. Federal'naya tselevaya programma ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiya Sibiri na 1997–2000 gody* [The main directions of the social policy in Siberia. The federal target program of economic and social development of Siberia for 1997–2000].
12. Interregional Association "Siberian Accord". (1996) *O pereimenovanii koordinatsionnogo soveta po sotsial'noy politike. Reshenie № 6 Soveta MASS ot 19 marta 1996 g. Moskva* [On renaming the Coordination Council on social policy. Resolution # 6 of the Council of the Interregional Association "Siberian Accord" dated by March 19, 1996. Moscow].
13. Anon. (n.d.) *Vsem glavam...* [To all Heads]. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 136.
14. Interregional Association "Siberian Accord". (1997) *O reorganizatsii KS po sotsial'noy politike. Reshenie № 6 Soveta MASS ot 28 iyulya 1997 g. Novosibirsk* [Reorganization of the Coordination Council on social policy. Resolution # 6 of the Council of the Interregional Association "Siberian Accord" dated by July 28, 1997].
15. Anon. (2000) *Stenogramma XXXIII zasedaniya Soveta MASS, provedennogo 18 fevralya 2000 g. v g. Irkutsk* [Transcript of the 33rd Meeting of the Board of the Interregional Association "Siberian Accord" conducted in February 18, 2000, in Irkutsk]. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 232.
16. *Novosibirskoe otdelenie Instituta "Otkrytoe obshchestvo"...* [Novosibirsk Branch of the Institute "Open Society"]. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 218.
17. Interregional Association "Siberian Accord". (1998–1999) *Otchet o rabote MASS za 1998–1999 gg.* [Report on the work of the Interregional Association "Siberian Accord" for 1998–1999]. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 197.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

УДК 327(100-87)
DOI 10.17223/19988613/38/9

А.В. Девятков, В.С. Арутюнян

НОРМАТИВНОСТЬ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНТЕРЕСА: ВОПРОС О ПРИЗНАНИИ ГЕНОЦИДА АРМЯН В ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-37-01204.

Признание геноцида армян превратилось в пункт повестки дня в еще одной европейской стране – Германии. В преддверии 100-летней годовщины трагических событий 1915–1916 гг. количество сторонников признания геноцида пополнилось федеральным президентом Германии, многими депутатами немецкого парламента, которые призвали свое правительство «назвать вещи своими именами». В данной статье политизация «армянского вопроса» в Германии рассматривается как двухэтапный процесс. Первый этап связан со сближением Турции с Европейским Союзом и политикой кондициональности, которой, вопреки позиции канцлера Шредера, предпочитали придерживаться многие политические силы в Германии. А на втором этапе становится очевидным доминирование нормативности, когда признание геноцида армян превращается в инструмент проведения символической границы в отношении Турции.

Ключевые слова: нормативная политика; Турция; геноцид; Европейский Союз; кондициональность.

Одной из центральных проблем современной европейской политики, в том числе немецкой, является вопрос о том, насколько нормативной она должна быть. Иными словами, многие общественные деятели, активисты и журналисты при принятии государственных решений настаивают на том, чтобы они формировались исходя не столько из (гео)политических или (гео)экономических интересов, сколько из ценностных оснований. Эта полемика нашла отражение и в дискуссиях внутри исследовательского сообщества: так, популярной стала концепция Яна Маннерса о нормативной силе, которая якобы является одним из главных внешнеполитических ресурсов Европейского Союза [1].

Концепция *normative power Europe* подверглась серьезной критике, в том числе со стороны известного ученого Томаса Диеза, который отметил, что ценностные основы Европы не настолько едины, однозначны и неизменны, насколько это может показаться [2]. Также концепция нормативной силы столкнулась с суровой политической реальностью. Один из ключевых внешнеполитических стратегов Европейского Союза Роберт Купер отмечал, что постмодернистская Европа окружена регионами, где царит модерн или даже предмодерн (в особенности в так называемых неудавшихся государствах). «Суть внешней политики заключается в делах войны и мира, и от государств, способных действовать только в рамках мирных программ, остается открыта половина книги – может быть, самая важная ее половина», – писал Купер [3. С. 192].

Несмотря на то что нормативность многими продолжает рассматриваться как идеализм, как нечто, что трудно интегрировать в практическую политику, нормативный дискурс в последние годы лишь усилился. Так, в Германии многие внешнеполитические вопросы стали обсуждаться сквозь призму нормативности:

«Можно ли поставлять оружие Саудовской Аравии?» «Насколько экономические и политические интересы в отношениях с Россией важнее вопросов о суверенитете постсоветских государств и демократии в самой России?» Одним из таких вопросов внезапно для многих наблюдателей стал сюжет о признании геноцида армян в Османской империи в 1915–1916 гг.

Нормативной логике в современной Европе противостоит логика государственного интереса в духе кардинала Ришелье¹. В итоге нормативность и государственный интерес находятся друг с другом в состоянии борьбы, а порой причудливым образом сочетаются во внешней политике. Так, в ходе своего визита в Ереван в апреле 2015 г. немецкий министр иностранных дел Ф.В. Штайнмайер, не употребляя понятие «геноцид» в речах, тем не менее возложил венок к мемориалу жертв геноцида [4]. Цель данной статьи – не просто показать противостояние и переплетение двух внешнеполитических логик в Германии на примере вопроса о признании геноцида армян, а идентифицировать факторы актуализации той и другой логики в немецком дискурсе и политической практике. Мы исходим из предположения о том, что рост влияния нормативности в немецкой политике по вопросу о признании геноцида связан с контекстом отношений между Европейским Союзом и Турцией.

Политизация вопроса о признании геноцида армян в Германии. Впервые рассмотрение вопроса о необходимости признания и поминовения жертв трагических событий, произошедших с армянами и другими христианскими народами в Османской империи в 1915–1916 гг., произошло на уровне немецкого Бундестага как ключевого политического института в Германии в 2001 г. Уве Хикш, представитель партии ПДС, представлявшей в основном население бывшей

ГДР (сегодня партия «Левые»), предложил немецкому парламенту принять резолюцию, в которой определенно признавался бы факт геноцида, а Германия извинялась бы за «сознательную поддержку геноцида со стороны правительственных чиновников и офицеров Германской империи» [5]. Правящая партия социал-демократов уклонилась от обсуждения этого вопроса. В своем официальном обращении к членам фракции представитель СДПГ по вопросам внешней политики Гернот Эрлер признал, что в Османской империи в 1915–1916 гг. имели место систематическое преследование и изгнание армян, которые привели к более чем миллионным жертвам и согласно действующим правовым нормам соответствуют составу преступления, определяемого как геноцид. Эрлер также осудил турецкое правительство за недопущение критического переосмысления тех событий, в том числе через преследование лиц, открыто говорящих о геноциде. В то же время он отметил, что официальная оценка исторических событий – это задача исторической науки, а не каких-либо иностранных парламентов. «Если мы сейчас начнем с армян, то нам необходимо будет в рамках постановления Бундестага устанавливать факт уничтожения индейских племен в США, а также осуждать все прочие геноциды, которые были осуществлены европейскими колониальными державами в Африке, Латинской Америке и Азии. Это не может быть задачей немецкого парламента», – подчеркнул Эрлер [6].

К обсуждению событий, произошедших с армянами в Османской империи в период Первой мировой войны, немецкий парламент вернулся в 90-летнюю годовщину этой трагедии. В Бундестаге состоялась 45-минутная дискуссия по поводу проекта резолюции, предложенного ведущей оппозиционной на тот момент партией ХДС / ХСС. В своем выступлении соавтор резолюции и специальный докладчик ХДС / ХСС по армянскому вопросу Кристоф Бергнер подчеркнул, что проходившее обсуждение было, по сути, первой попыткой немецкой политики занять определенную позицию в отношении судьбы армянского народа. При этом Бергнер отметил, что при формулировании проекта резолюции его авторы сознательно отказались от понятия «геноцид». Объяснение этому состояло в том, что «Европейский Союз является проектом примирения, который основан на совместной работе над историческим прошлым. Наш проект резолюции стоит рассматривать как приглашение нашим турецким партнерам и друзьям поучаствовать в этом процессе» [7. S. 91–92].

В итоге все партии проголосовали за резолюцию, в которой осуждаются преступления младотурецкого правительства Османской империи, приведшие к почти полному истреблению армян в Анатолии. Резолюция также выражает сожаление по поводу «бесславной роли Германской империи, которая вопреки имевшейся информации об изгнании и уничтожении

армян даже не предприняла попытку остановить злодеяния» [8].

Выразив сожаление по поводу криминализации признания геноцида в Турции, авторы резолюции обратили внимание на позитивные сигналы, якобы исходившие из Турции. В частности, речь шла о первых контактах между армянскими и турецкими историками и представителями гражданского общества, предложении турецкого премьер-министра Эрдогана создать армяно-турецкую комиссию историков, а также об открытии армянского музея в Стамбуле. Главной же целью немецкой внешней политики резолюция, отмечая особую ответственность Германии по причине ее исторической роли в немецко-турецко-армянских отношениях, определяла содействие нормализации и улучшению отношений между Турцией и Арменией и стабилизацию Кавказа в рамках политики соседства ЕС.

Резолюция Бундестага послужила основанием для определения дома Йоханнеса Лепсиуса в Потсдаме в качестве немецкого места памяти жертв армянского геноцида. Немецкий теолог Йоханнес Лепсиус (1858–1926), сын известного немецкого египтолога, в период трагических событий в 1915–1916 гг. собирал свидетельства о геноциде, открывал больницы и приюты для спасения выживших. Летом 1916 г. из своего дома в Потсдаме Лепсиус разослал 20 000 экземпляров «Доклада о положении армянского народа в Турции» членам германского Рейхстага, редакторам крупных германских СМИ и членам евангелических приходов [9]. Более полумиллиона евро немецкое правительство вложило в реставрацию дома Лепсиуса, где были созданы соответствующие экспозиции и библиотека архивных материалов. Он был определен в том числе и как место встречи интеллектуалов, политиков, общественных деятелей из Турции и Армении.

Еще одним способом закрепить в общественно-политической практике поминовение жертв гонений резолюция Бундестага видела интеграцию сюжетов о тех событиях в школьные образовательные программы. Однако немецкий парламент мог в этом случае лишь рекомендовать, так как образовательная политика Основным законом Германии считается прерогативой федеральных земель.

В течение 10 лет после принятия резолюции Бундестага были достигнуты определенные результаты по укоренению исторической памяти о трагедии армянского народа, но эти результаты можно оценить скорее как скромные. Так, по сравнению с другими известными местами памяти, дом Лепсиуса не стал широко известным: его руководство заключило договор с церковным округом Потсдама о том, что молодые люди в процессе своей конфирмации должны посещать дом Лепсиуса, но говорить о том, что он широко посещаем туристами или включен в маршруты каких-либо других сообществ, явно не приходится [10]. Кроме этого, сложно говорить о том, что дом Лепсиуса смог стать

местом встречи и взаимопонимания между армянами и турками: турецкая община Германии наряду с турецким правительством отвергла всякое сотрудничество с этим учреждением, что резко снизило шансы дома Лепсиуса стать медиативным инструментом. Армянские историки посещали его мероприятия, отмечая большой вклад Йоханнеса Лепсиуса в судьбу армянского народа [11], а коммуникацию с турецким сообществом дому Лепсиуса удалось установить лишь благодаря беседам с турецкими интеллектуалами, которые состоялись в ходе поездки в Турцию, предпринятой в 2014 г. по следам немецкого теолога [12]. Что касается включения сюжетов об армянском геноциде в школьные образовательные программы, то это произошло лишь в федеральной земле Саксонии-Анхальт, где и до 2005 г. к событиям 1915–1916 гг. относились с особым вниманием. Еще одной формой почитания жертв геноцида стало установление памятных камней, которое произошло в нескольких немецких городах, в частности Бремене и Брауншвейге.

Если говорить о публичном пространстве, то, в частности, на немецком телевидении тема геноцида армян не стала одной из главных даже в апреле 2015 г. Хотя немецкие СМИ называют произошедшие события геноцидом, только ARD вставило фильм «Aghet – геноцид» в свою сетку вещания в ночь с 23 на 24 апреля [13]. В рамках политических дискуссий на площадке Бундестага тему признания геноцида поднимала лишь партия Левых, которая в 2007–2015 гг. инициировала ряд официальных запросов федеральному правительству. Однако всерьез эти запросы никто не воспринимал (как и партию Левых в целом) прежде всего из-за их провокационности. Поначалу партию Левых не устроил факт того, что место памяти геноцида было связано с именем Йоханнеса Лепсиуса. В 2008 г. федеральное правительство получило запрос Левых, в котором Лепсиус со ссылкой на труды журналиста Вольфганга Густа охарактеризован как «праворадикальный антидемократ, который выступал за немецкую экспансию и приобретение колоний в Османской империи и для этого хотел использовать армян» [14]. Однако из дальнейшего изложения становится понятным, что Левые выступали не столько против Лепсиуса, сколько за упоминание в контексте армянского вопроса вклада таких коммунистических деятелей, как Карл Либкнехт, Эдуард Бернштейн и др. Следующим сюжетом, который стали продвигать Левые, стал вопрос об ответственности Германии за геноцид. В соответствующем запросе 2010 г. они сослались на то, что в г. Урфа немецкое командование якобы приказало подавить восстание сопротивлявшихся депортации армян, что такие немецкие фирмы, как Philipp Holzmann AG и Deutsche Bank AG использовали принудительный труд пленных армян при строительстве Багдадской дороги, а после окончания войны Германия дала политическое убежище многим деятелям младотурков, в том числе Талаат паше [15]. Запросы Левых были выдержаны

скорее в обвинительном и ультимативном тоне, поэтому они были проигнорированы другими парламентскими силами.

Всплеск политизации вопроса о признании геноцида армян произошел в Германии непосредственно в апреле 2015 г. Этому предшествовали два события: принятие очередной резолюции Европейского парламента с призывом к Турции признать геноцид, а также выступление папы Франциска, который назвал геноцид армян первым геноцидом XX в. Многих немецких политических деятелей поразили не столько слова главы римской церкви, сколько грубая реакция на них Эрдогана. В Германии спонтанно стал складываться консенсус по поводу того, что «вещи необходимо называть своими именами». Немецкие СМИ активно скандализовали два сюжета. Первый из них был связан с тем, что из проекта резолюции Бундестага по просьбе глав фракций правящих партий и федерального правительства было фактически убрано прямое определение происходивших в Османской империи событий как геноцида [16]. Действительно, в проекте резолюции, внесенной правящими партиями ХДС / ХСС и СДПГ, отмечается, что «судьба армян стоит особняком в истории массовых убийств, этнических чисток, изгнаний, геноцидов, которыми так отмечен двадцатый век», но очевидна при этом критикуемая общественностью «словесная акробатика» [17]. Немецкие СМИ однозначно объяснили такую позицию правящих партий нежеланием ссориться с турецким правительством, которое крайне остро реагирует на вопрос о признании геноцида [18].

Второй сюжет, вызвавший резко критическую реакцию немецких СМИ, был связан с заявлениями немецкого министра иностранных дел Ф.В. Штайнмайера. На вопрос о том, почему он отказывается использовать понятие «геноцид» в отношении трагических событий 1915–1916 гг., Штайнмайер ответил, что «сложные воспоминания очень трудно свести к какому-либо одному слову», а «мы в Германии должны следить за тем, чтобы не добавлять аргументов тем политическим силам, которые говорят: Холокост начался до 1933 г.» [19]. В ответ на эти заявления многие наблюдатели отметили, что Холокост – хотя и самый масштабный, но не единственный геноцид XX в., и признание армянского геноцида в качестве такового не принизит значимость памяти о Холокосте. Кроме этого, при обсуждении в 1948 г. проекта конвенции ООН о предупреждении и наказании преступления геноцида его автор Рафаэль Лемкин ссылался не только на Холокост, но и на армянский геноцид [20]. Позиция Штайнмайера была в этой связи охарактеризована как глупая, абсурдная, непонятная [21].

В преддверии 100-летней годовщины геноцида в деле его признания произошли два серьезных прорыва. Во-первых, с речью об армянском геноциде после экуменической службы в Берлинском соборе 23 апреля 2015 г. выступил федеральный президент Германии

Йоахим Гаук. Он призвал признать, осудить и помнить ужасающее планомерное уничтожение армянского народа, иначе «мы потеряем компас для ориентации и уважение к самим себе». Гаук также подчеркнул, что Германии еще предстоит осознать степень своей ответственности и даже вины в геноциде армян, так как именно немецкие военные участвовали в планировании и частично проведении депортаций, а позиция немецких дипломатов и наблюдателей была проигнорирована германским правительством в интересах сохранения военного союза с Османской империей. Кроме этого, федеральный президент в своей речи позиционировал признание геноцида как отрицание немецкого нацистского прошлого: приведя известные слова Гитлера «Кто сегодня вообще говорит об уничтожении армян?», сказанные им в выступлении перед немецкими войсками перед нападением на Польшу 22 августа 1939 г., Гаук отметил: «Мы говорим об этом! Даже сегодня, 100 лет спустя, мы вполне сознательно говорим об этом – об этом и других преступлениях против человечности и человеческого достоинства. Мы делаем это, чтобы Гитлер не оказался прав» [22].

На следующий день, 24 апреля 2015 г., состоялось часовое обсуждение «армянского вопроса» в Бундестаге. Президент Бундестага Н. Ламмерт, а также представители всех партий призвали именовать трагические события 1915–1916 гг. геноцидом и отправили на доработку три подготовленных проекта резолюции по этому вопросу в профильные парламентские комитеты с целью более определенного использования термина «геноцид» в итоговой резолюции Бундестага. Только лишь Гернот Эрлер, заместитель председателя фракции СДПГ, использовал более осторожное выражение «геноцидная политика изгнаний». Выступлений, которые отрицали бы факт геноцида, в рамках данного заседания не прозвучало [23].

В итоге давление на федеральное правительство по поводу признания геноцида армян явно возросло. Вполне возможно, что в ближайшее время оно вынуждено будет отказаться от игры слов и согласиться с принятием соответствующей резолюции Бундестага. При этом стоит отметить, что политизация вопроса о признании геноцида армян до сих пор носит внутризлитный характер, присутствуя в публичном дискурсе скорее спорадически и проявляясь всплесками.

Истоки нормативности. Какие изменения произошли за 10 лет, с 2005 по 2015 г., что немецкие политики от сознательного уклонения от употребления понятия «геноцид» стали все больше склоняться к его более явному использованию? Для ответа на этот вопрос динамику позиции политического истеблишмента Германии необходимо рассматривать в более широком контексте.

Как говорили сами авторы резолюции Бундестага 2005 г., своей инициативой они вовсе не хотели бы нанести урон сближению Турции с Европой. Действительно, в тот период Анкара вела активные перегово-

ры с Европейским Союзом по поводу перспектив своего членства. А в Германии, в свою очередь, вопрос о членстве Турции в ЕС вызвал разногласия между ведущими политическими силами. Так, канцлер Г. Шредер, апеллируя геополитическими, экономическими и историко-культурными аргументами, настаивал на признании за Турцией права вступления в ЕС [24]. Что касается другой «народной партии» – ХДС / ХСС, то она высказывала по этому поводу серьезную озабоченность.

В этой связи инициирование фракцией ХДС / ХСС парламентской резолюции о необходимости помнить жертв трагических событий и активизировать усилия по налаживанию диалога между армянами и турками не выглядит случайным. Резолюция 2005 г. является по сути своей способом сформулировать одно из главных условий, при выполнении которого любая страна может вступать и в Европейский Союз, и в Североатлантический Альянс, – урегулирование споров с соседями. Таким образом, западные страны предотвращают «импорт нестабильности». Поэтому резолюция была выдержана в том ключе, что основная задача немецкой внешней политики – налаживание диалога между Турцией и Арменией, преодоление изоляции Армении, разрешение исторических и возможных территориальных споров. В каком-то смысле данная резолюция являлась проявлением традиционной для Европейского Союза политики кондициональности.

К 2015 г. ситуация серьезным образом изменилась. Сворачивание демократических свобод в Турции, политика умеренной исламизации, проводимая правящей партией, односторонние внешнеполитические действия Анкары сделали невозможными какие-либо серьезные обсуждения членства Турции в ЕС в обозримой перспективе. При обсуждении «армянского вопроса» в Бундестаге в апреле 2015 г. ни о каком сближении Турции с Европой уже речи не шло. Президент немецкого парламента Н. Ламмерт в своей вступительной речи лишь сослался на то, что Турция дает убежище более чем миллиону сирийских беженцев, и такую «готовность брать на себя сегодня ответственность мы не забываем» [23. С. 1].

В этой связи характерно заявление лидера партии Зеленых Ездемира, который считает, что признание армянского геноцида Германией увеличит давление на Анкару в плане нормализации отношений с Арменией и открытия границы. Ездемир полагает, что Турция могла бы быть более активным посредником между Арменией и Азербайджаном в нагорно-карабахском урегулировании и предотвратить гонку вооружений на Кавказе. Кроме этого, по мнению лидера немецких Зеленых, вместо того чтобы «загонять Армению в руки России, открытие границы с Турцией могло бы стать для Еревана дверью в Европу» [25]. Таким образом, если в 2005 г. речь шла о «приглашении турецких партнеров и друзей к диалогу», то сейчас речь уже идет об «увеличении давления».

Очевидно, Турция начинает рассматриваться многими немецкими (и европейскими) политиками как значимый Другой, как вызов европейской политической идентичности. «Называть вещи своими именами» превращается в способ продемонстрировать отсутствие страха или соглашательства с авторитарным Эрдоганом. Дебаты сегодня склоняются уже к идее о том, что Турция не разделяет основной европейской ценности — открытости к обсуждению исторического прошлого и примирения с бывшим врагом — и строит свою идентичность на возвеличивании младотурецкого наследия. Таким образом, принятие новой резолюции, которая осуждала бы геноцид, является способом провести символическую границу между авторитарной Турцией и «открытым обществом» Единой Европы. В этой связи многие политики, журналисты и общественные деятели, являющиеся сторонниками признания геноцида, отмечают, что попытки побудить Турцию к историческому диалогу ни к чему не привели и настало время для более решительных действий Германии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нормативность начинает играть все более значимую роль в немецкой политике, но истоки этой нормативности стоит искать в динамике отношений Турции с Германией (Европейским Союзом). Германия готова была не «называть вещи своими именами», пока была надежда на налаживание двусторонних армяно-турецких и турецко-европейских отношений. Но при дальнейшем ухудшении ситуации в этой сфере в рядах немецкого истеблишмента происходит политизация вопроса о признании геноцида армян с появлением серьезной эмоциональной составляющей. Так, федеральный президент Й. Гаук не просто признал геноцид, но и отметил соучастие германских военных в планировании и проведении депортаций, фактически поддерживая аргументы партии Левых. Не менее значимым было также увязывание вопроса о признании геноцида армян с отрицанием нацистского наследия, к которому Гаук отнес слова Гитлера «Кто сегодня вообще говорит об уничтожении армян?».

Позиция федерального правительства. В условиях роста влияния нормативных аргументов в общественно-политических дебатах по «армянскому вопросу» правительство Германии ушло в глухую оборону. Ангела Меркель демонстративно не участвует в этой дискуссии, но объяснение своей позиции правительство все-таки пытается давать.

Во-первых, правительство заинтересовано в том, чтобы сохранить возможность для диалога с Анкарой, не загоняя турецкое правительство в угол. Немецкая дипломатия инклюзивна, и одним из ее принципов является предоставление контрагенту возможности в любой ситуации сохранить лицо. По мнению государственного министра по европейским делам Михаэля Рота, культуру памяти невозможно навязать извне или сверху, ей необходимо пространство и время, чтобы дать ростки в соответствующем

обществе. «Мы приветствуем, что неисчислимые страдания, изгнание и убийства армян уже несколько лет не являются больше табу в Турции, и об этом ведутся открытые, в том числе критические, дискуссии», — отметил Рот [Ibid.].

Германия имеет хорошо отработанную дипломатическую модель урегулирования исторических противоречий. Немецкая дипломатия, как это было в случае с Россией и Польшей, Румынией и ее соседями, работает по двум основным направлениям: диалог на межправительственном уровне и диалог на уровне гражданских обществ. Во втором случае общение проходит во многом при содействии немецких политических фондов, экспертных организаций (Фонд Фридриха Эберта, Немецкое общество внешней политики и др.). Немецкие дипломаты работают с официальными представителями обеих сторон, пытаются играть роль медиаторов, а немецкие общественники вносят свой вклад в установление взаимопонимания на уровне гражданских обществ.

Именно такую модель Берлин хотел бы применить и в случае с армяно-турецкими противоречиями, которые, как не раз подчеркивалось немецким правительством, являются предметом для обсуждения исключительно Еревана и Анкары. Немецкие дипломаты пытаются активно проводить межгосударственные консультации как с Арменией, так и с Турцией по поводу ратификации и реализации положений Цюрихских протоколов, подписанных в октябре 2009 г. и предполагающих определенные шаги двух государств навстречу друг другу, в том числе в вопросе разблокирования межгосударственной границы.

Немецкое правительство поддерживает различные мероприятия и проекты, которые связаны с историческими исследованиями событий геноцида и роли в них Германии или направлены на укрепление диалога и взаимопонимания между армянами и турками. Так, немецкий Институт Востока и Фонд Макса Вебера организовали в апреле 2014 г. в Стамбуле конференцию на тему «Не все тихо на османских фронтах. Забытые ракурсы глобальной войны (1914–1918)». 17 декабря 2014 г. в Берлине при поддержке правительства прошла организованная Институтом международных отношений конференция, в рамках которой состоялся семинар «Географическое и политическое измерение памяти: пример Армении». Еще в 1998 г. немецкое правительство передало Армении и Турции на микрофильмах полное собрание документов из политического архива Министерства иностранных дел Германии, имеющих отношение к событиям 1915–1916 гг. в Османской империи. Уже много лет архив является полностью открытым для общественности и содействует различным исследовательским и телевизионным проектам: в частности, содействие было оказано в 2010 г. при съемках фильма «Aghet — геноцид» Эрика Фридлера. В свою очередь, Федеральный центр по политическому образованию (специализированный госу-

дарственный орган в Германии, занимающийся изданием научно-популярных материалов по политическим вопросам для широкой общественности) издал две книги, посвященные судьбе армян в Османской империи, а на май 2015 г. запланирован выход онлайн-сборника по этой теме.

Среди других поддержанных инициатив – проекты Института международного сотрудничества Союза высших учебных заведений, нацеленные на межнациональный диалог армян и турок. На три проекта («Соддействие образованию взрослых как вклад в армяно-турецкое примирение», «Учиться чтобы слышать» и «Говоря друг с другом») правительство Германии выделило с 2005 г. около 1,5 млн евро. В частности, в рамках проекта «Говоря друг с другом» в формате молодежного лагеря несколько лет проводились встречи армянских и турецких студентов, которые собирали устные свидетельства о геноциде и потом в художественной форме представляли свои изыскания. На основе этого художественного материала был создан документальный фильм, а также выставка, которая потом побывала в Турции, Армении, Грузии, Германии и других странах. Кроме этого, МИД Германии спонсировал выступление армяно-турецкого молодежного оркестра в рамках берлинского фестиваля «Young Euro Classic» в августе 2012 г., а также тематические поездки турецких журналистов и мультипликаторов в ноябре 2012 г. по теме «Тяжелое наследие прошлого» [26. С. 3–12].

Кроме стиля немецкой дипломатии позицию федерального правительства определяет, конечно же, и политика интересов, которая имеет как внешнее, так и внутреннее измерение. В плане внешнеполитических интересов Турция – значимое для Германии государство и в экономическом смысле, и в контексте урегулирования многих ближневосточных проблем. Турция – член НАТО, быстрорастущая экономика, а также «энергетический хаб» Европы, через который проходят многие нефтегазовые потоки. Любому германскому правительству крайне сложно игнорировать эти реалии.

Во внешнем плане признание геноцида армян может также иметь непредсказуемые последствия, ведь потомки жертв геноцида уже подавали иск к немецким фирмам, якобы использовавшим труд пленных армян, в калифорнийский суд. В 2012 г. суд отказал в рассмотрении иска, сославшись на неподсудность ему

этого дела [Ibid. S. 14]. Стоит также помнить крайне щепетильные для Германии моменты, связанные с истреблением африканских народов в период активной колониальной политики кайзеровской Германии. Эти исторические события еще не признаны в качестве геноцида, хотя состав этого преступления там также доказуем.

В плане внутренней политики признание геноцида армян может вызвать непонимание и отчуждение со стороны многочисленной турецкой общины Германии. Это может даже нанести удар по политике интеграции, которая уже испытывает серьезные трудности. Президент Турции Эрдоган имеет значительное влияние на немецких турок, регулярно приезжает в Германию с предвыборной агитацией. Турецкая община Германии уже выразила свое отрицательное отношение к признанию геноцида. В этой связи лидер партии Зеленых Ездемир, несмотря на свое турецкое происхождение, не является в их глазах «национальным предателем», так как он этнический черкес.

В итоге немецкий политический дискурс выглядит крайне поляризованным: по одну сторону баррикад находятся сторонники нормативной политики, которые осуждают отказ Турции обсуждать исторические проблемы и ее скатывание к авторитаризму и выступают за признание геноцида, а по другую сторону – немецкое правительство, которое во многом превратилось в оправдывающегося. По сути своей ситуация крайне напоминает дебаты по России, когда «Russlandverstehet» с их эмпатической в отношении России логикой противопоставлены обличителям и жестким критикам политики Москвы.

Немецкое правительство вынуждено реагировать на нормативный запрос. Как минимум оно не может не корректировать риторические рамки своих заявлений, делая их более жесткими, и как максимум оно стремится увеличить успешность собственных дипломатических инициатив. Тем не менее у реализации нормативной политики есть серьезный предел: в своем абсолюте она оборачивается проведением множества дополнительных границ и разделительных линий, перешагнуть которые уже гораздо сложнее. Публичный дискурс должен всегда оставлять достаточное пространство для дипломатии, которая лучшим образом способна, в отличие от нормативно нагруженного общества, работать и договариваться с контрагентами, мыслящими другими политико-культурными категориями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обычно логику государственного интереса обозначают как Realpolitik, что не совсем верно, ведь в рамках Realpolitik главным ресурсом внешней политики считалось накопление и применение военной силы. Логика государственного интереса – более широкое понятие, и в плане идейного наследия она выражена скорее в деятельности кардинала Ришелье, нежели Отто фон Бисмарка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Manners I.* Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40. P. 235–258.
2. *Diez T.* Normative Power as Hegemony // *Cooperation and Conflict*. 2013. № 2. P. 194–210.

3. Купер Р. Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке. М.: Московская школа политических исследований, 2010. 240 с.
4. Weiland S., Meiritz A. CDU-Politiker warnt Regierung vor Verharmlosung // Spiegel Online. 2015. 17 April. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/armenier-voelkermord-cdu-bergner-warnt-vor-verharmlosung-a-1029014.html>.
5. Antrag der Abgeordneten Uwe Hiks... Genozid an Armeniern anerkennen! URL: http://www.aga-online.org/documents/attachments/aga_10.pdf
6. Gernot Erler: An die Mitglieder der SPD-Bundestagfraktion. Berlin, 8. Mai 2001. URL: <http://www.deutscharmenischegesellschaft.de/wp-content/uploads/2009/11/Erler-zur-Petition-im-Bundestag-20010805.pdf>.
7. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, 172. Sitzung. Berlin, Donnerstag den 21. 2005. April. Plenarprotokoll 15/172. URL: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btp/15/15172.pdf>.
8. Antrag der Fraktionen SPD, CDU/CSU, BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN und FDP. Erinnerung und Gedenken an die Vertreibungen und Massaker an den Armeniern 1915 – Deutschland muss zur Versöhnung zwischen Türken und Armeniern beitragen. Drucksache 15/5689. URL: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btd/15/056/1505689.pdf>.
9. Das Haus in der Großen Weinmeisterstraße 45 war von 1908 bis 1926 die Wirkungsstätte des Menschenrechtlers und Theologen Johannes Lepsius (1858–1926). URL: <http://www.lepsiushauspotsdam.de/index.php?page=villalepsius>.
10. Bach A. Lepsius-Haus erinnert an den Völkermord // Deutsche Welle. 2011. 07 May. URL: <http://www.dw.de/lepsiushauserinnertandenv%C3%B6lkermord/a15054013>.
11. Hayruni A. Johannes Lepsius und seine Bedeutung für Armenier. URL: <http://www.lepsiushaus-potsdam.de/uploads/images/Publikationen/vortragstext-aschot-hayruni.pdf>.
12. Eröffnung der Gedenk- und Forschungsstätte Lepsius-Haus in Potsdam. Hans Ulrich Schulz im Gespräch mit Doris Schäfer-Noske // Deutschlandradio, 12. April 2015. URL: http://www.deutschlandfunk.de/schulz-ein-beitrag-zur-verstaendigung.691.de.html?dram:article_id=55490
13. Hanfeld M. Völkermord in Armenien. Wer sagt das Richtige zur richtigen Zeit? // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2015. 22 April. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/medien/voelkermord-armenien-thema-im-deutschen-fernsehen-13553168.html>.
14. Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Ulla Jelpke, Dr. Lukrezia Jochimsen und der Fraktion DIE LINKE. Drucksache 16/9956. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/16/100/1610074.pdf>.
15. Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Katrin Werner, Wolfgang Gehrcke, Annette Groth, weiterer Abgeordneter und der Fraktion DIE LINKE. Drucksache 17/1956. URL: <http://dipbt.bundestag.de/dip21/btd/17/019/1701956.pdf>.
16. Weiland S. Die mutlose Wortklauberei der Regierungsparteien // Spiegel online. 2015. 21 April. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/armenien-koalition-meidet-das-direkte-wort-voelkermord-a-1029564.html>.
17. Antrag der Fraktionen der CDU/CSU und SPD. Erinnerung und Gedenken an die Vertreibungen und Massaker an den Armeniern vor 100 Jahren. Drucksache 18/4684. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/046/1804684.pdf>.
18. Kazim H. Kuschen vor Erdogan // Spiegel online. 2015. 15 April. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/voelkermord-an-armeniern-bundesregierung-kuscht-vor-erdogan-a-1028706.html>.
19. Broder H. Herr Steinmeier, Sie haben von nichts eine Ahnung! // Die Welt. 2015. 25 April. URL: <http://www.welt.de/debatte/kommentare/article140082537/Herr-Steinmeier-Sie-haben-von-nichts-eine-Ahnung.html>.
20. Norman Naimark im Gespräch: "Das Wort Völkermord zu vermeiden ist töricht" // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2015. 23 April. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/asien/norman-naimark-im-interview-ueber-voelkermord-in-armenien-13546077.html>.
21. Roßmann R. Der absurde Herr Steinmeier // Süddeutsche Zeitung, 26. April 2015. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/voelkermord-der-absurde-herr-steinmeier-1.2452850>.
22. Worte des Gedenkens beim ökumenischen Gottesdienst. URL: <http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Joachim-Gauck/Reden/2015/04/150423-Gedenken-Armenier.html>.
23. Deutscher Bundestag – 18. Wahlperiode – 101. Sitzung. Berlin, Freitag, den 24. April 2015. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18101.pdf>.
24. Schroeder: EU-Beitritt der Türkei in unserem Interesse // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 02.09.2003. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/erdogan-besuch-schroeder-eu-beitritt-der-tuerkei-in-unserem-interesse-1112690.html>.
25. Eubel C., Monath H. Große Koalition will sich nicht mit Erdogan anlegen // Tagesspiegel. 2015. 01 April. URL: <http://www.tagesspiegel.de/politik/voelkermord-an-armeniern-grosse-koalition-will-sich-nicht-mit-erdogan-anlegen/11581312.html>.
26. Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Ulla Jelpke, Christine Buchholz, Sevim Dagdelen, weiterer Angeordneter und der Fraktion DIE LINKE. Drucksache 18/3722. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/037/1803722.pdf>.

Devyatkov Andrey V. Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: devyatkovav@gmail.com; Harutyunyan Van S. Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: van_80@mail.ru

NORMATIVITY VS. RAISON D'ÉTAT: ISSUE OF RECOGNIZING ARMENIAN GENOCIDE IN GERMAN POLITICS.

Keywords: Normative politics; Turkey; genocide; European Union; conditionality.

In European politics there is a clear move toward normative politics. In its framework state decisions are taken on the basis of “values”, not “interests”. German politics has not become exclusion in this trend. Among last shining examples of normative politicization in German foreign and internal policies is the issue of recognizing Armenian genocide. This politicization has taken place not because of somebody's lobbying activities, but out of normative logic (at least rhetorically). For Germany the recognition of Armenian genocide has a specific meaning. Firstly, the key element of German foreign policy identity is the ontological negation of Holocaust, that's why it is not so simple for Germans to recognize any genocide happened before this key event of modern German history. Secondly, tragic events in 1915–1916 in Ottoman Empire were not prevented by Germany anyway which adhered explicitly to its interest of keeping military alliance with Sublime Porte. The last circumstance was publicly recognized by German president Joachim Gauck, representatives of leading German parties, many journalists and scientists. The authors of the article place emphasis on two aspects of “Armenian issue” in Germany. The first one is about circumstances and content of politicization of Armenian genocide. The article proposes two temporal coordinates of this process – 2005 and 2015 and analyzes in details the problem whether politicization was permanent or discontinuous, elitist or wide-scale. In the second part of the article authors draw attention to fundamental changes which happened in this decade in German discourse. One way or another, politicization was connected to the context of Turkey's relations with the European Union. But if in 2005 conditionality was at stake (so that conditions of Turkey rapprochement with the EU and Germany were formulated), in 2015 self-contradistinction to Turkey as an authoritarian, Islamized state and closed society has become a dominant motive. In the context of normative politics the German government turned out to be caught in the middle, when non-recognition of genocide is interpreted as over-compromising with Erdogan. On the other hand, this decision could cause not only deterioration in relations with Ankara and Turkish community living in Germany, but also breakdown of any hopes to fulfill mediative role of Germany in historical contradictions of Armenia and Turkey and consequently the whole South Caucasian region. In the conclusion the conflict potential of normative politics is illustrated.

REFERENCES

1. Manners, I. (2002) Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*. 40. pp. 235-258. DOI: 10.1111/1468-5965.00353
2. Diez, T. (2013) Normative Power as Hegemony. *Cooperation and Conflict*. 2. pp. 194-210. DOI: 10.1177/0010836713485387
3. Cooper, R. (2010) *Razdor mezhdu narodami. Poryadok i kaos v XXI veke* [The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century]. Translated from English by M. Dadayan. Moscow: Moscow School of Political Studies.
4. Weiland, S. & Meiritz, A. (2015) CDU-Politiker warnt Regierung vor Verharmlosung [A CDU politician warns government against trivialization of Armenian Genocide]. *Spiegel Online*. 17th April. [Online] Available from: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/armenier-voelkermord-cdu-bergner-warnt-vor-verharmlosung-a-1029014.html>.
5. Hikschi, U. (n.d.) *Genozid an Armeniern anerkennen!* [Genocide of Armenians recognized!]. [Online] Available from: http://www.aga-online.org/documents/attachments/aga_10.pdf.
6. Erler, E. (2001) *An die Mitglieder der SPD-Bundestagfraktion* [To the members of the SPD parliamentary group]. [Online] Available from: <http://www.deutscharmenischegesellschaft.de/wp-content/uploads/2009/11/Erler-zur-Petition-im-Bundestag-20010805.pdf>.
7. Deutscher Bundestag. (2005) *Stenografischer Bericht, 172. Sitzung* [Stenographic Report, 172. Session.]. Thursday, April 21, 2005. Plenary proceedings 15/172. [Online] Available from: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btp/15/15172.pdf>.
8. Deutscher Bundestag. (2005) Antrag der Fraktionen SPD, CDU/CSU, BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN und FDP. Erinnerung und Gedenken an die Vertreibungen und Massaker an den Armeniern 1915 [Request the factions SPD, CDU / CSU, Alliance '90 / The Greens and FDP. Memory and commemorating the expulsions and massacres of the Armenians in 1915]. In: *Deutschland muss zur Versöhnung zwischen Türken und Armeniern beitragen* [Germany should contribute to reconciliation between Turks and Armenians]. [Online] Available from: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btd/15/056/1505689.pdf>.
9. Germany. (n.d.) *Das Haus in der Großen Weinmeisterstraße 45 war von 1908 bis 1926 die Wirkungsstätte des Menschenrechtlers und Theologen Johannes Lepsius (1858–1926)* [The house in the Great Weinmeisterstraße 45 was 1908 to 1926, the workplace of human rights activist and theologian Johannes Lepsius (1858–1926)]. [Online] Available from: <http://www.lepsiushauspotsdam.de/index.php?page=villalepsius>.
10. Bach, A. (2011) Lepsius-Haus erinnert an den Völkermord [Lepsius House is reminiscent of the Genocide]. *Deutsche Welle*. 7th May. [Online] Available from: <http://www.dw.de/lepsiushauserinnertandenv%C3%B6lkermord/a15054013>.
11. Hayruni, A. (n.d.) *Johannes Lepsius und seine Bedeutung für Armenier* [Johannes Lepsius and its importance for Armenians]. [Online] Available from: <http://www.lepsiushaus-potsdam.de/uploads/images/Publikationen/vortragstext-aschot-hayruni.pdf>.
12. Schulz, H.U. (2015) *Eröffnung der Gedenk- und Forschungsstätte Lepsius-Haus in Potsdam* [Opening of the memorial and research facility Lepsius House in Potsdam]. Interview with Doris Schäfer-Noske. Deutschlandradio. 12th April. [Online] Available from: http://www.deutschlandfunk.de/schulz-ein-beitrag-zur-verstaendigung.691.de.html?dram:article_id=55490
13. Hanfeld, M. (2015) Völkermord in Armenien. Wer sagt das Richtige zur richtigen Zeit? [Armenian genocide. Who says the right thing at the right time?]. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 22nd April. [Online] Available from: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/medien/voelkermord-armenien-thema-im-deutschen-fernsehen-13553168.html>.
14. German Federal Government. (n.d.) *Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Ulla Jelpke, Dr. Lukrezia Jochimsen und der Fraktion DIE LINKE* [Answer of the Federal Government to the minor interpellation of the deputies Ulla Jelpke, Dr. Lucretia Jochimsen and DIE LINKE]. Printed Matter 16/9956. [Online] Available from: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/16/100/1610074.pdf>.
15. German Federal Government. (n.d.) *Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Katrin Werner, Wolfgang Gehrcke, Annette Groth, weiterer Abgeordneter und der Fraktion DIE LINKE* [Answer of the Federal Government to the minor interpellation of Deputies Katrin Werner, Wolfgang Gehrcke, Annette Groth, further Abgeordneter and DIE LINKE]. Printed Matter 17/1956. [Online] Available from: <http://dipbt.bundestag.de/dip21/btd/17/019/1701956.pdf>.
16. Weiland, S. (2015) Die mutlose Wortklauberei der Regierungsparteien [The fainthearted quibble of the governing parties]. *Spiegel Online*. 21st April. [Online] Available from: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/armenien-koalition-meidet-das-direkte-wort-voelkermord-a-1029564.html>.
17. Deutscher Bundestag. (2015) *Antrag der Fraktionen der CDU/CSU und SPD. Erinnerung und Gedenken an die Vertreibungen und Massaker an den Armeniern vor 100 Jahren* [Request for the fractions of the CDU / CSU and SPD. Memory and commemorating the expulsions and massacres of the Armenians 100 years ago]. Printed Matter 18/4684. [Online] Available from: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/046/1804684.pdf>.
18. Kazim, H. (2015) Kuschen vor Erdogan [Knuckle under Erdogan]. *Spiegel Online*. 15th April. [Online] Available from: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/voelkermord-an-armeniern-bundesregierung-kuscht-vor-erdogan-a-1028706.html>.
19. Broder, H. (2015) Herr Steinmeier, Sie haben von nichts eine Ahnung! [Mr Steinmeier, you have no idea about anything!]. *Die Welt*. 25th April. [Online] Available from: <http://www.welt.de/debatte/kommentare/article140082537/Herr-Steinmeier-Sie-haben-von-nichts-eine-Ahnung.html>.
20. Naimark, N. (2015) Das Wort Völkermord zu vermeiden ist töricht [To avoid the word genocide is foolish]. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 23th April. [Online] Available from: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/asien/norman-naimark-im-interview-ueber-voelkermord-in-armenien-13546077.html>.
21. Roßmann, R. (2015) Der absurde Herr Steinmeier [The absurd Mr. Steinmeier]. *Süddeutsche Zeitung*. 26th April. [Online] Available from: <http://www.sueddeutsche.de/politik/voelkermord-der-absurde-herr-steinmeier-1.2452850>.
22. Der Bundespraesident. (2015) *Worte des Gedenkens beim ökumenischen Gottesdienst* [Words of remembrance at the ecumenical service]. [Online] Available from: <http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Joachim-Gauck/Reden/2015/04/150423-Gedenken-Armenier.html>.
23. Deutscher Bundestag. (2015) *18. Wahlperiode – 101. Sitzung* [The 18th electoral term – 101st meeting]. Berlin, Friday. 24th April. [Online] Available from: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18101.pdf>.
24. Schroeder, G. (2003) EU-Beitritt der Türkei in unserem Interesse [EU membership for Turkey in our interest]. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 2nd September. [Online] Available from: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/erdogan-besuch-schroeder-eu-beitritt-der-tuerkei-in-unserem-interesse-1112690.html>.
25. Eubel, C. & Monath, H. (2015) Große Koalition will sich nicht mit Erdogan anlegen [Great coalition does not want to mess with Erdogan]. *Tagesspiegel*. 1st April. [Online] Available from: <http://www.tagesspiegel.de/politik/voelkermord-an-armeniern-grosse-koalition-will-sich-nicht-mit-erdogan-anlegen/11581312.html>.
26. Deutscher Bundestag. (2015) *Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Ulla Jelpke, Christine Buchholz, Sevim Dagdelen, weiterer Angeordneter und der Fraktion DIE LINKE* [Answer of the Federal Government to the minor interpellation of the deputies Ulla Jelpke, Christine Buchholz, Sevim Dagdelen, further arranged and the DIE LINKE]. Printed Matter 18/3722. [Online] Available from: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/037/1803722.pdf>.

УДК 94(41/99)
DOI 10.17223/19988613/38/10

Ю.П. Гладкова

КОНСУЛЬСКАЯ ЗАЩИТА ПРАВ МЕКСИКАНСКИХ МИГРАНТОВ ЗА РУБЕЖОМ

Статья посвящена проблеме защиты прав мексиканских мигрантов. Несмотря на то что все законы любой страны должны опираться на соблюдение прав человека, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека, в отношении мигрантов, особенно «нелегалов», систематически проявляется несоблюдение данных прав. В связи с этим мексиканское консульство проводит активную работу по соблюдению и защите прав мексиканских мигрантов, оказывая им необходимую помощь. Делается вывод о том, что, несмотря на существование законов, защищающих права человека, в отношении к мигрантам продолжает существовать дискриминация и насилие.

Ключевые слова: нелегал; закон; миграция; консульская защита.

Уважение и защита основных прав мигрантов является одним из важнейших аспектов и принципов, регулирующих внешнюю политику правительства Мексики. Многочисленная и непрерывная миграция мексиканцев за рубеж, особенно в Соединенные Штаты Америки, определяет постоянную адаптацию институциональных структур и программ по обеспечению соблюдения индивидуальных прав и прав общин мигрантов. В США определяет права и обязанности мигранта Федеральный закон иммиграции, а основным обоснованием для содержания иммигрантов является Закон об иммиграции и гражданстве. В Мексике нормативно-правовая база по вопросам миграции регулируется в основном мексиканской Конституцией, Генеральным законом о численности населения и миграции (LGP). Национальный институт по миграции (INM) является главным ответственным за исполнение иммиграционных прав [1].

В основном все документы направлены на защиту прав мигрантов, которые находятся на территории США на законном основании, и частым заблуждением является представление о том, что иммигранты с нерегулированным статусом иммиграции («недокументированные») не имеют прав, потому что проживают нелегально, без надлежащего иммиграционного статуса. Такое понимание приводит к определенным проблемам, связанным с дискриминацией прав человека. По причине уязвимости этого сектора права иммигрантов были сформулированы в различных нормативных актах и договорах, из которых основными принципами защиты являются равенство перед законом и недопущение дискриминации. Кроме того, Всеобщая декларация прав человека говорит о том, что права человека должны применяться без каких-либо различий, таких как раса, цвет кожи, пол, национальное или социальное происхождение, рождение или иные обстоятельства. Все мигранты, как и каждый человек в отдельности, охраняются в соответствии с международным правом прав человека без дискриминации, наравне с гражданами государства, независимо от их административного статуса или состояния [2]. Тем не менее, несмотря на существующую нормативно-правовую базу, мигран-

ты продолжают страдать от жестокого обращения, эксплуатации и насилия.

В Соединенных Штатах Америки, по последним оценкам, проживают около 11,9 млн мексиканцев, из которых примерно 6,8 млн находятся на нелегальном положении, что составляет почти 55% от общего числа [3]. Из-за огромного числа иммигрантов, находящихся на нелегальном положении, более чем в половине штатов США, включая Алабаму, Аризону, Юту и Южную Каролину, растут антииммигрантские настроения среди населения и представителей органов власти. В связи с этим в этих штатах изданы законы, направленные против нелегальных мигрантов, выходцев из Латинской Америки, особенно Мексики. Например, закон Аризоны СБ-1070 от 2010 г., более известный как «Закон ненависти». По данному закону полиция штата получала право проверять иммиграционный статус абсолютно у всех «подозрительных», по их мнению, лиц, даже если они на деле граждане США. Данный закон вызвал особый резонанс среди населения. Закон был опротестован Федеральным правительством в суде, однако решение Верховного суда США в июне 2012 г. по поводу этого закона оказалось компромиссным и создало определенную «серую зону» как в сфере разделения полномочий федеральных властей и властей штатов относительно мигрантов, так и в области защиты их гражданских прав [4].

США создают все больше новых инструментов для предотвращения въезда мигрантов, таких как стены вдоль границы и различные барьеры, увеличение визовых сборов, транспортные санкции, военизированный пограничный контроль, аресты, методы сканирования сетчатки и другие биометрические методы, внесение всех данных по мигранту в единую электронную базу. Зачастую нарушения прав мигрантов происходят во время задержания. По последним официальным докладом центров по защите бинациональных прав, зафиксированы систематические нарушения прав человека в течение всего времени от момента задержания нелегала, судебного процесса и до депортации из США [1]. В основном нарушения прав происходят в центрах содержания под стражей Пограничной службы в Ари-

зоне, в Калифорнии, Вашингтоне. Наиболее повторяющимися случаями нарушения прав мигрантов во время их заключения являются антисанитарные условия содержания, отсутствие возможности подать жалобу и отсутствие возврата личного имущества после депортации.

К систематическим нарушениям относятся и отсутствие уведомления от иммиграционных властей на право консульской защиты, отсутствие средств для общения с мексиканским консульством. Оставляя задержанных беззащитными, представители миграционной службы зачастую оказывают давление и заставляют подписать документы, которые мигрант не понимает [1].

Необходимо отметить, что в любой сложной ситуации мигрант имеет право обратиться за консульской защитой и помощью. Генеральное консульство Мексики в Лос-Анджелесе, штат Калифорния, несет ответственность за защиту прав в соответствии с принципами и нормами международного права, положениями законодательства США и конкретными мексиканскими положениями, интересами и правами мексиканцев в этом регионе. Генеральное консульство также должно отстаивать свои законные требования в отношении защиты прав мигрантов [5]. В целом консульская защита понимается как совокупность действий, процедур должностных лиц консульских и дипломатических представительств за рубежом. Эти действия направлены на защиту на основе международного права и уважения к закону и правилам каждой страны, прав и интересов мексиканцев за рубежом. Такие действия включают в себя следующее:

- оказание консульской помощи;
- обеспечение соблюдения прав;
- избегание нарушений прав или интересов;
- избегание несправедливости или произвола со стороны иностранных властей;
- избегание преследования или дискриминации на почве национальной принадлежности или по любой другой причине [Там же].

В случае задержания представителями любого органа власти по любой причине мигранту следует опираться на следующие права:

1) право обратиться в ближайшее посольство или консульство Мексики;

2) право молчать, потому что все, что сказано, может быть использовано против. В данном случае при задержании мигрант обязан лишь сообщить свои настоящие данные;

3) никто не обязан отвечать на любые компрометирующие вопросы;

4) право требовать присутствия сертифицированного переводчика;

5) право советоваться с адвокатом;

6) право на получение медицинской помощи в местах лишения свободы;

7) ни один орган власти не может заставить задержанных подписать документы, которые те не понимают, особенно если они написаны на английском или других непонятных задержанному языках, без консультации юриста или консульского должностного лица [2].

Тем не менее права мигранта, прежде всего как человека, в иммиграционной системе в Соединенных Штатах и Мексике постоянно нарушаются. Хотя мигрант имеет право на оказание помощи со стороны Мексиканского консульства, на деле не всегда ее получает. Зачастую причиной дискриминации мигрантов является незнание последними своих прав. Для преодоления этой проблемы консульства совместно с Правительством Мексики проводят ряд информационных мероприятий, разработали программы по оказанию юридической помощи в сложных ситуациях, программы по оказанию медицинской помощи. Были созданы группы Бета по защите прав мигрантов. На сегодняшний день существует 21 группа Бета, состоящая из 156 членов, присутствующих в девяти штатах США. В обязанности этих групп входит гуманитарная, поисково-спасательная и правовая помощь мексиканским мигрантам [6].

В целом, несмотря на все существующие государственные структуры, а также правовые документы, права человека продолжают нарушаться, особенно ярко это видно на примере нелегальных мигрантов. Чтобы избежать этого, должны существовать механизмы, программы и гуманитарная помощь для мигрантов по обе стороны границы, применяться соответствующие санкции против нарушений прав мигрантов, необходимо менять отношение к принятым законам, а также совместно пересмотреть миграционную политику США и Мексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Violación de los derechos a migrantes de la frontera México-Estados Unidos. URL: http://www.academia.edu/7303680/Violacion_de_derechos_humanos_a_migrantes_en_la_frontera_M%C3%A9xico-Estados_Unidos, free.
2. Derechos de los migrantes. URL: http://portal2.edomex.gob.mx/edomex/personas/migrantes/informacion_util/derechos_migrante/index.htm, free.
3. Estadística de población mexicana. URL: <http://www.ime.gob.mx/es/resto-del-mundo>, free.
4. Коробков А.Н. Выживет ли американский «плавильный котел»? URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1164#top, свободный.
5. Protección a mexicanos en el exterior. URL: <http://consulmex.sre.gob.mx/losangeles/index.php/proteccion-a-mexicanos>, free.
6. Informe de labores. URL: http://www.inm.gob.mx/static/transparencia/pdf/Informe_Labores_2013_INM-POT.pdf, free.

Gladkova Yulia P. Omsk F.M. Dostoevsky State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: yuliagladkova@yandex.ru

CONSULAR PROTECTION OF THE MEXICAN MIGRANTS' RIGHTS ABROAD.

Keywords: illegal immigrant; law; migration; Consular protection.

This article is dedicated to the problem of protection of the Mexican migrants' rights abroad. The author studies the main problems and violations of rights faced by migrants that came to the USA in a search of a better life. The problem of the violation of the inalienable human rights enshrined in the Universal Declaration of Human Rights is examined. The bright example of such violations one can see in the treatment of migrants who are illegally in the United States. According to the latest surveys the number of illegal immigrants is approximately 6.8 million in the US, it is almost 55% of the total number of Mexican migrants. This article describes the types of consular assistance that Mexican Consulate provides migrants, regardless of their position whether it is legal or unresolved immigration status in the USA, because one of the most important aspects and principles of foreign policy of the Mexico Government is respect and protection of the migrants' fundamental rights. There are certain procedures that protect the migrants' rights during and after detention by the US authorities. The problem is that most migrants don't know their legal rights and as a result are discriminated by the authorities of the United States. The most repeated cases of violations of the migrants' rights during their detention are unsanitary conditions, lack of opportunity to file a complaint, the inability to communicate with the Consulate and the lack of personal belongings return after deportation. To solve this problem, Consulate together with the Government of Mexico work active and create special bodies, such as the Beta Group to protect the migrants' rights. The duties of these groups are the following: humanitarian, search-and-rescue and legal assistance to Mexican migrants. However, a huge flow of migrants from Mexico to the United States leads to increased anti-immigrant sentiment in many states. This is most clearly shown in the policy of Alabama, Arizona, Utah and South Carolina. In this regard, laws against illegal immigrants, citizens of Latin America, especially Mexicans are created in those states. These laws violate human rights. It is concluded that, in spite of all the existing state bodies, as well as legal documents, human rights continue to be violated as shown by the example of illegal migrants. To avoid this, there must be mechanisms, programs and humanitarian assistance to migrants on both sides of the border. Appropriate sanctions against violations of the migrants' rights should be applied. It is necessary to change the attitude to the adopted laws, and to reconsider the immigration policy of the USA and Mexico.

REFERENCES

1. Yalot, S. & Cortez Aragon, R. (2014) *Violación de los derechos a migrantes de la frontera México-Estados Unidos* [Violation of the rights of migrants at the US-Mexico border]. [Online] Available from: http://www.academia.edu/7303680/Violacion_de_derechos_humanos_a_migrantes_en_la_frontera_M%C3%A9xico-Estados_Unidos.
2. The Government of Mexico. (2015) *Derechos de los migrantes* [The Rights of Immigrants]. [Online] Available from: http://portal2.edomex.gob.mx/edomex/personas/migrantes/informacion_util/derechos_migrante/index.htm.
3. The Ministry of Foreign Affairs of Mexico. (2015) *Estadística de población mexicana* [Statistics of Mexican Population]. [Online] Available from: <http://www.ime.gob.mx/es/resto-del-mundo>.
4. Korobkov, A.N. *Vyzhivet li amerikanskiy "plavil'nyy kotel"?* [Will the American "melting pot" survive?]. [Online] Available from: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1164#top.
5. The General Consulate of Mexico in Los Angeles. (n.d.) *Protección a mexicanos en el exterior* [Protection of Mexicans Abroad]. [Online] Available from: <http://consulmex.sre.gob.mx/losangeles/index.php/proteccion-a-mexicanos>.
6. The National Institute of Migration. (2013) *Informe de labores* [The Works Reports]. [Online] Available from: http://www.inm.gob.mx/static/transparencia/pdf/Informe_Labores_2013_INM-POT.pdf.

УДК 81.2(410)
DOI 10.17223/19988613/38/11

Т.Л. Андреева, Б.М. Таловская

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СОЕДИНЁННОМ КОРОЛЕВСТВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ В 2000–2010-х гг.

Исследуется языковая ситуация в современной Великобритании. Даётся теоретическая выкладка о понятии и видах языковой ситуации. Анализируются различия между экзогlossными и эндогlossными, сбалансированными и несбалансированными языковыми ситуациями. Авторы рассматривают нынешнее состояние британского английского, региональных языков и языков иммигрантов. Также детально анализируется взаимодействие и взаимовлияние всех языков, имеющих хождение в Великобритании.

Ключевые слова: языковая ситуация; британский английский; валлийский язык; гаэльский язык; взаимодействие языков; региональные языки.

Научно-технический прогресс позволил быстро перемещаться из одной точки мира в другую, легко налаживать деловые и личные контакты с людьми со всего света. Сжатие пространства-времени убрало многие барьеры, мешающие эффективной коммуникации. Потребовалось некое единое языковое пространство, в котором все могли бы понимать друг друга и продолжать налаживать связи. История сложилась таким образом, что таким «*lingua franca*» стал английский язык. Важно прогнозировать возможные изменения этого языка на его родине – в Великобритании. Однако прежде чем начать анализ любого явления, необходимо охарактеризовать его современное состояние. В данной статье на основе классификации языковой ситуации А.Д. Швейцера и Л.Б. Никольского авторами предпринимается попытка проанализировать языковую ситуацию в современной Великобритании.

Языковая ситуация – это конкретный тип взаимодействия языков (или разных форм существования одного языка) в общественной жизни каждого народа на определенном этапе его исторического развития [1. Вып. 65. С. 41]. Соответственно среди языковых ситуаций выделяют экзогlossные (отношения совокупности языков) и эндогlossные (совокупности подсистем одного языка). В свою очередь данные группы исследователи делят на сбалансированные языковые ситуации, если составляющие их языки или их подсистемы равнозначные в функциональном отношении, и несбалансированные (соответственно, неравнозначные) [2. С. 102–110].

Чаще всего сбалансированность экзогlossных языковых систем проявляется в юридическом равенстве статусов двух и более языков в государстве (например, фламандский и французский языки в Бельгии). Внутри экзогlossных несбалансированных языковых ситуаций выделяют множество разновидностей. Классификация зависит от количества языков, функционирующих на территории (двухкомпонентные, трёхкомпонентные, четырёхкомпонентные). При этом языки получают определённые роли. В двухкомпонентной языковой ситуации есть язык, использующийся в обиходной речи

и язык-макропосредник, которым носители пользуются за пределами своей этнической общности, в официальных случаях, документации. Так, в XX в. валлийский язык в Великобритании выполнял роль языка обиходной речи, а английский – языка-макропосредника. К концу XX – началу XXI в. положение валлийского языка окончательно изменилось. В трёхкомпонентных и четырёхкомпонентных ситуациях выделяются другие подтипы языков: местные, региональные, религиозные или профессиональные [Там же].

Эндогlossные сбалансированные языковые ситуации определяются равноценностью нескольких подсистем одного языка. В современном мире в чистом виде такая ситуация не встречается. Примеры можно найти лишь в истории, например Германия до становления централизованного государства, когда в землях использовались диалекты как основное средство формальной и неформальной коммуникации. Что же касается эндогlossных несбалансированных ситуаций, то они встречаются в подавляющем большинстве однопациональных государств. Как и в случае с экзогlossной языковой ситуацией, принято выделять несколько разновидностей этой ситуации. В данном случае это однокомпонентная (разговорная и письменная формы языка практически не различаются, как в исландском), двухкомпонентная (территориальные диалекты и литературная норма, наиболее встречающаяся разновидность) и трёхкомпонентная (территориальные диалекты, литературная / письменная норма и региональная форма литературного языка) [Там же].

Важно отметить, что языковая ситуация подвержена влиянию как объективных социально-экономических и политических факторов (например, изменение статуса какой-то национальной общности), так и субъективных факторов, связанных с проводимой в государстве языковой политикой [Там же].

Языковая ситуация обусловлена социальными условиями функционирования языка, т.е. её определяют через следующие параметры:

- 1) набор конкретных форм существования языка;
- 2) сферы и среды употребления языка;

3) взаимодействие языков [1. Вып. 65. С. 42].

Согласно данным трём параметрам охарактеризуем языковую ситуацию в Великобритании.

Основные языки Соединённого Королевства – английский, валлийский, ирландский гаэльский и шотландский гаэльский – имеют общее индоевропейское происхождение. Два последних – это старейшие языки островов из кельтской группы. Ирландский и шотландский гаэльский включены в гойдельскую подгруппу, а валлийский – в бриттскую [3. С. 407–464]. Английский язык относится к германской группе, западногерманской подгруппе.

В Соединённом Королевстве не существует официального закона, декларирующего английский как официальный язык государства, но, как и многое в Великобритании, положение английского закреплено скорее по традиции, чем в праве. Согласно проводимым опросам, более чем 49 млн жителей английской монархии считают этот язык главным [4]. Литературная норма в данном языке – это стандартный английский язык, принятая идеальная форма английского языка (Standard English) [5] и «нормативное произношение» (Received Pronunciation, RP) в речи. Как правило, данная норма используется в СМИ, является языком права и правительства. Раньше RP ассоциировался с высоким социальным статусом носителя. До сих пор лишь 2% населения употребляют эти произносительные нормы в речи [6]. К XXI в. даже в «общепринятом произношении» стало выделяться три подвида: консервативные формы, используемые старшим поколением и традиционно представителями определённых профессий и социальных групп; общие формы, используемые дикторами BBC (Би-би-си); продвинутые (новые) формы в речи молодого поколения [Там же]. Следует отметить, что даже дикторы BBC иногда используют различные типы RP. Более старшие предпочитают консервативную форму, в противоположность молодым дикторам. В отличие от других акцентов и модификаций английского, RP – единственный тип, не привязанный к определённому региону, чаще всего он ассоциируется именно с образованностью говорящего.

Исследователи соглашаются в том, что многие носители могут в разных социальных ситуациях использовать как RP, так и родную диалектную норму английского языка. Подобная лингвистическая двойственность, когда один и тот же индивид пользуется и литературной нормой, и местным диалектом в зависимости от социальной среды, называется диглоссией [7]. В последнее время это явление очень распространено в Великобритании.

RP – это идеальная, нормированная крайность английского. Другая крайность – это так называемый «антиязык». Сам термин был разработан Майклом Халлидеем и обозначает коммуникацию на языке, непонятном постороннему [8]. В таком языке используются принятая грамматика и лексика, но употребляются в нестандартных случаях, из-за чего язык становится

понятной только «своим». Рифмованный сленг кокни – ярчайшая иллюстрация такого антиязыка. В этой форме слово заменяется рифмующимся с ним словом или фразой. Так, вместо глагола «believe» используется фраза «Adam and Eve». Иногда последнее рифмующееся слово из фразы опускается, в итоге «lies» (с англ. ложь) в кокни это «forkies» (от фразы «forkies pies» с англ. «мягкая шляпа») [9]. Носители данной формы часто умышленно упрощают произносительные нормы. Пример: произношение звука [θ] как [f] (например, «faas'nd» вместо «thousand»). Своеобразной золотой серединой между RP и кокни выступает «Estuary English» (с англ. «эстуарный английский», эстуарий – устье, в данном случае устье Темзы). The Estuary English стал результатом взаимного влияния противоположных социальных тенденций: увеличение покупательской способности носителей кокни и стремление представителей среднего класса говорить на «обычном», не шикарном языке [6]. Особенности этой формы проявляются в следующем:

- замена t на конце слова или перед согласным на твердый приступ (Gatwick airport). Однако твердый приступ перед гласным до сих пор считается признаком кокни (water);

- замена конечного ʌ на гласные u , o , ɒ , ʊ , ɪ , т.е. вокализация, например whole (с англ. «целый») произносится как $/\text{hou}/$. Несмотря на распространённость этой тенденции, другие подобные характерные для кокни замены распространены гораздо меньше, например: th ʊ , ð на f , v соответственно [Там же].

Кроме социальных различий, на английский язык влияют и географические особенности употребления. В Великобритании выделяются три внутренние модификации языка: британская, шотландская и ирландская. Последние две формы вобрала в себя черты и британской формы, и американской, однако очень велико и влияние местных кельтских языков на развитие данных диалектов.

Следует отметить, что англо-шотландский, или Scots, – это именно диалект английского, и его не стоит путать с гаэльским шотландским. Распространён этот диалект на юге и востоке Шотландии, отсюда ещё одно название – равнинный шотландский. Он не однообразен и дробится на большое количество смешанных форм стандартного английского и англо-шотландского. В настоящее время 1,5 млн человек являются носителями данного диалекта [10]. В последнее время появилось движение за признание шотландского как третьего официального языка Шотландии помимо английского и гаэльского [11]. В отличие от английских диалектов, шотландский пользуется высоким социальным престижем. Однако в школах не поощряется использование этой модификации. Часто учителя называют её не диалектом, а шотландским сленгом [12]. Несмотря на англицизацию населения, с середины XX в. наблюдается некоторое возрождение шотландского диалекта [13]. Более того, в обществе до сих пор ведутся споры по поводу идентификации шотландского. Высказывается

мнение, что это отдельный язык, который, как и английский, развился из среднеанглийского [14]. Однако 800 лет главенства англичан на территории Шотландии, несомненно, повлияли на язык. Большая часть грамматики и лексики перенята из английского, лишь малая доля используемых слов и выражений имеет шотландское происхождение. Поэтому большинство исследователей склонны называть его скорее англо-шотландским диалектом. Основные произносительные особенности данного диалекта – это вибрирующий звук [r], короткие гласные (частое использование /i/) и упрощённые дифтонги (/œ/, /æ/) [15].

Ирландский английский считается более певучим и эмоциональным по сравнению с британской версией. Часто этот диалект именуется «гиберно-английским» (от латинского названия Ирландии – Гиберния) [16]. Английский активно используется в Ирландии уже восемь веков, поэтому, как и в англо-шотландском, этот диалект является скорее английским с некоторой примесью ирландских слов. Гиберно-английский – это сочетание Scots и южно-ирландских диалектов английского. Влияние ирландского особенно заметно в синтаксисе и разнообразных определениях и витиеватых предложениях.

Согласно принятой в специализированной литературе классификации акцентов [6], исследователи выделяют три южных и четыре северных акцента английского языка [Там же]. Несмотря на то что английский – преобладающий в Великобритании язык, задолго до его появления на островах господствовали кельтские языки.

Выделим основные черты двух кельтских языков: валлийского и гаэльского. Валлийский является самым распространённым среди современных кельтских языков. С 1993 г. закреплён официальный статус этого языка. Основные модификации валлийского – это разговорный и литературный. Для литературного валлийского характерны пропуск некоторых местоимений, более широкое использование простых форм глагола, отсутствие различий между простым настоящим и простым будущим временем и др. В разговорном валлийском редко опускаются местоимения, употребляются сложные составные формы глаголов, а простая форма часто выражает будущее время [17]. Не существует единого стандартного валлийского. Выделяют два самых распространённых валлийских диалекта: Северный (Gog) и Южный (Hwntw), кроме этого, есть многочисленные вариации этих диалектов. Диалекты отличаются друг от друга различиями в произношении, лексике и иногда в грамматике.

За XX в. доля говорящих на уэльском языке значительно снизилась (с 50 до 18%) [18], однако по данным переписи населения 2001 г. им свободно владеет 1/5 часть жителей Уэльса [Там же]. В высокогорных районах, близких к Ирландскому морю, это число возросло до половины [19]. Важно отметить следующие факторы увеличения этого числа:

– Школы Уэльса перешли на двуязычное преподавание (английский и валлийский). К 2001 г. зарегистрированы 52 такие школы [20].

– Активная общественная деятельность по защите и восстановлению валлийского языка. Работает специальное сообщество валлийского языка (Welsh Language Society), призванное сохранять этот кельтский язык.

– Появление СМИ, выпускающих издания и программы только на уэльском языке (Radio Cymru) [18].

– Издание в 1993 г. специального Закона о валлийском языке, который уравнивал на официальном уровне статус валлийского с английским.

В 2003 г., когда уэльское правительство поставило перед собой цель возродить валлийский, оно было настроено весьма позитивно. Однако перепись населения 2011 г. показала достаточно печальные результаты. Пропорционально всему населению Великобритании доля носителей валлийского снизилась с 21 до 19% [21]. На данный момент большинство носителей являются билингвами, т.е. они знают и валлийский, и английский. По данным Дэниела Дэвиса, корреспондента новостного портала BBC, большинство знающих валлийский предпочитают использовать английский в самых обыденных ситуациях [Ibid.]. Английский можно услышать в магазинах, пабах и на детских площадках. Детей, изучающих валлийский в начальной школе, затем отдают в англоязычную среднюю школу. Одной из причин такого поведения является тот факт, что их родители – это поколение уэльсцев, которые были воспитаны в полностью англоязычной среде, и они опасаются, что элементарно не смогут помочь детям с домашним заданием на валлийском языке. Кроме этого, знание одного валлийского снижает возможность подростка поступить в высшее учебное заведение [Ibid.]. В конце концов, родители полагают, что изученного в начальной школе языкового минимума вполне хватит их ребёнку.

На данный момент мнения по поводу положения валлийского языка расходятся. Считается, что валлийский язык теперь не находится под угрозой исчезновения, как это было в XIX в. Однако исследователи отмечают негативные последствия сосуществования двух языков. Так, замена валлийского языка английским в XIX в. привела к потере национальной идентичности уэльсцев, вместе с языком были утеряны многие традиции и обычаи. В связи с этим уэльское правительство старается возродить язык посредством законодательных инициатив (Welsh Language Act. 1993). Государственные органы принимают заявления как на валлийском, так и на английском языках. Кроме этого, развиваются собственные СМИ на этом языке, действует центр валлийского языка. Однако исследователи утверждают, что это поверхностные меры, не способные решить более глубокие национальные проблемы.

Ещё один древний кельтский язык Великобритании – гаэльский. Существуют две разновидности гаэльского: шотландский и ирландский.

Согласно имеющимся данным, ирландский гаэльский находился на грани полного исчезновения в середине XX в. К 1965 г. только около 36 семей разговаривали на нём [22]. Через несколько лет супружеские пары, которые выучили ирландский уже во взрослом возрасте, решили дать своим детям ирландское образование. В 1971 г. была открыта первая гаэльскоязычная начальная школа и началось возрождение этого языка. Лингвисты выделяют три крупнейших ирландских диалекта – мюнстерский, коннахтский и ольстерский. В Северной Ирландии больше всего распространён ольстерский диалект [23]. Кроме этого, существует так называемый «городской ирландский» (urban Irish). An Caighdeán Oifigiúil («The Official Standard») был разработан в 1950-х гг. переводчиками в Доил Эрен (нижняя палата ирландского парламента). В августе 2012 г. произошла ревизия официального стандартного языка. Основные изменения коснулись склонений: именительный падеж используется там, где исторически находился родительный.

Официальное признание ольстерский ирландский получил в 1998 г. в Белфастском Соглашении (Соглашении Страстной Пятницы). Позже в 1999 г. был создан Совет по ирландскому языку (ирл. – Foras na Gaeilge, FnaG), ответственный за сохранение и распространение языка по всему острову Ирландия.

Опрос ирландских жителей 2011–2012 гг. показал, что только 13% населения Северной Ирландии обладают минимальными знаниями ирландского [24]. Лишь один из девяти понимает ирландскую речь, и менее 20% опрошенных подумывают начать изучать этот язык [Ibid.]. Согласно сведениям североирландского Агентства статистики и исследований, среди людей от 16 до 44 лет носители ирландского гаэльского встречаются чаще, чем среди людей старше 45. Это означает, что данная языковая разновидность постепенно возрождается как язык общения. Стоит также отметить, что сельские жители со знанием ирландского встречаются чаще, чем горожане [Ibid.]. То есть горожане, в большинстве своём получившие высшее образование, предпочитают разговаривать на более распространённом языке – английском.

Шотландский гаэльский произошёл от ирландского, ирландские поселенцы дали ему начало в IV в. Следовательно, грамматические и произносительные нормы обеих модификаций очень схожи. Диалектов шотландского осталось очень мало. Как считает академик Университета Эдинбурга доктор Лэмб, только диалекты Льюиса и Южного Уиста достаточно сильны, чтобы выжить в будущем. Кроме этого, возник так называемый mid-Minch Gaelic – смесь из большинства диалектов. Согласно исследованиям учёного, 21% учителей в шотландских школах используют стандартный гаэльский без каких-либо диалектизмов [25].

Количество носителей шотландского гаэльского неуклонно падает на протяжении уже второго столетия. Однако с 1981 г. темпы падения значительно сни-

зились. Роберт Данбар в своём докладе «The Challenges of a Small Language: Gaelic in Scotland, with a Note on Gaelic in Canada» [26] приводит следующие данные: в 1981 г., согласно переписи населения, 1,64% шотландского населения говорили на гаэльском, в 1991 г. – 1,37%, в 2001 г. – 1,21%. К 2011 г. количество носителей гаэльского остановилось на отметке 1,2% от всего населения Шотландии. В 2001 г. большинство говорящих на гаэльском были старше 45 лет. К 2011 г. количество носителей младше 20 лет увеличилось. Согласно Национальному плану по сохранению гаэльского языка (National Gaelic Language Plan), основной инструмент восстановления языка – это преподавание его в школе. Противники данной меры считают, что в результате язык приобретает некий искусственный характер, ведь при обучении в школе не учитываются региональные особенности произношения и употребления слов и выражений. Однако шотландские власти считают такую ситуацию большим продвижением в сфере восстановления и сохранения шотландского гаэльского. В итоге постепенно гаэльский набирает силу в Шотландии.

Говоря о языках Британских островов, важно подчеркнуть, что английский оказал большое влияние на кельтские языки. В результате взаимодействия кроме отдельно кельтских и английского языков возникли диалекты английского с примесью лексики кельтов. Жёсткие ограничения, наложенные на валлийский и гаэльский языки в XVIII–XIX вв., также оставили свой отпечаток. Теперь это достаточно редко встречающиеся языки. Однако в последнее время ситуация начала меняться. Законодательные инициативы региональных правительств, а также активная общественная поддержка восстановления языков оказали благотворное влияние на процесс сохранения валлийского и гаэльского языков.

Однако ни валлийский, ни разновидности гаэльского не входят в тройку наиболее распространённых в Великобритании языков. Четыре миллиона проживающих в Соединённом Королевстве человек признают, что английский – не их родной язык [4]. При этом традиционные европейские языки (немецкий, французский) практически не используются иммигрантами (77 тыс. и 147 тыс. соответственно) [Ibid.]. Перепись населения 2011 г. показала, что вторым по употреблению языком Великобритании после английского считается польский. Больше 500 тыс. человек активно используют этот язык. Та же перепись показала, что большинство иммигрантов переехали в Соединённое Королевство из Индии (700 тыс. человек) и Польши (почти 600 тыс. человек) [27]. Поэтому следующими за польским по популярности языками стали пенджаби (273 тыс. человек), урду (269 тыс.) и бенгали (221 тыс. человек) [4]. Количество польских иммигрантов значительно увеличилось именно за прошедшие 10 лет, после того, как в 2004 г. Польша присоединилась к Европейскому Союзу и открыла свои границы. За это время

население Великобритании польского происхождения увеличилось в семь раз [28].

Сара Рэйни в статье «Why Poles love coming to Britain» в журнале *Telegraph* [Ibid.] отмечает, что одним из важнейших факторов быстрой интеграции поляков в британское общество является повсеместное изучение английского языка. Лишь немногие поляки предпочитают оставаться в своей общине, сохранять родной язык и совершенно не использовать английский. Такие люди теряют возможность получения высшего образования, высокооплачиваемой работы и самореализации в Великобритании. То есть интеграция иммигрантов в британское общество возможна лишь при знании английского языка. Повсеместная необходимость в английском языке не даёт отдельным общинам превращаться в гетто и отделяться от общества. Важно отметить, что до сих пор английский оказывает огромное влияние на польский язык (внутри Польши).

Другую ситуацию можно наблюдать с языками пенджаби, урду и хинди. Массовая индийская иммиграция началась не десять лет назад, как польская, а больше полувека назад с распадом Британской Империи. Взаимопроникновение английского и индийских языков было зафиксировано ещё во времена существования Индии в качестве английской колонии. В итоге происходило значительное влияние языков индийских народов на английский. Появилась даже своеобразная модификация *Hinglish* (Хинглиш) – английский с примесью лексики пенджаби, урду и бенгали. В 2006 г. вышел специальный словарь этого

языка-гибрида. Теперь это не только секретный язык азиатских иммигрантов в Великобритании. Исследователи указывают, что английские дети используют слова из Хинглиша, считая это модной особенностью своей речи. В разговорный английский уже вошли такие слова, как «kati» («я больше не твой друг»), «in-nit» («не так ли?»), «badmash» («хулиган») [29] и др. Некоторые «хинглишизмы» встречаются даже на британском телевидении. Кроме того, некоторые привычные и давно устоявшиеся английские слова пришли из хинди в те времена, когда англичане жили в различных колониях Британской Империи, в том числе и в Индии.

Таким образом, можно сделать вывод, что языковая ситуация в Великобритании как на эндоглоссном, так и на экзоглоссном уровне является несбалансированной. Большое количество диалектов и акцентов в британском английском неравноценны. Всё большую популярность приобретает форма языка, вобравшая в себя как просторечные, так и литературные варианты – *Estuary English* (эстуарный английский). Экзоглоссную языковую ситуацию можно назвать многокомпонентной, так как выделяется множество языков, использующихся на территории Соединённого Королевства. Однако роль языка-макропосредника в любом случае играет британский английский, остальные языки используются в обиходе у различных национальных групп. Набирают силу традиционные кельтские языки, при этом сам английский переживает сильное влияние некоторых языков иммигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Денисова В.Л. Языковая ситуация в китайской диаспоре Австралии на основе данных социолингвистического эксперимента // Вестник Челябинского государственного университета : электрон. журн. 2012. № 13 (267). URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/267/010.pdf>, свободный (дата обращения: 26.09.2014).
2. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М. : Высшая школа, 1978. С. 102–110.
3. Реформатский А.А. Введение в языковедение. 4-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1967. С. 407–464.
4. Main language by sex by age // Nomis : official labour market statistics. URL: http://www.nomisweb.co.uk/census/2011/LC2104EW/view/2092957703?rows=main_language&cols=c_age, free (access data: 10.09.2014).
5. Standard English. Перевод: Словари и энциклопедии на Академике. 2000–2013. URL: <http://translate.academic.ru/Standard%20English/en/ru/1>, free (access data: 20.09.2014).
6. Received Pronunciation // British Library. URL: <http://www.bl.uk/learning/langlit/sounds/find-out-more/received-pronunciation/> (access date: 16.11.2015).
7. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : СПб., 2000.
8. Anti-language // Resources for English as a second language online. URL: <http://www.usingenglish.com/glossary/antilanguage.html> (access date: 29.03.2014).
9. Cockney Rhyming Slang // Resources for English as a second language online. URL: <http://www.usingenglish.com/glossary/cockney-rhyming-slang.html> (access date: 29.03.2014).
10. Census shows decline in Gaelic speakers 'slowed' // British Broadcasting Corporation. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-scotland-highlands-islands-24281487> (access date: 29.03.2014).
11. Шотландский (англо-шотландский) язык. URL : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/91082> (дата обращения: 11.08.2014).
12. What is Scots // Scots Language Centre. URL: http://www.scotslanguage.com/What_is_Scots%3F_uid2/What_is_Scots_%3F (access date: 11.08.2014).
13. General Guide to Scots Language: Modern Renaissance // Dick Gaughan's Song Archive. URL: <http://www.dickgaughan.co.uk/songs/scots/04-renaissance.html> (access date: 11.08.2014).
14. General Guide to Scots Language: Linguistic Confusion // Dick Gaughan's Song Archive. URL: <http://www.dickgaughan.co.uk/songs/scots/02-confusion.html> (access date: 11.08.2014).
15. Scots Language // Encyclopædia Britannica. URL : <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/529546/Scots-language> (access date: 11.08.2014).
16. Валеева Р.З. Английский язык на «Изумрудном острове». URL: <http://english.oper.ru/news/read.php?t=1051613145> (дата обращения: 20.11.2015).
17. Some Basic Rules of Welsh Grammar // Learn Grammar. URL: http://www.bbc.co.uk/wales/learnwelsh/pdf/welshgrammar_allrules.pdf (access date: 13.08.2014).
18. Опыт развития двуязычия. Стратегия решения. URL: <http://www.erzan.ru/news/opyt-razvitiya-dvujazychiya-strategija-reshenija> (дата посещения: 13.08.2014).

19. *Languages of the United Kingdom* // Encyclopædia Britannica. URL: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/615557/United-Kingdom/44684/Languages> (access date: 13.08.2014).
20. Шестакова Н.Ф. Валлийский язык и образование в Уэльсе: исторический опыт и современность // журн. Педагогическое образование в России. 2013. №3. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://cymraeg.ru/ysgol.html> (дата обращения: 13.08.2014).
21. 2011 Census: Theories on the decline in Welsh language // British Broadcasting Corporation. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-wales-politics-20701119> (access date: 13.08.2014).
22. Ager S. A study of language death and revival with a particular focus on Manx Gaelic // Omniglot: the online encyclopedia of writing systems and languages. URL: <http://www.omniglot.com/pdfs/language-revival.pdf> (access date: 15.08.2014).
23. *Ulster Irish* // English Wikipedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Ulster_Irish (access date: 15.08.2014).
24. *Knowledge and use of Irish in Northern Ireland. Findings from Continuous Household Survey 2011/12* // The Department of Culture, Arts and Leisure (DCAL). URL: http://www.dcalni.gov.uk/irish_language_chs_2011-12_bulletin.pdf (access date: 15.08.2014).
25. *Gaelic dialects 'dying out'*, Edinburgh academic warns // British Broadcasting Corporation. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-scotland-highlands-islands-16983134> (access date: 13.08.2014).
26. Dunbar R. The Challenges of a Small Language: Gaelic in Scotland, with a Note on Gaelic in Canada // Faculty of Social Science. Ottawa. URL: <http://socialsciences.uottawa.ca/crfpp/pdf/debat/Dunbar.pdf> (access date: 15.08.2014).
27. *Census: Maps show migration trends* // British Broadcasting Corporation. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-20713380> (access date: 20.08.2014).
28. Rainey S. Why Poles love coming to Britain // The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/immigration/9840059/Why-Poles-love-coming-to-Britain.html> (access date: 20.08.2014).
29. *It's Hinnghish, innit?* // British Broadcasting Corporation. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/magazine/6122072.stm (access date: 20.08.2014).

Andreeva Tatyana L. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreeva.tl2012@mail.ru; Talovskaya Bela M., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bella.talovskaya@gmail.com

LINGUISTIC SITUATION IN THE UNITED KINGDOM OF GREAT BRITAIN AND NORTHERN IRELAND IN 2000–2010S.

Keywords: linguistic situation; British English; Welsh, Gaelic; interrelations of languages; regional languages.

Scientific and technologic advance created an opportunity to move fast from across the globe and to get in contact with friends and business partners all over the world. Compression of the space-time removed many barriers, which have hindered effective communication before. Some kind of linguistic space was required in order to understand each other and continue improving relationships. Eventually, English became 'lingua franca', that is why it is important to forecast possible changes in this language in Great Britain, where it emerged and developed. It is noteworthy, that condition of English should be examined before subsequent forecasting. The authors of the article attempt to analyze the linguistic situation in Great Britain on the ground of classification made by A. Schweizer and L. Nikolsky. The theoretical part of the article is devoted to the generally accepted definition of the term 'linguistic situation' and the correlation of the state of language in the United Kingdom with the classification. According to it, the linguistic situation in Great Britain is exoglossic and non-balanced. It means that several languages are widespread among the British, but they have not equal status. In addition, there is one language-macromediator, which is English, and it is used for the communication among different ethnic groups and many regional languages and languages of immigrants. All of them are analyzed in the article. English is traditionally accepted as an official language of the United Kingdom, but it is not stated in any law. Received Pronunciation (RP) faded into insignificance, while more democratic Estuary English, which is a mixture of RP and slang, became more common. It is highlighted that individuals often use standard norms of English or its dialects depending on the social situation. The authors mark that such kind of situation is called diglossia. Long-term presence of Scotland and Northern Ireland in the United Kingdom made possible an emergence of mixtures of English and regional languages. Thus, Scots and Hiberno-English have appeared. Welsh is peculiar among other regional languages due to actions of the Welsh government and public organizations on revival of this language. Welsh was the first regional language in Great Britain, which was given an equal status with English in Wales by The Welsh Language Act 1993. Census in 2001 and 2011 has shown certain increase of people speaking Welsh but it is not enough. Experts note that discrimination of Welsh in XIX century entailed loss of Welsh identity and national traditions. It is emphasized legislation itself cannot solve the majority of these deep problems. Nevertheless, Welsh continues to develop and spread in Wales. There is another situation with other two Celtic languages Scottish Gaelic and Irish Gaelic in Great Britain. Public organizations play a greater role in restoring these languages. Irish Gaelic was recognized only in Good Friday Agreement in 1998. Surveys show slow spread of this language because educated Irish prefer English to Gaelic in order to find a better place in the British society. Language performance of Scottish Gaelic has been decreasing for 200 years. However, tempo of reduction is rather slow. The first National Gaelic Language Plan was adopted in 2007 for 5 years. Now the National Gaelic Language Plan 2012–2017 is being implemented. It is quite early to estimate the results of this plan, but officials hope its effect will be seen in some years. It is important to note that the most widespread languages after English are not included in regional languages. They are Polish and languages of Indian people. 600 000 and 700 000 immigrants respectively speak these languages. This trend shows that regulations in the field of immigrant languages became more up-to-date for the government. Great influence of Hindi on English is observed. Experts claim that new form of English - Hinglish, has emerged recent years. To conclude, this article deals with main characteristics of the linguistic situation in Great Britain and examines the interrelations of the languages spread in the United Kingdom.

REFERENCES

1. Denisova, V.L. (2012) Linguistic Situation of Chinese Diaspora in Australia Based on the Results of Sociolinguistic Research. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 13(267). [Online] Available from: <http://www.lib.csu.ru/vch/267/010.pdf>. (Accessed: 26th September 2014).
2. Schweitzer, A.D. & Nikolsky, L.B. (1978) *Vvedenie v sotsiolingvistiku* [Introduction to Sociolinguistics]. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 102-110.
3. Reformatsky, A.A. (1967) *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. 4th ed. Moscow: Prosveshchenie. pp. 407-464.
4. The UK Office for National Statistics. (2011) *Main language by sex by age*. [Online] Available from: http://www.nomisweb.co.uk/census/2011/LC2104EW/view/2092957703?rows=main_language&cols=c_age. (Accessed: 10th September 2014).
5. Anon. (n.d.) *Standard English*. [Online] Available from: <http://translate.academic.ru/Standard%20English/en/ru/1>. (Accessed: 20th September 2014).
6. British Library. (n.d.) *Received Pronunciation*. [Online] Available from: <http://www.bl.uk/learning/langlit/sounds/find-out-more/received-pronunciation>. (Accessed: 16th November 2015).
7. Prokhorov, A.M. (2000) *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [The Great Encyclopedic Dictionary]. Moscow; St. Petersburg: Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya.

8. UsingEnglish.com. (n.d.) *Anti-language*. [Online] Available from: <http://www.usingenglish.com/glossary/antilanguage.html>. (Accessed: 29th March 2014).
9. UsingEnglish.com. (n.d.) *Cockney Rhyming Slang*. [Online] Available from: <http://www.usingenglish.com/glossary/cockney-rhyming-slang.html>. (Accessed: 29th March 2014).
10. British Broadcasting Corporation. (2013) *Census shows decline in Gaelic speakers 'slowed'*. [Online] Available from: <http://www.bbc.com/news/uk-scotland-highlands-islands-24281487>. (Accessed: 29th March 2014).
11. Wikipedia. (n.d.) *Shotlandskiy (anglo-shotlandskiy) yazyk* [Scottish (English, Scottish) Language]. [Online] Available from: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/91082>. (Accessed: 11th August 2014).
12. Scots Language Centre. (n.d.) *What is Scots*. [Online] Available from: http://www.scotslanguage.com/What_is_Scots%3F_uid2/What_is_Scots_%3F. (Accessed: 11th August 2014).
13. Dick Gaughan's Web Site. (n.d.) *General Guide to Scots Language: Modern Renaissance*. [Online] Available from: <http://www.dickgaughan.co.uk/songs/scots/04-renaissance.html>. (Accessed: 11th August 2014).
14. Dick Gaughan's Web Site. (n.d.) *General Guide to Scots Language: Linguistic Confusion*. [Online] Available from: <http://www.dickgaughan.co.uk/songs/scots/02-confusion.html>. (Accessed: 11th August 2014).
15. Encyclopædia Britannica. (n.d.) *Scots Language*. [Online] Available from: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/529546/Scots-language>. (Accessed: 11th August 2014).
16. Valeeva, R.Z., Kamaliev, A., Kuptsova, K. (2015) [English on the "Emerald Isle"]. *Problemy i perspektivy razvitiya mnogourovnevnoy yazykovoy podgotovki v usloviyakh polikul'turnogo obshchestvasurs* [Problems and prospects of development of multi-level language training in a multicultural society]. Proc. of the 2nd Interregional Research Conference. 20th to 22nd May 2015. Kazan. [Online] Available from: http://www.kazgik.ru/kcontent/main/conference_competition/Problemy%20i%20perspektivy/3/3_3.pdf (Accessed: 20th November 2015). (In Russian).
17. British Broadcasting Corporation. (2002) *Some Basic Rules of Welsh Grammar*. [Online] Available from: http://www.bbc.co.uk/wales/learnwelsh/pdf/welshgrammar_allrules.pdf (Accessed: 13th August 2014).
18. Avardeen, S. (2011) *Opyt razvitiya dvuyazychiya. Strategiya resheniya* [The experience in the development of bilingualism. Strategies for solution]. [Online] Available from: <http://www.erzan.ru/news/opyt-razvitiya-dvuyazychiya-strategiya-resheniya>. (Accessed: 13th August 2014).
19. Encyclopædia Britannica. (n.d.) *Languages of the United Kingdom*. [Online] Available from: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/615557/United-Kingdom/44684/Languages>. (Accessed: 13th August 2014).
20. Shestakova, N.F. (2013) *Valliyiskiy yazyk i obrazovanie v Uel'se: istoricheskiy opyt i sovremennost'* [Welsh language and education in Wales: historical experience and the present]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*. 3. [Online] Available from: <http://cymraeg.ru/ysgol.html>. (Accessed: 13th August 2014).
21. British Broadcasting Corporation. (2011) *2011 Census: Theories on the decline in Welsh language*. [Online] Available from: <http://www.bbc.com/news/uk-wales-politics-20701119>. (Accessed: 13th August 2014).
22. Ager, S. (2009) *A study of language death and revival with a particular focus on Manx Gaelic*. M.A. Dissertation: [Electronic resource] Available from: <http://www.omniglot.com/pdfs/language-revival.pdf>. (Accessed: 15th August 2014).
23. English Wikipedia. (n.d.) *Ulster Irish*. [Online] Available from: http://en.wikipedia.org/wiki/Ulster_Irish. (Accessed: 15th August 2014).
24. The UK Department of Culture, Arts and Leisure (DCAL). (n.d.) *Knowledge and use of Irish in Northern Ireland. Findings from Continuous Household Survey 2011/12*. [Online] Available from: http://www.dcalni.gov.uk/irish_language_chs_2011-12_bulletin.pdf. (Accessed: 15th August 2014).
25. British Broadcasting Corporation. (2012) *Gaelic dialects 'dying out', Edinburgh academic warns*. [Online] Available from: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-scotland-highlands-islands-16983134>. (Accessed: 13th August 2014).
26. Dunbar, R. (n.d.) *The Challenges of a Small Language: Gaelic in Scotland, with a Note on Gaelic in Canada*. [Online] Available from: <http://socialsciences.uottawa.ca/crfpp/pdf/debat/Dunbar.pdf>. (Accessed: 15th August 2014).
27. British Broadcasting Corporation. (2012) *Census: Maps show migration trends*. [Online] Available from: <http://www.bbc.com/news/uk-20713380>. (Accessed: 20th August 2014).
28. Rainey, S. (2013) *Why Poles love coming to Britain*. *The Telegraph*. 31st January. [Online] Available from: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/immigration/9840059/Why-Poles-love-coming-to-Britain.html>. (Accessed: 20th August 2014).
29. Coughlan, S. (2006) *It's Hinnghlish, innit?* *BBC News Magazine*. [Online] Available from: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/magazine/6122072.stm. (Accessed: 20th August 2014).

УДК 316.776.3
DOI 10.17223/19988613/38/12

Т.А. Шаповалова, А.С. Витютнева

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭПИДЕЙКТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Предложен анализ манипулятивного потенциала официальной эпидейктической речи, исходящий из того, что, во-первых, эпидейктическая речь обладает исключительными возможностями трансляции тех или иных социальных (культурных, политических) установок, и, во-вторых, ее эффективность может обеспечиваться минимальным набором языковых средств. Реализации манипулятивного потенциала эпидейктической речи способствуют специфика коммуникативной ситуации, балансирование между монологичностью и диалогичностью, опора на констатацию, совпадение властных интересов и общественных ожиданий, опора на универсалии, составляющие концептосферу национальной культуры.

Ключевые слова: эпидейктика; речевая манипуляция; достоинства речи; концептосфера.

Традиционно выделяемым лингвистами критерием распознавания манипуляции является усмотрение в речи «манипулятивного намерения», реализация которого, в зависимости от результата, оценивается как «манипулятивная попытка» или «манипулятивное воздействие» [1. С. 35]. В повседневной жизни каждый из нас не только постоянно становится объектом успешных или неуспешных манипулятивных атак (политических, рекламных и др.), но и сам, осознанно или бессознательно, выступает в качестве «наивного» манипулятора-драматурга, тщательно выстраивающего мизансцены самопрезентации, направляющего и контролирующего формирование представлений о себе [2. С. 45–112].

Осознание и принятие этого банального факта, на наш взгляд, сообщает исследованиям в области речевой коммуникации (в частности, речевой манипуляции) новые перспективы. Эти перспективы связаны не столько с доведением до общественного сознания обширной информации о том, как распознать и нейтрализовать манипуляцию. Итогом такого «информирования», несомненно, стала бы всеобщая болезненная настороженность. Речь идет о другой, гуманистической, перспективе – перспективе повышения всеобщей грамотности в сфере коммуникации и, как следствие этого, – о повышении личностной эффективности. Один из мировых лидеров в теории и практике NLP Фрэнк Пьюселик напрямую отождествляет коммуникацию и манипуляцию: «Коммуникация – это и есть манипуляция, и это не плохо» [3].

В данном исследовании мы предполагаем осветить некоторые аспекты, касающиеся манипулятивных возможностей эпидейктической речи. Аргументируя актуальность исследования эпидейктики, С.В. Шаталова отмечает, что «в последние годы, в связи с развитием делового и социального взаимодействия, появилась необходимость изучения данных речей как активных прецедентов коммуникативной практики и овладения навыками эффективного коммуникативного воздействия в рамках данных высказываний» [4]. В отечественной лингвистике последних лет наблюдается рост интереса к эпидейктике в связи с ее социальной и по-

литической востребованностью [5]. Вместе с тем инструменты анализа эпидейктической речи, включая терминологию, во многом остаются традиционными, отсылают к классической риторике.

Отправной точкой данного исследования является предположение о высокой значимости эпидейктических жанров в сферах политического, социального и экономического управления. Эпидейктическая речь обладает исключительными возможностями в плане трансляции установок – качественно определенных оценок тех или иных событий / явлений, образцов личностной и коллективной идентичности, моделей желательного / приемлемого социального поведения.

С.В. Меньшенина определяет эпидейктическую речь как «торжественную речь, “речь на случай”, которая произносится в речевой ситуации особого рода: на юбилеях, других торжествах, на съездах партии или просто вечеринках» [Там же. С. 182]. По коммуникативной ситуации эпидейктические речи подразделяются на официальные и неофициальные (бытовые). Интересующие нас официальные речи обычно приурочены к «государственным и профессиональным праздникам, торжественным мероприятиям (открытие фестиваля, конференции, съезда, выставки, спортивного праздника, вручение наград и т.п.)» [Там же]. Этим ситуациям соответствуют эпидейктические жанры приветствия, напутствия, обращения, заявления, прощания, поздравления и др.

1. Первая из выделенных нами сильных сторон эпидейктической речи обусловлена значимостью самой ситуации для аудитории (Новый год, Рождество Христово, юбилей всенародно любимого артиста, катастрофа или теракт и др.), а также наличием у аудитории определенных ожиданий. Ожидания могут носить рациональный характер (например, потребность услышать официальную позицию власти по тому или иному вопросу) или иррациональный (потребность в психологическом подкреплении, подпитке групповой солидарности).

2. Вторая сильная сторона официальной эпидейктической речи связана с тем, что она пишется заранее (редко имеет характер импровизации), причем, за ред-

кими исключениями, не самим оратором, а группой специалистов-спичрайтеров. В большинстве случаев (хотя и не всегда) это позволяет избежать грубых фактологических, стилистических или коммуникативных ошибок и учесть ожидания и настрой аудитории.

3. С этим преимуществом тесно связано третье явление, также вытекающее из жанровой специфики эпидейктики. А именно: жанры официальной эпидейктической речи и ситуации их произнесения далеко не всегда предполагают ответное слово. Это значит, как минимум, что оратор избавлен от риска быть прерванным (осмеянным, оспоренным), а как максимум – имеет возможность беспрепятственно донести до аудитории все намеченные положения / тезисы. Если и оформляется некая критическая реакция, то, будучи отсроченной, она не обладает действенной силой, присущей информационному поводу.

4. Четвертое преимущество эпидейктической речи связано с тем, что она балансирует между монологичностью и диалогичностью [6]. В отдельных случаях (как, например, при четко адресном поздравлении) предполагается ответное слово, при этом содержание поздравления и ответа помещено в официальные рамки и обычно заранее срежессированно. Это обеспечивает значительную степень контроля над коммуникативной ситуацией и позволяет, в частности, транслировать на широкую аудиторию модель лояльных отношений между властью и народом, при которых стороны довольны друг другом и демонстрируют солидарность по стратегически важным вопросам.

В большинстве же других случаев, когда ответное слово может быть, а может и не быть или однозначно не предполагается, у говорящего оказывается, как ни парадоксально, больше возможностей для трансляции содержательно определенных социальных паттернов.

Во-первых, при помощи разнообразных языковых средств можно имитировать диалоговую структуру. Это могут быть конструкции типа «мне / нам могут возразить, что <...>, но (на самом деле) <...>»; «кто-то, возможно, полагает, что <...>»; «есть мнение, что <...>»; «г-н <имярек> сообщил / считает, что <...>»; «известно мнение <имярек> по вопросу <...>», передача при помощи косвенной или прямой речи реального диалога или воображаемый диалог. При этом сохраняются все преимущества монологической речи, среди которых главным является возможность полного и четкого (или, напротив, обтекаемого, неконкретного) донесения до аудитории собственной позиции. Во-вторых, говорящий совершенно свободен в создании того образа своего адресата и такого образа взаимоотношений с ним, которые ему больше импонируют / выгодны. Степень контроля над коммуникативной ситуацией в этом случае приближена к 100%, и вместе с этим включение в речь диалоговых структур позволяет добиться некоторых психологических эффектов, которыми не располагает речь чисто монологическая.

5. Потенциально эпидейктическая речь располагает преимуществами всех известных речевых стилей. Это означает расширенный арсенал выразительных средств и значительный манипулятивный потенциал речи. В политической практике основу эпидейктической речи составляет официально-деловой стиль, а избегаемыми стилями являются научный и литературно-художественный. Элементы публицистического и разговорного стиля расцвечивают стандартность и консерватизм официальной эпидейктической речи, сообщая ей (в допустимых «дозах») эмоциональность, демократизм, импровизационность и др.

6. Если классическая риторика была сосредоточена на достоинствах речи, то современная политическая риторика – на ее эффективности. Эффективность речи во многом зависит от ее достоинств, но не только и не напрямую. Предопределенная стилем и жанром ограниченность достоинств эпидейктической речи заставляет оборачиваться ее эффективностью.

Теофраст выделял четыре основных достоинства речи – чистота, ясность, уместность, красота. Сегодня к этим требованиям принято добавлять краткость, логичность, выразительность (эмоциональность, богатство), образность, уместность, доступность и действенность (собственно, эффективность) [7. С. 331]. Наша исследовательская ситуация требует ограничения списка достоинств речи до такого минимального набора, при котором сохраняется эффективность речи. Предположительно, этот набор и обеспечивает действенность эпидейктической речи.

В первую очередь мы исключили экстралингвистические средства воздействия на аудиторию – свойства внешности говорящего (от черт лица и параметров фигуры до особенностей костюма), артикуляционные, тембровые, агогические, модуляционные, динамические и интонационные характеристики речи, язык телодвижений, мимику: даже при монотонной манере произнесения речи и общей сниженной экспрессии речь может быть эффективной. Далее, легко убедиться в том, что лексическое и образное богатство речи, ее выразительность также не являются «обязательными».

Таким образом, в минимальный набор достоинств, обеспечивающий действенность речи, входят краткость, уместность, доступность и логичность. Что касается требований краткости и уместности, то они прозрачны и редко нарушаются в эпидейктической речи. Сбои проявляются в двух случаях: в случае импровизированного характера речи либо при манипулятивном намерении транслировать ту или иную установку вопреки ограничениям конкретной коммуникативной ситуации. Сложнее дело обстоит с доступностью и логичностью.

Степень доступности речи в норме должна коррелировать с уровнем интеллектуального развития аудитории. Поэтому анализ эпидейктических речей политиков позволяет делать косвенные выводы относительно их истинной целевой аудитории. Например, если речь,

обращенная к технической и творческой интеллигенции, имеет упрощенный или даже примитивный характер, то, возможно, интеллигенция не является действительным адресатом речи, либо, что встречается довольно часто, имеет место расширенная адресация (т.е. формально речь обращена к определенной группе, а фактически – к народу).

С другой стороны, доступность речи складывается из многих компонентов, и появление в речи повторов, канцелярита, клише, элементов просторечия, ошибок словоупотребления, неоправданно избыточного нанизывания определений и т.п., если оно носит систематический характер (на уровне идиостиля), является скорее симптомом речевой манипуляции, чем следствием небрежности оратора или нарушением адресации. В данном случае имеет место псевдодоступность, оказывающая манипулятивное воздействие на аудиторию (усыпляющее, раздражающее или др.) вне зависимости от уровня ее развития.

Требование логичности не выдерживается в большинстве проанализированных нами образцов эпидейктической речи. Систематически нарушаются закон достаточного основания и закон тождества. В целях создания «логической несущей конструкции» для недоказуемых или ложных утверждений и придания им тем самым «истинности» используется обширный и хорошо изученный арсенал языковых средств [1, 8–12]. Отметим, что общей основой для эффективного применения паралогических риторических приемов является то, что эпидейктика не только допускает, но в принципе предполагает преобладание такого типа речи, как констатация. Констатация открывает путь пресуппозиции, аффирмации и другим формам суггестии.

Перейдем к содержанию транслируемых эпидейктической речью установок. В ходе анализа нами было отмечено, что содержание транслируемых установок более или менее постоянно, обращена ли речь к конкретному лицу или коллективу / массе. Обращается ли оратор к конкретной личности, определенной профессиональной группе или всему народу, смысл речи, в конечном счете, сводится к трансляции желательных характеристик «народа». Анализ официальной российской эпидейктики позволил выявить такие характеристики «народа», как «талантливый», «сплоченный», «исполненный чувства долга и сурового оптимизма», «мужественно жертвующий личным счастьем ради общего блага», «настроенный на победу». Идентификация аудитории с этим сконструированным образом базируется на механизме проекции, обеспечивающем свободный переход между «Я» говорящего, с одной стороны, и «МЫ» и «Я» аудитории – с другой. То, что с точки зрения формальной логики является нарушением закона тождества, с точки зрения «логики манипуляции» является одним из условий действенности речи. Очевидно, что ожидания аудитории реализуются при этом главным образом в иррациональной своей части, а контекст отправителя текста стратегически имеет более

скромное значение, чем контекст получателя текста (образ «МЫ») [13. С. 223–224].

Концептосфера «Родина» («МЫ») в отечественной официальной эпидейктике представлена концептами «народ», «подвиг», «подвижничество», «вера», «правда», «справедливость», «героическое прошлое», «борьба» и «победа». Влияние современных социокультурных реалий сказывается в появлении у концепта «борьба» дополнительных коннотаций, возникающих на пересечении семантических полей «борьба» и «спорт», а также «борьба» и «бизнес». В результате этого смещения политические противники и экономические конкуренты России («ОНИ») характеризуются в рамках «спортивной» терминологии. В качестве немаловажной детали отметим систематическую подмену понятия «проблема» понятием «вызов», отсылающим к дуэльным поединкам прекрасной эпохи и устойчивому, более или менее нейтральному (по причине «стертости») в аксиологическом и психологическом плане словосочетанию «вызовы времени». В контексте получателя также выявлена активизация двух основных тем – темы победы советского народа в Великой Отечественной войне, а также темы победы россиян в зимней олимпиаде Сочи-2014.

Конкретное содержание концептосферы «Родина» в значительной степени предзадано жанровыми особенностями эпидейктики, априори ограничивающими свободу оратора логической рамкой «прошлое – настоящее – будущее». Аристотель определил цель логоса показательной речи как соединение прошлого и будущего [14]. Эта цель составляет ядро функционала эпидейктической речи. И все же к эпидейктической речи (как и к любой другой) применимы как требования «уместности» и «правильности», так и «новизны». С.В. Шаталова относительно бытовой эпидейктической речи отмечает: «Современные бытовые эпидейктические речи стандартны, формальны, что не отвечает внутренним потенциям коммуникантов» [4]. Это справедливо и для официальной эпидейктической речи, как и «тенденция в современной культуре <...> к «сохранению человеческой индивидуальности» в унифицированном пространстве коммуникации» и, как следствие, «стилевая нейтрализация речи, сближение официального, публичного и разговорного, бытового в общем контексте современных эпидейктических высказываний» [Там же]. В большинстве проанализированных нами текстов официальных эпидейктических речей элемент новизны отсутствует. В качестве компенсации (содержательного плана) выступают «политические декорации» как активный фон, позволяющий аудитории безошибочно декодировать намеки и умолчания и расширяющий рамки конкретных коммуникативных ситуаций за счет помещения в обширный историко-культурный контекст без риска нарушения требований краткости и уместности.

В заключение хотелось бы сделать акцент на том, что официальная эпидейктическая речь профилирует

такие свойства общества, которые отличают его от других обществ, являются основополагающими в составе образа национальной идентичности. Анализ официальной политической речи позволяет с уверенностью говорить о том, что в российской политической риторике последних лет на роль суперконцепта, объединяющего названные выше и другие концепты русской концептосферы, претендует культурная универсалия «семья» (а также генетически связанные с ней универсалии, обозначающие семейные ценности и семейные роли).

Конечно, культурная универсалия «семья» является значимым концептом не только в русской культуре, но на фоне деинституализации традиционной семьи и девальвации семейных ценностей в Западной Европе, по контрасту с суперконцептами других культур («динамизм» [15], «оценка» [16], «порядок» [17], «self-made man» и др.) культурная универсалия «семья» обладает большей консолидирующей силой. Этот образ, транслируемый официальной властью, найден очень точно и

в основном не вызывает отторжения у россиян, так как русский человек нуждается не только в «прорывах», но и в стабильности, которая устойчиво ассоциируется у россиян (мыслящих даже межнациональные отношения по типу семейно-родственных) прежде всего с семьей. «Семья» является своего рода фокусом, в котором сходятся ценности, обладающие властью над русским национальным сознанием, – «соборность», «душевность», «справедливость», «терпеливость» и др. [18. С. 100–123].

Таким образом, эпидейктическая речь, несмотря на ограничения, обусловленные ее жанровой и стилистической природой, является одним из наиболее мощных каналов трансляции значимых социальных, культурных и политических установок, причинами чего являются, с одной стороны, заинтересованность официальной власти и некоторые специфические особенности (возможности) эпидейктики, с другой – потребность аудитории в утверждении образа национальной идентичности и подпитке групповой солидарности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копнина Г.А. Паралогические риторические приемы в манипулятивной функции // Речевое манипулирование : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2014. С. 66–75.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : Канон-пресс-ц, 2000. 304 с.
3. Кузнецова Т. В поисках общего знаменателя: как приобрести навыки эффективной коммуникации. [Интервью с Фрэнком Пьюселиком]. URL: <http://www.management.com.ua/interview/int149.html>, свободный (дата обращения: 23.02.2015).
4. Шаталова С.В. Эпидейктические жанры речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль : Б.и., 2009. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/374967.html>, свободный (дата обращения: 23.02.2015).
5. Меньшенина С.В. Классификация речей, жанры эпидейктической речи // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2005. № 7 (47). Филология. Серия «Социально-гуманитарные науки». С. 181–185.
6. Анисимова Т.В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар : [Б.и.], 2000. URL: <http://www.dissercat.com/content/tipologiya-zhanrov-delovoi-rechi-ritoricheskiy-aspekt>, свободный (дата обращения: 23.03.2015).
7. Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М. : Флинта ; Наука, 2009. 432 с.
8. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
9. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Минск : Белгосуниверситет, 1998. Вып. 1 / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. 283 с.
10. Дискурс и стиль : теоретические и прикладные аспекты / под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. М. : Флинта, 2014. 268 с.
11. Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2014. Вып. 3 (49). 265 с.
12. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста : теория и практика : учеб. пособие. М. : Флинта, Наука, 2009. С. 145–173.
13. Даниленко В.П. Метод дискурсивного анализа в лингвистике // Методы лингвистического анализа : курс лекций. М. : Флинта ; Наука, 2015. С. 220–227.
14. Рождественский Ю.В. Теория риторики. М. : Флинта ; Наука, 2006. 512 с.
15. Дыбина Н.А. Суперконцепт «динамизм» и способы его описания // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/superkontsept-dinamizm-i-sposoby-ego-opisaniya.pdf>, свободный (дата обращения: 23.03.2015).
16. Захарова Т.В. Семантико-грамматическая характеристика морфологических средств выражения концепта сравнения в немецком языке // Интеграция науки и образования как условие повышения качества подготовки специалистов : матер. Всерос. науч.-практ. конф. (6–8 февраля 2008 г.). Оренбург : ОГПУ, 2008. С. 9–16.
17. Зубкова Я.В. Концепт «пунктуальность» в немецкой и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград : [Б.и.], 2003. URL: <http://www.dissercat.com/content/kontsept-punktualnost-v-nemetskoi-i-russkoi-lingvokulturakh>, свободный (дата обращения: 23.03.2015).
18. Прохоров Ю.Е. Основные черты русского менталитета, определяющие коммуникативное поведение народа // Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: Коммуникативное поведение. М. : Флинта ; Наука, 2011. С. 90–123.

Shapovalova Tatiana A., Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stalx@bk.ru;
 Vitjutneva Anna S. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: annakiss96@mail.ru

MANIPULATIVE POTENTIAL OF THE EPIDEICTIC SPEECH.

Keywords: epideictic speech; verbal manipulation; advantages of the speech; conceptosphere.

Epideictic speech (welcoming speech, parting words, official address, statement, valedictory speech, greeting speech, etc.) is an important component of interaction between the government and the people. Despite the fact that epideictic speech does not always involves a reply word (and a real dialogue), it supports a typical communicative structure, in which there is the sender and the addressee, and there is the message. The intention of authorities to broadcast certain, desirable model of social relations and evaluation corresponds to the need of audience for clearing a position of the power on a topical issues, to the need for the approval of the collective identity and for the strengthening of a group solidarity. This relation, as in any communication, is not strictly symmetric, it opens the way for the manipulation. Other features of the epideictic speech, which caused by specifics of the most communicative situation and promoting to

the realization of a manipulative intentions, are following: the importance of the epideictic speech for the addressee, its prepared (non-improvisation) nature, the optionality of a response word (with that, the dialogue is saved). The efficiency of the epideictic speech is provided also with the extralinguistic and proper linguistic tools, on which our analysis is concentrated. Potentially the epideictic speech has the advantages of all speech styles. In practice, the basis of the epideictic speech is an official (formal-business) style, with the elements of a conversation style and a journalistic style. A selective and intended use of colloquial lexicon and simplified grammatical structures leads to some decrease and «mitigation» of official style. Psychologically it allows to vary randomly a line of border between speaking and listening, creating the «right» image of national identity in the system of relations «I» – «WE», «WE» – «THEY». As for «speech advantages», a classical rhetoric allocates four main advantages – brevity, relevance, availability and logicity. Systematic violations concern availability and logicity which are replaced by quasi-availability and paralogicality. The analysis of epideictic speech revealed a special «logic of manipulation», consisting in the use of the pattern «past – present – future», and, linguistically, in a reliance on ascertaining. In terms of content, the effectiveness of domestic epideictic speech is caused by reactualization of traditional and historical values («self-sacrifice», «feat», «justice», «warrior-liberator», «brotherhood», «family») as a part of a generalized image of Russia and the Russian people.

REFERENCES

1. Kopnina, G.A. (2014) *Rechevoe manipulirovanie* [Speech manipulation]. Moscow: FLINTA, Nauka. pp. 66-75.
2. Goffman, E. (2000) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [Self-presentation in everyday life]. Translated from English by A.D. Kovalev. Moscow: Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole.
3. Pucelik, F. (2009) *V poiskakh obshchego znamenatelya: kak priobresti navyki effektivnoy kommunikatsii* [Finding a common denominator: how to acquire the skills of effective communication]. Interview with Frank Pucelik. [Online]. Available from: <http://www.management.com.ua/interview/int149.html>. (Accessed: 23rd February 2015).
4. Shatalova, S.V. (2009) *Epideikticheskie zhanry rechi* [Epideictic speech genres]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yaroslavl. [Online] Available from: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/374967.html>. (Accessed: 23rd February 2015).
5. Menshenina, S.V. (2005) Klassifikatsiya rechey, zhanry epideikticheskoy rechi [Classification of speeches, genres of epideictic speech]. *Vestnik Yu-zhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta - Bulletin of the South Ural State University*. 7(47). pp. 181-185.
6. Anisimova, T.V. (2000) *Tipologiya zhanrov delovoy rechi (ritoricheskiy aspekt)* [Typology of business communication genres (rhetorical aspect)]. Abstract of Philology Diss. Krasnodar. [Online] Available from: <http://www.dissercat.com/content/tipologiya-zhanrov-delovoi-rechi-ritoricheskii-aspekt>. (Accessed: 23rd March 2015).
7. Khazagerov, G.G. (2009) *Ritoricheskiy slovar'* [A Rhetorical Dictionary]. Moscow: Flinta, Nauka.
8. Dijk, T.A. van. (2000) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State College named after I.A. Boduen de Kurtene.
9. Ukhvanova-Shmygova, I.F. (ed.) (1998) *Metodologiya issledovaniy politicheskogo diskursa: Aktual'nye problemy soderzhatel'nogo analiza obshchestvenno-politicheskikh tekstov* [A research methodology of political discourse: Topical problems of meaningful analysis of the socio-political texts]. Minsk: Belgosuniversitet.
10. Solganik, G.Ya., Klushina, N.I. & Smirnova, N.V. (eds) (2014) *Diskurs i stil': teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Discourse and style: theoretical and applied aspects]. Moscow: FLINTA.
11. Chudinov, A.P. (2014) *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Vol. 3(49). Ekaterinburg: Urals State Pedagogical University.
12. Baranov, A.N. (2009) *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic expertise of the text: Theory and practice]. Moscow: Flinta, Nauka.
13. Danilenko, V.P. (2015) *Metody lingvisticheskogo analiza* [Methods of linguistic analysis]. Moscow: FLINTA, Nauka. pp. 220-227.
14. Rozhdestvenskiy, Yu.V. (2006) *Teoriya ritoriki* [The theory of Rhetorics]. Moscow: Flinta, Nauka.
15. Tsybina, N.A. (2008) Superkontsept "dinamizm" i sposoby ego opisaniya [The superconcept of "dynamism" and how to describe it]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 4. [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/superkontsept-dinamizm-i-sposoby-ego-opisaniya.pdf>. (Accessed: 23rd March 2015).
16. Zakharova, T.V. (2008) [The semantic and grammatical characteristics of morphological means of expressing the concept of comparison in German]. *Integratsiya nauki i obrazovaniya kak uslovie povysheniya kachestva podgotovki spetsialistov* [Integration of science and education as a condition for improving the quality of training]. Proc. of All-Russian Research Conference. 6th to 8th February, 2008. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University. pp. 9-16.
17. Zubkova, Ya.V. (2003) *Kontsept "punktual'nost'" v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh* [The concept of "punctuality" in German and Russian linguistic cultures]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd. [Online] Available from: <http://www.dissercat.com/content/kontsept-punktualnost-v-nemetskoi-i-russkoi-lingvokulturakh>. (Accessed: 23rd March 2015).
18. Prokhorov, Yu.E. (2011) Osnovnye cherty russkogo mentaliteta, opredelyayushchie kommunikativnoe povedenie naroda [The main features of Russian mentality defining communicative behavior of the people]. In: Prokhorov, Yu.E. & Sternin, I.A. *Russkie: Kommunikativnoe povedenie* [The Russian: Communicative behavior]. Moscow: Flinta, Nauka. pp. 90-123.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 902/904

DOI 10.17223/19988613/38/13

А.П. Бородовский, С.В. Горохов, М.М. Игнатов

УМРЕВИНСКИЙ КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ ПРОВОЛОЧНЫХ КОПЕЕК ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА I: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СОСТАВА МЕТАЛЛА

*Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ (проект № 14-50-00036)
и Томского государственного университета (проект № 8. 1. 19. 2015).*

Рассматривается информационный потенциал данных о составе сплава, из которого изготовлены серебряные проволочные копейки времени правления Петра I из состава Умревинского клада. В настоящее время нумизматические находки, сделанные на археологических памятниках русского освоения Сибири, не получают должного внимания со стороны исследователей, поэтому демонстрация высокого информационного потенциала этого вида источников является актуальной задачей. В настоящей работе решаются две самостоятельные задачи: 1) оценка возможностей и особенностей метода элементного анализа на основе энергодисперсионной спектроскопии (EDX) и 2) изучение состава сплава металлов монет Умревинского клада и соотношения полученных данных с результатами изучения клада, полученными ранее. Обнаружена зависимость между составом сплава монеты и монетным двором, на котором отчеканена монета. Иных значимых зависимостей между характеристиками монетного сплава и монетами (дата чеканки, штемпель лицевой и оборотной стороны, вес монеты, признаки термического воздействия (оплавленность и выгнутость монет)) не обнаружено, что связано как с отсутствием явных закономерностей, так и с тем, что сохранность клада относительно плохая, что не позволило атрибутировать большую часть монет. Выявлены возможности, ограничения и проблемы метода элементного анализа на основе энергодисперсионной спектроскопии (EDX).

Ключевые слова: нумизматика; клад монет; серебряные проволочные копейки; состав металла; Умревинский острог.

Умревинский острог – археологический памятник русского освоения территории Верхнего Приобья. Основан в 1703 г. у места впадения р. Умрева в р. Обь в Мошковском районе Новосибирской области [1].

В 2008 г. при обследовании дороги к югу от Умревинского острога, ведущей вдоль р. Обь к ур. Сенной взвоз, на обочине в слое белой золы было обнаружено скопление серебряных проволочных монет общим весом 28 г, которое было интерпретировано как клад. Глубина залегания составляла 15–20 см. Клад был представлен несколькими «слипшимися» группами монет. Самая крупная имела вес 14 г. Двадцать шесть монет обнаружены по отдельности. Монеты на момент окончательного формирования клада находились в емкости из бересты или были завернуты в бересту, остатки которой сохранились в виде отдельных обрывков.

После расчистки клада стало возможным определение общего количества монет – 107 серебряных проволочных копеек (расчистка монет была проведена реставратором Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук М.В. Мороз). Из них три монеты образуют единую «слипшуюся» группу, 16 монет образуют восемь групп «слипшихся» монет (по две монеты в каждой группе) и 88 монет по отдельности.

Умревинский клад является кладом монетного серебра, который сформировался не ранее второй половины второго десятилетия XVIII в. и отложился в культурном слое не ранее второй половины четвертого де-

сятилетия XVIII в. Вероятно, к формированию клада имело косвенное или прямое отношение местное аборигенное население. Для территории Новосибирского Приобья обнаружение такого клада является единственным прецедентом.

В результате анализа монет клада год чеканки и монетный двор были установлены для 35 монет (таблица).

Анализ состава сплава металлов, из которых изготавливались монеты в Российском государстве в конце XVII – начале XVIII в., до настоящего времени носит эпизодический характер. Данные о составе металлического сплава монет приводятся в основном в качестве доказательства того, что та или иная монета является фальшивой (например, [2]). Данные анализа металлического сплава монет исследователями-нумизматами не используются при анализе нумизматических коллекций. В свете этого использование результатов анализа сплава металлов проволочных копеек времени правления Петра I при характеристике Умревинского клада, включенного в археологический контекст Умревинского острога, представляется продуктивным с точки зрения изучения возможностей такого исследовательского подхода.

Анализ состава сплава металлов образцов проводился в Отделе геохронологии кайнозоя Института археологии и этнографии СО РАН с применением электронного микроскопа Hitachi TM 3000 (Япония) с энергодисперсионной приставкой Bruker Quantax 70 (Германия) методом элементного анализа на основе энергодисперсионной спектроскопии (ЭДС, EDX). Все

данные получены с поверхностного слоя, зачистка образцов на глубину не проводилась. Анализ состава сплава выполнил М.М. Игнатов.

Анализ состава металла был выполнен для отдельных (не слипшихся) 86 монет. Анализ показал, что 18 монет состоят на 100% из серебра, что является недостижимой чистотой серебра для технологии рафинирования конца XVII – начала XVIII в. (таблица). Можно выделить несколько причин, которые могли повлиять на результаты анализа: 1) технические особенности

метода анализа металла; 2) технические особенности оборудования для анализа металла; 3) термическое воздействие на монеты, в результате которого на поверхности монеты сформировался слой чистого серебра (признаки термического воздействия (оплавленность поверхности и / или выгнутость монеты) есть у 50 монет (таблица, рис. 1)). Учитывая, что не представляется возможным установить точную причину полученного результата, данные монеты будут исключены из дальнейшего анализа клада.

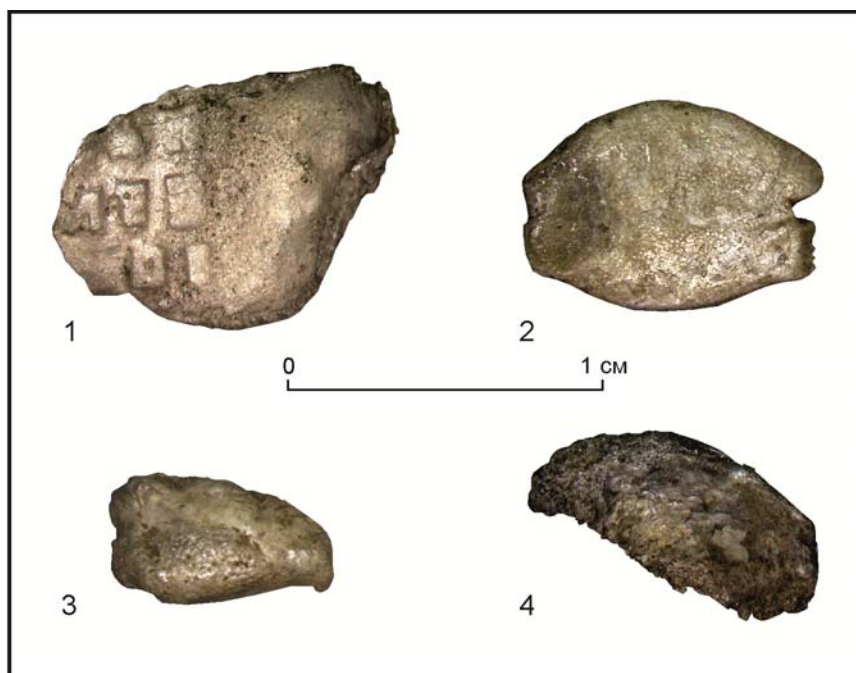

Рис. 1. Монеты со следами оплавленности из Умревинского клада

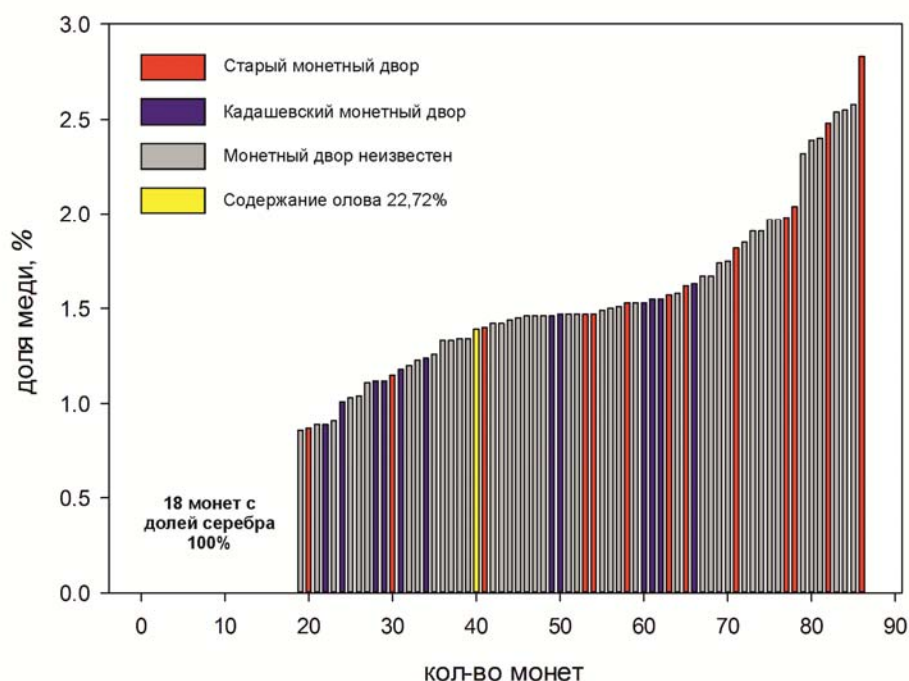

Рис. 2. Содержание меди в монетах Умревинского клада

Основные характеристики монет Умревинского клада

Номер монеты в коллекции	Штемпель лицевой стороны монеты	Дата по лицевой стороне монеты	Номер штемпеля легенды	Дата по штемпелю легенды	Монетный двор	Вес монеты, г	Серебро, %	Медь, %	Олово, %	Оплавленность	Наличие выгнутости
1	Изображение не читается	–	18	1709–1717	Кадашевский	0,21	100	0	–	–	–
2	–	–	12	1701–1709	Кадашевский	0,22	100	0	–	–	–
3, 4	–	–	–	–	–	0,21	–	–	–	–	–
5	–	–	–	–	–	0,14	97,61	2,39	–	–	+
6	–	–	–	–	–	0,23	99,11	0,89	–	–	–
7	–	–	–	–	–	0,19	100	0	–	–	+
8	–	–	6	1696–1704	Старый	0,41	98,02	1,98	–	–	+
9	Изображение не читается	–	–	–	–	0,28	98,54	1,46	–	–	+
10	–	–	–	–	–	0,16	100	0	–	–	–
11	–	–	7	1696–1704	Старый	0,27	98,53	1,47	–	–	–
12, 13	–	–	11	1701–1709	Кадашевский	0,23	–	–	–	–	–
14	–	–	8	1696–1704	Старый	0,32	98,18	1,82	–	–	–
15	–	–	7	1696–1704	Старый	0,24	97,96	2,04	–	–	–
16	–	–	–	–	–	0,29	98,42	1,58	–	–	–
17	–	–	5, или 6, или 7	1696–1704	Старый	0,21	98,47	1,53	–	–	+
18	–	–	7 или 8	1696–1704	Старый	0,26	100	0	–	–	+
19	–	–	97 (2005)	1701–1709 (1707–1709 по 2005)	Кадашевский	0,19	98,45	1,55	–	–	+
20	Изображение не читается	–	8	1696–1704	Старый	0,24	97,52	2,48	–	–	–
21	Изображение не читается	–	7	1696–1704	Старый	0,22	98,6	1,4	–	–	+
22	–	–	14 (2005)	1709–1717 (1709, 1711 по 2005)	Кадашевский	0,20	99,11	0,89	–	–	–
23	–	–	–	–	–	0,22	98,97	1,03	–	–	+
24	Изображение не читается	–	–	–	–	0,14	98,33	1,67	–	–	–
25	Группа 1, штемпель 12	1700	6 или 7	1696–1704	Старый	0,24	98,85	1,15	–	–	–
26	Изображение не читается	–	13	1701–1709	Кадашевский	0,27	100	0	–	–	–
27	–	–	–	–	–	0,23	98,54	1,46	–	–	–
28	–	–	–	–	–	0,21	98,89	1,11	–	–	+
29	–	–	7 или 8	1696–1704	Старый	0,22	98,53	1,47	–	–	+
30	Изображение не читается	–	–	–	–	0,20	98,33	1,67	–	–	+
31	–	–	–	–	–	0,23	98,54	1,46	–	–	–
32	Группа 3, штемпель 21	1703	12	1701–1709	Кадашевский	0,21	98,88	1,12	–	–	–

Продолжение таблицы

Номер монеты в коллекции	Штемпель лицевой стороны монеты	Дата по лицевой стороне монеты	Номер штемпеля легенды	Дата по штемпелю легенды	Монетный двор	Вес монеты, г	Серебро, %	Медь, %	Олово, %	Оплавленность	Наличие выгнутости
33	–	–	11	1701–1709	Кадашевский	0,27	98,53	1,47	–	–	+
34	Изображение не читается	–	6 или 8	1696–1704	Старый	0,21	100	0	–	–	–
35	Группа 4, штемпель 6	1713	19	1709–1717	Кадашевский	0,24	98,82	1,18	–	–	+
36	Группа 1, штемпель 22	1702	7	1696–1704	Старый	0,24	97,17	2,83	–	–	–
37	Изображение не читается	–	7 или 8	1696–1704	Старый	0,23	100	0	–	–	–
38	Изображение не читается	–	7 или 8	1696–1704	Старый	0,20	100	0	–	–	–
39	–	–	–	–	–	0,20	98,53	1,47	–	–	–
40	Группа 1, штемпель 15	1701	7	1696–1704	Старый	0,26	98,38	1,62	–	–	+
41	–	–	8	1696–1704	Старый	0,25	98,43	1,57	–	–	+
42	Изображение не читается	–	13	1701–1709	Кадашевский	0,26	98,88	1,12	–	–	+
43	Группа 4, штемпель 2 (2005)	1709	16	1709–1717	Кадашевский	0,21	98,37	1,63	–	–	–
44, 45	–	–	7 или 8	1696–1704	Старый	0,29	–	–	–	–	–
46	Группа 1, штемпель 8	1700	13 (2005)	1700 (2005)	Старый	0,20	–	–	–	–	–
47	–	–	40 (2005)	1701–1709 (2005)	Кадашевский	0,24	98,99	1,01	–	–	–
48	–	–	13	1701–1709	Кадашевский	0,12	98,54	1,46	–	–	–
49	Группа 1, штемпель 8	1700	–	–	Старый	0,16	99,13	0,87	–	–	–
50	–	–	–	–	–	0,13	98,96	1,04	–	+	+
51	–	–	–	–	–	0,20	98,09	1,91	–	+	+
52	–	–	–	–	–	0,24	100	0	–	+	+
53	–	–	19	1709–1717	Кадашевский	0,21	98,45	1,55	–	+	–
54	–	–	–	–	–	0,15	98,77	1,23	–	+	–
55	–	–	19	1709–1717	Кадашевский	0,24	98,76	1,24	–	–	–
56	Изображение не читается	–	–	–	–	0,28	98,66	1,34	–	–	–
57	–	–	–	–	–	0,17	99,09	0,91	–	–	–
58	–	–	–	–	–	0,26	97,68	2,32	–	–	–
59	–	–	–	–	–	0,19	98,74	1,26	–	–	–
60	–	–	–	–	–	0,12	98,66	1,34	–	–	–
61	–	–	–	–	–	0,20	–	–	–	+	+
62	–	–	–	–	–	0,29	98,58	1,42	–	–	–
63	–	–	–	–	–	0,09	98,26	1,74	–	–	–
64	–	–	–	–	–	0,17	98,03	1,97	–	–	–
65	–	–	–	–	–	0,31	97,6	2,4	–	+	+

Окончание таблицы

Номер монеты в коллекции	Штемпель лицевой стороны монеты	Дата по лицевой стороне монеты	Номер штемпеля легенды	Дата по штемпелю легенды	Монетный двор	Вес монеты, г	Серебро, %	Медь, %	Олово, %	Оплавленность	Наличие выгнутости
66	—	—	—	—	—	0,12	97,46	2,54	—	—	+
67	—	—	—	—	—	0,16	98,25	1,75	—	—	—
68	—	—	—	—	—	0,47	98,58	1,42	—	+	—
69	—	—	—	—	—	0,14	97,42	2,58	—	+	—
70	—	—	—	—	—	0,37	98,15	1,85	—	—	—
71, 72	—	—	—	—	—	0,33	—	—	—	+	—
73, 74, 75	—	—	—	—	—	0,33	—	—	—	+	—
76	—	—	—	—	—	0,31	98,53	1,47	—	+	—
77	—	—	—	—	—	0,21	100	0	—	—	—
78	—	—	—	—	—	0,29	98,56	1,44	—	+	—
79	—	—	—	—	—	0,20	98,51	1,49	—	+	—
80	—	—	—	—	—	0,19	98,67	1,33	—	+	—
81	—	—	—	—	—	0,12	97,45	2,55	—	—	—
82	—	—	11	1701–1709	Кадашевский	0,35	98,47	1,53	—	—	+
83, 84	—	—	—	—	—	0,19	—	—	—	—	—
85	—	—	—	—	—	0,10	100	0	—	—	—
86	—	—	—	—	—	0,04	98,5	1,5	—	—	—
87	—	—	—	—	—	0,12	98,8	1,2	—	+	—
88	—	—	—	—	—	0,11	98,47	1,53	—	+	—
89	—	—	—	—	—	0,16	98,55	1,45	—	—	—
90	—	—	—	—	—	0,22	99,14	0,86	—	+	+
91	—	—	—	—	—	0,11	100	0	—	—	—
92	—	—	—	—	—	0,21	98,09	1,91	—	+	—
93	—	—	—	—	—	0,20	100	0	—	+	—
94	—	—	—	—	—	0,24	100	0	—	+	—
95	—	—	—	—	—	0,28	100	0	—	+	+
96	—	—	—	—	—	0,24	100	0	—	+	—
97	—	—	—	—	—	0,26	100	0	—	+	—
98	—	—	—	—	—	0,36	98,49	1,51	—	+	+
99	—	—	—	—	—	0,18	75,89	1,39	22,72	+	—
100, 101	—	—	—	—	—	0,22	—	—	—	+	+
102	—	—	—	—	—	0,20	98,03	1,97	—	+	—
103, 104	—	—	—	—	—	0,14	—	—	—	+	—
105	—	—	—	—	—	0,22	98,67	1,33	—	—	+
106, 107	—	—	—	—	—	0,33	—	—	—	+	—

Анализ состава металла Умревинского клада серебряных проволочных копеек показал, что содержание серебра в монетах колеблется в интервале от 97,17 до 99,14%, меди – от 0,86 до 2,83%. Состав сплава одной монеты существенно отличается от прочих: 75,89% – серебро, 1,39% – медь, 22,72% – олово (см. таблицу). Данная монета является фальшивой, так как, во-первых, доля серебра существенно ниже установленной государством нормы, а во-вторых, применение олова было широко распространено в изготовлении фальшивых монет в силу его существенно меньшей стоимости, большей распространенности и визуального сходства с серебром [2]. На данной монете полностью утрачены оттиски штемпелей на обеих сторонах.

При сопоставлении монетного двора, на котором отчеканена монета с долей меди в сплаве каждой монеты, обращает на себя факт преобладания монет Старого монетного двора среди монет с повышенным содержанием меди (1,67–2,83%). При этом монеты Кадашевского монетного двора имеют долю меди в сплаве не более 1,63%. Из 20 монет с долей меди в сплаве 1,67% и более чем для пяти монет определен монетный двор – все пять проволочных копеек отчеканены на Старом монетном дворе (см. таблицу, рис. 2).

Первым монетным двором, приступившим к чеканке копеек с датой, был денежный двор в Китай-городе, недалеко от Кремля (с 1696 г.). В 1700 г. появляется денежный двор в здании бывшего Земского приказа на Красной площади. В 1701 г. копейки начал чеканить монетный двор в палатах над Набережным садом в Кремле. Все эти дворы в каталоге В.Н. Клешинова и И.В. Гришина именуются общим названием «Старый монетный двор». В этом же году в Москве открывается еще один денежный двор, который известен под разными названиями – Хамовный, Кадашевский, Замоскворечный, Адмиралтейский или Военно-морской. В указанном каталоге он фигурирует как «Кадашевский монетный двор» [3. С. 6–7]. На Старом денежном дворе, который фактически представлен тремя денежными дворами в Москве, было изготовлено 19 монет, на Кадашевском монетном дворе – 16. Место чеканки остальных монет определить невозможно (см. таблицу).

Чеканка монет на Старом монетном дворе (старых монетных дворах) продолжалась до 1704 г. Одна из монет с самым высоким содержанием меди в сплаве (2,83%) имеет оттиск штампа с 1702 г. Это свидетельствует о том, что, по крайней мере, в 1702 г. на одном или нескольких из Старых монетных дворов производилась чеканка серебряных проволочных копеек с повышенным содержанием меди в сплаве.

В конце XVII – начале XVIII в. было четыре основных источника серебра для чеканки проволочных копеек: 1) ранее выпущенные серебряные проволочные копейки; 2) серебряные монеты, имевшие хождение в европейских государствах; 3) серебряная проволока, импортировавшаяся из Европы для чеканки проволочных копеек.

В частности, Г.К. Котошихин пишет: «А привозят ефимки и серебро, прутное и тянутое, к Архангелскому городу, из Галанской земли, и из Венеции, и из Любика, и из Амбурка; а покупают они на те ефимки всякие товары ис царские казны, или серебро ж меняют на всякие товары, а берут те ефимки у них за товары, и серебро против ефимков по четыре гривны и по 14 алтын ефимок, а товары царские ставят дорогою ценою, и ис тех ефимков, или ис серебра, в серебряных денгах царю бывает прибыль великая, потому что ефимки и серебро приходит дешевою ценою, а в деле Московских денег выходит из ефимка по дватцати по одному алтыну по две денги <...>» [4. С. 110]; 4) лом изделий из серебра.

Учитывая возможные источники серебра для чеканки проволочных копеек, можно сделать несколько предположений, объясняющих факт повышенного содержания меди в проволочных копейках одного или нескольких из Старых монетных дворов:

1) на одном или нескольких Старых монетных дворах была в употреблении особая технология рафинирования серебра, которая в сравнении с технологиями, применявшимися на других монетных дворах, оставляла большую долю меди в сплаве;

2) на одном или нескольких Старых монетных дворах использовался особый вид сырья с повышенным содержанием меди в сплаве. Таким сырьем может быть определенная серебряная монета, имевшая хождение в европейских государствах, или серебряная проволока, импортировавшаяся из Европы. Ранее выпущенные серебряные проволочные копейки и лом изделий из серебра не могли дать повышенное содержание меди, так как имели различный состав сплавов, который либо неизбежно усреднялся при переплавке, либо подвергался рафинированию при переплавке (в этом случае ключевое значение имеет технология рафинирования, о чем сказано выше).

Иных значимых зависимостей между характеристиками монетного сплава и монетами (дата чеканки, штампель лицевой и оборотной стороны, вес монеты, признаки термического воздействия (оплавленность и выгнутость монет)) не обнаружено, что связано как с отсутствием явных закономерностей, так и с тем, что сохранность клада относительно плохая, что не позволило атрибутировать большую часть монет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородавский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2009. 244 с.
2. Бойко-Гагарин А. Новые данные о фальшивых проволочных копейках Петра I Алексеевича (1696–1725) // Банковский вестник : информационно-аналитический и научно-практический журнал Национального банка Республики Беларусь. 2014. № 3. С. 40–41.

3. Клешинов В.Н., Гришин И.В. Определитель лицевых сторон проволочных копеек царя Петра Алексеевича. М. : Ирнус, 1992. 33 с.
4. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884.

Borodovskiy Andrey P. Institute of Archaeology and Ethnography (Novosibirsk, Russian Federation), Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: altaicenter2011@gmail.com; *Gorokhov Sergey V.* Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: gsvgs12@gmail.com; *Ignatov Mikhail M.* Institute of Archaeology and Ethnography (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mmignatov@gmail.com

UMREVINSKY GOLD SILVER WIRE COPECKS DURING THE REIGN OF PETER I: EXPERIENCE STUDY OF METAL.

Keywords: numismatics; coin treasure; silver wire penny; metal composition; Peter I; Umrevinsky ostrog; energy dispersive spectrometry; EDX.

The Umrevinsky ostrog is the archeological monument of the period of the Russian development of Siberia (founded in 1703) that is located in Moshkovo district, Novosibirsk region, by in the influx of the Umreva river into the Ob river. In the course of the archeological research conducted in 2008, the treasure including silver wiry kopecks of the time of Peter the Great was discovered. The discovery of such a treasure is the only precedent in the Novosibirsk Ob Region. Currently, the numismatic findings made on the territory of the archeological monuments of the Russian development of Siberia are not sufficiently covered by researchers, so the demonstration of a high information potential of this type of sources is a relevant task. This work resolves two separate tasks: 1) assessment of possibilities and peculiarities of the elementary analysis method based on energy-dispersive spectrometry (EDX), and 2) study of the makeup of the alloy of the coins contained in the Umrevinsky Treasure and correlation of the obtained data and the results of the treasure research received before. Both tasks are regarded as relevant. The abovementioned method was not applied for studying the numismatic collections of the 17th-18th centuries, which had originated from the Siberian region. The received data can also be used by studying metallic products of other regions and epochs. The systematic study of the makeup of the alloy of the coins of the 17th-18th centuries from the Siberian region has not been conducted yet. The obtained results allow assessing the boundaries of the information potential of this period. One discovered a certain dependency between the composition of the alloy of a coin and the mint where this coin was stricken. No other essential dependencies between the characteristics of the coin alloy and coins (mint date, stamp of the heads and verso, coin weight, thermal impact signs (molten bulging state of coins)) were discovered, which is related both to the lack of any obvious regularities and to the fact the treasure preservation is relatively poor, which did not allow attributing most coins. One identified some possibilities, restrictions, and problems of the elementary analysis method based on energy-dispersive spectrometry (EDX). The study of the composition of the coin alloy and correlation of these data with other results of the research allow expanding the information potential of the source.

REFERENCES

1. Borodovskiy, A.P. & Gorokhov, S.V. (2009) *Umrevinskiy ostrog. Arkheologicheskie issledovaniya 2002–2009 gg.* [The Umrevinsky Jail. Archaeological investigations of 2002–2009]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.
2. Boyko-Gagarin, A. (2014) *Novye dannye o fal'shivnykh provolochnykh kopeyках Petra I Alekseevicha (1696–1725)* [New data on counterfeit wire kopecks of Peter I Alekseyevich (1696–1725)]. *Bankovskiy vestnik: informatsionno-analiticheskiy i nauchno-prakticheskiy zhurnal Natsional'nogo banka Respubliki Belarus' – Bank Bulletin Magazine*. 3. pp. 40–41.
3. Kleshchinov, V.N. & Grishin, I.V. (1992) *Opredelitel' litsevykh storon provolochnykh kopeek tsarya Petra Alekseevicha* [The Obverse Ranger for the Peter I's wire kopecks]. Moscow: Irius.
4. Kotoshikhin, G.K. (1884) *O Rossii v tsarstvovanie Aleksey Mikhailovicha* [On Russia in the reign of Aleksey Mikhailovich]. St. Petersburg.

УДК 904:656.12](571.1)
DOI 10.17223/19988613/38/14

Е.В. Барсуков

ТЕМЕРЧИНСКАЯ ВОЛОСТЬ И ТЕМЕРЧИНЦЫ В СОСТАВЕ ТОМСКОГО УЕЗДА XVII в.

*Статья подготовлена при поддержке Томского государственного университета (проект № 8. 1. 19. 2015.
«Археолого-этнографические исследования Сибири: наука, образование, музей»).*

Статья посвящена Темерчинской волости, являвшейся в начале XVII в. одной из 22 инородческих волостей Томского уезда. Население волости проживало на территории современного Кожевниковского района Томской области, в его правобережной части. Свообразным административным центром волости на всем протяжении ее истории являлись юрты Каштаковские. Анализируются основные события истории волости в XVII в., а также обстоятельства вхождения темерчинцев в состав уезда. На основании данных письменных источников и сведений, собранных этнографами в XX в., рассматривается вопрос о территории, находящейся во владении темерчинцев. На сегодняшний день среди исследователей нет единства относительно этнической принадлежности населения этой волости, а этногенез и ранняя история темерчинцев до сегодняшнего дня остаются практически не изученными. Сами жители волости и пос. Каштаково в конце XIX и даже середине XX в. упорно связывали историю своего поселения с именем Кучума.

Ключевые слова: Томский уезд; Темерчинская волость; инородческая волость; тюрки; селькупы; Кучум; позднее Средневековье.

Еще в середине прошлого века З.Я. Бояршинова сетовала на то, что мы не имеем в нашей литературе сколько-нибудь удовлетворительного описания этнических групп, населявших в XVII в. Томский район [1. С. 33]. Объем исследовательской литературы с того времени возрос многократно, однако на фоне массива исследований общего характера некоторые конкретные сюжеты остаются дискуссионными либо слабо разработанными. Один из таких сюжетов связан с историей темерчинцев, которые в начале XVII в. составляли одноименную волость.

О событиях XVII в., имеющих отношение к этой волости, сведений не так уж и много. В грамоте князя Тояна среди групп населения, проживающих по соседству с эуштинцами, темерчинцы не упоминаются [2. С. 207–209]. Это говорит о том, что к концу XVI в. это была небольшая группа, входившая в более многочисленное объединение либо находившаяся в зависимости от него. Н.Ф. Емельянов считает, что темерчинцы до основания Томска входили в число 300 ясачных людей князя Тояна, которых он обещал отдать под государеву руку [3. С. 25].

После прихода русских темерчинцы первые несколько лет вносили ясак в казну. Численность плательщиков ясака в этот период равнялась 15 чел. Нужно сказать, что на фоне других волостей Темерчинская не выглядела малолюдной. Из 22 волостей она по численности уступала только Большой Провской, Мелесской-Туталовой, Мелесской, Кортульской, Каргачиной [1. С. 89–91]. Используя коэффициент 4, предложенный Б.О. Долгих для определения численности населения волостей по числу плательщиков ясака, можно предполагать количество жителей, равное 60. Однако возможность подобных определений, исходя из данных ясачных цифр, неоднократно подвергалась критике [4. С. 51].

Из письменных источников известны имена нескольких возглавлявших волость князьцов. В начале

XVII в. в этой роли упоминается Тазак [1. С. 62]. В 1685 г. в качестве темерчинского князьца фигурирует Илибек Курмышев [5. С. 109]. В самом начале XVIII в. во главе волости был Саузарак [6. С. 3].

Вскоре после основания Томска по неизвестным причинам темерчинцы выходят из орбиты русского влияния и становятся кыштымами чатского мурзы Касая. В 1626 г. русская администрация начинает «тяжбу» с чатами за возвращение темерчинцев в состав ясачного населения. В ясачной книге 1631 г. З.Я. Бояршинова обнаружила интересную запись: «Томского уезду волости с Тымерчи, а в ней 15 человек, а в прежней де годех, как Томский город стал, давали они ясаку в государеву казну, а ныне теми людьми владеет Томского ж уезду чатцкой мурза Касай, и они де Осип и Иван чатцкого мурзу Касая расспрашивали, почему он теми людьми владеет. И чатцкой мурза Касай им сказал, что у него на тех людей, почему он ими владеет, есть прежних государей грамота, дана ему как был на Москве». Касай представить грамоту, удостоверяющую его права на владения темерчинцами, в Томскую съезжую избу не смог [1. С. 36]. В 1631 г. томские воеводы включили, теперь уже окончательно, темерчинцев в количестве всего лишь 10 человек в состав ясачного населения, восстановив Темерчинскую волость. Убыль населения волости Н.Ф. Емельянов объясняет тем, что часть темерчинцев была уведена чатами и телеутами за пределы уезда [3. С. 26]. Ничего необычного в этом нет, в источниках XVII в. часто упоминаются чатские кыштымы и холопы. Встречаются сведения о «холопах» чатов, проживающих непосредственно на Оби, не исключено, что речь идет именно о темерчинцах [7. С. 133].

Совокупность имеющихся в нашем распоряжении указаний позволяет определить территорию темерчинцев западной частью междуречья Томи и Оби, а если точнее, то фрагментом ее правобережной долины в

пределах юга Томского Приобья. О локализации на правобережье свидетельствуют даже современные топонимы. На картах здесь располагается Темерчинская лесная дача, которая отмечается приблизительно в районе Нижних озер, на значительном удалении от русла Оби [8. С. 64–65].

На «Чертежах» С.У. Ремезова, которые являются, на наш взгляд, наиболее информативным в этом плане источником, темерчинцы отмечены в междуречье Тагана и Оби [9, 10]. Эти данные хорошо дополняются сведениями Г.Ф. Миллера, согласно которым волость находилась на правобережье Оби: «Темерчинская или Чемерчинская волость... на восточном берегу р. Оби, рядом с Уртамским острогом» [11. С. 82]. Подобной точки зрения, не считая мелких разногласий, придерживались и исследователи XIX–XX вв. В частности, Б.О. Долгих оставляет за темерчинцами в конце XVI – начале XVII в. не только правобережную часть долины Оби, но и значительный фрагмент левобережья р. Оби (между устьем Томи и землями чатов) [12]. Это представляется маловероятным и не подтверждается другими источниками. По нашему мнению, исторической действительности в большей степени отвечает размещение темерчинцев на «Карте ясачных волостей...» И.П. Кузнецова-Красноярского [6]. Поправки возможны только в том, что в XVII в. этой группе населения вряд ли принадлежал отрезок правого берега от современной границы Томской области и до устья Томи.

По сведениям жителей Каштаково середины XX в., их предки владели территорией от Киреевска до Кругликова [13. С. 39]. О границах территории темерчинцев этнографами были получены и более конкретные указания, однако топонимы, которые были использованы в качестве ориентиров, не известны на современных картах. Например, Николай Васильевич Теушаков, прадед которого был «князем волости», указывал, что темерчинцы имели в вечном владении земли и леса по правую сторону р. Оби Томского округа. Южная граница – исток Карабчин, северная граница – исток Кучмень, западная – р. Обь, восточная – Терецкий хребет [Там же. С. 25]. Карабчин, вероятнее всего, находился немного к северу от д. Кругликово. Под Терецким (возможно, Кирекским?) хребтом можно предположить коренной берег Оби, который удален на этом отрезке реки на значительное расстояние и фиксируется в виде крутого уступа у д. Кирек. Относительно названия Кучмень ясности нет, нам известно только одно озеро под названием Верхний Кучмень, расположенное в пойме. Что имел в виду информатор, не совсем понятно.

Несмотря на условность территориальных границ Темерчинской волости, для нас несомненный интерес представляет тот факт, что центр их владений локализуется в пределах фрагмента поймы, известного в географии как Каштаковский пойменный сегмент. Эта территория была своеобразным «историческим» ядром, здесь располагался «административный центр» воло-

сти – юрты Каштаковы (Темерчинские, Чемерчинские). Одно из самых ранних упоминаний о нем относится к концу XVII в., времени основания Уртамского острога. Покосы жителям острога и слободы отводились на правом берегу Оби, по р. Таган. В качестве ориентира упоминаются старые Каштаковские юрты [5. С. 123–124]. Упоминаются Каштаковские юрты и в ясачной книге 1751 г. [14. С. 307]. Этот населенный пункт фиксируется самыми ранними из известных нам картографических материалов. На «Чертежах» С.У. Ремезова юрты обозначены без названия на лугу у оз. Таган [9]. На «Карте Тобольского наместничества...» конца XVIII в. центр волости имеет название «Темерчинская», однако локализуется приблизительно в том же районе [15]. Совершенно очевидно, что в пределах этого пойменного фрагмента юрты неоднократно меняли свое местоположение, в то же время, учитывая природно-географическую специфику, участки, где они могли располагаться, вполне прогнозируемы. Нужно заметить, что их локализация сохранялась на всем протяжении существования волости в пределах этого «исторического» центра. Интересно, что в XX в. местонахождение старой деревни местные жители определяли районом кладбища [13. С. 7]. По сведениям А.П. Дульзона, д. Старая Каштакова была расположена в 1,5 км от «современной» Каштаковой, на возвышенном месте, южная и юго-западная сторона которого оканчивается отвесной крутизной [16. С. 102]. Как показало рекогносцировочное обследование этого района в 2014 г., именно здесь и располагается старое кладбище Каштаково.

В исследованиях, посвященных истории Томского уезда, население волости именуется «темерчинцами» и характеризуется как отдельная группа. Однако в тех немногочисленных документах, которые нам известны, имя «темерчинцы» не употребляется. Они называются «татарами», «иноземцами», «людьми», «людишками», и только по отношению к волости применяется название «Темерчинская». Даже в середине XX в. жители Каштаково сообщали, что «было управление Темерчинское, но людей темерчинцами не называли» [17]. Интересно, что в XVIII в. инородческому населению эта волость была известна под названием «темерци-йон». На это указывают данные исследователей, работавших на территории Приобья в составе экспедиций XVIII в., прежде всего И.П. Фалька, который в 1771–1772 гг. собрал уникальные материалы [18. С. 555]. Ему удалось зафиксировать еще существовавшие в это время инородческие названия волостей. По мнению А.П. Дульзона, это название переводится с тюркского, как «народ-кузнецы» [14. С. 307].

В самых ранних документах волость также названа «Тымерчи» и только к середине XVII в. именуется в привычной для русских огласовке – Темерчинской. Темерчинцы включаются современными исследователями в группу «обских татар». Нужно заметить, что этот термин во многом условный и применяется иссле-

дователями в отношении тюркоязычного населения, которое проживало на р. Оби севернее и южнее устья р. Томи и было различного происхождения. Впервые термин «обские татары» употребил И.-Г. Георги, тем самым он пытался подчеркнуть различия между тюркским населением Оби и томскими, тобольскими татарами [19. С. 249].

Включение темерчинцев в состав этой группы обусловлено скорее географически. Обскими татарами они стали потому, что проживали на Оби. Нужно заметить, что сам И.-Г. Георги называл так население Оби «от устья Тома до самого почти Нарыма вниз». Он включал в состав этой группы 16 волостей, население которых живет в 54 деревнях [Там же]. Неоднократно отмечалось, что «исторический путь» темерчинцев отличается своеобразием. Может, по этой причине исследователи, характеризуя «обских» татар, отдельно останавливались именно на их «исторической» судьбе.

К сожалению, этногенез и ранняя история темерчинцев до сегодняшнего дня остаются практически не изученными. Совершенно прав Н.А. Томилов, делая вывод, что проблема происхождения темерчинцев – белое пятно в сибирской этнографии [20. С. 227]. Имеющихся в распоряжении исследователей материалов письменных источников и данных этнографии оказалось недостаточно для решения этой проблемы. Не могла помочь в этом и лингвистика. К сожалению, язык темерчинцев остался неизученным. Еще в середине XX в. жители Каштаково указывали, что никто не знает свой язык, «уже сотню лет как забыли» [13. С. 2]. В 1953 г. А.П. Дульзон беседовал с коренным жителем Каштаково, которому было 68 лет. Ни одного слова по-татарски он не знал, «...как и остальные жители этой деревни; уже их родители забыли свое родное наречие» [14. С. 308]. Интересно, что данные были получены им не в Каштаково, а совершенно в другом месте, в Байдоново (Петрово). Одним из здешних жителей был П.И. Теущаков, являвшийся выходцем из Каштаково. Собственно, с его слов А.П. Дульзон узнал об археологических памятниках этого района, а также сделал вывод, что в Каштаково никто не знает ни одного слова по-татарски [21. С. 6–7]. На сегодняшний день представители этой группы «растворились» среди населения Приобья.

Относительно их этнической принадлежности на момент появления в Приобье русских существуют две взаимоисключающие точки зрения. По одной из них темерчинцы являются тюркской группой, причем исследователи, в частности Н.А. Томилов, считают, что они являются остатками довольно ранних тюрков на р. Оби, расселенных в прошлом шире и связанных не только с зуштинцами, но и с телеутами, абинцами и шорцами. В этом случае, естественно, как тюркоязычная группа они сложились задолго до прихода русских [20. С. 227]. «Татарской» эту волость считают и А.П. Дульзон, и З.Я. Бояршинова. Последняя, указывая на недостаток информации для окончательного вывода

по этому вопросу, все же склоняется к их тюркской принадлежности. По ее мнению, в Томском Приобье до прихода русских проживали разрозненные группы тюркоязычного населения, одной из них, заселявшей в этот период междуречье Томи и Оби, были темерчинцы [1. С. 33–36].

В ясных книгах волости часто делятся на остякие и татарские. К сожалению, это не являлось общим правилом и характерно не для каждого года. Самая ранняя книга, в которой Темерчинская волость попадает в перечень татарских, датируется 1664 г. [Там же. С. 38]. В конце XVII – начале XVIII в. интересующая нас волость также регулярно помещается в раздел татарских. Это зафиксировано в окладных книгах [6].

Не противоречит тюркской принадлежности населения этой волости и ее местное инородческое название – «темерци-йон». Структура этого наименования, по мнению Э.Л. Львовой, безусловно, имеет тюркское происхождение [22. С. 68]. Интересно, что в материалах Фалька и Миллера волости с преимущественно остяким населением включали в название термин «аймак». Хотя сам Г.Ф. Миллер замечает, что остяки заимствовали его от татар. Тогда как применительно к волостям, населенным тюрками, используется термин «йон». Особенно ярко это прослеживается по материалам И. Фалька [18].

В русле затронутых проблем невозможно пропустить интересные наблюдения Э.Л. Львовой, имеющие отношения, в том числе, и к темерчинцам. Анализируя названия инородческих волостей, зафиксированные И.П. Фальком в Томском уезде XVIII в., она замечает, что происхождение некоторых из них, в том числе и Темерчинской (в материалах Фалька – «темерци-йон»), можно возвести к теле-уйгурскому источнику. Они встречаются в перечне 15 древнейших телеских поколений либо известны как названия родоплеменных единиц в составе тюркских народов, несомненно, связанных с древней теле-уйгурской этнической языковой средой [22. С. 69]. Конкретно – сходство названий кости-сёока темерчин (темурчин) у желтых уйгуров – прямых этнических потомков уйгуров теле, и названия интересующей нас волости, Темерчи (Тымерчи) [Там же]. Это, конечно, окончательно не определяет этнические корни темерчинцев, однако представляет серьезный повод для размышлений.

Совсем в другом ключе, применительно к этнической принадлежности темерчинцев, была сформулирована гипотеза Н.Ф. Емельяновым. Он полагал, что в первой половине XVII в. население 11 томских низовых волостей по Оби, в том числе и Темерчинской, было в основном селькупским. Однако общая тенденция в сторону расширения тюркского влияния в районе привела к тому, что уже со второй половины XVII в. население Темерчинской волости становится смешанным, остяко-татарским [3. С. 26–28]. Тем не менее часть «остяков» на протяжении второй половины XVII в. еще продолжала жить в Темерчинской во-

лости, юртах Каштаковых и Евтюшиных. Более того, по его мнению, «остяки» фиксируются здесь по документам вплоть до середины XVIII в. [23. С. 98]. В этот период они учитываются как обские новокрещены и только к концу XVIII в. упоминаются как обские татары [24. С. 76].

Нам представляется, что Н.Ф. Емельянов, характеризующий темерчинцев как самую южную группу самодийского населения, изолированную и окруженную со всех сторон тюрками, приводит не бесспорную аргументацию. Алгоритм его размышлений подкрепляет документ, который датируется 1748 г.: в нем речь идет о «крещеных иноземцах» Темерчинских юрт и «новокрещенных остяках» Евтюшиных юрт [23. С. 98]. О том, что под «крещеными иноземцами» Темерчинских юрт, центра интересующей нас волости, подразумеваются темерчинцы, сомневаться не приходится. По-видимому, под «новокрещеными остяками» юрт Евтюшиных Н.Ф. Емельянов также понимает темерчинцев.

Н.Ф. Емельянов не учитывает тот факт, что в XVIII в. в эти места переселяются группы населения с р. Чулым, которые были также крещены в первой четверти этого столетия. «Новокрещенными остяками» вполне могли называть и их, ведь известно, что часть населения волостей по Нижнему Чулыму было «остяцким», например, это касается Байгульских волостей [6]. Из источников известно, что жители Б. Байгульской волости переселились намного южнее устья Чулыма, даже за пределы Ургамской волости, о чем сам Н.Ф. Емельянов и сообщает. В самом начале XIX в. 25 семей, или 162 жителя Б. Байгульской волости проживали вдали от родных мест, в частности на заимке Кругликовой. По мнению некоторых исследователей, она находилась на территории Темерчинской волости [3. С. 71–72]. Непосредственно в районе д. Евтюшиной населенные пункты переселенцев с Чулыма также зафиксированы прежде всего в материалах Д.Г. Мессершмидта. Он отмечает, что недалеко от Евтюшиной проживали обращенные в христианскую веру переселенцы с Чулыма [25. С. 82]. Возможно, именно они и являются «новокрещенными остяками». Переселенцы с Чулыма были объединены в Обско-Тутальскую волость, которая размещалась южнее с. Богородского. Здесь они обитали в юртах Саргатских, Кульманских, Канаевых, т.е. вплотную с территориями темерчинцев.

В завершающей стадии формирования этой небольшой группы непосредственные соседи, бесспорно, оказали значительное влияние. Темерчинцы включили в свой состав несколько эуштинцев, чатов и, возможно,

барабинцев [26. С. 42]. Однако относительно периода их ранней истории никаких данных на этот счет, кроме местных преданий, нет. Интересно, что сами жители волости и пос. Каштаково в конце XIX и даже середине XX в. упорно связывали историю своего поселения с именем Кучума [16. С. 102]. Согласно им, окрестности юрт Каштаковых, центра Темерчинской волости, стали его «последним пристанищем». Приближенные воины после его смерти, не желая расстаться со своим предводителем, дали обет не покидать его прах и основали в этом районе поселение. По другой версии, основание населенного пункта связано с дочерью Кучума, которая после его нападения на русских следовала на судне вверх по Оби и «заплыла» в один из притоков, которым оказался Таган [16. С. 102; 21. С. 7; 27. С. 15].

В конце XIX в. у Каштаковых был известен также и «Кучумов курган» [28. С. 108]. В 1891 г. его раскапывал С.К. Кузнецов. Результаты исследований были более чем скромными, сам археолог оценил их как отрицательные. В небольшой заметке в «Отчете археологической комиссии» сообщались некоторые подробности этих работ: здесь «оказались только следы большого кургана, давно уже расхищенного, и масса черепков, жженных костей и местной руды или отдельных кусочков расплавленной меди» [Там же].

Коренные изменения в жизни темерчинцев произошли на исходе первой четверти XVIII в. По сведениям И.Г. Георги, «почти все в волостях живущие обские татары были крещены в православную греко-российскую веру около 1720 г.» [19. С. 249]. Не миновали этого и темерчинцы. С этого момента они начинают активно расселяться в русских деревнях и селах [24. С. 78]. Кроме д. Каштаково, темерчинцы в середине XVIII в. проживали в д. Кругликовой, Чесалиной, встречались среди жителей юрт Евтюшиных, д. Чугалиной, Каменской, Канаевой, а также Томска [20. С. 219]. Однако даже после крещения, несмотря на отмеченное расселение по окрестным деревням, историческое ядро волости, юрты Каштаковы, сохраняется вплоть до XX в. [29. С. 126–128].

Не подлежит сомнению, что на фоне недостатка письменных источников, имеющих отношение к XVII в., особую актуальность приобретают археологические материалы с позднесредневековых археологических памятников каштаковской поймы. Использование источников в комплексе с учетом своеобразной природно-географической обстановки этого района позволит реконструировать особенности жизнедеятельности местного населения, а в перспективе – и этнокультурную ситуацию к моменту появления в этой части Приобья русских.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бояришинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Серия историко-филологическая. Томск, 1950. Т. 112. С. 23–210.
2. Бояришинова З.Я., Голицева Г.А. Первый документ о строительстве русского города на берегу Томи // Из истории Сибири. Томск, 1970. Вып. 1. С. 202–210.
3. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1980. 252 с.

4. *Малиновский В.Г., Томилов Н.А.* Уникальный документ о переписи чулымских тюрков и чатов в первой ревизии населения (1720 год) // История и культура Сибири : матер. отчетной сессии Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук. Омск, 1996. С. 47–53.
5. *Емельянов Н.Ф.* Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981. 180 с.
6. *Приходные окладные ясажные книги Томского уезда, 1706–1718 гг.* С приложением карт ясажных волостей и снимка с рукописи. Издал Кузнецов-Красноярский. Томск, 1893.
7. *Кузнецкие акты XVII – первой половины XVIII вв.* : сб. док. / сост. А.Н. Бачинин, В.Н. Добжанский. Кемерово, 2002. Вып. 2. 188 с.
8. *Томская область.* Атлас автодорог. М., 2000. 80 с.
9. *Ремезов С.У.* Чертежная книга Сибири, 1701.
10. *The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov.* facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow. Gravenhage, 1958.
11. *Элерт А.Х.* Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода : сб. науч. тр. Новосибирск. 1988. С. 59–101.
12. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды института этнографии. М., 1960. Т. 55. 624 с.
13. *Забирова М.А.* Дневники экспедиции в д. Каштакovo Кожевниковского района Томской области в 1966 г. (Сборы Забирова М.А. Тетрадь № 1) // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 338-1.
14. *Дульзон А.П.* Диалекты татар – аборигенов Томи // Ученые записки. Труды Томского государственного педагогического института. Томск, 1956. Т. 15. С. 297–380.
15. *Карта Тобольского наместничества* // Российский атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества империи разделяющий : сочин., гравир. и печатан при Горном училище в 1792 г. Л. 16.
16. *Дульзон А.П.* Археологические памятники Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. 5. С. 89–317.
17. *Забирова М., Карданова К.* Материалы этнографической экспедиции лета 1965 года (Томская область, Кожевниковский район, Вороновский с/с, село Каштакovo). Собраны Забирова М (студентка 4-го курса), Кардановой К. (студентка 2-го курса) // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 286.
18. *Falk I.P.* Beiträge zur topographischen Kenntniss der Russischen Reichs. St. Petersburg, 1786. В. 3.
19. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2007. С. 808.
20. *Томилов Н.А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск : Издательство Томского университета, 1981. С. 275.
21. *Дульзон А.П.* Материалы по языку и этнографии Нарымских остяков // Архив Томского государственного педагогического университета. Томск, 1953. Т. II.
22. *Львова Э.Л.* Теле-Уйгурские компоненты в составе тюркоязычного населения Среднего Приобья // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 3. История и культура народов Сибири. С. 67–69.
23. *Емельянов Н.Ф.* Этнический и численный состав коренного населения Томского края в XVII – в первой половине XIX в. // Из истории Сибири. Томск : Издательство Томского университета, 1976. С. 90–108.
24. *Емельянов Н.Ф.* Татары Томского края в феодальную эпоху // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск : Изд-во Томского университета. 1978. С. 73–88.
25. *Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin, 1962. Teil 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722. 273 s.
26. *Валеев Ф.Т., Томилов Н.А.* Сибирские татары // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. М. : Наука, 2006. С. 26–122.
27. *Трифонов М.П.* Тетрадь полевых записей № 5 участника этнографической экспедиции ТГУ 1969 г. Руководитель экспедиции Н.А. Томилов // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 363-5.
28. *Отчет Императорской археологической комиссии* за 1891 год. СПб. : Типография императорской академии наук, 1893.
29. *Волости и инородные управы Томского округа (на кабинетских землях).* Список населенных мест с кратким извлечением из материалов по статистико-экономическому исследованию населения 1893–1894 г. Барнаул : Типо-литография М.П. Реброва, 1896. С. 131.

Barsukov Evgeniy V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: barsukovevg@mail.ru

TEMERCHINSKAYA VOLOST AND THE TEMERCHINS OF UJEZD TOMSKIY IN XVII CENTURY.

Keywords: Ujezd Tomskiy; volost Temerchinskaya; Turks; Selcups; Kuchum; the late Middle Ages.

The article is dedicated to Temerchinsk volost, one of the twenty two aboriginal volosts of Tomsk province in the early 17th century. After the city of Tomsk was founded, the Temerchins were included in the category of population subject to the payment of yasak. However, in a few years, under unknown circumstances they became the subjects of Chat morza Kasay and turned to be his 'kyshtyms'. It was only in 1631 that they were brought back to the province. Temerchinsk volost was located on the territory of today's Kozhevnikov district in Tomsk region, on the right bank of it. The significant part of the volost territory was a flood plain rich in waters and wetlands. Throughout its history, the Kashtakovskiy yurts constituted volost's administrative centre of a kind. The volost was ruled by knyazets. There are names of some of them mentioned in written sources: Tazak, Ilimek Kurmyshev, and Sauzarak. In the early 17th century there were 15 payers of yasak in the volost, whereas by the middle of the century there were only 10. In the 17th century the volost population was referred to in sources as 'Tatars', 'outlanders', 'lyudishki' and the name of Temerchinsk was only used with regard to the volost itself. In the 18th century the aboriginal population knew this volost as being called 'temertsy-yon'. These data were found by J.P. Falck in the 18th century. According to A.P. Dulson, this name is translated from the Turkic language as 'a people of blacksmiths'. The name is not accidental. Archaeologists have discovered a few medieval archaeological sights that largely indicate iron production in the area. As of today, there is no consensus among researchers as to the ethnic origins of the volost population in the 17th century. The ethno-genesis and the early history of the Temerchins still remain virtually unexplored by now. Two extreme research views can be identified in this regard: the Temerchins are a Turkic group that was there in the Ob area before the Russian population came. According to the second view, it was the Selcups that constituted the population of this volost in the early 17th century. As a result of the impact on the part of the Turkic-speaking population they lost their language and culture by the middle of the 18th century. The residents of the volost and of the village of Kashtakovo themselves, in the late 19th and even in the middle 20th century, would persistently relate the history of their settlement to the name of Kuchum. The Kuchum mound was known in the area surrounding Kashtakovo. In the 19th century it was excavated by S.K. Kuznetsov who did not find anything remarkable therein. Drastic changes took place in the life of the Temerchins by the end of the first quarter of the 18th century. Around the year 1720 they adopted Christianity. From that moment, the Temerchins actively started settling in Russian villages and quickly mixed with the neighbouring Russian population.

REFERENCES

1. Boyarshinova, Z.Ya. (1950) Naselenie Tomskogo uyezda v pervoy polovine XVII veka [The population of Tomsk Uezd in the early 17th century]. In: *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoriko-filologicheskaya* [Proceedings of Tomsk State University. Series of History and Philology]. Vol. 112. Tomsk: Tomsk State University. pp. 23-210.
2. Boyarshinova, Z.Ya. & Golisheva, G.A. (1970) *Pervyy dokument o stroitel'stve russkogo goroda na beregu Tomi* [The first document on the construction of the Russian city on the banks of the Tom]. In: *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 202-210.
3. Emel'yanov, N.F. (1980) *Naselenie Srednego Priob'ya v feodal'nyu epokhu* [The population of the Middle Ob in the feudal era]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Malinovskiy, V.G. & Tomilov, N.A. (1996) Unikal'nyy dokument o perepisi chulymskikh tyurkov i chatov v pervoy revizii naseleniya (1720 god) [A unique document of census of Chulym Turks and Chats in the first revision of the population (1720)]. *Istoriya i kul'tura Sibiri* [History and Culture of Siberia]. Proc. of Session of Omsk Branch of the United Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Omsk. pp. 47-53.
5. Emel'yanov, N.F. (1981) *Zaselenie russkimi Srednego Priob'ya v feodal'nyu epokhu* [The Russian settling the Middle Ob in the feudal era]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Anon. (1983) *Prikhodnye okladnye yasachnye knigi Tomskogo uyezda, 1706–1718 gg. S prilozheniem kart yasachnykh volostey i snimka s rukopisi* [Receipt accountant tributary books of Tomsk district, 1706–1718. With a map of tributary townships and an image from the manuscript]. Tomsk: Kuznetsov-Krasnoyarskiy.
7. Bachinin, A.N. & Dobzhanskiy, V.N. (2002) *Kuznetskie akty XVII-pervoy poloviny XVIII vv.* [Kuznetsk acts of the 17th – early 18th centuries]. Kemerovo: Kemerovo State University.
8. Gorshkov, S.V. (2000) *Tomskaya oblast'. Atlas avtodorog* [Tomsk region. Road Atlas]. Moscow: Roskartografiya.
9. Remezov, S.U. (1701) *Chertezhnaya kniga Sibiri* [The Siberian Drawing Book].
10. Remezov, S.U. (1958) *The Atlas of Siberia*. Gravenhage: Mouton.
11. Elert, A.Kh. (1988) *Istoriko-geograficheskoe opisanie Tomskogo uyezda G.F. Millera (1734 g.)* [Historical and geographical description of Tomsk district by G.F. Miller (1734)]. In: Pokrovskiy, N.N. (ed.) *Istochniki po istorii Sibiri dosovetskogo perioda* [Sources on the history of Siberia in the pre-Soviet period]. Novosibirsk: Nauka. pp. 59–101.
12. Dolgikh, B.O. (1960) Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII v. [Clan and tribal structure of the peoples in Siberia in the 17th century]. In: *Trudy instituta etnografii* [Proceedings of the Institute of Ethnography]. Vol. 55. Moscow: USSR AS.
13. Zabiroya, M.A. (n.d.) *Dnevnik ekspeditsii v d. Kashtakovo Kozhevnikovskogo rayona Tomskoy oblasti v 1966 g. (Sbory Zabiroyoy M.A. tetrad' № 1)* [Diaries of the expedition in the village Kashtakovo Kozhevnikov district, Tomsk region in 1966 (Zabiroya M.A. Notebook 1)]. The Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Siberian Tomsk State University. № 338-1.
14. Dulzon, A.P. (1956) *Dialekty tatar – aborigenov Tomi* [Dialects of the Tatars, Tom aborigines]. *Uchenye zapiski. Trudy Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 15. pp. 297-380.
15. Anon. (1792) *Karta Tobol'skogo namestnichestva* [The map of Tobolsk governorship]. In: *Rossiyskiy atlas, iz soroka chetyrekh kart sostoyashchiy i na sorok dva namestnichestva imperiyu razdelyayushchiy* [The Russian atlas of forty cards divided into forty-two governorships of the Empire].
16. Dulzon, A.P. (1956) *Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoy oblasti* [Archaeological sites of Tomsk region]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. 5. pp. 89-317.
17. Zabiroya, M. & Kardanova, K. (n.d.) *Materialy etnograficheskoy ekspeditsii leta 1965goda (Tomskaya oblast', Kozhevnikovskiy rayon, Voronovskiy s/s, selo Kashtakovo)* [Materials of the ethnographic expedition in summer 1965 (Tomsk region, Kozhevnikov District, Voronovo Village Council, village Kashtakovo)]. The Archives of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Siberian Tomsk State University. № 286.
18. Falk, I.P. (1786) *Beytrage zur topographischen Kenntniss der Russischen Reichs* [topographical knowledge of the Russian empire]. St. Petersburg: Academy of Sciences.
19. Georgi, I.G. (2007) *Opisanie vseh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey* [A description of all people in the Russian state: their everyday rites, usages, clothing, housing, exercise, fun, memorability and other faiths]. St. Petersburg.
20. Tomilov, N.A. (1981) *Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI – pervoy chetverti XIX vv.* [The Turkic-speaking population of the West Siberian plain in the late 16th – early 19th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Dulzon, A.P. (1953) *Materialy po yazyku i etnografii Narymskikh ostyakov* [Materials on the language and ethnography of Narym Ostyaks]. The Archives of Tomsk State Pedagogical University. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
22. L'vova, E.L. (1981) *Tele-Uygurskie komponenty v sostave tyurkoyazychnogo naseleniya Srednego Priob'ya* [Tele-Uighur components within the Turkic-speaking population of the Middle Ob]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Sibir' v proshlom, nastoyashchem i budushchem* [Siberia in the past, present and future]. Issue 3. Novosibirsk: NSU. pp. 67-69.
23. Emel'yanov, N.F. (1976) *Etnicheskiy i chislennyy sostav korennykh naseleniya Tomskogo kraya v XVII – v pervoy polovine XIX v.* [Ethnicity and population of the indigenous peoples in Tomsk region in the 17th – early 19th centuries]. In: *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 90-108.
24. Emel'yanov, N.F. (1978) *Tatary Tomskogo kraya v feodal'nyu epokhu* [The Tatars of Tomsk region in the feudal era]. In: Matyushchenko, V.I. & Tomilov, N.A. (eds) *Etnokul'turnaya istoriya naseleniya Zapadnoy Sibiri* [Ethno-cultural history of the Western Siberian population]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta. 1978. S. 73-88.
25. Messerschmidt, D.G. (1962) *Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727* [Research trip through Siberia 1720–1727]. Berlin: Akademie-Verlag.
26. Valeev, F.T. & Tomilov, N.A. (2006) *Sibirskie tatary* [Siberian Tatars]. In: Funk, D.A. & Tomilov, N.A. (eds) *Tyurkskie narody Sibiri* [Turkic peoples of Siberia]. Moscow: Nauka. pp. 26-122.
27. Trifonova, M.P. (n.d.) *Tetrad' polevykh zapisey № 5 uchastnika etnograficheskoy ekspeditsii TGU 1969 g. Rukovoditel' ekspeditsii N.A. Tomilov* [Book 5 of the field recordings made by the participant of the ethnographic expedition of TSU in 1969. Expedition leader – N.A. Tomilov]. The Archives of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Siberian Tomsk State University. № 363-5.
28. Anon. (1893) *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1891 god* [Report of the Imperial Archaeological Commission in 1891]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
29. Anon. (1896) *Volosti i inorodnye upravy Tomskogo okruga (na kabinetnykh zemlyakh). Spisok naselennykh mest s kratkim izvlecheniem iz materialov po statistiko-ekonomicheskomu issledovaniyu naseleniya 1893–1894 g.* [Municipalities and non-Russian Tomsk district councils. List of localities with a brief extract from the materials on statistical and economic research population 1893-1894]. Barnaul: M.P. Rebrov.

УДК 39(=511,21): 902.2:811.511.21'373.2
DOI 10.17223/19988613/38/15

Л.А. Чиндина, С.М. Малиновская

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В СЕЛЬКУПСКОЙ АНТРОПОНИМИКЕ XVII в. В НАРЫМСКОМ ПРИОБЬЕ (ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

*Статья подготовлена при поддержке Томского государственного университета (проект № 8. 1. 19. 2015.
«Археолого-этнографические исследования Сибири: наука, образование, музей»).*

Рассмотрены антропонимы селькупов Нарымского Приобья XVII в. На широком междисциплинарном уровне прослежено отражение в именах важных социально-экономических, этнических и мировоззренческих особенностей. Создан и проанализирован селькупский именник. Выявлена чрезвычайная устойчивость корневых морфем лексики, сохранившей родовую идентичность носителя имени. Данные раскопок поселений и могильников региона уточнили хронологию, динамику развития антропонимов, дополнили и внесли серьезные коррективы в историко-культурные реконструкции селькупского прошлого.

Ключевые слова: нарымские селькупы; антропонимика; археология; этническая культура.

Этнические исследования антропонимики нарымских селькупов XVII в. недостаточны, в данном направлении работали лингвист Э.Г. Беккер [1], этнологи С.М. Малиновская [2] и И.Н. Гемуев [3]. В этой связи междисциплинарный подход будет более перспективным и результативным. Введение в научный оборот имен XVII в. дает в руки исследователей ценнейший материал по лексике языка южной (нарымской) группы селькупов, хорошо сохранившийся в антропонимах, позволяет делать выводы этимологического характера, наблюдать словообразовательные процессы, представления, адаптивные и интегративные процессы, устанавливать исторические контакты, получать представление об этнической культуре, мировоззрении, этнических ценностях.

Ещё реже (как правило, при решении вопросов этнонимии и мировоззренческих интерпретаций) к помощи антропонимики обращаются западносибирские археологи: обычно это имена богов и духов народов Западной Сибири. В селькупской традиционной картине мира верховный персонаж – Нум (Ном) – небо. Здесь же в Верхнем мире обитает священная мать-первопредок «жизненная старуха», дающая жизнь всему земному, – Илынтыль kota. С Нижним миром связан её антипод – Ылынта kota – «нижняя женщина (старуха)». Она помогает при родах, охраняет души умерших в ином мире до их возрождения. К именам персонажей Среднего мира археологи обращаются эпизодически. Обычно это эпические богатыри, среди которых первенствует Ича (Итте). Идентификация с историческими личностями удается редко. Можно назвать интересные разработки в этом направлении В.И. Семёновой о Тонье-богатыре (селькуп?) [4. С. 68–72], а также С.Г. Пархимовича [5. С. 311–316] и одного из авторов [6], включившихся в трёхвековую дискуссию об этнонимике названия «Пегая орда» – военнополитического объединения селькупов (конец XVI в.) под предводительством князя Вони, не желавшего принимать русское подданство.

Основой исследования по антропонимике послужили документы Сибирского приказа, прежде всего ясачных книг Нарымского и Кетского острогов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) [7. Кн. 19, 22, 144, 716, 743, 1367; 8. Кн. 11, 30], дополненные полевыми экспедиционными материалами и сведениями, заимствованными в историко-этнографической и ономастической литературе. Сравнение имен, записанных в ясачных книгах, позволяет выявить основной фонд селькупского именника в целом, в том числе по уездам и волостям. Это самый древний источник по селькупской антропонимике. Проследить динамику развития от личного имени до наименования родов, фамилий и топонимов (водоемов, местечек, поселений, волостей) помогают более поздние материалы церковных архивов XVIII–XIX вв., хранящиеся в Государственном архиве Томской области (ГАТО) [9. Ф. 170; 10. Ф. 170; 11. Ф. 267].

В основу археологических исследований положены материалы Мысовского (XIII–XVII вв.) и Мигалка (последняя треть XVII – начало XVIII в.) могильников и поселений, расположенных в бывшей Третьей Парабельской инородческой волости на левобережье Нарымского Приобья (раскопки Л.А. Чиндиной 1989–1992 гг.) [12]. В них сосредоточена информация письменных источников прежде всего по идентификации названий археологизированных поселений с бывшими инородческими деревнями, их связи с именами князьков, рядовых плательщиков ясака, отражающих в целом особенности культурного развития в конкретное время [13, 14].

Из всех составных частей антропонимики наиболее универсальным является имя (nim- во всех самодийских языках), выполняющее на разных хронологических срезах социальной истории людей многообразные функции, изменяющееся и совершенствующееся по мере изменения требований общества к своему имени. Человека, как и многие предметы и явления окружающего мира, могли именовать, наречь, назвать, прозвать и т.д., а отсюда и богатая синонимическая вариантность терминов при определении собственно-

личного имени. Изучение антропонимических процессов, протекающих у народностей Севера на протяжении последних двух столетий, приводит лингвистов-ономастов к выводу о том, что ведущую роль в формировании антропонимикона этих народов на всех этапах их исторического развития выполняло имя-прозвище. «...у одних оно служило для различения индивидов, родовым названием, у других – для различения индивидов определенной территориальной группы. Об этом свидетельствует большая устойчивость имен-прозвищ по сравнению с родовыми названиями, большая их живучесть» [15].

В.А. Никонов уже указывал, что мотивы выбора имени этнографами изучены недостаточно [16. С. 41]. Это утверждение в полной мере относится и к народностям самодийской группы. Специальной литературы, посвященной исследованию традиций выбора имени у самодийских народов, за исключением статьи Б.О. Долгих об энцах [17], не существует. Отдельные сведения на эту тему включены в работы общего характера и не отличаются полнотой. Обряды селькупов, связанные с рождением ребенка, описаны И.Н. Гемуевым [3. С. 125–138]. По его сведениям, принимала роды пайя-эввели – «бабушка-мать». Для перерезания пуповины-шенилакка (сельк.) использовалась особая ритуальная стрела.

Обряд отрезания пуповины и наличие категории специалистов, обслуживающих детородный процесс, впервые подтвердились археологическими данными при раскопках Мысовского могильника. В могиле XIV–XV вв. была захоронена женщина по крайне нестандартному для могильника обряду. Она явно занимала особое положение в обществе. Умершей отчленили голову, тело полностью сожгли на стороне, затем останки ссыпали в могилу, туда же положили голову лицом вниз в северо-восточно-восточном торце могилы, ритуальный сосуд поставили в юго-западный торец. Чуть позднее в могилу опустили мешок с вещами: несохранившейся одеждой, височным кольцом и крупным железным ромбовидным обоюдоострым наконечником стрелы-клинки – главным инструментом акушерки-ведуньи. Стрела в мифологии (кроме разнообразия других ритуальных назначений) даёт жизненную силу, оберегает от зла, она – важный покровитель ребенка от рождения до взросления. Ритуальный сосуд относится к сосудам-«ладьям» с «ушками», в которых, по селькупской мифологии, перевозили души умерших через подземный мир, позже перевоплощающиеся в новой жизни. Подробное описание обряда дано в этнографии Е.Д. Прокофьевой [18. С. 59–60] и Г.И. Пелих [19. С. 96], в археологии при характеристике рёлкинской культуры – предшественницы и основы селькупского этноса [20. С. 97–98; 21. С. 33]. Очевидно, что столь радикальные обрядовые действия были связаны с очищением души женщины-ведуньи – особы, принадлежащей к сакральной сфере бытия семьи, рода – деторождению. Повивальные бабки пользовались большим

уважением, селькупы связывали их с подземной мифологической старухой (Ылынтай котой – нижней женщиной), покровительницей родового процесса.

Отторжение пуповины и появление зубов означало присутствие у ребенка жизненной силы – «сант» (сельк.) и, следовательно, приобщение его к миру людей; «беззубые» младенцы причислялись к категории существ, не обладавших человеческими качествами. С появлением зубов ребенка переносили в новую колыбель – «конт» (сельк.). Помимо колыбели изготавливалась деревянная «кукла» – индивидуальный покровитель. «Кукла» сохранялась на протяжении жизни человека в специальном амбарчике, где находились покровители всех членов семьи. До появления зубов мальчика звали кыбля-ня, «маленький мальчик», а девочек – кыбля-нетек, «маленькая девочка». Имя младенцу давала повивальная бабка; если же ее не было, имя давал отец. Фактически единственные свидетельства такого рода записаны от старейшей жительницы п. Тюхтерево Парабельского района К.Е. Гоголевой и от Д.Н. Наяковой из п. Каргасок Нарымского края, которые также подтвердили, что имя ребенку давали старшие члены рода по согласованию с родителями (Полевая запись С.М. Малиновской, 1987 г.).

Аналогия системе наречения детских имен наблюдается у других самодийских и угорских этносов [3. С. 128, 135; 22. С. 41–44; и др.] В.Ф. Зуев, побывавший в низовьях Оби в 70-х г. XVIII в., писал: «Новорожденному младенцу не дают никакого имени до пяти лет его возраста, а когда пять лет свершится, то дают ему ребячье имя, коим он до шестнадцати лет называется, а по прошествии этих пятнадцати лет родители дают ему уже настоящее имя или по сходству какого-нибудь давно умершего родственника, или по силе, или по сложению, сходству с животными, проворству, прилежанию к промыслам, трудолюбию и прочее...» [23. С. 65]. В этом коротком описании фактически заключен весь этимологический фонд мотивированных ненецких имен. Далее тот же автор приводит некоторые из этих имен, в том числе: Laatscha – Кочка земляная, Wana – Корень у дерева, Lambal – Широкая лыжа, Sjautta – Нельма, Roju – Оляха, Ubasi – Безрукой, Halei – Безногой, Waipiti – Бешеной и др. [2. С. 65, 66]. Все эти материалы относятся к мужчинам, что же касается женщин, то, по утверждению В.Ф. Зуева, «женский пол... имен по век свой не имеет» [23. С. 66]. Их не было и у селькупов.

Современные исследователи также говорят о наличии у ненцев и нганасан двух фондов личных имен: имен-прозвищ (мотивированное имя) и генетических (предковых), по-видимому, очень древних имен (немотивированное настоящее или «священное» имя) [17. С. 38–39, 42; 23. С. 117; 24. С. 116–117].

Забота селькупов о детях заметна по погребениям XVII в. В детских захоронениях находят кольца-подвески с колокольчиками или другими звенящими подвесками. Это обереги для отпугивания злых духов,

широко известные у многих евразийских народов, в том числе и самодийских. Помимо амулетов в детских захоронениях находили одежду из дорогих тканей, обилие украшений из металла, бусы, бисер, медную и деревянную посуду (могильник Мигалка). По деталям одежды и сопроводительным вещам было установлено, что в денежном эквиваленте цена похорон доходила до 3 руб., что в конце XVII в. было весьма затратно. Интерес представляют детские захоронения, снабженные свадебными атрибутами. По-видимому, так называемые колыбельные браки по сговору родителей заключались сразу после рождения. По какой-то причине дети умерли одновременно, поэтому их захоронили со свадебными атрибутами вместе как жениха и невесту.

Приведенные факты говорят о том, что для селькупов ребёнок являлся особой ценностью общества как его продолжение и будущее.

У селькупов отмечено табуирование имен, т.е. запрет на произношение настоящего имени, что характерно для многих других народов севера Сибири. Селькупы к родным отцу и матери обращались не по имени, а со словами, соответствующими русским терминам «отец и мать», в этом случае родственник термин полностью заменял имя, жена также не должна была называть мужа и родителей мужа по имени, соответственно и муж обращался к ее родителям, применяя лишь термин свойства: пал'дам (пал'дай па ам) – мать моей жены; ил'д'ам – отец моего мужа; па'ам – моя жена; наа'ум – моя жена; тиби'ум, прам – мой муж. В результате некоторые термины родства перешли в разряд антропонимов: Емак < емеку «мачеха»; Ирулка < Ира «мужчина, муж, старик» + суфф. прил. – л + ко; Емра < еми «мать» + усеченное от Ира + ра «старик»; Есегельчик < есегу «отчим» + суфф. прил. – л + суфф. – чик / чика, указывает на ослабление выраженного признака; Селякур < шели «свояк» + кур / кор «самец, жеребец». В большинстве селькупских семей и поныне продолжают древние традиции употребления терминов родства вместо личного имени во внутрисемейном обращении, но не на государственном уровне.

Что же представляет фонд немотивированных или ненастоящих имен селькупов? Как говорилось выше, настоящее имя человека считалось также и священным. Вероятнее всего, это было связано с тем, что некогда оно принадлежало предку и являлось наследственным в данной семье, патронимии или роде. Анализ немотивированного именника селькупов свидетельствует о его многокомпонентности. С одной стороны, в нем вскрываются очень древние пласты, восходящие к эпохе уральского или даже урало-алтайского единства. С другой стороны, явно прослеживаются заимствования, объясняемые этническими контактами с русскими, татарами, кетами, обскими уграми, тунгусами. Эвенкийское влияние проявляется в аффиксальных образованиях личных имен. В Третьей Парабельской волости в 1660–1677 гг. у власти был Итек Меринов. Вторая

часть его имени была не селькупской, а монгольской, попавшей сюда через тюрок.

У селькупов, как известно, устанавливаются только следы былого родового деления [25]. Большинство селькупских фамилий XIX в. не привязано к конкретным родам, так что материалами, позволяющими говорить о существовании родового фонда имен применительно к селькупам, мы не располагаем и поэтому лишены возможности рассмотреть немотивированный (и мотивированный) фонд селькупских имен в аспекте их родовой принадлежности. Некоторую ясность вносят исследования динамики и хронологии общественного развития на основе комплексного изучения археолого-этнографических источников.

При анализе селькупского именника в разрезе отдельных волостей бросается в глаза их неповторимость. Так, из 139 имен ясачных остяков Кетского острога из книги 1628 г., охватывавшей пять волостей, по два раза повторяются только имена Сяга, Сокотко, Уявула, Нагайко. В Нижней Нарымской волости Нарымского острога из 40 собственных имен не повторяется ни одно. Корни этого феномена восходят, как мы думаем, к мировоззренческим представлениям нарымских селькупов. Напрашивается также предположение, что при организации ясачных волостей в начале XVII в. русская администрация положила в их основу реальные границы родовых территорий, в то время еще весьма определенные и строго соблюдавшиеся.

Характерной особенностью селькупской антропонимической системы является большое число формантов, которые давали возможность от одного имени или корня образовывать различные имена с одной и той же семантикой. Например: Ранепса (Ранепсут) > «бренчалка», Урунк (Урунгузей), Лоза (Лозамко) > «черт», Воня (Вонимко) Инча (Инчимей), Сочелка (Сочелкум) > сати / сачи «куделя, Мыдя (Мыдакум), Кинобай (Киноыл, Кынкуп, Кинопса) > «кин река», Кана (Канкуп Канфивандей) > кан «трубка», ванд «лицо», куп «человек».

Нарымские и кетские селькупы являются носителями различных диалектов и принадлежат к различным этнотерриториальным группам. Антропонимический материал рассматривается нами по каждому из уездов в отдельности. Поражает чрезвычайная устойчивость корневых морфем лексики, сохранившей родовую идентичность носителей имени, закрепление личностных особенностей человека в мотивированных именах, следует обратить внимание на то, что архаическое мировоззрение наделяло имя собственное сакральными свойствами, определяло место человека в системе мировой и социальной координации, удерживало человека в связях реального мира, определяло пути его перехода в космическое пространство, которое в мифологии селькупов отражено в трёх мирах: небесном, земном и подземном.

Этимологический анализ антропонимов по признаку тематической атрибуции корня-этимона позволил выделить группы имён:

I. Имена, образованные от названий пород рыб: Муга, Мунга, Мугуча < муга / мунга «пескарь»; Лауся < ла «язь» + у + суфф. – ся, букв.: «язевый»; Кижак < кижа «костерка».

II. Имена, включающие названия птиц и животных: Кулукку < куле «ворон»; Кошлок < «молодой бобр»; Пуля < пути «бобр»; Лога < лога «лиса»; Корга < корга «медведь»; Етча < етча «коршун»; Шига < ши / си «соболь» + суфф. «га» соболёк.

III. Имена, имеющие отношение к растительному миру: Кутма < кут «ель» + ма «место»; Чора < букв. «заросль»; Чеуда < чеу «черёмуховая ягода».

IV. Имена, восходящие к материальной культуре: Пува < пува «нож»; Пима < пимы «штаны»; Сатча < сатча «куделя»; Полча < по «дрова»; Кина < кын'н'нан «меховая шуба»; Инча < инти «лук»; Толча < толча букв. «лыжи».

V. Имена, образованные от наименования частей тела: Кой > ко «ухо»; Ута < ут «рука»; Минелака букв. «пуп»; Магазя / Магадай > мага «спина»; Топка < топ «нога»; Але < оладе «голова».

VI. Имена, в основу которых положены психофизические признаки: Чумбол < чумпи «длинный» + ол «голова»; Чюнбакаба < чумпи «длинный» + каба «туловище»; Варгосай < варго «большой» + сай «глаз»; Тазак > ташуг «азнайка»; Писенса, букв. «смешливец».

VII. Имена, запечатлевшие место рождения: Етсэ < ет «деревня»; Тося < то «озеро»; Нюргум < нур «заливной луг» + гум «человек».

VIII. Имена, несущие социальную нагрузку: Лякка, букв. «воин, друг»; Куимко < кой «богатый»; Есак < Тюрк. ясак «дань»; Кокса букв. «князь, богач».

XIX. Имена со значением количества или последовательности: Оккия < оки / оки «один»; Тетого < тет / тета «четыре»; Айкум < ай «опять, ещё» + кум «человек»; Чипся < чипи «задний, последний».

X. Имена, выражающие чувства родителей: Тяпта букв. «сказка»; Иссек < исса «зря, напрасно» + к / ку; Торя букв. «беда».

XI. Имена-обереги: Лера < лэр «испуг»; Чура букв. «гнида»; Суска букв. «свинья»; Паргатка букв. «идол»; Лозя букв. «чёрт, дьявол».

Исследователи антропонимов уже давно отмечали факт употребления родовых наименований в качестве личных имен и такой обычай считали очень древним. У селькупов этнонимы в качестве личных имен зафиксированы в исторических документах XVII в. Однако в роли антропонимов выступают только те названия селькупских подразделений, которые имеют отношение к этногенезу: родовые наименования Памгула > памгула, Чугла > чугула, Бохта / Пахта. В качестве антропонимов, записанных в ясачных книгах, фиксируются этнонимы из тюркских языков: этнонимы алтай-

цев (Алтай, Алтак, Алатайка, Телеш (род у телеутов), Кижак > Кизи, Нагайка, Тюметка, Тярсяку, Колмак / Колмачка, Мунгол > мунгол); хантыйский (Кондук); вогульский (Вогулка); кетские (Кольгет, Кынгет, Семгет, Ишнагелт); мордовские родовые наименования (Самарко, Киле, Бурнаш); Калык – родовое название ненцев и энцев; Мандрачка > манду род у энцев; древнейший этноним Кореля.

Для селькупского антропонимикона характерно абсолютное совпадение значительной части собственных личных имен с теми нарицательными словами, от которых они образованы: Сюмба < сюмба «обух»; Нынсигда < нипсикита «лишенный материнской груди»; Кауля < кауа «линь»; Чук < чук «червь»; Чора < чора «заросль, чаща»; Курба < курба «бугор»; Тяпта < тяпта «сказка»; Тега < тега «гусь белый».

Синтаксический способ словообразования в селькупском языке представлен формантами: -кота («мешок, подушка»), -лако («кусок, штука»), -сай («глаз»), -ира («старик»), -ол («голова»), -кум (куп, кул / гул) («человек»), -кор, -кур («самец, бык»): Чумбол < чумпи «длинный» + ол «голова, букв.: «длинноголовый»; Кегерсай < кегер «вертится» + сай, букв.: «косой»; Кибайра < кибя «маленький» + ира «старик», букв.: «маленький»; Тутлако < тут «карась» + лако «кусок», букв.: «кусок карася»; Селякур < сел «свойя» + кур «самец» (кор), букв.: «свойя»; Немкота < ням «мягкий» + кота «подушка», букв.: «мягкая подушка»; Канкуп < канн «трубка». Ильяча добавлялось к имени человека почтенного возраста, что находит отражение в религии: имя бога Нума произносят как Нум Ильджа (Ильджа).

Остановимся более подробно на словообразовательной роли двух формантов. –кор (со значением «самец», «жеребец», «бык») присутствует не только в собственных именах, но и в нарицательных. Имена с элементами -кор встречаются только в самых ранних ясачных книгах. В то же время обращает на себя внимание алтайское кашкор «дикий баран», кортух «боязливый». Ср.: записи лексики из материалов В.Н. Татищева: коркуска «петух», корканак «кобель», корсоска «боров», коркой «баран» и антропонимы кетских и нарымских селькупов: Коропся, Корсанко, Кормеско, Корга [26].

–Кор можно добавить к любому существительному, обозначающему объект животного мира, включая насекомых и рыб (по полевым материалам А.П. Дульзона), чтобы обозначить представителя мужского пола. По мнению Пелих, слово «кор» содержит понятие родства по мужской линии «корог – дедова порода, семья». Важно отметить, что в представлении селькупов «кор ~ хор ~ хур» – не абстрактное понятие «мужского начала», а одна из человеческих душ. Это представление широко распространено у самодийцев. Мужчины имели душу «кор», потеряв ее, они превращаются в неполноценных существ (женщин). Их также зовут «момбель» – «дураки» [27. С. 30–33].

Указанный формант присутствует как в именах собственных, так и в нарицательных; его самостоятельное лексическое значение затемнено, так как он приближается к полусуффиксам.

Формант -кум (куп, кул / гул) «человек» зачастую выступает как маркер антропонимов: Айкум < ай «опять», «еще», «тоже» + кум, букв.: «еще человек»; Леркум < лэр «испуг» + кум, букв.: «человек-испуг»; Мишкакумка < Мишка + кум + ка; Сеткул < сет «два» + кул, букв.: «близнец».

В сложных существительных формант -кум частично утратил свое основное лексическое значение, приблизился к полусуффиксам и в итоге приобрел функции обобщающего выражения действующего лица: 1) по действию, по поступку; 2) по роду деятельности, по профессии; 3) по преобладающему признаку, например: етыдей кум «посетитель», кы пок кум «богач»; су: рул'д'и кум «охотник» [28. С. 85]. Самоназвание зырян и пермяков «коми» встречается у других финно-угорских народов: удм. кум – «человек»; самод. кум, куп, коп – «человек». Ср.: уйг. кун – «народ»; монг. юн, ун, умун – «человек». Древнейший формант «кум» присутствует в этнонимике финно-угорских народов: сара кум – «народ племени сара», удм. «зыряне»; коми – «народ»; сельк. сюсюкум – «лесной народ», лонкуп – «гусиный народ», каралькуп – «журавлиный народ», тамелькуп – «южный народ».

Носителем основного значения в подобных существительных служит первое слово. Словообразовательные элементы были материально общими для различных этнических групп селькупов.

Этимологический анализ мотивированных личных имен нарымских селькупов, извлеченных из архивных документов XVII в., в целом приводит нас к выводам, совпадающим с мнением специалистов, работавших с именником других сибирских народов [24; 29–31]. Прежде всего подтверждается точка зрения о том, что наибольшую именную нагрузку несут нарицательные термины, связанные с основными элементами селькупской экосистемы: человек и природа (флора и фауна), человек и система его жизнеобеспечения, духовный мир человека, человек и социальная среда, психофизическая деятельность человека и т.д.

Осознавая известную ограниченность использованного круга источников по селькупскому антропонимикону, авторы тем не менее считают возможным утверждать, что среди апеллятивов, положенных в основу собственных мужских имен XVII в., преобладают названия рыб, животных, птиц, растений и других представителей флоры и фауны. Это, бесспорно, весьма древний, если не самый архаичный, пласт селькупской антропонимики. Любопытно, что на территории нижней Шудельки (бассейнообразующая река Парабельской волости) найдены каменная плоская скульптура рыбы и изображение птицы на керамике, относящейся к эпохе неолита. Как известно, исследо-

ватели связывают подобные артефакты с сакрально-тотемической семантикой [32, 33].

Столь же архаичными являются имена-обереги. Их бытование объяснялось желанием избежать воздействия злых духов, что могло быть связано как со смертью предыдущих детей, так и с боязнью потерять первого ребенка.

Среди тотемических животных-прародителей, почитавшихся селькупам, особое место принадлежало медведю [25]. Антропонимы, восходящие к слову «медведь», селькуп. «корга», например имя ясачного Корга, фамилия Коргалины, п. Каргасок. Несомненно, эти материалы связаны с тотемическими представлениями либо их реликтами. В ясачных книгах фиксируются антропонимы Пегя, Пегая, Пектур – лось. У современных селькупов и русских в Нарымском Приобье, особенно на левобережье, распространена фамилия Пеговы, Певговы, Пегучены, Пегачены. Фамильные ононимы и топонимика дают более широкий ареал названий с морфемой-именем «Лось»: Сургутское и Томское Приобье, Туруханский край. Лось у селькупов считался родоначальником некоторых родов, отсюда запрет на употребление лосиного мяса. Первородство сформировалось ещё в древности [34].

В эпоху раннего железного века (кулайская культура) старые родовые принципы меняются, а в рёлкинское время (раннее средневековье) уже утвердились патронимические отношения с их предковым родством, о чем свидетельствуют археологические источники и исследования [20. С. 104–116]. Статус лося также менялся: наглядно фиксируется превращение родового образа в космогонический (сидерический). Теперь, судя по мифологии, преданиям, культовому листву (образ лося – всадника – героя), Лосю покровительствует Ном (небо). С Лосем тесно связана Луна. Сам Лось на небе (созвездие Большой медведицы) отвечает за смену времен года, дня и ночи, олицетворяет мощь и силу [35. С. 238–239]. Подобные метаморфозы – обычное явление в синполитийных сообществах в процессе распада родовой организации, когда шли борьба старых и новых путей существования, смена форм собственности, становление потестарных организаций, расширение внутренних миграций диалектных групп и появившихся семей (фамилий), первых военных и мирных контактов с русской цивилизацией, поиски адаптивных путей в составе иноэтничного государства.

И здесь снова уместно вернуться к селькупскому военно-политическому объединению, имевшему собственное имя Пегая Орда, что в переводе с селькупского – «Большого Лося богатыри» [6. С. 93]. Название соответствовало времени, вобравшему и традиции родовых предков с воплощённым в них единением, и веру в собственную силу. Почти через 100 лет в ясачных книгах фиксируется новое звено в развитии родового эпического образа лося в подписях-тамгах деловых бумаг в русскую администрацию селькупских

волостных князцов. Например, князцы Кусконча, Канна, Пизинча (Третья, Первая Парабельские и Верхняя Подгородная волости) ставили тамгу «Лось» [36. С. 134–145]. Селькупские знамена-лоси значились в большей степени в левобережье Нарымского Приобья, частично в нижнекетских волостях и в Сургутском уезде по р. Агану. В целом сравнение с тамгами кетских и тазовских селькупов не выявило образа лоса, в основном это были изображения лука и стрел, человека, нарт и змей.

Апеллятивами для определенной группы антропонимов служили отличительные или же нетипичные физические качества ребенка, а также особенности его психического склада. Отдельные имена отражают специфику социальной организации селькупского общества, его социальную психологию, что, по мнению многих исследователей, при этимологическом анализе делает их очень важным историческим источником.

Одним из древних и очень распространенных мотивов наречения имен во многих языках мира является вера в магическую силу числа. Этот способ наименования является общим для индоевропейских, семитских, тюркских, финно-угорских и других народов [37. С. 196]. Устанавливается он, по нашим материалам, и у селькупов, в антропонимике которых выявляются имена, образованные от чисел, характеризующих последовательность рождения детей. От Клавдии Ермолаевны Гоголевой из пос. Тюхтерево Парабельского района получена любопытная информация о древней системе определения возраста у селькупов: младше моего отца, но старше меня – со мной одного возраста.

Наконец, заметный слой в любом именнике составляют этно- и топоантропонимы. Употребление этнонимов в качестве личных имен можно объяснить двояко.

На ранних этапах развития родового общества этническое и личное имена, видимо, не различались. В связи с этим любопытны наблюдения Г. Моргана, который пишет, что у североамериканских индейцев-ирокезов каждый род имел личные имена, которые являлись его исключительной собственностью. Эти имена могли прямо по своему назначению указывать на род, к которому индейцы принадлежали, либо были в качестве таковых общеизвестны [38. С. 47]. В «Росписной книге Нарымского уезда» в Верхней Подгородней Волости среди плательщиков ясака значится по имени Арток [7. Кн. 144 (2)]. С XVII в. известно название правого притока р. Шудельки в ее низовьях – «Артоков исток», данное по родовому имени. В конце XVII – начале XVIII в., когда появляются фамилии в Третьей Парабельской волости, в юртах Инкиных фамилия Артоковых была одной из первых [9. Д. 166, 180; 10. Д. 232]. Примерно таким же путём появились другие ранние фамилии: Кажугины, Малгетовы, Коченгины, Нендыгины и др. В период христианизации у селькупов появились вторые имена, которые стали фигурировать в официальных документах, а традиционные отошли на бытовой уровень.

Таким образом, по данным антропонимики, археологии, этнографии и ряду письменных источников, у селькупов XVI–XVII вв. прослеживаются серьезные социально-экономические и мировоззренческие изменения. Проведённые исследования дали новые материалы о родовом делении, исторических контактах, истории происхождения имен и фамилий селькупов и их значениях. Достигнутые результаты помогают возродить историческую память о предках, что, несомненно, важно на современном этапе развития селькупской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беккер Э.Г. Селькупы // Системы личных имен у народов мира. М., 1986. С. 270–272.
2. Малиновская С.М. Антропонимика в этнокультурном воспитании (на материалах антропонимов Нарымских селькупов). Томск : ТГПУ, 2007. 146 с.
3. Гемуев И.Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 86–138.
4. Семёнова В.И. Поселение и могильник Частухинский Урий. Новосибирск : Наука, 2005. 223 с.
5. Пархимович С.Г. Комментарии // Буцинский П.Н. К истории Сибири. Мангазея; Сургут, Нарым и Кетск (до 1645 г.) : соч. в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 313–316.
6. Чиндина Л.А. Пегая орда – Большого Лося сильный народ // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 91–96.
7. Ясачные книги по Нарымскому и Кетскому уездам за разные годы XVII в. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 214. «Сибирский приказ». Оп. 1. Кн. 19, 22, 32, 54, 144, 271, 716.
8. Челобитные ясачных людей, переписка воевод, следственные дела // РГАДА. Ф. 630. Оп. 1. Кн. 11, 30.
9. Метрические книги с. Инкино Троицкой церкви за 1843–1845, 1847, 1848 гг. // Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 170. Оп. 9. Д. 166, 180, 213, 328, 370.
10. Клировые ведомости Нарымского Благодения за 1860–1868 гг. // ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 232, 409, 433, 526, 673, 1347, 1615.
11. Клировая ведомость Нарымского Благодения за 1877 г. // ГАТО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 77.
12. Чиндина Л.А. Отчеты о полевых исследованиях Томского университета за 1989–1991 гг. // Архив Института археологии РАН.
13. Чиндина Л.А. Очерки культурогенеза и этногенеза в Среднем Приобье (середина I тыс. до н.э. XVIII в. н.э.) // Традиционное и современное в культурах Томского Севера. Томск, 1999. С. 3–11.
14. Чиндина Л.А. Позднесредневековые могильники Среднего Приобья в XVII в. Хронологический дискурс // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : Изд-во ОмГУ, 2004. С. 284–290.
15. Скорик П.Я. Антропонимические процессы у малых народностей Севера // Антропонимика. М., 1970. С. 39–52.
16. Никонов В.А. Задачи и методы антропонимии // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970. С. 33–56.
17. Долгих Б.О. Старинные обычаи энцев, связанные с рождением ребенка и выбором ему имени // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1954. Вып. 20. С. 35–43.
18. Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л. : Наука, 1961. Т. XX. С. 54–74.
19. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1972. 424 с.

20. Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 191 с.
21. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск : Изд-во ТГУ, 1991. 184 с.
22. Грачёв Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX – начала XX в.). Л. : Наука, 1983. 173 с.
23. Зув В.Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. 94 с.
24. Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л. : Наука, ЛО, 1976. 189 с.
25. Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М. ; Л., 1952. С. 88–107 (Труды Института этнографии. Т. 18).
26. Словарные материалы В.Н. Татищева // Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 226. Оп. 1. Д. 30719.
27. Пелих Г.И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981. 177 с.
28. Климова Л.Б. Существительные кум и по: в селькупском языке и их соответствия в немецком // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 82–83.
29. Василевич Г.М. Антропонимы и этнонимы у народов уральской и алтайской семей, расселенных в Сибири (опыт картографирования) // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974. С. 296–302.
30. Соколова З.П. Антропонимия обских угров как источник для изучения этнической истории // Этническая ономастика. М., 1984. С. 78–81.
31. Шатинова Н.И. Алтайцы // Система личных имен у народов мира. М., 1986. С. 23–26.
32. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1950. № 18, Ч. 1–2.
33. Студзикая С.В. Соотношение производственных и культурных функций сибирских неолитических изображений рыб // Из истории Сибири. Томск, 1976. С. 74–89.
34. Студзикая С.В. Изображение лося в древней пластике Прибайкалья и «ангарский стиль» // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья. Томск, 2007. С. 286–300.
35. Мифология селькупов. Томск : Изд-во ТГУ, 2004. 380 с.
36. Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII в. М. : Наука, 1965. 228 с.
37. Жанузаков Т. Социально-бытовые мотивы в казахской антропонимии // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970. С. 194–200.
38. Морган Л.Г. Древнее общество. Л., 1934. 350 с.

Chindina Lyudmila A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chindina37@mail.ru; Malinovskaya Svetlana M. The Institute for the Development of Education of the Russian Academy of Education affiliated, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: malina-1949@mail.ru

THE REFLECTION OF ETHNOCULTURAL PROCESSES IN THE 17TH CENTURY SELKUPS' ANTHROPNOMY OF THE NARYM TERRITORY OF THE RIVER OB AREA (INTERDISCIPLINARY RESEARCH EXPERIENCE).

Keywords: Narym Selkups; anthroponymy; archeology; ethnic culture.

The article considers the 17th century Selkups' anthroponymy of the Narym territory of the River Ob area and the way a number of ethnical, socio-economical and worldview aspects of ethnocultural history were reflected in the anthroponymy. The research is based on interdisciplinary approach as the most prospective and efficient one for ethnocultural processes study. The work presents the first case when the research of this type resort to such extensive and verified use of archeological sources besides the wide range of materials on etymology and ethnonymics. The data gained from excavation of settlements and barrows in the region determined chronology and dynamics of the anthroponymy and important lines of its development, enhanced and made considerable corrections of historical and cultural reconstruction and significantly extended the Selkups history's cultural range which had been unknown before. Etymological analysis of the motivated names of the 17th century evinced their connection with the main elements of Selkups' culture and ecosystem: nature (flora and fauna), life supporting system, spiritual world, social environment, and the human's psychophysical activities. On the basis of the criterion of the root-etymon's thematical attribution the 11 groups of names were distinguished: the names of fish, birds, animals, insects, plants kingdom, artifacts, the human's properties (from natural to social ones), sacral symbols and phenomena. The analysis of Narym Selkups' proper names elicited their gender and age specificity. Male names form the main group. A significant part of them belong to the group of ecosystem. These names and names-aversers are the most archaic ones. The rest of the names distributed among other groups. Children's names were changed thrice in the period from birth up to the coming-of-age, it was a part of the passage (initiation) rite. According to the materials on archeology and ethnography Selkups treated the child as the society's highest value – its continuation and future. To save a child from evil and death his or her names were changed, the child was supplied with averts, symbols of the good (rattles to frighten away evil spirits, an image of an arrow and knife at the bottom of the cradle, etc.). Even a dead child was buried with numerous decorations on his or her headwear and clothes, amulets supposed to save the child's soul which was meant to reincarnate. Selkup women of the 17th century as well other and Samoyed and Ugric women were not supposed to wear proper names. The woman was regarded as someone's daughter or wife. She was the mother and the mistress. The gender difference is emphasized by the burial rite of the 17th century barrows: women didn't have any weapons, axes, the horse's harness. They were the privilege of men as the heads of families and breadwinners. Among Selkups proper names were tabooed as they were considered sacred. Most probably it can be explained by that the names belonged to ancestors. The name was inherited within the family, patronymy and kin. Complex study of anthroponymy in volosts and archeological sources relying on written and ethnographical data made it possible to trace the important social and worldview processes: coexistence and struggle of the old kin and new territorial trends, adaptation and integration into the civilized state as its part. The nonrepeatability of the names from dialect groups, signing documents by chiefs (knyazetses) with kin seal (tamga) (elk, spider, etc.) evidence the existence of kin identity. We can suppose that in process of organizing the tribute volosts at the beginning of the 17th century Russian administration had made the ground for the real territories' borders those of the kin ones, which were quite clear and strictly guarded at that time.

REFERENCES

1. Bekker, E.G. (1986) Sel'kupy [Selkups]. In: Dzharylgasinova, R.Sh., Kryukov, M.V., Nikonov, V.A. & Reshetov, A.M. (eds) *Sistemy lichnykh imen u narodov mira* [Systems of personal names among the peoples of the world]. Moscow: Nauka. pp. 270–272.
2. Malinovskaya, S.M. (2007) *Antroponimika v etnokul'turnom vospitanii (na materialakh antroponimov Narymskikh sel'kupov)* [Anthroponimics in ethno-cultural upbringing (a case study of Narym Selkup anthroponyms)]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University
3. Gethuev, I.N. (1980) K istorii sem'i i semeynoy obryadnosti sel'kupov [On the history of Selkups family and family rituals]. In: Pelikh, G.I. & Toshchakova, E.M. (eds) *Etnografiya Severnoy Azii* [Ethnography of Northern Asia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 86–138.
4. Semenova, V.I. (2005) *Poselenie i mogil'nik Chastukhinskiy Uriy* [The settlement and cemetery of Chastuhinsky Uri]. Novosibirsk: Nauka.

5. Parkhimovich, S.G. (1999) Kommentarii [Commentary]. In: Butskinskiy, P.N. *K istorii Sibiri. Mangazeya; Surgut, Narym i Ketsk (do 1645 g.): soch. v 2 t.* [The history of Siberia. Mangazeya; Surgut and Narym Ket (up to 1645). In 2 vols.]. Vol. 2. Tyumen'. pp. 313-316.
6. Chindina, L.A. (2013) Pegaya orda is strong people of the Big/Great Elk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(23). pp. 91-96. (In Russian).
7. The Russian State Archives of Ancient Documents (RGADA). *Yasachnye knigi po Narymskomu i Ketskomu uezdam za raznye gody XVII v.* [Tributaries books of Narym and Ket counties for 17th century]. Fund 214. List 1. Books 19, 22, 32, 54, 144, 271, 716.
8. The Russian State Archives of Ancient Documents (RGADA). *Chelobitnye yasachnykh lyudey, perepiska vovod, sledstvennye dela* [Petitions of tributary peoples, correspondence among governors, investigating cases]. Fund 630. List 1. Book 11, 30.
9. The State Archives of Tomsk Region (GATO). *Metricheskie knigi s. Inkino Troitskoy tserkvi za 1843–1845, 1847, 1848 gg.* [Metric books of the Trinity Church in Inkino Village for the 1843–1845, 1847, 1848]. Fund 170. List 9. Files 166, 180, 213, 328, 370.
10. The State Archives of Tomsk Region (GATO). *Klirovye vedomosti Narymskogo Blagochiniya za 1860–1868 gg.* [Documents about the clergy service in Narym Deanery for 1860–1868]. Fund 170. List 1. Files 232, 409, 433, 526, 673, 1347, 1615.
11. The State Archives of Tomsk Region (GATO). *Klirovaya vedomost' Narymskogo Blagochiniya za 1877 g.* [Documents about the clergy service in Narym Deanery for 1877]. Fund 267. List 1. File 77.
12. Chindina, L.A. (n.d.) *Otchety o polevykh issledovaniya Tomskogo universiteta za 1989–1991 gg.* [Reports on field studies of Tomsk University in 1989–1991]. The Archives of the Institute of Archeology, RAS.
13. Chindina, L.A. (1999) Ocherki kul'turogeneza i etnogeneza v Srednem Priob'e (seredina I tys. do n.e. XVIII v. n.e.) [Essays on the cultural and ethnic genesis in the Middle Ob (the mid of I millennium BC to the 18th century BC)]. In: Malinovskaya, S.M. (ed.) *Traditsionnoe i sovremennoe v kul'turakh Tomskogo Severa* [The traditional and contemporary cultures in the North of Tomsk]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 3-11.
14. Chindina, L.A. (2004) Pozdnesrednevekovye mogil'niki Srednego Priob'ya v XVII v. Khronologicheskii diskurs [Late medieval cemeteries in the Middle Ob in the 17th century. The chronological discourse]. In: *Shestye istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova* [The 6th historical memory readings named after Mikhail Petrovich Gryaznov]. Omsk: Omsk State University. pp. 284-290.
15. Skorik, P.Ya. (1970) Antroponimicheskie protsessy u mal'nykh narodnostey Severa [Anthroponimic processes in small peoples of the North]. In: Nikonov, V.A. & Superanskaya, A.V. (eds) *Antroponimika* [Anthroponyms]. Moscow: Nauka. pp. 39-52.
16. Nikonov, V.A. (1970) Zadachi i metody antroponimii [Objectives and methods of anthroponymy]. In: Nikonov, V.A. (ed.) *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem* [Personal names in the past, present, future]. Moscow: Nauka. pp. 33-56.
17. Dolgikh, B.O. (1954) Starinnye obychai ents'ev, svyazannyye s rozhdeniem rebenka i vyborom emu imeni [Ancient Ents customs associated with childbirth and the choice of their name]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii* [Brief reports of the Institute of Ethnography]. Issue 20. Moscow: USSR Academy of Sciences. pp. 35-43.
18. Prokof'eva, E.D. (1961) Predstavleniya sel'kupskiy shamanov o mire (po risunkam i akvarelyam sel'kupov) [Ideas of Selkup shamans of the world (based on drawings and watercolors of Selkups)]. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 20. Leningrad: Nauka. pp. 54-74.
19. Pelikh, G.I. (1972) *Proiskhozhdenie sel'kupov* [The origin of Selkups]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Chindina, L.A. (1977) *Mogil'nik Relka na Sredney Obi* [The Rēlka Burial on the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Chindina, L.A. (1991) *Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego srednevekov'ya (relkinskaya kul'tura)* [The history of the Middle Ob region in the early Middle Ages (The Rēlka culture)]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Gracheva, G.N. (1983) *Traditsionnoe mirovozzrenie okhotnikov Taymyra (materialakh nganasan XIX – nachala XX v.)* [The hunters' traditional outlook in Taimyr (a case study of Nganasans in the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
23. Zuev, V.F. (1947) *Materialy po etnografii Sibiri XVIII veka (1771–1772)* [Materials on the ethnography of Siberia of the 18th century (1771–1772)]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
24. Khomich, L.V. (1976) *Problemy etnogeneza i etnicheskoy istorii nentsev* [Problems of the Nenets ethnogenesis and ethnic history]. Leningrad: Nauka.
25. Prokof'eva, E.D. (1952) K voprosu o sotsial'noy organizatsii sel'kupov (rod i fratriya) [On the question of social organization of Selkups (type and phratry)]. In: *Sibirskiy etnograficheskiy sbornik* [Siberian ethnographic collection]. Vol. 18. Moscow, Leningrad: Nauka. pp. 88-107.
26. Tatishchev, V.N. (n.d.) *Slovarnye materialy V.N. Tatishcheva* [Dictionary materials by V.N. Tatishchev]. The Archives of St. Petersburg Institute of History, RAS. Fund 226. List 1. File 30719.
27. Pelikh, G.I. (1981) *Sel'kupy XVII veka (ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii)* [Selkups of the 17th century (descriptions of social and economic history)]. Novosibirsk: Nauka.
28. Klimova, L.B. (1969) Sushchestvitel'nye kum i po: v sel'kupskom yazyke i ikh sootvetstviya v nemetskom [The nouns “kum” and “po” in the Selkup language and their equivalents in German]. In: *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov* [The origin of Siberia natives and their languages]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 82-83.
29. Vasilevich, G.M. (1974) Antroponimy i etnonimy u narodov ural'skoy i altayskoy semey, rasselennykh v Sibiri (opyt kartografirovaniya) [Anthroponyms and ethnonyms and the peoples of the Ural and Altai families resettled in Siberia (the experience of mapping)]. In: Bruck, S. (ed.) *Problemy kartografirovaniya v yazykoznanii i etnografii* [Problems of mapping in linguistics and ethnography]. Leningrad: Nauka. pp. 296-302.
30. Sokolova, Z.P. (1984) Antroponimiya obskikh ugrov kak istochnik dlya izucheniya etnicheskoy istorii [Anthroponyms of Ob-Ugric peoples as a source for the study of ethnic history]. In: Dzharylgasinova, R.Sh. & Nikonov, V.A. (eds) *Etnicheskaya onomastika* [The ethnic onomastics]. Moscow: Nauka. pp. 78-81.
31. Shatinova, N.I. (1986) Altaytsy [The Altai]. In: Dzharylgasinova, R.Sh., Kryukov, M.V., Nikonov, V.A. & Reshetov, A.M. (eds) *Sistemy lichnykh imen u narodov mira* [Systems of personal names among the peoples of the world]. Moscow: Nauka. pp. 23-26.
32. Okladnikov, A.P. (1950) Neolit i bronzovyy vek Priбайкальya [Neolithic and Bronze Age in Baikal area]. *Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR*. 18(1–2).
33. Studzitskaya, S.V. (1976) Sootnoshenie proizvodstvennykh i kul'turnykh funktsiy sibirskikh neoliticheskikh izobrazheniy ryb [The ratio of industrial and cultural functions of the Siberian Neolithic images of fish]. In: *Iz istorii Sibiri* [From Siberian history]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 74-89.
34. Studzitskaya, S.V. (2007) Izobrazhenie losya v drevney plastike Priбайкальya i “angarskiy stil” [The image of an elk in ancient ceramics of Baikal and the “Angara style”]. In: Chindina, L.A. et al. (etc) *Arkheologicheskie materialy i issledovaniya Severnoy Azii drevnosti i srednevekov'ya* [Archaeological materials and research in Northern Asia, Ancient and Medieval times]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 286-300.
35. Kuznetsova, A.I. et al. (2004) *Mifologiya sel'kupov* [Mythology of Selkups]. Tomsk: Tomsk State University.
36. Simchenko, Yu.B. (1965) *Tamgi narodov Sibiri XVII v.* [Tamgas of the Siberian peoples in the 17th century]. Moscow: Nauka.
37. Zhanuzakov, T. (1970) Sotsial'no-bytovye motivy v kazakhskoy antroponimii [Social and everyday motifs in Kazakh anthroponymy]. In: Nikonov, V.A. (ed.) *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem* [Personal names in the past, present, future]. Moscow: Nauka. pp. 194-200.
38. Morgan, L.G. (1934) *Drevnee obshchestvo* [The Ancient Society]. Translated from English. Leningrad: Izdatel'stvo narodov severa.

УДК 902.2
DOI 10.17223/19988613/38/16

М.П. Чёрная, С.Ф. Татауров

ОГРАЖДЕНИЯ В БЫТОВОМ КОНТЕКСТЕ ГОРОДСКОЙ УСАДЬБЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТОМСКА И ТАРЫ)

*Статья подготовлена при поддержке Томского государственного университета (проект № 8. 1. 19. 2015.
«Археолого-этнографические исследования Сибири: наука, образование, музей»).*

Рассматриваются ограждения – деталь планировочной структуры усадебного комплекса. Анализ их функций и конструктивных особенностей на материалах Томска и Тары в широком сравнительно-историческом контексте выявляет традиционность оград в повседневной культуре средневекового города и воспроизводимость этого элемента в современной застройке.

Ключевые слова: ограждения; усадьба; Томск; Тара; традиции и современность.

Предметом исследования данной работы служит такой заметный элемент планировочной структуры дворового комплекса, как ограждения. В статье рассматриваются два проблемных аспекта: 1) являются ли ограды неперенным атрибутом усадьбы; 2) функциональные и конструктивные особенности ограждений. Для изучения вопроса в генезисе и динамике чрезвычайно важны археологические и этнографические источники, которые позволяют охватить диапазон существования усадебных ограждений от Средневековья до современности. Авторы опираются на материалы по Томску и Таре, которые сохраняют археологический контекст своей истории, а сравнение данных позволяет увидеть разнообразие оград и неоднозначность их интерпретации в качестве обязательно-го элемента для оформления границ усадьбы.

Постоянным местом обитания человека в средневековом русском городе была усадьба, она представляла собой дворовый участок с жилыми, хозяйственными постройками, коммуникациями и содержала всё необходимое для существования живших здесь людей. Усадьба являлась не только основным модулем городской застройки, но и основной социально-экономической единицей, хозяин которой, имея под рукой необходимое дворовое имущество, был способен платить подати [1. С. 180; 2. С. 65; 3. С. 24; 4. С. 31; 5. С. 26; 6. С. 157, 163; и др.].

Со временем сама усадьба и её роль в формировании социокультурного облика города неизбежно менялись. Процесс этот происходил неравномерно. В крупных городах современная жилая среда оформлена многоквартирными домами, их расстановка не образует замкнутого пространства и определяет лишь условные границы дворов, которые в большинстве случаев являются проходными. А вот исторический облик малых городов сохраняется благодаря усадебной застройке. Это хорошо иллюстрирует сравнение двух исторических городов, почти ровесников: Тары (1594 г.) и Томска (1604 г.). Тарские дворы с одно-, двухэтажными жилыми домами и подсобными постройками огорожены забором и имеют неперенный

элемент – ворота. Если забор или ворота обветшали, их подновляют. При строительстве новых особняков из кирпича, стекла, бетона обязательно возводят высокую глухую ограду и ставят ворота, по-модному облицованные сайдингом. Ограждённые усадьбы с воротами, которые и связывают, и отгораживают внутренний мир двора от внешней среды, удерживают вполне этнографичный образ Тары. В отличие от Тары, в Томске усадеб XIX – начала XX в. почти нет, «фоновой» застройки с каждым годом становится всё меньше, а сохраняющиеся памятники деревянной архитектуры утрачивают свою историческую среду, в первую очередь такие её элементы, как ворота и ограждения.

При обращении к истории архитектурного оформления усадьбы встаёт вопрос и о дворовых оградах.

При раскопках городских усадеб часто находят остатки частоколов или следов их вкапывания в виде столбовых ямок, канавок с нижними частями тынин и уплотнительных лаг. Ископаемые частоколы обычно проходили по одним и тем же определённым линиям, их трассы во многих случаях не менялись столетиями, что говорит об относительной устойчивости планировки городской застройки [7. С. 7, 45; 8. С. 118; 9. С. 72, 73; 2. С. 65, 66; 10. С. 150, 156; и др.].

И.К. Лабутина высказала мнение, что границы, обозначенные частоколами, являются реальными признаками дворов, на которые должен опираться исследователь, а остатки ограждений служат критерием для выделения археологизированных усадеб. Отсутствие же дворовых оград свидетельствует либо о том, что они не сохранились, что во многих случаях очевидно, либо об ином характере застройки [3. С. 24, 25]. Это мнение разделял А.С. Хорошев, подчеркнув присутствие ограждений во всех раскопанных усадьбах Новгорода [11. С. 411].

Следы заборов далеко не всегда сохраняются в культурном слое. Скажем, в мокром культурном слое Тары, насыщенном мочевиной, которая консервирует археологическую древесину, фиксируются следы даже лёгких плетневых конструкций. В сухом же слое Том-

ска древесина сильно разрушена. В томской воеводской усадьбе на период её существования (середина XVII – середина XVIII в.) ограждений не обнаружено. Более поздний раскопанный частокол построен уже после вынесения воеводского двора за пределы кремля, чтобы отгородить оставшиеся постройки бывшей усадьбы от мостовой, ведущей к проездной башне (рис. 1). Ещё более поздний частокол был поставлен вместе с Воскресенской полицейской управой в середине XIX в., его восточное прясло выявлено в длину на 34 м [12. С. 45, рис. 8, 14] (рис. 2).

Всегда ли отсутствие следов ограждений означает их полное разрушение или же является свидетельством другого – не дворового – комплекса застройки? Были ли ограждения неперменной принадлежностью усадьбы?

Н.Д. Чечулин, изучавший русские дворы XVI в. по письменным и иллюстративным источникам, пришёл к следующему заключению: «Едва ли нужно думать, что тогда все дворы были обносимы забором; ещё и теперь на севере в деревнях ставятся дворы, почти всегда без заборов или частоколов, да и в наших писцовых книгах только изредка упоминается о городьбе около двора и о воротах, <...> забор или замёт не был неперменной и постоянной принадлежностью двора» [13. С. 301]. Так, двор князя И. Мстиславского в Веневе «был обнесён тыном лишь наполовину, другая же половина оставалась ”проста“ [Там же. 308].

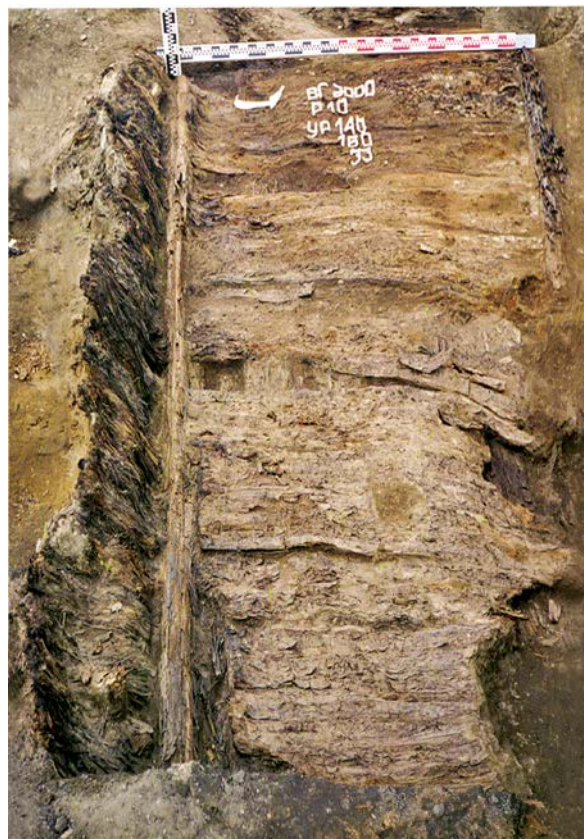

Рис. 1. Частокол и мостовая в Томском кремле (середина – вторая половина XVIII в.)

Рис. 2. Остатки частокольной изгороди в Томском кремле (вторая половина XIX в.)

Необходимость возведения дворового ограждения зависела от степени упорядоченности городской застройки, планировки и места расположения усадьбы на поселении, хозяйственной целесообразности, достатка и желания хозяина. Ограды являлись вторичным признаком: неогороженный жилищно-хозяйственный комплекс не переставал быть двором. Вряд ли поэтому можно согласиться с тем, что частоколы выступают ведущим критерием выделения дворов, как предложила И.К. Лабутина. Это реальный признак в том случае,

когда ограды присутствовали изначально и их существование доказуемо. Если следов ограждений не обнаружено потому, что их не было или они не сохранились, это не меняет качественного содержания усадьбы. Суть усадьбы определяло взаимосвязанное функционирование построек жилищно-хозяйственного комплекса, объединённых общей территорией, что обеспечивало условия существования семьи. При этом «дворовое место» могли огородить или не огородить [14. С. 166–168]. Важно подчеркнуть, что внешнее ограж-

дение совсем не обязательно должно было быть непрерывным и опоясывать усадьбу по всему периметру или даже большей его части. Границы усадьбы зачастую были оформлены самими постройками, поставленными вплотную или с интервалами, между постройками могли поставить городьбу или оставить пространство «простым».

Городьба в структуре двора или города выполняла планировочно-разграничительную и охранно-заградительную функции. Ограды могли отделять одну усадьбу от другой или от улицы, «чистый» двор от «хозяйственного», «скотного» или от огорода. Конструкции оград были самыми различными, что определялось их месторасположением и предназначением. Внутренние изгороди – частокольные и более лёгкие – жердевые, плетневые. Внешние ограды в виде «острога стоячего» из брёвен или «заплота лежачего» могли при случае выдержать осаду, как это произошло с нарымским воеводой И.Л. Скобелыным, который во время городских волнений «от убойства ушел, сидел в осаде на дворишке» [15. С. 232]. Иногда внешняя ограда усадьбы прерывалась постройками, поставленными по периметру, например на воеводском дворе в Епанчине: постройки и заплот между ними поставлены по одной линии [16. Л. 12].

Рассмотрим конструктивно-технические особенности ограждений и их динамику на примере Тары, где привычка ставить ограды с воротами – не отживающая, а развивающаяся традиция, идущая через столетия.

Этому способствовало превращение Тары с начала XIX в. в небольшой провинциальный город со слабой текучкой населения, поэтому деревообработка и домостроительство в известной мере законсервировались и практически все приёмы строительства, в том числе и устройство изгородей, мы находим на фотографиях города конца XIX – начала XX в.

В Таре обнаружены остатки нескольких дворовых комплексов. Один из них – в самом центре исторической части города – функционировал в XVII–XIX вв. и за это время не менее 4 раз отстраивался заново после пожаров. По результатам раскопок сделана реконструкция облика усадьбы на одном из этапов её существования [17]. В плане усадьба представляла собой прямоугольник (ориентированный практически точно по сторонам света), в котором здания были размещены по периметру, а в центре находился частично перекрытый навесом двор (рис. 3). В состав усадьбы входили жилой дом, баня, изба для челяди, колодец и погреб с напогребницей. Такая застройка практически полностью соответствует общепринятой в северо-европейской части России планировке усадьбы, но имеет более закрытый вид. Е.А. Ащепков отмечал, что климатические и экономические условия Сибири повлияли в известной мере на планировку двора-усадьбы. «Желание собственника лучше организовать свой двор, защитить свое хозяйство от жестоких морозов и ветров привело к созданию крытых, замкнутых дворов, оправдавших себя в суровых зимних условиях» [18. С. 22].

Рис. 3. Реконструкция тарской усадьбы по материалам раскопок

При раскопках выявлены остатки оград разной конструкции – заплотные, частокольные, плетневые. До

середины XVIII в. в Таре не было лесопилки, поэтому для городьбы использовался тес. Его изготовление бы-

ло одним из поводов для недовольства тарских казаков: «Всякие государевы изделия делаем <...>, и воеводские двory ставим и починиваем, и бревна, и тес, и всякий лес возим, <...> и изгороди около государевых полей городим» [19. С. 100]. Тара на протяжении XVII в. была пограничным городом, поэтому усадьбы представляли «самостоятельные небольшие крепости, закрываемые на ночь крепкими тесовыми воротами» [18. С. 27]. Меры по повышению обороноспособности оказались действенными, раз город, неоднократно подвергавшийся осадам, взят не был. Наиболее прочно в тарских усадьбах в острожной и крепостной частях города строили ворота (рис. 4). Двустворчатые ворота предназначались для проезда гужевого транспорта – телег, саней, розвальней, дрожек, а калитка – для прохода

пеших. Для лошадей и транспорта гостей к одному из воротных столбов прибавляли специальное кольцо либо на улице перед домами устраивали коновязи – на несколько дворов из-за определенной тесноты застройки. В воротных столбах, имевших диаметр 0,6–0,8 м и высоту не менее 2,5 м, вырубали пазы так, чтобы створки ворот открывались только наружу и не выступали за линию заплота. С внутренней стороны ворота закладывались в пазы специальным брусом. В промежутках между строениями усадьбы при необходимости (и возможности) могли соорудить в технике вертикальной набирки «заплот стоячий», основу которого составляло горизонтальное бревно с пазом, куда вставляли тесанные плахи, полубрёвна или брёвна. Высота заплотов была не менее 2 м, ширина прясел – от 3 до 4 м (рис. 5).

Рис. 4. Ворота в усадьбу в острожной части Тары

В связи с трудоёмкостью изготовления тёса заплоты ставили только на уличной стороне усадьбы, остальные огораживали частоколом. Один из раскопанных частоколов сделан из жердей толщиной 15–18 см, вкопанных на расстоянии 5–8 см друг от друга на глубину 0,5 м и более – для повышения устойчивости ограды [20] (рис. 6). Высота частоколов варьировала от 1,5 до 2 м. Существовали в Таре и ограждения типа плетня, остатки подобной конструкции обнаружены в ходе раскопок (рис. 7). Отдельно расположенные загоны для скота, казённые пашни огораживали поскутиной – жердевой загородкой в 2 или 3 ряда со столбами через 5–6 м. В городе их использовали только как временное ограждение.

В конце первой четверти XVIII в. в городе резко возросло число плотников – 32 чел., составивших в 1720 г. самую большую категорию мастеровых из 113 ремесленников. Судя по «Ведомости о доходах и расходах Сибирской губернии», лесопилки в Таре до 1744 г. не было [19. С. 121].

Возможно, готовые доски возили в Тару из с. Евгашино, где примерно в это время строится лесопилка. Потребность в пиломатериалах резко возрастает во второй половине XVIII в. в связи с бурным строительством каменных храмов, магазинов и жилых домов, для отделки которых тёс уже не годился.

Рис. 5. Заплот в усадьбе в подгородной части Тары, конец XIX в. (Из фондов Тарского краеведческого музея)

Рис. 6. Частокол в острожной части Тары

Всплеск строительной деятельности был вызван статусным изменением города: после строительства третьей укрепленной Линии (Горькой) Тара оказалась в глубоком тылу, крепость была скрыта. Это привело к резкому расширению посадов, причём по деревенскому принципу: новые усадьбы имели большие огороды, окружённые заборами (рис. 8). В разы увеличивается и число оград. В отличие от Тары и Бергамаского острога, где часто ставили заплоты, в том числе с оборонительной целью, в деревнях, как показали раскопки поселений Изюк I и Ананьино I, усадьбы ограждали частоколами, хотя жители знали технологию заплотов и использовали ее при сооружении хозяйственных построек [21; 22. Рис. 61, 62].

В начале XIX в. с расширением использования пиломатериалов и отходов от изготовления досок — горбыля — частоколы в усадьбах и вокруг палисадников заменяют на

изгороди-штaketники из реек или плетни. С развитием кузнечного дела в Таре храмовые комплексы окружают металлическими коваными оградами, на смену заплотам вдоль улиц приходят заборы из досок и горбылей, прибитых гвоздями. Массовое внедрение гвоздей в строительство в Западной Сибири происходит только с середины XVIII в. — в связи с распространением пилы и лесопилок [23. С. 234–241]. Это подтверждают материалы раскопок в Таре: в деревянных конструкциях, в том числе и заборах, вплоть до XIX в. гвоздь отсутствует. Кстати, при раскопках в Томске гвозди, прежде всего строительные, составили наиболее массовую категорию находок XVII–XVIII вв., на их долю приходится свыше 50% от всех металлических изделий. Это один из показателей высокого статуса Томского кремля и воеводской усадьбы, расположенной на его территории [14. С. 132–135; 24. С. 223–232].

Рис. 7. Опорные парные столбики от плетневой изгороди на усадьбе Тары

Рис. 8. Изгороди в усадьбах в подгородной части Тары, конец XIX в. (Из фондов Тарского краеведческого музея)

Дворовые ограды в средневековом городе были привычной, хотя и не всегда обязательной деталью усадебной застройки. Со второй половины XX в. в ходе урбанизации и распространения больших многоквартирных домов дворовые ограды как планировочно-разграничительный и охранно-заградительный элемент

практически исчезли из оформления жилой среды. Однако в малых городах изгороди продолжали оставаться востребованным и узнаваемым атрибутом дворов. Сегодня ограждения стали возвращаться и в крупные города в качестве неременной принадлежности элитарной застройки, а также как деталь воссоздаваемой ис-

торической среды. Каковы бы ни были предназначение и конструкция оград, они остаются воспроизводимым, пусть и неравномерно, элементом повседневной культуры, истоки которого уходят в глубину веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даркевич В.П. Усадьбы XVII века в Старой Рязани // Российская археология 1994. № 1. С. 180–190.
2. Кутовой А.И. Усадьбы как основные элементы градостроительства структуры древнерусского города // Древнерусский город : матер. Всесоюз. археолог. конф. Киев : Наукова думка, 1984. С. 65–67.
3. Лабутина И.К. Двор в средневековом Пскове (некоторые аспекты археологического изучения) // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в Северо-западной части СССР. Рига : Зинатне, 1983. С. 23–26.
4. Литинская В.А. Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири // Советская этнография. 1975. № 5. С. 31–41.
5. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки (XVII – начало XVIII в.). Новосибирск : Наука, 1992. 197 с.
6. Рабинович М.Г. Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М. : Наука, 1975. С. 156–244.
7. Засурцев П.И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. 1963. № 123: Жилища древнего Новгорода. С. 5–165.
8. Зеленцова О.В., Кузина И.Н., Милованов С.И. Древнерусские усадьбы из раскопок в Мономаховом городе Владимира в 2008 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли : матер. науч. семинара. М. : Ин-т археологии РАН ; СПб. : Нестор-История, 2011. Вып. 3. С. 111–121.
9. Корчагин П.А. Археологическое изучение усадьбы конца XVII века в г. Верхотурье // Интеграция археологических и этнографических исследований : матер. VI Всерос. науч. семинара. М. ; Омск : Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1999. С. 146–149.
10. Оборин В.А. Орёл-городок – русский опорный пункт в Прикамье (XVI–XVII вв.) // Учёные зап. / Молотов. ун-т. 1957. Т. 10, вып. 3. С. 145–164.
11. Хорошев А.С. Новгородские усадьбы X–XV вв. // Славянский средневековый город : Труды VI Междунар. Конгресса славянской археологии. М. : Фонд археологии, 1997. Т. 2 : Славянский средневековый город. С. 411–424.
12. Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. 187 с.
13. Чечулин Н.Д. Русские деревянные жилые постройки в XVI веке // Записки Русского археологического общества. Новая серия. 1983. Т. 6, вып. 3–4. С. 297–309.
14. Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг. : историко-археологическая реконструкция. Томск : Д-Принт, 2015. 276 с.
15. Зольникова Н.Д. «Нарымское дело» 1642–1647 гг. // Древнерусская рукописная книга и её бытование в Сибири. Новосибирск : Наука, 1982. С. 211–234.
16. Чертёжная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб. : [Б. и.], 1882. 6 с. 25 карт.
17. Татауров С.Ф., Чёрная М.П. Усадьба в Тарской крепости: опыт реконструкции комплекса // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : к 50-летию Л.В. Татауровой. Омск : Издатель-Полиграфист, 2015. С. 214–219.
18. Лицков Е.А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М. : Академия архитектуры СССР, 1950. 140 с.
19. Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск : Амфора, 2014. 332 с.
20. Тихонов С.С. Отчет о проведении работ на объекте археологического наследия «Городище» Тарский кремль в 2010 г. // Архив Музея народов Сибири Омского филиала ИАЭТ СО РАН. Ф. 7-1. Д. 41.
21. Татаурова Л.В. Отчет о раскопках поселения Бергамак I в Муромцевском районе Омской области в 1996 г. // Архив Музея археологии и этнографии ОмГУ. 1996. Ф. II, Д. 116-1, 116-2.
22. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веке (по материалам археологических исследований) / Л.В. Татаурова, С.Ф. Татауров, Ф.С. Татауров, К.Н. Тихомиров, С.С. Тихонов. Омск : Издатель-Полиграфист, 2014. 374 с.
23. Татауров С.Ф. Гвоздь в Сибири // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2004. Т. 8. С. 234–241.
24. Чёрная М.П. Роль воеводской усадьбы в формировании социального облика средневекового города // Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. С. 223–232.

Chernaya Mariya P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mariakreml@mail.ru; Tataurov Sergey F. Omsk Branch of Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk, Russian Federation). E-mail: TatSF2008@rambler.ru

FENCES IN DOMESTIC CONTEXT OF URBAN MANOR (ON TOMSK AND TARA MATERIAL).

Keywords: fences; manor; Tomsk; Tara; traditions and the present.

The article analyses fences as an element of the planning structure of an estate complex. Two problematic aspects are considered: 1) whether fences constitute a necessary attribute of an estate; 2) what are functional and structural features of fences. The study is based on archaeological and ethnographic sources which cover the period of fences' existence since the Middle Ages till today. The authors draw on the materials of Tomsk and Tara which preserve the archaeological context of their history, whereas the comparing of the data allows to see the variety of fences and the ambiguity of their interpretation as a mandatory element for setting estate's borders. The need for the construction of the yard fence depended on the degree of the urban development order, planning, location of an estate in the settlement, practical use, prosperity and desire of the owner. Fences constituted a secondary feature: a housing complex without a fence was still a courtyard. Comparing two urban settlements of almost same age: Tara (1594) and Tomsk (1604) illustrates the uneven process of change in the historical look of big and small cities. Tara yards with one- or two-storey residential houses and back constructions are fenced and have got a gate as a necessary element. The fenced estates with the gates retain quite an ethnographic image of Tara. Unlike Tara, there are almost no estates of the 19th to the beginning of the 20th century in Tomsk and the wooden architecture monuments that are preserved here lose their historical environment, including, first of all, such elements of its as the gates and fences. The fence in the yard structure used to fulfill the function of planning, demarcation, and of barrier as well as the security function. Fences could separate one estate from another or from the street, the "clean" yard from the "back" one, the "cattle" yard from the garden. The design of the fences was defined by their location and purpose and varied a lot. The internal fences were the picket ones as well as the lighter ones which are thin pole and wicker fences. The external fences were made of "ostrozhdina" that is of logs with a sharp apex and of "zaplot" that is of horizontally stacked logs fixed in the slots of vertical pillars. The yard fence in a medieval city was a common although not always a mandatory element of an estate. From the second half of the 20th century, in the course of urbanization and the spread of big multi-storey houses, yard fences almost disappeared as an element of planning and demarcation, barrier and security from the design of residential areas. However, in small cities, fences continued to be in use and to constitute a recognizable attribute of yards.

Today, fences are reintroduced in big cities as an indispensable part of elite estates as well as an element of the reconstructed historical environment.

REFERENCES

1. Darkevich, V.P. (1994) *Usad'by XVII veka v Staroy Ryazani* [The country estates of the 17th century]. *Rossiyskaya arkhеologiya*. 1. pp. 180-190.
2. Kutovoy, A.I. (1984) [Country estates as the key elements of urban development of the ancient city]. *Drevnerusskiy gorod* [The Old Russian city]. Proc. of the All-Russian Archeological Conference. Kiev : Naukova dumka. pp. 65-67. (In Russian).
3. Labutina, I.K. (1983) Dvor v srednevekovom Pskove (nekotorye aspekty arkhеologicheskogo izucheniya) [The homestead in the medieval Pskov (some aspects of archaeological research)]. In: *Problemy izucheniya drevnego domostroitel'stva v VIII–XIV vv. v Severo-zapadnoy chasti SSSR* [The study of the ancient house keeping in the 8th – 14th centuries. The North-Western part of the USSR]. Riga: Zinatne. pp. 23-26.
4. Lipinskaya, V.A. (1975) Tipy zastroyki usad'by russkogo naseleniya Zapadnoy Sibiri [Types of building in the country estates of the Russian population in Western Siberia]. *Sovetskaya etnografiya*. 5. pp. 31-41.
5. Lyutsidarskaya, A.A. (1992) *Starozhil'y Sibiri: istoriko-etnograficheskie ocherki (XVII – nachalo XVIII v.)* [The old-timers of Siberia: the historical and ethnographic essays (the 17th – early 18th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
6. Rabinovich, M.G. (1975) Russkoe zhilishche v XIII–XVII vv. [The Russian home in the 13th – 17th centuries]. In: Rabinovich, M.G. (ed.) *Drevnee zhilishche narodov Vostochnoy Evropy* [Ancient dwellings in Eastern Europe]. Moscow: Nauka. pp. 156-244.
7. Zasurtsev, P.I. (1963) Usad'by i postroyki drevnego Novgoroda [Estates and buildings of Ancient Novgorod]. *Materialy i issledovaniya po arkhеologii SSSR*. 123. pp. 5-165.
8. Zelentsova, O.V., Kuzina, I.N. & Milovanov, S.I. (2011) [Old Russian manors from excavations in the city of Vladimir Monomakh in 2008]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli* [Archeology of Vladimir-Suzdal]. Proc. of the Research Seminar. seminar. Moscow: Institute of Archeology, RAS; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 111-121.
9. Korchagin, P.A. (1999) [Archaeological study of the late 17th-century manor house in Verkhoturys]. *Integratsiya arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [The integration of archaeological and ethnographic research]. Proc. of the 6th Research Seminar. Moscow, Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 146-149.
10. Oborin, V.A. (1957) Orel-gorodok – russkiy oporny punkt v Prikam'e (XVI–XVII vv.) [Orel-gorodok – the Russian stronghold in the Kama area (the 16th – 17th centuries.)]. *Uchenye zapiski of the Molotov University*. 10(3). pp. 145-164.
11. Khoroshev, A.S. (1997) [The Novgorod manor in the 10th–15th centuries]. *Slavyanskiy srednevekovyy gorod* [The Slavic Medieval Town]. Proc. of the 6th International Congress of Slavic Archeology. Vol. 2. Moscow: Archeological Foundation. pp. 411-424.
12. Chernaya, M.P. (2002) *Tomskiy kreml' serediny XVII–XVIII v. Problemy rekonstruktsii i istoricheskoy interpretatsii* [Tomsk Kremlin in the middle of the 17th – 18th centuries: The problems of reconstruction and historical interpretation]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Chechulin, N.D. (1983) Russkie derevyannye zhilye postroyki v XVI veke [Russian wooden residential buildings in the 16th century]. *Zapiski Russkogo arkhеologicheskogo obshchestva*. 6(3–4). pp. 297-309.
14. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [The voivode's estate in Tomsk, 1660–1760-s.: Historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: D-Print.
15. Zolnikova, N.D. (1982) "Narymskoe delo" 1642–1647 gg. [The "Narym case" of 1642–1647]. In: Pokrovskiy, N.N. & Romodanovskaya, E.K. (eds) *Drevnerusskaya rukopisnaya kniga i ee bytovanie v Sibiri* [Ancient Russian manuscript book in Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 211-234.
16. Remezov, S. (1882) *Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlenneya tobojskim synom boyarskim Semenom Remezovym v 1701 g.* [The drawing book of Siberia, compiled by Tobolsk boyar Semen Remezov in 1701]. St. Petersburg.
17. Tataurov, S.F. & Chernaya, M.P. (2015) Usad'ba v Tarskoy kreposti: opyt rekonstruktsii kompleksa [The Tara Castle manor: the experience of reconstruction]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhеologicheskikh issledovaniyakh* [The Russian Culture in archaeological research]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist. pp. 214-219.
18. Ashchepkov, E.A. (1950) *Russkoe narodnoe zodchestvo v Zapadnoy Sibiri* [Russian folk architecture in Western Siberia]. Moscow: USSR Academy of Architecture.
19. Alferov, S.A. (2014) *Tara v XVI–XIX vekakh – rossiyskaya krepost' na beregu Irtysha* [Tara in the 16th – 19th centuries – the Russian fortress on the bank of the Irtysh]. Omsk: Amfora.
20. Tikhonov, S.S. (2010) *Otchet o provedenii rabot na ob'ekte arkhеologicheskogo naslediya "Gorodishche" Tarskiy kreml' v 2010 g.* [The Report on the work at the site of the archaeological heritage "Gorodishche" Tara Kremlin in 2010]. The Archive of the Museum of the Siberian Peoples. The Omsk Branch IAE SB RAS. Fund 7-1. File 41.
21. Tataurova, L.V. (1996) *Otchet o raskopkakh poseleniya Bergamak I v Muromtsevskom rayone Omskoy oblasti v 1996 g.* [The report of the excavations in the settlement of Bergamak I in Muromtsevsky District, Omsk region, in 1996]. Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Omsk State University. Fund II. Files 116-1, 116-2.
22. Tataurova, L.V. et al. *Adaptatsiya russkikh v Zapadnoy Sibiri v kontse XVI–XVIII veke (po materialam arkhеologicheskikh issledovaniy)* [The adaptation of the Russian Western Siberia in the late of the 16th – 18th centuries (based on archaeological research)]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist.
23. Tataurov, S.F. (2004) Gvoz'd' v Sibiri [The nail in Siberia]. In: Sobolev, V.I. (ed.) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsi-uma* [Ethnography of the archaeological complexes: problems of culture and society]. Vol. 8. Novosibirsk: Nauka. pp. 234-241.
24. Chernaya, M.P. (2004) Rol' voevodskoy usad'by v formirovanii sotsial'nogo oblika srednevekovogo goroda [The role of the voivode's estate in shaping the social image of the medieval city]. In: Voskresenskaya, M.A., Ryndina, O.M. & Chernyak, E.I. (eds) *Faktory formirovaniya dukhovnogo mira i sotsial'nogo oblika naseleniya Zapadnoy Sibiri* [Factors of formation of the spiritual world and the social image of the Western Siberian population]. Tomsk: NTL. pp. 223-232.

УДК 902.01, 903-03
DOI 10.17223/19988613/38/17

А.С. Савельева, П.В. Герман

БРОНЗЫ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ НЕКРАСОВО II (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1970 г.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-06-02325 А).

Приводятся результаты типолого-морфологической классификации и атомно-эмиссионного анализа погребального инвентаря из сплавов на основе меди, происходящего из курганного могильника северо-западного ареала тагарской археологической культуры Некрасово II. Исследование произведено в рамках современного осмысления итогов изучения памятников тагарской археологической культуры, локализованных в Мариинской лесостепи, раскопки которых осуществлялись в 1956–1976 гг. Данные элементного состава некрасовских бронз получили предварительную характеристику в сравнении с синхронным сарташским металлом Среднего Енисея.

Ключевые слова: тагарская культура; типология; атомно-эмиссионный анализ; Мариинская лесостепь.

Могильник из 19 курганов Некрасово II располагался в 0,5 км к северо-востоку от бывшей д. Некрасово (Тисульский район Кемеровской области). Памятник был открыт в 1968 г. и полностью раскопан Кузбасской археологической экспедицией Кемеровского государственного педагогического института под руководством А.И. Мартынова в 1970 г. Погребальные комплексы могильника датированы автором раскопок в пределах IV–II вв. до н.э. и атрибутированы тагарской археологической культурой [1. С. 287–288].

Погребальный инвентарь из раскопок курганного могильника Некрасово II хранится в музее «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (КМАЭЭ, ОФ-29/1-355, ВА 25). В настоящее время коллекция включает 355 изделий из бронзы, камня, стекла и кости. К сожалению, это далеко не все находки из могильника. О печальной судьбе тагарских художественных бронз из фондов музея ранее отмечалось в работах [2; 3. С. 10]. Следует добавить, что после многочисленных переездов музея и потоков недостач считались не только бронзовых предметов, но и изделий из кости, рога, камня и глины. Большая же часть оставшихся вещей была депаспортизирована.

Предпринимаемое авторами исследование коллекции Некрасово II связано с необходимостью получения образцов для определения состава бронзовых изделий тагарской культуры в ее северо-западном ареале. При этом принципиально важным было установить принадлежность каждой вещи к конкретному погребению. Для атрибуции вещей по погребальным комплексам в нашем распоряжении были следующие источники: 1) публикация по результатам раскопок [1]; 2) музейная опись 1970 г. [4]; 3) современная музейная опись. Кроме этого, в архиве музея сохранились полевые чертежи и дневники о ходе раскопок могильника, однако ни те ни другие дополнительной информации не дали. Дневники в большей части оказались «чистовыми», т.е. черновиками текста публикации, а не полевыми записями. Сопоставление указанных источников осложнялось многочисленными несоответствиями.

Материалы курганного могильника Некрасово II, наряду с другими раскопанными А.И. Мартыновым тагарскими памятниками Мариинской лесостепи, обобщены в монографии «Лесостепная тагарская культура» [5]. В иллюстрациях к ней с подписью «Некрасово II» встречаются предметы, которые в публикации материалов 1973 г. отсутствуют (например: [5. Табл. 16, 1; 19, 4]), а происхождение некоторых предметов обозначено как «из Некрасовского могильника» или «Некрасово». Поясним, что в 1971 г. А.И. Мартынов начал раскопки курганного могильника Некрасово I, в котором были исследованы два кургана и материалы которого не были опубликованы. По всей видимости, в монографии 1979 г. под названиями «Некрасово II» и «Некрасовский могильник» оказался смешан погребальный инвентарь из курганных могильников Некрасово I и Некрасово II.

В публикации материалов Некрасово II [1] приведены краткое описание, чертежи исследованных погребальных комплексов, а также рисунки большей части инвентаря. При сопоставлении публикации с архивными материалами и сохранившимися в фондах музея предметами был выявлен ряд несоответствий. Суть их заключается в расхождении данных по количественному и качественному составу инвентаря в отдельно взятых погребальных комплексах могильника Некрасово II, а также присутствию в изучаемой коллекции вещей из других памятников. Учитывая несоответствия данных архивных и опубликованных источников, было решено при атрибуции предметов по комплексам руководствоваться их рисунками из статьи 1973 г. Эта публикация материалов Некрасово II [Там же] была принята нами за основной источник, поскольку именно она представляет собой окончательный результат обработки полевых данных и к ней апеллируют исследователи. Однако в тексте и иллюстрациях публикации также имеются расхождения, например некоторые из приведенных на рисунках предметов не упомянуты в тексте. Относительно иллюстраций 1973 г. следует отметить, что рисунки некоторых предметов отдаленно схожи с оригиналами, у большин-

ства из них отсутствуют необходимые разрезы и / или профили. Это актуализирует создание и публикацию качественных иллюстраций предметов из курганного могильника Некрасово II. Новые рисунки погребального

инвентаря из некрасовской коллекции выполнены С.Н. Леонтьевым. Не были нарисованы изделия со значительными утратами. В подписях к рисункам в скобках указаны номера иллюстраций по публикации 1973 г.

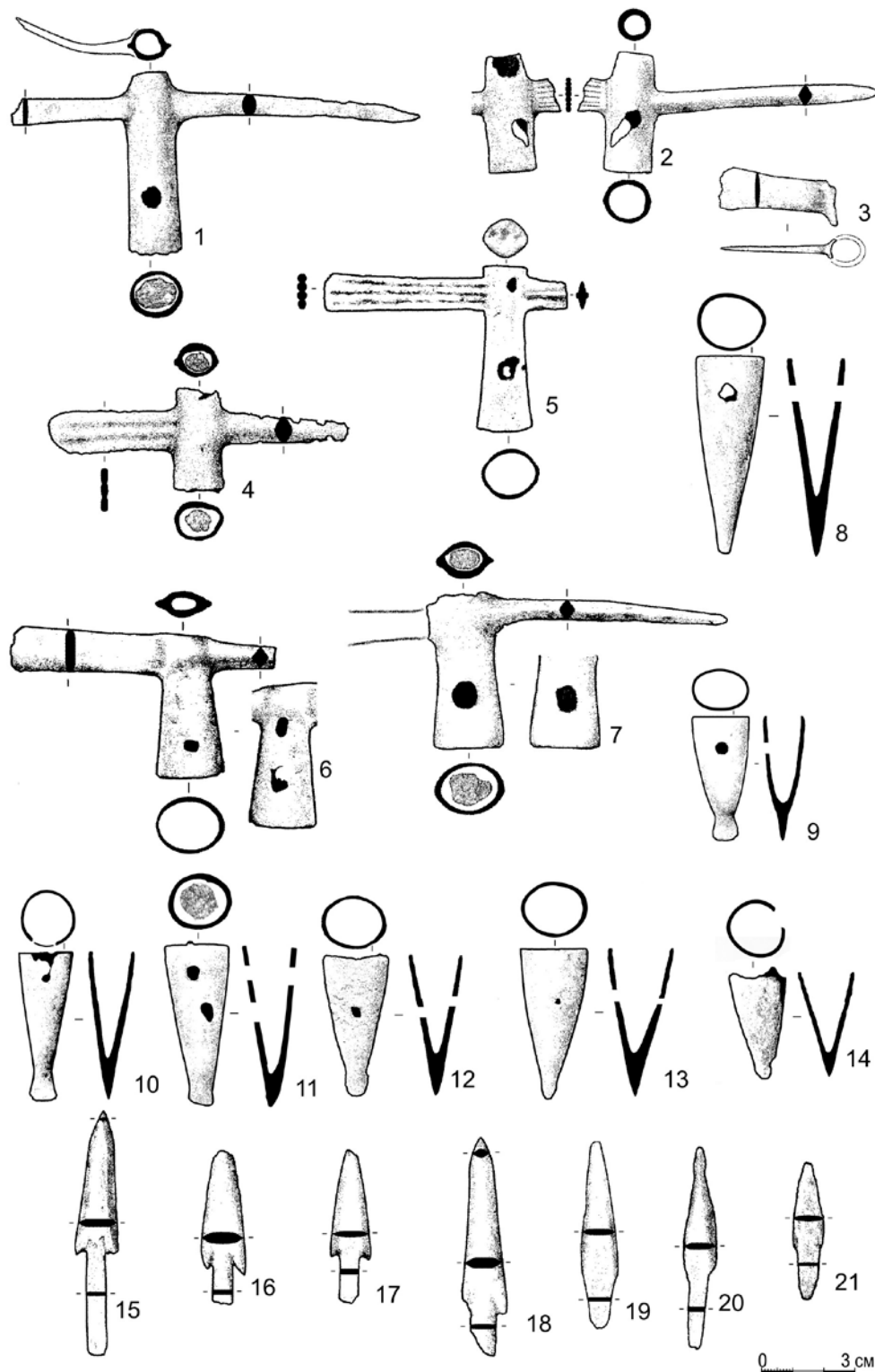

Рис. 1. 1 – № 87 (к. 2, м. 1) (здесь и далее по иллюстрациям Мартынов, 1973: 14 – 16); 2 – № 176 (к. 13, м. 1) (84 – 7); 3 – 240 (к. 8, м. 3) (53 – 7); 4 – № 108 (к. 13, м. 1) (84 – 5); 5 – № 310 (к. 1, м. 2) (9 – 25); 6 – № 73 (к. 12, м. 1) (80 – 19); 7 – № 155 (к. 8, м. 1) (46 – 8); 8 – № 78 (к. 9, м. 1) (57 – 7); 9 – № 269 (к. 13, м. 1) (84 – 6); 10 – № 82 (к. 2, м. 1) (14 – 11); 11 – № 188 (к. 11, м. 2) (73 – 14); 12 – № 263 (к. 19, м. 2) (103 – 13); 13 – № 98 (к. 5, м. 1) (31 – 16); 14 – № 282 (к. 12, м. 2) (80 – 18); 15 – № 244 (к. 9, м. 4) (63 – без номера); 16 – № 182 (к. 11, м. 1) (70 – 31); 17 – № 258 (к. 19, м. 2) (103 – 19); 18 – № 158 (к. 10, м. 1) (66 – 9); 19 – № 214 (к. 11, м. 1) (70 – 24); 20 – № 259 (к. 19, м. 2) (103 – 15); 21 – № 307 (к. 19, м. 2) (103 – 18). 1–14 – бронза; 15–21 – кость

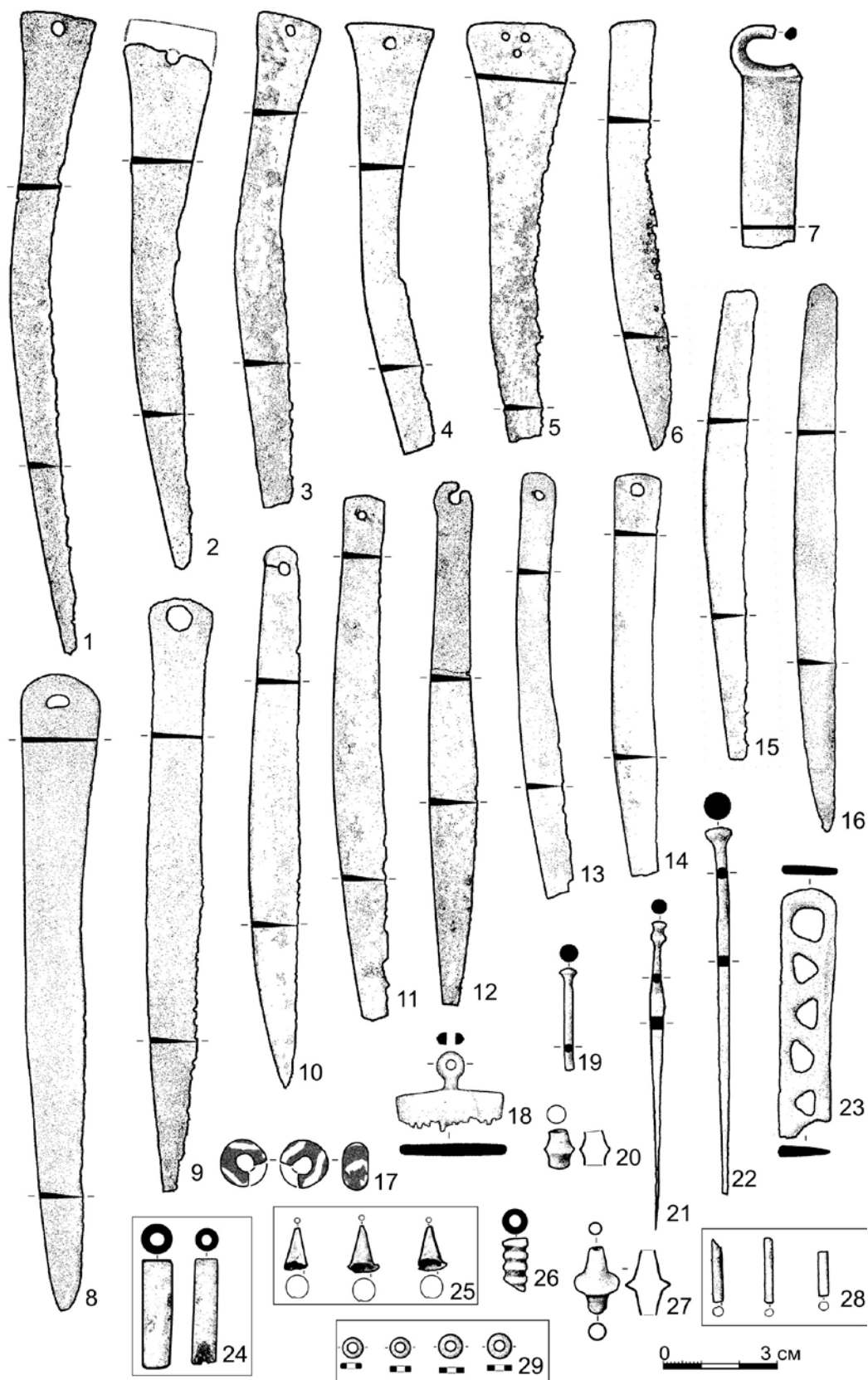

Рис. 2. 1 – № 10 (к. 3, м. 1) (23 – 14); 2 – № 61 (к. 1, м. 2) (9 – 2); 3 – № 41 (к. 1, м. 2) (9 – 1); 4 – № 132 (к. 2, м. 2) (17 – 18); 5 – № 279 (к. 13, м. 1) (84 – 1); 6 – № 121 (к. 2, м. 2) (17 – 26); 7 – № 86 (к. 2, м. 1) (14 – 9); 8 – № 275 (к. 13, м. 1) (85 – 13); 9 – № 144 (к. 8, м. 1) (46 – 4); 10 – № 146 (к. 8, м. 1) (46 – 3); 11 – № 123 (к. 2, м. 2) (17 – 4); 12 – № 12 (к. 1, м. 1) (6 – 2); 13 – № 134 (к. 2, м. 2) (17 – 17); 14 – № 287 (к. 17, м. 1) (103 – 1); 15 – № 291 (к. 12, м. 2) (80 – 15); 16 – № 95 (к. 5, м. 1) (31 – 6); 17 – № 274 (к. 17, м. 1) (103 – 5); 18 – № 297 (к. 1, м. 2) (9 – 7); 19 – № 164 (к. 10, м. 2) (66 – 7); 20 – № 254 (к. 11, м. 1) (70 – 3); 21 – № 110 (к. 7, м. 2) (42 – 10); 22 – № 147 (к. 1, м. 2) (9 – 26); 23 – № 112 (к. 7, м. 2) (41 – 14); 24 – 26; 27 – № 255 (к. 16, м. 1) (97 – 3); 28 – № 238 (к. 11, м. 1) (70 – 1); 29 – № 255 (к. 16, м. 1) (97 – 3). 1–16, 19–23, 25, 27, 28 – бронза; 17 – стекло; 18 – кость; 24, 29 – камень; 26 – паста

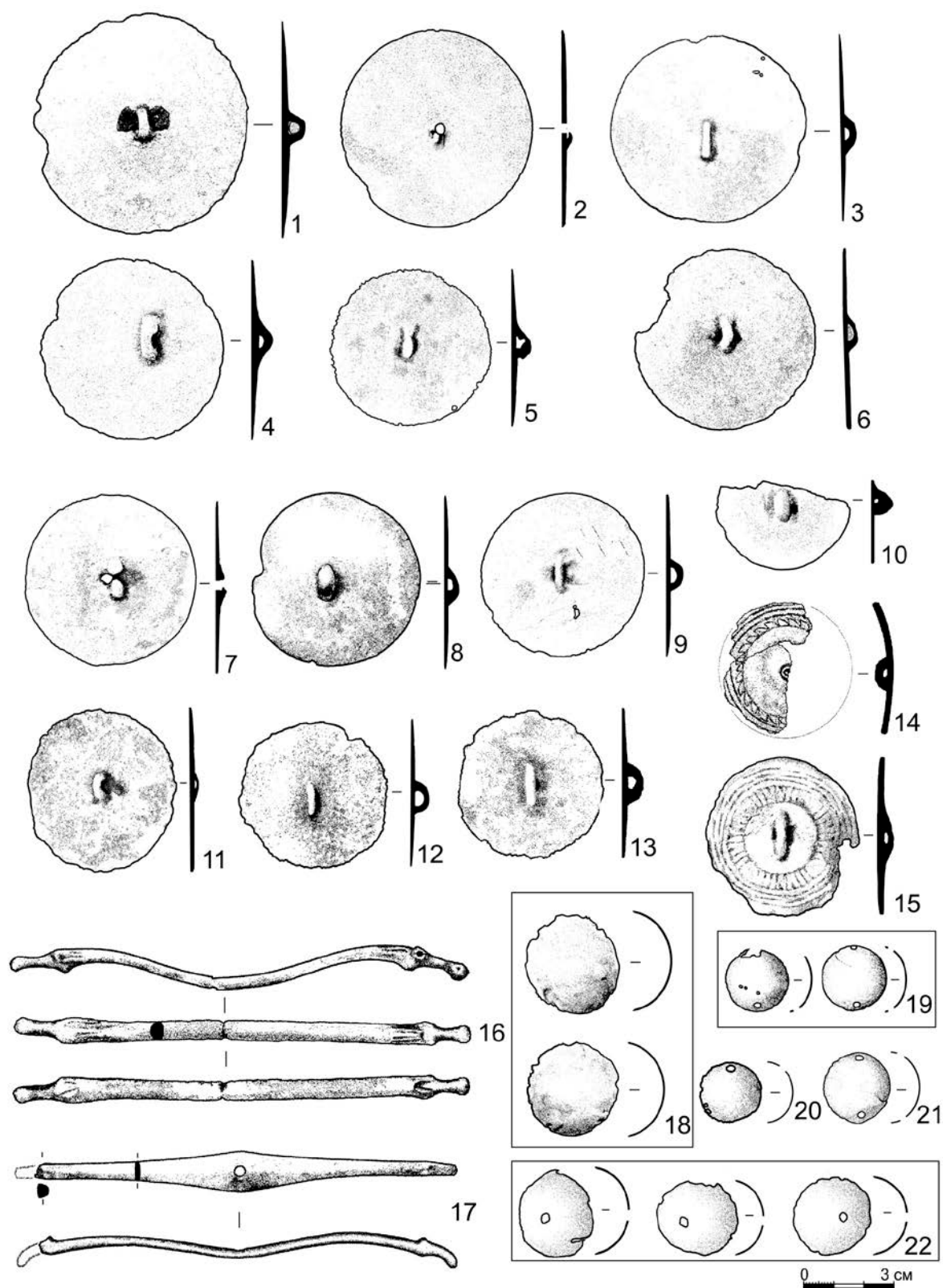

Рис. 3. 1 – № 265 (к. 13, м. 1) (85 – 19); 2 – № 161 (к. 10, м. 1) (66 – 4); 3 – № 292 (к. 14, м. 1) (89 – 3); 4 – № 174 (к. 3, м. 2) (23 – 12); 5 – № 299 (к. 17, м. 1) (103 – 4); 6 – № 294 (к. 12, м. 1) (77 – 5); 7 – № 217 (к. 11, м. 1) (70 – 30); 8 – № 55 (к. 11, м. 1) (70 – 19); 9 – № 169 (к. 10, м. 1) (66 – 8); 10 – № 173 (к. 3, м. 2) (23 – 11); 11 – № 280 (к. 13, м. 1) (85 – 14); 12 – № 271 (к. 13, м. 1) (85 – 12); 13 – № 186 (к. 11, м. 2) (73 – 19); 14 – № 64 (колл. 15) (к. 13, м. 1) (84 – 11); 15 – № 277 (могильник Некрасово I) (Мартынов, 1979, табл. 53 – 1); 16 – № 244 (к. 11, м. 2 (1?)) (71 – 7); 17 – № 126 (к. 2, м. 2) (17 – 19); 18 – № 262, 264 (к. 16, м. 1) (97); 19 – № 248 (к. 10, м. 2) (66 – 19); 20 – № 125 (к. 2, м. 2) (17 – 18); 21 – № 154 (к. 8, м. 1) (46 – 13); 22 – № 212 (к. 11, м. 1) (77 – 6–8). Все бронза

Состав коллекции. При описании погребального инвентаря могильника Некрасово II использовалась типологическая схема, предложенная А.В. Субботиным [3], как наиболее полно отражающая вариативность тагарского предметного комплекса. При характеристике категорий по возможности указывалось количество изделий, утраченных, неатрибутируемых и проанализированных методом атомно-эмиссионной спектроскопии.

Кинжалы (2 экз.). Один экземпляр утрачен. № 19 и 228 представляют собой предметы вооружения уменьшенных размеров. Сохранились только фрагменты клинков. Для кинжала № 228 из могилы 1 (?) кургана 11 известен изначальный облик [1. Рис. 71, 16]. По классификации А.В. Субботина, он относится к типу 6, без перекрестия [3. Табл. 9]. Металл обоих изделий проанализирован.

Чеканы (7 экз.) (рис. 1, 1–7). Семь экземпляров утрачены. Изделия разной степени сохранности. Все чеканы уменьшенных размеров, втульчатые. Четыре экземпляра – № 108 (рис. 1, 4), 155 (рис. 1, 7), 176 (рис. 1, 2), 310 (рис. 1, 5) – имеют рифленые обушки и относятся к типу 5. Для чекана № 155 форма обуха известна по монографии [1. Рис. 46, 8]. Три других изделия имеют гладкий плоский обух. У чеканов № 87 (рис. 1, 1) и 73 (рис. 1, 6) длинная втулка – они относятся к типу 3. Металл всех чеканов проанализирован.

Втоки (7 экз.). 12 экземпляров утрачены. Изделия уменьшенных размеров. Четыре втока – № 82 (рис. 1, 10), 188 (рис. 1, 11), 263 (рис. 1, 12), 269 (рис. 1, 9) – с расширением книзу относятся к типу 2. № 98 (рис. 1, 13), 282 (рис. 1, 14) – к типу 5 – заступовидное. № 78 (рис. 1, 8) – к типу 4 – трапецевидное. Как отмечает А.В. Субботин, данные типы втоков характерны именно для лесостепного ареала тагарской культуры [3. С. 59]. Состав металла всех втоков проанализирован.

Ножи (33 экз.) (рис. 2, 1–16, 23). Утрачены 24 экземпляра. Девять ножей – № 95 (рис. 2, 16), 134 (рис. 2, 13), 135, 143, 146 (рис. 2, 10), 203, 221, 227, 287 (рис. 2, 14) – относятся к типу 1 – дугообразнообушковые с закругленным навершием; к типу 2 – дугообразнообушковые с угловатым навершием – относятся два изделия – № 123 (рис. 2, 11), 291 (рис. 2, 15); к типу 4 – дугообразнообушковый с кольчатым навершием – нож № 86 (рис. 2, 7); к типу 6 – четыре ножа – № 12 (рис. 2, 12), 144 (рис. 2, 9), 245, 275 (рис. 2, 8) – с изогнутым обушком и отверстием на рукояти; к типу 7 – змейчатобушковые с трапецевидной рукояткой – 12 экземпляров – № 10 (рис. 2, 1), 41 (рис. 2, 3), 61 (рис. 2, 2), 66, 83, 132 (рис. 2, 4), 197, 200, 243, 273, 279 (рис. 2, 5), 298. Сохранилась ажурная рукоять от ножа из могилы 2 кургана 7 (рис. 2, 23). Целостный вид изделия известен по публикации [1. Рис. 41, 14, 15]. Из погребения 2 кургана 2 происходят 6 атрибутированных ножей. Здесь сочетаются типы 1, 2 и 7. Вопреки утверждению А.В. Субботина [3. С. 59], анализировавшего некрасовскую коллекцию по иллюстрациям публикации 1973 г., среди «кемеровских» материалов присут-

ствуют ножи типа 2. Состав металла всех ножей проанализирован.

Шилья (8 экз.). 22 экземпляра утрачены. Все шилья с четырехгранным сечением острия и длинной шейкой. К типу 1 – с одной уплощенной шляпкой – относятся два шила – № 147 (рис. 2, 22) и 196. Большинство изделий с двурусной шляпкой – № 110 (рис. 2, 21), 201, 257, 301, 306 – тип 2. Одно шило – с полусферической (грибовидной) шляпкой – № 164 (рис. 2, 19) – относится к типу 7. Проанализирован состав металла семи шильев.

Наконечники стрел (7 экз.). Утрачены 18 костяных и четыре бронзовых экземпляра. В коллекции присутствуют только экземпляры из кости. Все изделия черешковые. Четыре наконечника – с пером треугольной формы с двумя шипами – № 158 (рис. 1, 18), 182 (рис. 1, 16), 244 (рис. 1, 15), 258 (рис. 1, 17) – относятся к типу 5. Три изделия – с линзовидным сечением пера без шипов – № 214 (рис. 1, 19), 259 (рис. 1, 20), 307 (рис. 1, 21) – относятся к типу 7.

Зеркала (16 экз.). Утрачены 25 экземпляров. С некоторой долей условности, учитывая сохранность и деформации, 15 из них следует отнести к типу 2 – плоские с полукруглой петелькой (рис. 3, 1–13). Необычно зеркало из кургана (к.) 13, могилы (м.) 1 (рис. 3, 14). Оно имеет слегка выгнутый профиль и полукруглую петельку посередине вогнутой поверхности. На выпуклой поверхности зеркала в низком контррельефе выполнен орнамент в виде концентрических кругов, один из которых оформлен «лепестками». В числе предметов из Некрасово II находилось и орнаментированное зеркало из неопубликованного могильника Некрасово I. Его рисунок также приводим (рис. 3, 15). Состав металла всех зеркал проанализирован.

Полусферические бляшки (б/п) (17 экз.). Утрачены 75 экземпляров. Все бляшки относятся к типу 1 – одинарные полусферические. В их числе к подтипу 1 – без отверстий – относятся 4 экземпляра – № 261, 262 (рис. 3, 18), 264 (рис. 3, 18), 266 – из м. 1 к. 16; к подтипу 2 – с отверстием по центру – 4 экземпляра – № 212 (рис. 3, 22) – из м. 1 к. 11; к подтипу 3 – с двумя противолежащими отверстиями по краю – 7 экземпляров – № 18, 125 (рис. 3, 20), 130, 154 (рис. 3, 21), 248 (рис. 3, 19), 256. Помимо количества отверстий для крепления или их отсутствия бляшки отличаются своими габаритами. Диаметр всех изделий подтипа 1 около 30 мм, подтипа 2 – около 25 мм, подтипа 3 – 20 мм. Проанализирован состав металла 13 экземпляров.

Оленные бляшки (б/о) (3 экз.). Неатрибутируемых два экземпляра. Во всех случаях сохранились лишь небольшие фрагменты фигурок туловищ. Состав металла трех бляшек проанализирован.

Диадема (1 экз.) и **ножные браслеты** (2 экз.). Изделия разной степени сохранности. Морфологически представляют собой стандартные предметы погребального инвентаря из коллективных могил сарагашенского этапа тагарской культуры. Все три украшения проанализированы.

Иглы (2 экз.). Утрачены 4 экземпляра. Данная категория изделий морфологически однородна. В нашем распоряжении имелись изделия с обломанным ушком. В непо потревоженных тагарских погребальных комплексах металлические иголки, как правило, входили в набор принадлежностей – «несессер», – состоящий из шила и / или зеркала и / или ножа.

Предмет неизвестного назначения (ПНН) (2 экз.). Два изделия утрачены. По классификации Д.Г. Савинова, оба предмета – № 244 (рис. 3, 16) и 126 (рис. 3, 17) – относятся к типу III [6. С. 64]. На торцах изделий оформлены головки копытных (лосей?). Хронология ПНН III полностью привязана к датировке сарагашенских комплексов тагарской культуры. Металл обоих изделий проанализирован.

Бусины (39 экз.). Преобладают изделия из камня и бронзы. *Каменные* бусины двух типов: 1) цилиндрические (рис. 2, 29); 2) пронизки (рис. 2, 24). *Бронзовые* бусины трех типов: 1) пронизки (рис. 2, 28); 2) конические (рис. 2, 25); 3) биконические (рис. 2, 20, 27). Одна рельефная бусина-пронизка из *пасты* (рис. 2, 26). Еще одна бусина – *стеклянная полихромная* (рис. 2, 17) – не упоминается в тексте монографии и описи 1970 г., а есть только на рисунке. Проанализирован состав металла пяти бронзовых бусин.

Гребень из рога (1 экз.). № 297 (рис. 2, 18). Миниатюрный, с ручкой, снабженной отверстием для подвешивания. Все 13 зубцов сломаны.

Погребальный инвентарь могильника Некрасово II имеет многочисленные аналогии среди материалов развитого (сарагашенского) этапа тагарской культуры (V–III вв. до н.э.). В исследуемой коллекции выявлены два изделия, не характерные для комплексов данного этапа тагарской культуры. Это орнаментированное зеркало (к. 13, м. 1) и полихромная стеклянная бусина (к. 17, м. 1). Э.Б. Вадецкая датирует появление на территории Южной Сибири полихромных бус из стекла периодом со II в. до н.э. по II в. н.э. [7. С. 164–174]. Комплексы с орнаментированными зеркалами А.И. Мартынов относит ко II–I вв. до н.э. [5. С. 55]. К сожалению, в связи с многочисленными разночтениями в источниках, вопрос абсолютной хронологии некрасовских комплексов остается открытым. В составе погребального инвентаря могильника Некрасово II также обращает на себя внимание отсутствие ажурных и колоколовидных наверший и чеканов с фигурным навершием обушка. В совокупности с незначительным количеством оленных блях, ПНН, кинжалов это обстоятельство позволяет отнести могильник Некрасово II к разряду наиболее «бедных» тагарских некрополей с отсутствием дифференциации по комплексам.

Результаты исследования элементного состава. Элементный состав металла 98 изделий из могильника Некрасово II был проанализирован методом атомно-эмиссионной спектроскопии. 16 уменьшенных копий

предметов вооружения, 42 украшения и 40 орудий происходят из 21 могилы 14 курганов.

Атомно-эмиссионный анализ выполнялся в Центре коллективного пользования (Научно-аналитическом центре исследования химического состава и структуры углеродистых веществ) Кемеровского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук на атомно-эмиссионном спектрометре с индуктивно связанной плазмой Thermo Scientific iCAP 6500 DUO LA (аналитик – канд. хим. наук, зав. лаб. кафедры химии твердого тела Кемеровского госуниверситета, науч. сотр. Кемеровского Центра коллективного пользования Кемеровского научного центра СО РАН Р.П. Колмыков). Образцы предоставлялись аналитику в виде металлической стружки, отобранной в одной точке изделия при помощи мини-дрели Hammer MD170A с использованием гибкого вала. Методика анализа, химические тонкости осуществляемых аналитических процедур и получаемых результатов изучения археологических образцов подобным способом в общем виде уже опубликованы в [8, 9].

Полученные данные (таблица) показали, что в основе металла всех исследованных предметов из Некрасово II – медь.

В ходе статистической обработки данных нормальное распределение концентраций основных примесей зафиксировано для графиков серебра, золота, кобальта, железа, висмута и сурьмы. Эти элементы являются геохимическими примесями в медных рудах различной природы. Руководствуясь практикой отношения к числу импортов предметов, имеющих отличия в наборе геохимических примесей, следует считать бусину № 254 из к. 11, м. 1, в составе которой отсутствует цинк, нож № 12 – из к. 3, м. 1, полусферическую бляшку № 18 – из к. 1, м. 1, зеркало № 161 – из к. 10, м. 1, металл которых не содержит примесей золота. В одной из бусин выявлен 1,4% никеля (к. 12, м. 1), этот образец выбивается из общей картины распределения концентраций никеля в некрасовских бронзах. Можно констатировать некоторую исключительность металла и этого изделия в ряду прочих.

Границей легирования свинцом условно будем считать 1%. В числе свинцовых сплавов – металл девяти изделий (четыре ножа, четыре зеркала и одно шило). Свинца в металле коллекции от 0,024% (бусина из к. 12, м. 1) до 4,6% (нож из к. 2, м. 2). Следует подчеркнуть, что график распределения концентраций свинца позволяет во всех случаях считать его естественной рудной примесью. Лишь понимание изменений свойств сплавов с различными концентрациями свинца (увеличение тягучести и затруднение горячейковки с ростом его содержания) требует выделения металлургического типа свинцовых бронз, происхождение которых не обязательно связано с искусственным легированием меди свинцом или свинцовыми рудами в металлургическом процессе.

**Результаты атомно-эмиссионного анализа элементного состава металла инвентаря могильника Некрасово II
(во всех случаях медь – основа)**

Инв. номер	Предмет	Sn	Pb	As	Sb	Bi	Fe	Zn	Ni	Co	Au	Ag
25/237	Б/о	9	0,28	0,28	0,012	0,015	0,11	0,0079	0,038	0,006	0,0017	0,028
25/162	Б/о	10,25	0,2	0,051	0,017	0,018	0,62	0,02	0,057	0,008	0,0023	0,036
25/17	Б/о	5,7	0,64	0,24	0,025	0,01	0,095	0,001	0,09	0,013	0,001	0,04
25/264	Б/п	1,2	0,12	0,98	0,036	0,066	0,32	0,012	0,076	0,014	0,002	0,06
25/262	Б/п	1,34	0,11	0,99	0,037	0,059	0,31	0,011	0,072	0,014	0,002	0,08
25/125	Б/п	0,57	0,07	0,2	0,014	0,035	0,023	0,0036	0,04	0,0027	0,0048	0,05
25/248	Б/п	1,7	0,17	0,63	0,007	0,018	0,79	0,015	0,1	0,031	0,005	0,07
25/256	Б/п	0,04	0,049	3,08	0,026	0,016	0,12	0,037	0,067	0,009	0,0068	0,097
25/130	Б/п	6,2	0,66	0,05	0,014	0,0038	0,11	0,0027	0,04	0,0022	0,0008	0,018
25/266	Б/п	1,29	0,118	0,094	0,035	0,04	0,3	0,011	0,067	0,013	0,0017	0,05
25/261	Б/п	1,29	0,11	0,9	0,034	0,03	0,29	0,01	0,066	0,013	0,001	0,089
25/15	Б/п	7	0,7	0,38	0,02	0,011	0,15	0,001	0,068	0,005	0,0007	0,045
25/18	Б/п	8,5	0,078	1,1	0,019	0,006	0,2	0,006	0,05	0,006	–	0,04
25/154	Б/п	0,6	0,083	0,2	0,014	0,02	0,046	0,003	0,059	0,0033	0,0038	0,039
25/150	Б/п	3,1	0,2	0,34	0,0158	0,024	0,028	0,004	0,08	0,007	0,0036	0,07
25/212	Б/п	1,5	0,23	0,62	0,0076	0,033	0,236	0,0018	0,05	0,007	0,0031	0,026
25/238	Бусина	4,5	0,058	0,61	0,008	0,008	0,139	0,001	0,052	0,0073	0,001	0,036
25/304	Бусина	0,17	0,024	1,67	0,06	0,036	0,06	0,012	1,4	0,0026	0,0068	0,05
25/226	Бусина	6,25	0,06	0,7	0,014	0,004	0,23	0,002	0,053	0,0066	0,001	0,047
25/107	Бусина	6,1	0,19	0,05	0,014	0,003	0,12	0,002	0,05	0,006	0,001	0,02
25/254	Бусина	6,1	0,12	0,52	0,01	0,026	0,24	–	0,05	0,007	0,003	0,054
25/263	Вток	0,99	0,24	0,1	0,006	0,008	0,026	0,04	0,022	0,0017	0,0013	0,023
25/188	Вток	5,5	0,19	0,23	0,013	0,025	0,17	0,13	0,04	0,004	0,002	0,03
25/98	Вток	2,8	0,43	0,18	0,025	0,016	0,035	0,04	0,05	0,003	0,001	0,05
25/282	Вток	4,03	0,256	0,41	0,04	0,008	0,055	0,017	0,069	0,009	0,003	0,09
25/82	Вток	6,5	0,26	0,36	0,04	0,013	0,093	0,0019	0,096	0,017	0,0031	0,06
25/269	Вток	4,11	0,28	1,03	0,037	0,033	0,057	0,0222	0,07	0,015	0,003	0,06
25/78	Вток	9,9	0,17	0,56	0,005	0,044	0,28	0,0027	0,016	0,0021	0,0015	0,03
25/159	Диадема	1,6	0,11	1,2	0,08	0,05	1,3	0,04	0,12	0,057	0,004	0,075
25/272	Зеркало	6,5	0,034	0,3	0,023	0,033	0,016	0,004	0,061	0,01	0,002	0,046
25/292	Зеркало	1,76	0,046	0,39	0,04	0,044	0,24	0,026	0,127	0,011	0,005	0,06
25/213	Зеркало	0,3	0,115	1,11	0,08	0,116	0,46	0,07	0,16	0,05	0,0088	0,09
25/173	Зеркало	5,15	3,8	0,64	0,065	0,022	0,019	0,15	0,09	0,01	0,0023	0,15
25/174	Зеркало	3,6	2,27	0,22	0,014	0,01	0,05	0,053	0,04	0,0037	0,005	0,03
25/55	Зеркало	2,1	0,21	1,3	0,028	0,024	0,1	0,036	0,04	0,0058	0,0015	0,019
25/299	Зеркало	7,3	0,19	0,18	0,028	0,009	0,022	0,048	0,073	0,007	0,0036	0,035
25/242	Зеркало	1,6	0,287	0,1	0,006	0,014	0,037	0,002	0,075	0,0079	0,0026	0,078
25/217	Зеркало	8,5	0,14	0,16	0,014	0,01	0,16	0,039	0,025	0,007	0,0006	0,016
25/161	Зеркало	1,3	0,395	0,04	0,009	0,002	0,034	0,01	0,02	0,01	–	0,0075
25/169	Зеркало	7,8	0,36	0,48	0,019	0,024	0,12	0,04	0,05	0,0048	0,0025	0,036
25/294	Зеркало	6,4	0,24	0,23	0,02	0,012	0,03	0,1	0,06	0,014	0,001	0,039
25/280	Зеркало	0,13	0,14	1,59	0,126	0,59	0,02	0,012	0,084	0,002	0,012	0,085
25/265	Зеркало	8,3	0,12	0,29	0,035	0,137	0,096	0,005	0,058	0,0057	0,007	0,0965
25/271	Зеркало	5,4	1,977	0,28	0,021	0,015	0,17	0,025	0,073	0,016	0,005	0,056
25/186	Зеркало	4,6	1,26	2,3	0,07	0,04	0,43	0,04	0,09	0,02	0,002	0,08
25/228	Кинжал	8,8	0,117	0,33	0,016	0,01	0,15	0,066	0,04	0,006	0,0011	0,024
25/19	Кинжал	9,3	0,22	0,2	0,01	0,01	0,1	0,005	0,05	0,0086	0,001	0,037
25/273	Нож	4,5	0,034	0,31	0,025	0,036	0,014	0,04	0,068	0,012	0,002	0,053
25/275	Нож	0,84	0,56	1,14	0,13	0,08	0,33	0,003	0,113	0,046	0,0056	0,11
25/245	Нож	8,35	0,096	0,17	0,006	0,0136	0,027	0,065	0,034	0,004	0,0025	0,023
25/95	Нож	2,08	0,037	0,58	0,024	0,018	0,05	0,06	0,06	0,009	0,002	0,026
25/90	Нож	7,4	0,51	0,19	0,018	0,018	0,038	0,021	0,087	0,013	0,002	0,026
25/128	Нож	4,2	1,1	0,87	0,048	0,014	0,077	0,013	0,13	0,021	0,0028	0,12
25/291	Нож	4,08	1,1	0,27	0,02	0,016	0,033	0,012	0,056	0,0065	0,0026	0,075
25/66	Нож	8,9	0,33	0,5	0,019	0,024	0,039	0,0009	0,077	0,014	0,002	0,025
25/227	Нож	3,7	0,09	0,266	0,016	0,011	0,044	0,045	0,043	0,0063	0,0029	0,037
25/298	Нож	8,7	0,32	0,38	0,028	0,01	0,047	0,016	0,069	0,0125	0,001	0,05
25/200	Нож	11,8	0,5	0,4	0,025	0,025	0,12	0,014	0,059	0,01	0,004	0,056
25/303	Нож	6,5	0,27	0,57	0,02	0,025	0,14	0,009	0,077	0,01	0,003	0,058
25/279	Нож	6,9	0,34	0,7	0,052	0,029	0,5	0,02	0,145	0,015	0,0036	0,08
25/132	Нож	6,5	4,6	0,18	0,05	0,02	0,24	0,03	0,066	0,0025	0,002	0,27
25/287	Нож	6,07	0,33	0,44	0,026	0,019	0,07	0,001	0,08	0,0089	0,0035	0,077
25/221	Нож	6,7	0,138	0,27	0,013	0,013	0,16	0,4	0,042	0,0063	0,0015	0,027
25/203	Нож	5,3	0,88	0,5	0,014	0,095	0,11	0,025	0,058	0,0078	0,0036	0,07
25/197	Нож	11,5	0,19	0,21	0,008	0,016	0,56	0,05	0,049	0,008	0,0006	0,014
25/135	Нож	4,7	0,057	0,5	0,0266	0,013	0,061	0,09	0,07	0,0056	0,003	0,04
25/83	Нож	13,2	0,57	0,4	0,037	0,023	0,07	0,042	0,085	0,019	0,002	0,055
25/121	Нож	6,4	0,31	0,45	0,026	0,023	0,25	0,05	0,06	0,0087	0,002	0,15

Окончание таблицы

Инв. номер	Предмет	Sn	Pb	As	Sb	Bi	Fe	Zn	Ni	Co	Au	Ag
25/143	Нож	4,62	1,1	0,31	0,0356	0,027	0,34	0,009	0,077	0,0072	0,0036	0,0765
25/112	Нож	2,8	0,21	0,57	0,035	0,016	0,05	0,0025	0,054	0,009	0,0045	0,056
25/61	Нож	2,9	0,68	0,14	0,018	0,016	0,024	0,038	0,095	0,01	0,002	0,03
25/123	Нож	8	0,085	0,35	0,02	0,01	0,045	0,054	0,066	0,007	0,0018	0,04
25/86	Нож	8,8	0,7	0,2	0,036	0,015	0,031	0,0013	0,08	0,013	0,0038	0,1
25/144	Нож	4,63	0,14	0,25	0,024	0,013	0,03	0,047	0,079	0,0045	0,0029	0,04
25/12	Нож	6,3	0,13	0,13	0,02	0,006	0,07	0,003	0,042	0,002	–	0,023
25/134	Нож	5,35	0,33	0,23	0,024	0,009	0,518	0,037	0,066	0,014	0,0014	0,048
25/243	Нож	6,3	0,43	0,37	0,02	0,02	0,64	0,14	0,085	0,038	0,011	0,05
25/146	Нож	2,1	0,16	0,13	0,014	0,015	0,057	0,017	0,1	0,007	0,0026	0,044
25/10	Нож	6,9	0,23	0,22	0,04	0,026	0,6	0,1	0,1	0,069	0,035	0,026
25/41	Нож	6,1	0,24	0,17	0,024	0,006	0,086	0,145	0,077	0,009	0,001	0,066
25/96	Браслет	2,9	0,07	0,35	0,024	0,008	0,054	0,002	0,06	0,006	0,0016	0,032
25/218	Браслет	2,56	0,068	0,66	0,038	0,011	0,087	0,0018	0,06	0,0087	0,0025	0,03
25/224	ПНН	1,6	0,21	1,2	0,023	0,0363	0,127	0,037	0,05	0,0078	0,0016	0,06
25/126	ПНН	6,7	0,1	0,6	0,027	0,01	0,1	0,1	0,069	0,0099	0,0018	0,046
25/240	Чекан	3,3	0,137	0,127	0,016	0,019	0,021	0,0089	0,057	0,007	0,0032	0,05
25/310	Чекан	5	0,63	0,176	0,024	0,011	0,022	0,0011	0,07	0,0079	0,0019	0,07
25/176	Чекан	2,76	0,36	0,5	0,056	0,013	0,03	0,19	0,08	0,0076	0,002	0,073
25/73	Чекан	8,7	0,34	0,062	0,008	0,008	0,04	0,0038	0,03	0,005	0,0007	0,018
25/155	Чекан	5,8	0,17	0,2	0,017	0,008	0,29	0,006	0,066	0,013	0,0017	0,047
25/108	Чекан	0,17	0,064	1,16	0,1	0,18	0,11	0,002	0,095	0,015	0,009	0,08
25/87	Чекан	6	0,38	0,45	0,03	0,019	0,04	0,015	0,29	0,012	0,002	0,06
25/301	Шило	1,93	0,072	0,397	0,019	0,03	0,034	0,015	0,057	0,004	0,0019	0,04
25/257	Шило	1,45	0,06	2,3	0,024	0,036	0,39	0,013	0,05	0,011	0,001	0,06
25/110	Шило	3,8	0,09	0,77	0,03	0,008	0,3	0,0148	0,09	0,036	0,006	0,03
25/306	Шило	2,1	0,06	1,4	0,03	0,012	0,12	0,025	0,09	0,015	0,003	0,068
25/201	Шило	4,7	0,31	0,32	0,028	0,01	0,22	0,005	0,168	0,02	0,001	0,06
25/147	Шило	5,4	0,28	0,16	0,023	0,005	0,096	0,003	0,073	0,009	0,0018	0,086
25/196	Шило	1,87	2,1	1,75	0,07	0,024	1,37	0,99	0,09	0,024	0,003	0,1

Условной границей легирования сплавов мышьяком будем считать также 1%. Увеличение концентрации мышьяка влечет изменения физико-химических свойств сплавов на основе меди – повышение показателей ковкости, твердости и жидкотекучести – уже с 0,5%. Однако происхождение мышьяка в бронзе могло иметь непреднамеренный характер. Пороговые значения мышьяка в металле коллекции: от 0,04% (зеркало из к. 10, м. 1) до 3,08% (полусферическая бляшка из к. 16, м. 1).

Условной границей легирования оловом также будем считать 1%. Содержание олова в сплавах фиксируется от 0,04% (полусферическая бляшка из к. 16, м. 1) до 13,2% (нож из к. 2, м. 1). Наибольшую долю составляют сплавы с содержанием олова от 3 до 10% (61 предмет, т.е. 62%). Именно в этом интервале лежат известные значения в 4–6% олова как условие хорошей ковкости и максимальной твердости бронз. В целом содержание олова в некрасовском металле следует оценивать как невысокое.

Таким образом, в коллекции погребального инвентаря могильника Некрасово II выделяются шесть групп сплавов.

1. «Чистая» медь. Медными являются две полусферические бляшки и вток из разных погребальных комплексов.

2. Мышьяковая медь или бронза. Из такого металла изготовлены шесть предметов: два зеркала, нож, чекан, полусферическая бляшка, а также бусина с несколько повышенным содержанием никеля.

3. Оловянистая бронза. Это основной тип сплава в некрасовской коллекции, из него изготовлены 73 предмета: девять зеркал, два кинжала, три оленные бляшки, девять полусферических бляшек, четыре бусины, пять втоков, 28 ножей, ПНН, два ножных браслета, шесть чеканов и четыре шила.

4. Оловянисто-мышьяковая бронза. Из такого металла изготовлены 7 предметов: вток, зеркало, ПНН, полусферическая бляшка, диадема и два шила.

5. Оловянисто-свинцовистая бронза. Из этого типа сплава изготовлены 7 предметов: четыре ножа и три зеркала.

6. Многокомпонентный сплав меди с оловом, мышьяком и свинцом. Использован для изготовления двух предметов из к. 11, м. 2 – зеркала и шила.

Таким образом, 75% некрасовской коллекции представлено оловянистыми бронзами. В целом сопоставимыми можно считать доли оловянисто-мышьяковых (7%), оловянисто-свинцовистых (7%) и мышьяковых сплавов (6%). Немногочисленны примеры медных изделий (3%) и предметов из многокомпонентной бронзы с лигатурами олова, мышьяка и свинца (2 %) (рис. 4).

Все оленные бляшки, браслеты, кинжалы, большинство бусин, шильев, втоков, чеканов, ножей и полусферических бляшек изготовлены из оловянистой бронзы. Наибольшее разнообразие рецептов демонстрирует состав металла зеркал. Проанализированные зеркала изготовлены из всех типов бронзовых сплавов, фиксируемых в некрасовской коллекции.

Из 16 уменьшенных копий предметов вооружения 82% изготовлены из оловянистой бронзы. По одному предмету – из «чистой» меди (вток из к. 19, м. 2), мышьяковой меди или бронзы (чекан из к. 7, м. 1), оловянисто-мышьяковой бронзы (вток из к. 13, м. 1). Обращает на себя внимание отсутствие сплавов с лигатурой свинца. Из оловянистой бронзы изготовлены как чеканы пятого типа (с рифлеными обушками), так и чеканы третьего типа (с длинной втулкой). Схожая ситуация со втками: типы пятый, второй и четвертый изготовлены из оловянистой бронзы.

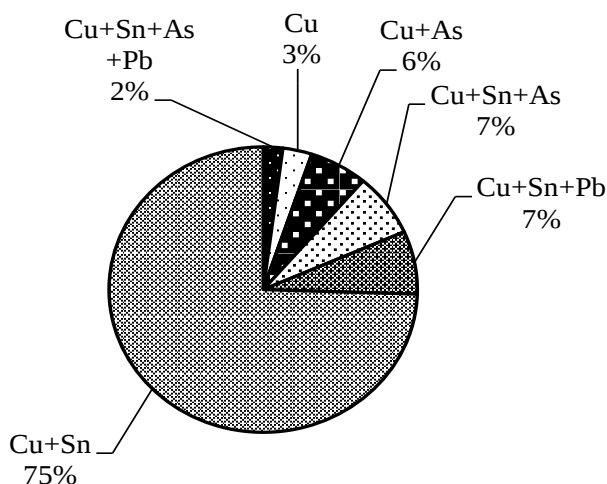

Рис. 4. Соотношение типов сплавов на медной основе инвентаря могильника Некрасово II

79% орудий могильника Некрасово II изготовлены из оловянистой бронзы. Появляются предметы из сплавов со свинцом: шило первого типа с одной уплощенной шляпкой (к. 11, м. 2) из многокомпонентного сплава с лигатурами олова, мышьяка и свинца, а также четыре ножа из свинцовистой бронзы, в том числе по одному атрибутированному экземпляру седьмого (змейчатообушковые с трапециевидной рукояткой, к. 2, м. 2) и первого (дугобразнообушковые с закругленным навершием, к. 8, м. 1) типов. Один из ножей шестого типа изготовлен из мышьяковой меди или бронзы (к. 13, м. 1). Из оловянистой бронзы изготовлены ножи первого, седьмого, шестого, второго (дугобразнообушковые с угловатым навершием) и четвертого (дугобразнообушковые с кольчатым навершием) типов.

В числе исследованных предметов-украшений наименьшая доля изделий из оловянистой бронзы – 66%, при заметном повышении количества предметов из сплавов с мышьяком и схожим с орудийным комплексом значением свинцовых бронз. Как уже отмечалось, все оленные бляшки и браслеты изготовлены из оловянистой бронзы. Типологически схожие ПНН отлиты из оловянистой и оловянисто-мышьяковой бронз (к. 2, м. 2 и к. 11, м. 1 соответственно). Полусферические бляшки первого и второго подтипов изготовлены из оловянистой бронзы. Разнообразен металл бляшек

третьего подтипа (с двумя противолежащими отверстиями по краю): они могли быть как медными (к. 2, м. 2; к. 8, м. 1), так и из мышьяковой меди или бронзы (к. 16, м. 1), из оловянистого (к. 2, м. 2) или оловянисто-мышьякового сплава (к. 1, м. 1). Несмотря на типологическое сходство исследованных зеркал, изготовлены они из разнообразной по компонентам бронзы: мышьяковой (к. 11, м. 1), оловянистой (к. 10, м. 1), оловянисто-мышьяковой (к. 1, м. 2), во втором погребении третьего кургана встречены два зеркала из оловянисто-свинцовистой бронзы. Одно зеркало изготовлено из многокомпонентного оловянисто-мышьяково-свинцовистого сплава (к. 11, м. 2).

Выводы. Таким образом, большая часть погребального инвентаря могильника Некрасово II изготовлена из оловянистой бронзы. Ее доля имеет ведущее значение для металла орудий и уменьшенных предметов вооружения. Состав металла украшений наиболее разнообразен, в нем более заметны доли сплавов с мышьяком. Наблюдаемые закономерности в процентном соотношении типов сплавов в исследуемой коллекции связаны как с технологическими факторами (физико-химическими свойствами оловянистой бронзы, знаниями о которых, очевидно, владели лесостепные тагарские мастера-металлурги на данном историческом этапе культуры), так и с «геополитическими» – олово как лигатура явно было доступно в рассматриваемый хронологический период (V–III вв. до н.э.) в северо-западном ареале тагарской культуры.

По соотношению типов сплавов, а именно по преобладанию оловянистых бронз, некрасовский металл сопоставим с металлом биджинских и сарагашенских памятников Хакасско-Минусинской котловины. Однако в исследованной пока единично лесостепной коллекции доля оловянистых бронз составила 75% при средних концентрациях в 3–10%, тогда как в Хакасско-Минусинской котловине эта доля равна 91% при содержании олова в изделиях до 10–15% [10. С. 97], а по подсчетам для тагарских памятников таежной зоны Среднего Енисея процент легированных оловом изделий равен 80 при количестве олова в сплаве до 15–25% [11. С. 101].

В металле миниатюрных предметов вооружения некрасовского могильника не фиксируются повышенные содержания свинца. А между тем именно улучшение литейных качеств сплава при изготовлении подобного рода изделий могло служить фактором, «объясняющим распространение на сарагашенском этапе трехкомпонентной бронзы (Cu-Sn-Pb)» [12. С. 121]. Кроме того, для сарагашенского металла Хакасско-Минусинской котловины С.В. Хавриным выявлена зависимость состава сплава от характера погребений: «Более 80% изделий из коллективных могил (склепов) содержат повышенное количество свинца (более 0,5%), в то время как в индивидуальных погребениях количество таких бронз составляет менее 15%» [Там же]. Могильник Некрасово II состоит из коллективных могил

(склепов), однако всего около 20% изделий содержат свинца более чем 0,5%.

Обращаясь к вопросу о рудных источниках, использованных при производстве бронз могильника Некрасово II, и в полной мере сознавая всю степень сложности разрешения проблемы рудных источников тагарской цветной металлургии, сделаем лишь некоторые общие замечания. Исходя из наличия маркерных примесей в медной руде, следует учитывать, что большинство медных руд Саяно-Алтая содержат геохимические примеси железа, мышьяка, серебра, цинка, свинца и марганца. В гораздо меньшем числе месторождений содержатся сурьма, золото, никель, кобальт, висмут, магний и кадмий. Анализируя данные по некрасовским бронзам, полагаем, что медные руды, примененные для их составления, должны были содержать сурьму, золото, никель, кобальт, висмут, магний, возможно, мышьяк и свинец. Подобный набор примесей содержат многие месторождения медной и колчеданной руды Рудно-го Алтая, а также окисленные медные руды Тувы.

Новые результаты аналитических исследований, привлечение опубликованных данных по составу лесостепных тагарских бронз из могильников Ягуня и Кондрашка (Тисульский) [13], детальное их сравнение с материалами по минусинскому металлу позволят уточнить природу предварительно сделанных нами наблюдений.

Следует отметить, что сопоставление металлургических групп (рецептур) лесостепных и минусинских бронз осуществляется впервые. А.И. Мартыновым ранее производились попытки выявить геохимическое (рудное) своеобразие лесостепного металла в сравнении с минусинским [Там же. С. 102; 5. С. 107–109].

Заключение. Материалы курганного могильника тагарской археологической культуры Некрасово II, наряду с другими исследованными в 1950–1970-е гг. памятниками, такими как Ягуня, Кондрашка (Тисульский), Шестаково I и Серебряково, составляют фундамент современного представления о тагарской культуре Мариинской лесостепи. Несмотря на массу вопросов по части несоответствия источников (архивных и опубликованных), полностью отказаться от использования этих материалов невозможно. Даже многочисленные утраты предметов оставляют возможность использовать этот значительный массив данных в обобщенном виде как источник по истории развития тагарской материальной культуры в пределах своего северо-западного ареала. Предпринятые исследования тагарских бронз северной лесостепи обусловлены именно этими соображениями, а также перспективой последующего сравнения полученных результатов с данными по цветной металлургии тагарской культуры Минусинских котловин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартынов А.И. Материалы раскопок тагарских курганов у с. Некрасово // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1973. Вып. VI. С. 161–291.
2. Китова Л.Ю. Коллекция тагарских художественных бронз из музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, или То, что мы потеряли для науки // «Музей и наука»: матер. науч.-практ. семинара, посвященного 25-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Кемерово, апрель 2002 г. Кемерово, 2002. С. 97–99.
3. Субботин А.В. Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). СПб., 2014. 154 с.
4. Мартынов А.И. Описание материалов Некрасовского могильника, 1970 г. // Научный архив Музея археологии, этнографии и экологии Сибири Кемеровского государственного университета. 1971. Д. 269.
5. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: СО Наука, 1979. 208 с.
6. Савинов Д.Г. ПНН: новые материалы и наблюдения // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 57–66.
7. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Южной Сибири. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. 440 с. (Archaeologica Petropolitana, VII).
8. Колмыков Р.П. Оптико-эмиссионная спектроскопия с индуктивно связанной плазмой в исследовании артефактов бронзовой эпохи Кемеровской области // Бутлеровские сообщения. 2015. Т. 42, № 6. С. 158–161.
9. Колмыков Р.П. Оптико-эмиссионный спектральный анализ бронзовых артефактов Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 5, № 2 (62). С. 165–168.
10. Хаврин С.В. Спектральный анализ бронзовых изделий скифского времени Саяно-Алтая и проблемы хронологии тагарской культуры // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 96–97.
11. Хаврин С.В. Металл памятников I тысячелетия до н.э. таежной зоны Среднего Енисея // II Северный археологический конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 101–102.
12. Хаврин С.В. Тагарские бронзы Ширина района Хакасии // А.В.: сб. науч. тр. в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 115–122.
13. Мартынов А.И., Богданова-Березовская И.В. Изделия из бронзы и бронзолитейное производство северо-западного района тагарской культуры // Из истории Западной Сибири. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1966. Вып. I. С. 66–103.

Savelieva Anna S. Institute of Human Ecology SB RAS (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: antverpen@mail.ru; German Pavel V. Institute of Human Ecology SB RAS (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: lithos@mail.ru

BRONZES FROM THE TAGAR BURIAL MOUND NEKRASOVO II (RESEARCH BASED ON THE DATA OF EXCAVATIONS IN 1970).

Keywords: the Tagar culture; typology; atomic emission analysis; Mariinsky forest-steppe.

The paper focuses on the research of the items from the Tagar burial mound Nekrasovo II excavated in 1970 under the supervision of A.I. Martynov. The importance of the research is much determined by the location of the site, towards the northwest zone of the Tagar culture. The excavations of a number of archaeological sites were conducted on the territory of Mariinsky forest-steppe in 1956–1976. They resulted in a wide range of archaeological remains. Due to subjective reasons (loss of archaeological finds and their descriptions, illustrations of poor quality, discrepancy between published and archival data) the finds have been studied insufficiently. Meanwhile,

comparison of written records, work with the collection of finds, selection and atomic-emission analysis of metal prove the archaeological finds from the Tagar sites of Mariinsky forest-steppe to be a qualitative source of the material history of the northwest part of the Tagar society. The classification of the grave items from Nekrasovo is made according to the typology suggested by A.V. Subbotin. The types of bronze daggers, stamps, chisels, knives, awls, “mirrors”, hemispherical plaques, bone arrowheads, stone and bronze beads excavated at Nekrasovo are defined in the paper. The objects of unknown purpose from Nekrasovo site are regarded as the third type according to the typology by D.G. Savinov. The typological and quantitative characteristics of Nekrasovo grave items allow the author to conclude that the burial mound Nekrasovo II was a “pure” necropolis dated as of the advanced (Saragash) stage of the Tagar archaeological culture (V–III centuries BC). Statistical treatment of the data obtained from the atomic-emission spectrometry of metals reveals six types of copper-based alloys: “pure” copper, arsenic copper or bronze, tin bronze, tin-arsenic bronze, lead-tin bronze, lead-tin-arsenic bronze. The main type of the alloys from Nekrasovo is tin bronze constituting 75% of the items made of it. The data on the metal alloys from one of the sites of the forest-steppe zone of the Tagar culture can be compared with the metal from other South Siberian archaeological sites of V–III centuries BC. In particular, metal collection from Nekrasovo “is inferior” in the amount of tin bronzes to the metal found in the Khakass-Minusinsk Basin and the Middle Yenisei sites dated as of the Saragash stage. Besides that the metal from Nekrasovo is noted for the low amount of lead alloys. The above mentioned results give additional information about the Tagar nonferrous metallurgy and metal finishing.

REFERENCES

1. Martynov, A.I. (1973) Materialy raskopok tagarskikh kurganov u s. Nekrasovo [Excavations of Tagar mounds in Nekrasovo]. In: Martynov, A.I. (ed.) *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy* [Proceedings of archaeological research laboratory]. Issue 6. Kemerovo: Kemerovo Book Publishing, pp. 161-291.
2. Kitova, L.Yu. (2002) [Tagar bronze art collection of the museum “Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia” of Kemerovo State University or what we have lost]. “*Muzey i nauka*” [The Museum and Science]. Proc. of the Research Seminar devoted to the 25th anniversary of the museum “Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia” of Kemerovo State University. Kemerovo, April 2002. Kemerovo. pp 97-99.
3. Subbotin, A.V. (2014) *Nelineynyy kharakter razvitiya tagarskoy kul'tury (po materialam monograficheskikh raskopannykh mogil'nikov)* [The nonlinear nature of the Tagar culture (based on burial grounds excavated monographically)]. St. Petersburg: RAS.
4. Martynov, A.I. (1971) *Opis' materialov Nekrasovskogo mogil'nika, 1970 g.* [The inventory of materials of Nekrasovsky burial, 1970]. The Scientific Archive of the Museum of Archaeology, Ethnography and Ecology of the Siberian Kemerovo State University. File 269 (1971).
5. Martynov, A.I. (1979) *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [The forest steppe Tagar culture]. Novosibirsk: Nauka.
6. Savinov, D.G. (1995) PNN: novye materialy i nablyudeniya [Unidentifiable commodity: new materials and monitoring]. In: Savinov, D.G. (ed.) *Yuzhnaya Sibir' v Drevnosti* [Southern Siberia in Ancient Times]. St. Petersburg. pp. 57-66.
7. Vadetskaya, E.B. (1999) *Tashtykская эпоха в древней истории Южной Сибири* [The Tashtyk epoch in the ancient history of Southern Siberia]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
8. Kolmykov, R.P. (2015) Optiko-emissionnaya spektrometriya s induktivno svyazannoy plazmoy v issledovanii artefaktov bronzovoy epokhi Kemerovskoy oblasti [Optical emission spectrometry with inductively coupled plasma in the study of artifacts from the Bronze Age of Kemerovo Region]. *Butlerovskie soobshcheniya – Butlerov Communications*. 42(6). pp. 158-161.
9. Kolmykov, R.P. (2015) Optical emission spectral analysis of bronze artifacts found in Kemerovo region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 2 (62). 5. pp. 165-168. (In Russian).
10. Khavrin, S.V. (2005) Spektral'nyy analiz bronzovykh izdeliy skifskogo vremeni Sayano-Altaya i problemy khronologii tagarskoy kul'tury [Spectral analysis of bronze objects of Scythian Sayan-Altaï and problems of the Tagar culture chronology]. In: Korol, G.G. (ed.) *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri: Idei, metody, otkrytiya* [The archeology of Southern Siberia: Ideas, methods, discoveries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. pp. 96-97.
11. Khavrin, S.V. (2006) [The metal of the monuments of the I millennium BC in the Middle Yenisei taiga zone]. II *Severnnyy arkheologicheskiy congress* [II Northern Archaeological Congress]. Ekaterinburg – Khanty-Mansiysk. pp. 101-102.
12. Khavrin, S.V. (2007) Tagarskie bronzy Shirinskogo rayna Khakasii []. In: Khavrin, S.V. (ed.) *A.V.: sb. nauch. tr. v chest' 60-letiya A.V. Vinogradova* [A.V. Collection of research papers in the honour of A.V. Vinogradov]. St. Petersburg: Kul't-Inform-Press. pp. 115-122.
13. Martynov, A.I. & Bogdanova-Berezovskaya, I.V. (1966) Izdeliya iz bronzy i bronzoliteynoe proizvodstvo severo-zapadnogo rayona tagarskoy kul'tury [Bronze articles and bronze casting in the northwestern district of Tagar culture]. In: *Iz istorii Zapadnoy Sibiri* [History of Western Siberia]. Kemerovo: Kemerovo Book Publishing. pp. 66-103.

УДК 902:39 (439+571.1/.5)
DOI 10.17223/19988613/38/18

И. Фодор

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЯХ ДРЕВНИХ ВЕНГРОВ

*Статья подготовлена при поддержке Томского государственного университета (проект № 8. 1. 19. 2015.
«Археолого-этнографические исследования Сибири: наука, образование, музей»).*

Рассматриваются дохристианские религии венгров эпохи обретения родины (X в.). На основе анализа археологических, этнографических, лингвистических и письменных источников автор пришёл к выводу о существовании у древних венгров единой системы верований, соответствующей шаманизму с его тройственной вертикалью мироздания (верхний, средний, нижний миры) и многообразием духов в пантеонах каждого уровня. Особое почитание имел высший небесный пантеон, известный в науке как тенгризм. Сложившаяся у венгров религиозная система была аналогичной существовавшим в ранних государственных образованиях евразийских кочевников (тюрков, уйгуров, хазар, гуннов, авар).

Ключевые слова: древние венгры; шаманизм; тенгризм; шаманские атрибуты; древо жизни.

О дохристианской религии древних венгров мы располагаем лишь косвенными данными. Хотя в законах первых венгерских королей XI–XII вв. говорится о языческих жертвенных местах и жертвоприношениях, эти обряды не описываются [1]. Для выяснения сущности этой религии очень много сделано венгерскими этнографами. В. Диосеги в 1950-х гг. собрал и систематизировал остатки древних дохристианских верований, сохранившихся до XIX–XX вв. [2, 3]. Он же посвятил целую книгу религии древних венгров так называемой «эпохи обретения родины» – X в. [4]. Известный венгерский археолог Д. Ласло еще в начале 40-х гг. прошлого века в деталях древневенгерского погребального обряда рассмотрел важные элементы дохристианской религии [5, 6].

На основании этих данных стало ясно, что пережитки религиозных представлений древних венгров составляют единую систему верований, которая соответствует шаманизму, существующему до сих пор у многих народов Сибири и Центральной Азии. Значит, можно прийти к выводу: дохристианской религией древних венгров, несомненно, был шаманизм [4. С. 135]. Этот вывод подтверждается и новыми исследованиями [3, 7].

В венгерском языке сохранилось и название венгерского шамана: *táltos* (тальтош). Слово имеет безупречную этимологию в языках обских угров (манси и ханты). Из этого вытекает, что данное название возникло тогда, когда предки венгров и обских угров жили еще вместе и говорили на диалектах одного языка [8. С. 228, 231; 9. С. 895; 10. С. 1475]¹. Шаман был посредником между людьми и целым пантеоном богов, добрых и злых духов. В представлении древних венгров, так же как и у всех шаманистических народов, мир был разделен на три сферы: верхнюю (где проживали могущественные боги и добрые духи), среднюю (наш земной мир) и нижнюю

(мир злых духов). Эти три горизонтальных яруса связываются мировым деревом, или деревом жизни, корни которого уходят в нижний мир, а верхние ветви растут уже в верхнем мире. Тальтош (шаман) во время экстаза по этому дереву поднимается в верхний или спускается в нижний мир, чтобы оттуда принести людям помощь или победить злых духов.

Существование шаманизма у древних венгров подтверждается не только данными фольклора и архаичных народных верований, но и археологическим материалом древних венгров X в.² На замечательных произведениях древневенгерской торевтики «пальметочный стиль» является не бессмысленным декором, а представляет изображения или символ мирового дерева. В некоторых случаях образ мирового дерева, или древа жизни, выступает в весьма реалистической форме, как, например, на ажурной наконечной бляхе из г. Шарошпатак (рис. 1, 1) [23. С. 169]³. На наконечнике поясного ремня из могильника Башхалом I изображено мировое дерево, направленное вершиной вниз (рис. 1, 2) [23. С. 187; 25; 30. III. LXII, 8; 14. С. 104–105; 30. С. 65].

На некоторых ажурных наконечных бляхах виден образ древа жизни, верхние ветви которого оканчиваются птичьими головами (рис. 1, 3) [31; 23. С. 393–394]. Это не что иное, как могущественная птица в мифологии многих народов Сибири, орел, который сидит на вершине мирового дерева, приносит на землю души новорожденных шаманов или знаменитых людей [32], иногда в виде маленьких птиц, как это видно на бляхах из Ракамаза (рис. 4, 6) [23. С. 65, 163]. Орел не случайно играл видную роль в мифологии древних венгров: он был тотемным животным рода Арпадов [33, 34]. На это указывает и ременная накладка из д. Карош в виде изящно оформленной фигуры орла (рис. 5, 3) [23. С. 84–85].

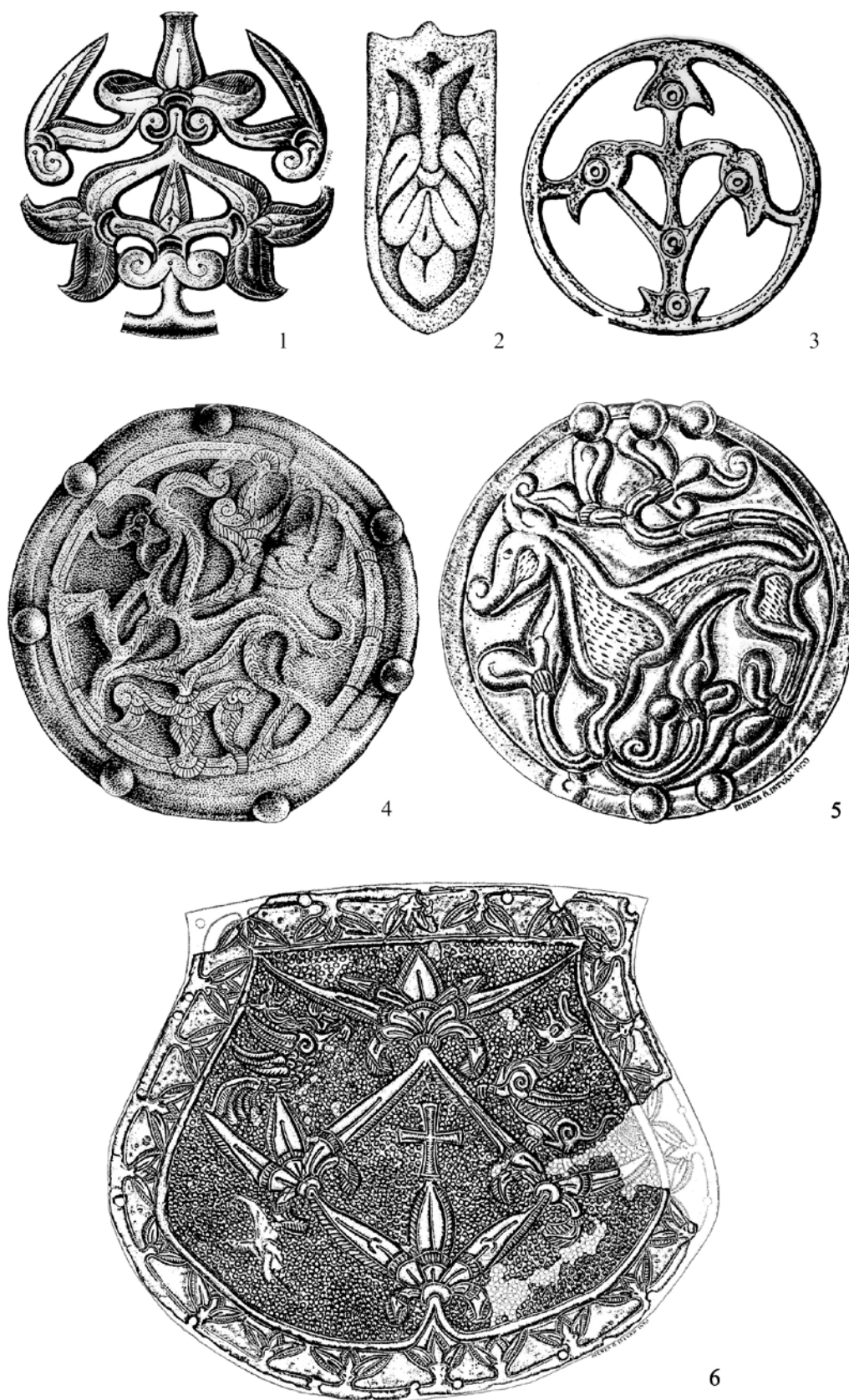

Рис. 1. 1 – Древо жизни на накосной бляхе из г. Шарошпатак; 2 – наконечник ремня из с. Башхалом; 3 – накосная подвеска (место находки неизвестно); 4–5 – накосные бляхи из с. Земплин и Альдебро; 6 – бляха от поясной сумки из с. Тисабездед

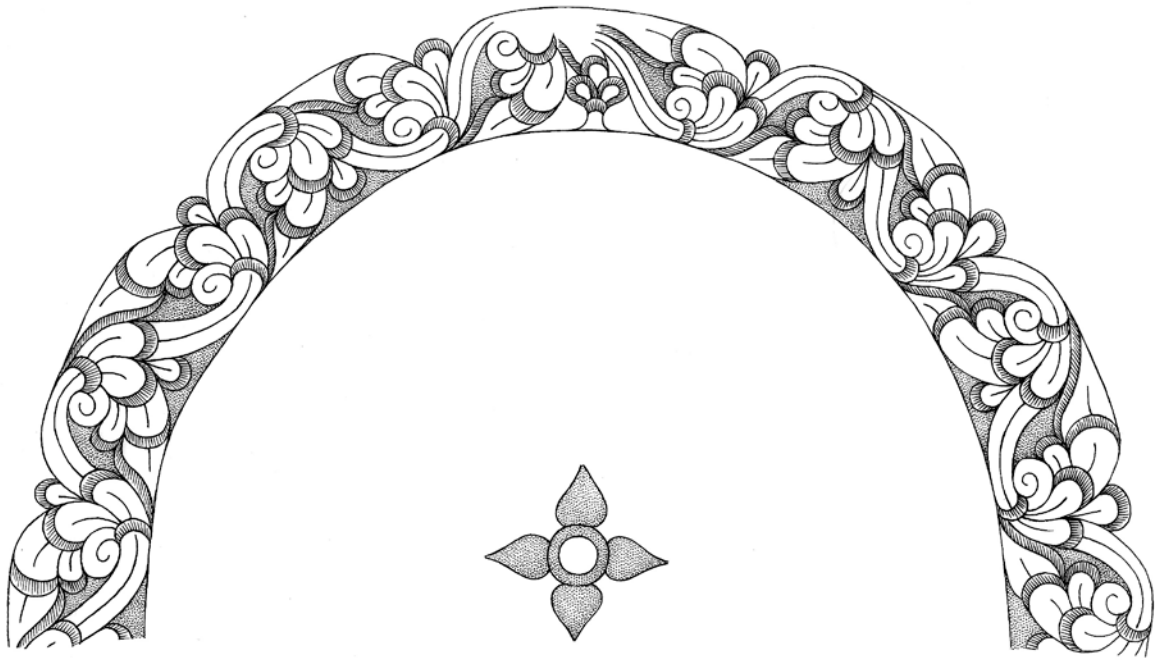

Рис. 2. Орнамент чаши из с. Кетпо

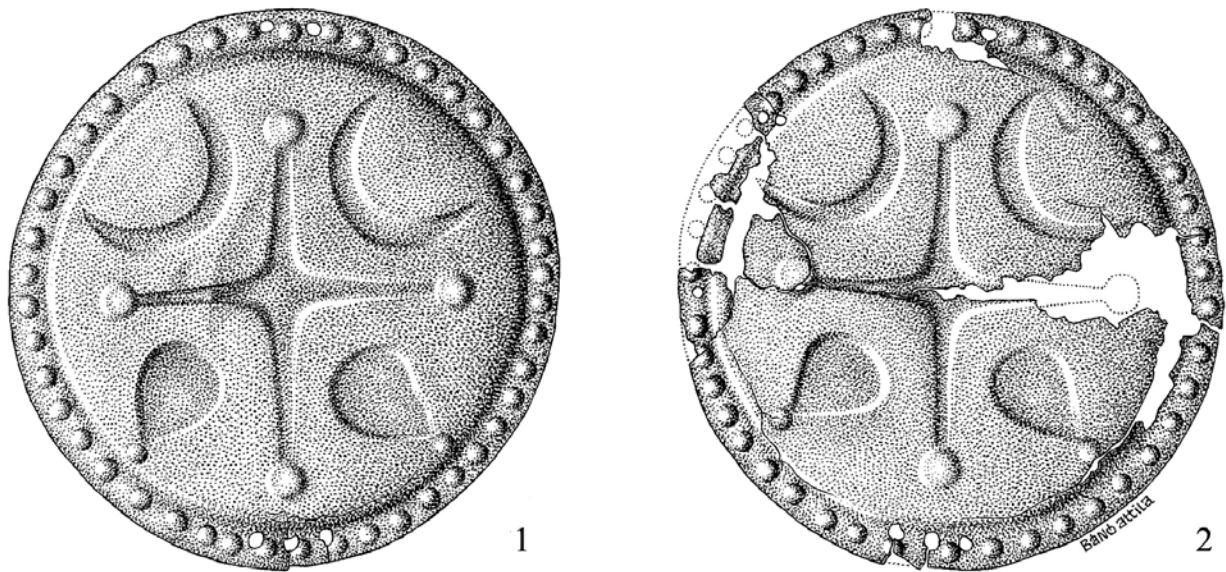

Рис. 3. Пара наконных блях из с. Шошхартъян

В изображениях фантастических животных на древневенгерских наконных бляхах мы, вероятно, вправе усматривать вместилище добрых духов, которые, по представлениям древних венгров, могут их защитить от злых духов, разносящих болезни. Все эти существа изображены в органическом единстве с символом древа жизни, например бляха из могильника у с. Альдебро (рис. 1, 5) [23. С. 382]. Особую группу со-

ставляют бляхи с изображением фантастического коня с деревом жизни (рис. 1, 4). У этих лошадей иногда изображаются не копыта, а когти, что также указывает на сверхъестественность этих существ [23. С. 32; 35. С. 201; 14. С. 104; 30. С. 65]. Тут, видимо, изображен конь-шаман, т.е. экстаическая душа (или свободная душа) шамана в виде коня, поднимающегося в небо, в мир верхних богов и духов [24. С. 310].

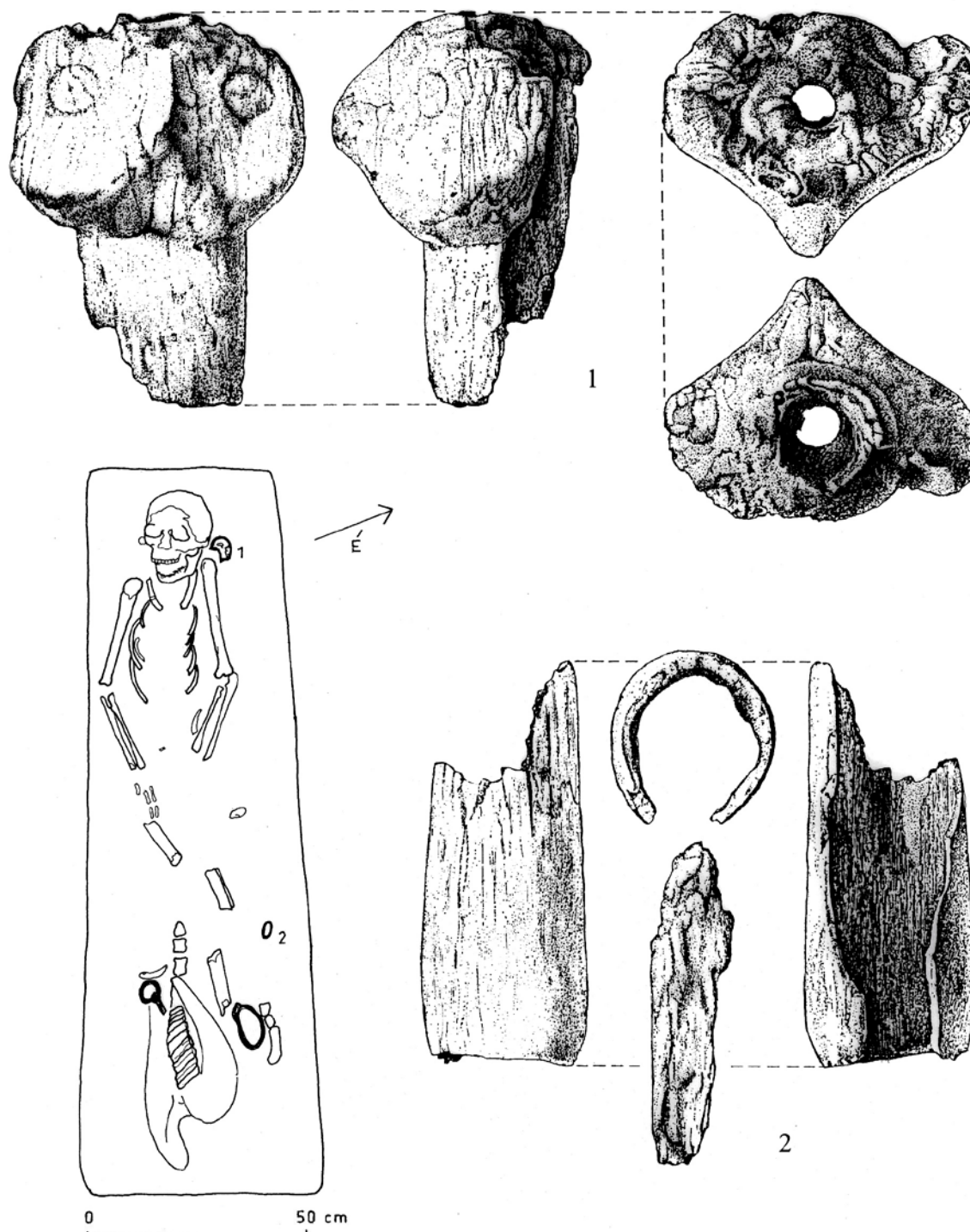

Рис. 4. Древневенгерское погребение с конем у г. Сегхалом и костяные наконечники от шаманского посоха

Некоторые из древневенгерских погребений X в., возможно, принадлежали шаманам. Так, в одном из погребений в г. Хайдудорог был найден костяной наконечник в виде головы совы. Исследователи долго считали его наконечником рукояти плети (рис. 5, 4) [23. С. 226]. Однако намного позже в погребении с конем у г. Сегхалом был найден подобный наконечник, но здесь нашли еще один костяной наконечник с другого конца палки. Поскольку все вещи лежали в могиле

in situ, можно было установить и длину палки, которая составляла 1,2 м (рис. 4) [36. С. 155. Табл. 48]. Деревянная палка такой длины, естественно, не могла быть рукоятью плети и, вероятно, была посохом шамана. Как известно, не все шаманы имели бубен, иногда только посох. Это предположение подтверждается и тем, что в архаичных народных верованиях венгров сова выступает как «птица-душа», «птица смерти» или «птица-шаман» [37; 38. С. 8–9].

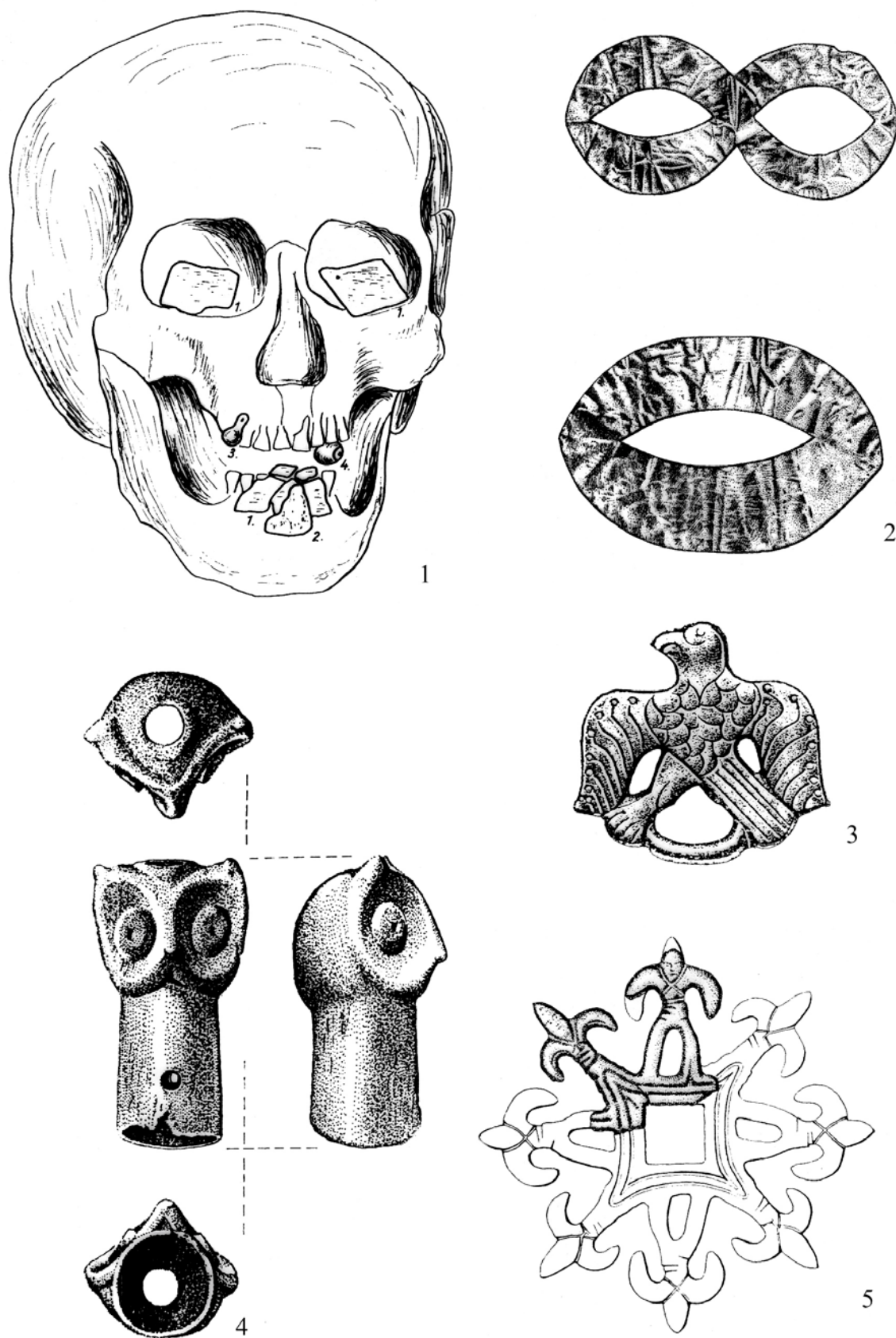

Рис. 5. 1 – наглазники и наротик на черепе из могильника Башхалом II; 2 – золотые наглазники и наротик из с. Ракамаз; 3 – накладка из с. Карош; 4 – костяной наконечник из г. Хайдудорог; 5 – изображение шамана на накладке из с. Кишзомбор

Рис. 6. 1–3 – накосные подвески (Тисашуй, Шарретудвари, Первомайская);
4–7 – накосные бляхи (Бихаркерестеш, Терекканижа, Ракамаз, Земплин)

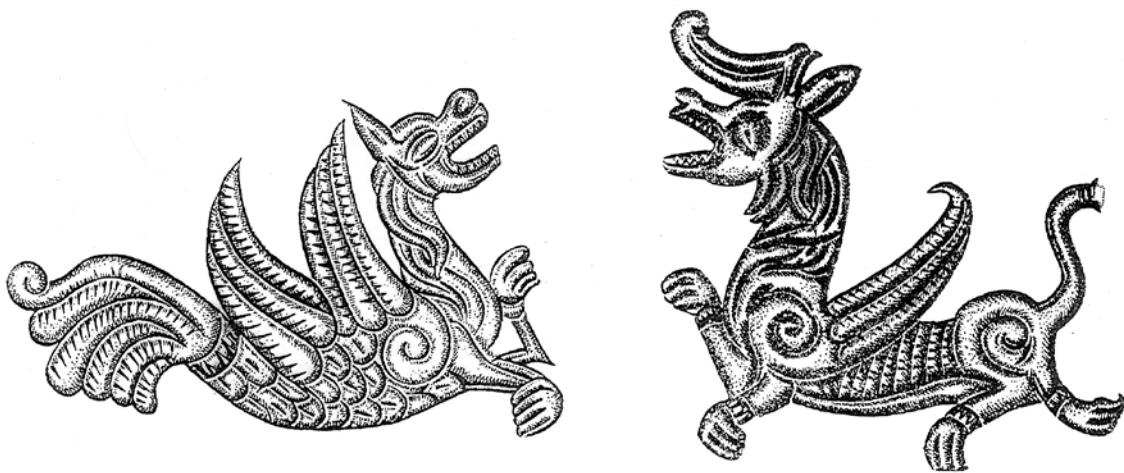

Рис. 7. Изображение сенмурвов на бляхе из с. Тисабездед

Судя по этнографическим данным, у древних венгров также существовали различные категории шаманов, и они выполняли разные функции. Одной из главных форм их деятельности, вероятно, было лечение. Этими лекарями-шаманами проведены, видимо, те сложные и удачные операции, следы которых сохранили трепанированные черепа из древневенгерских погребений. А так называемые символические трепанации говорят о другом виде лечения. Они предполагали, что все болезни причинены злыми духами и тем, что свободная душа, или «душа-тень», покидает на долгое время свое вместилище, голову человека. В таких случаях шаманы делали волшебный круг на голове, чем они пытались вернуть туда свободную душу [23. С. 294; 39; 40. С. 244–245].

Изображения человеческих фигур в древневенгерском искусстве являются чрезвычайно редкими. К ним относится обломок ажурной бронзовой накладки из могильника у с. Кишзомбор, изображающий человеческие фигурки в молящейся позе (рис. 5, 5) [41. С. 26]. В них мы, вероятно, вправе рассматривать изображения самих шаманов, вернее, вместилища шаманских духов-помощников.

На основании письменных источников, языковых, этнографических и археологических данных можно судить и о представлении древних венгров о душе. По всей вероятности, у них было такое же представление о душе, как у многих народов Северной Евразии [42], в том числе и у финно-угров [43; 44. С. 25–26; 45. С. 166; 46. С. 155]. Они верили в существование двух душ. Первая – это телесная, или жизненная, душа (название у венгров этой души *lélek* от слова *lélegzik*, т.е. «дышать»). По их представлениям, эта душа находится в грудной клетке и после смерти человека, т.е. с прекращением дыхания она перестает существовать. Вторая душа – это свободная душа, или «душа-тень»,

которая находится в голове, откуда может уходить во время сна, но когда она уходит на продолжительное время, причиняет болезнь. После смерти человека эта душа еще остается в живых в течение определенного времени, может посещать живых и причинять им зло, поэтому надо проводить умерших, как полагается. Эта душа у венгров называлась так же, как у обских угров [47, 48].

Погребальные маски, от которых в древневенгерских погребениях сохранились либо тонкие серебряные пластинки на месте глаз и рта, либо золотые наглазники и наротники (рис. 5, 1–2), несомненно, связаны с данным представлением о душе. Их назначением была защита головы, вместилища свободной души, от злых сил потустороннего мира и одновременно также защита живых от возвращения свободной души мертвого [49; 24. С. 115]. Данным представлением можно объяснить и некоторые, странные на первый взгляд, данные письменных источников и археологии.

В 954 г. при осаде венграми г. Камбре (Северная Франция) защитники схватили близкого родственника командира венгерских войск Бульчу (по Константину Багрянородному, он был третьим в иерархии у венгров и исполнял должность главного судьи (*karcha*)), отрезали ему голову и повесили над стенами города. За голову своего родственника Бульчу обещал камбрейцам все награбленное им во время похода добро, освобождение заложников и прекращение осады города [50. С. 75–78]. Объяснение этого странного предложения мы находим в так называемой «секретной истории монголов». Монголы эпохи Чингисидов, если не имели возможности принести домой труп погибшего вдалеке воина, отрезали ему голову и хоронили ее на родном кладбище [51. Гл. 8. § 198; 52. С. 86, 165]. По всей вероятности, такой же обряд мы можем предполагать и у древних венгров. В древневенгерском могильнике у с. Батайница (район

Земуна, левый берег р. Савы, Сербия) в девяти погребениях были найдены только мужские черепа [53. С. 211]. Как монголы, так и древние венгры полагали, что голова является вместилищем свободной души (или души-тени), т.е. самого покойника, и ее надо хоронить так же, как все тело, соблюдая древние традиции. Причем хоронить ее надо там, где похоронены родственники и предки умершего, на родном кладбище, а не там, где он погиб, далеко от родной земли. Видимо, этим объясняется, что пока найдены лишь единичные древневенгерские погребения в Европе, куда венгры совершали многочисленные походы в конце IX и первой половине X в. [23. С. 437–439; 34. С. 43, 46].

Хотя и немного, но в древневенгерских могильниках были найдены также кенотафы, где обнаружены только кости животных, остатки заупокойной пищи [23. С. 229]. Естественно, были случаи, когда и головы погибших не смогли принести из далеких стран. Мы должны вспомнить, что Плано Карпини, посетивший Монголию в 1245–1247 гг., упоминает, что там было целое кладбище, где похоронены татары, погибшие во время татарского нашествия в Венгрию 1241–1242 гг. [54; 55. С. 104]. Монголы вряд ли принесли из Венгрии большое количество человеческих голов (путешественник пишет, что в Венгрии погибло много татар). Не исключено, что они принесли скальпы умерших или пучок волос (примечательно, что в Венгрии пока не найдено ни одного монгольского погребения XIII в., не считая случайной находки вещей аскызской культуры, которые, вероятно, происходят из погребения воина татарской армии [56].

В рассказе о пребывании венгров в монастыре Санкт Галлен (Швейцария) в 924 г. говорится, что они сожгли трупы двух своих погибших воинов [34. С. 41–42]. Как известно, трупосожжение абсолютно неизвестно в погребальном обряде древних венгров. При объяснении этого странного явления в Санкт Галлене мы не должны забывать, что в венгерских народных верованиях душа шамана (тальтоша) иногда появляется в виде красного или синего пламени [57. С. 32–35]. Вероятно, в данном случае венгерские воины сжигали тела умерших своих бойцов в убеждении, что их свободные души вылетят из головы в виде пламени или искры и полетят на родную землю, где их и будут провожать родные (именно остатками таких похоронных церемоний являются кенотафы).

В некоторых случаях удалось найти и следы суеверия, многократно зафиксированного венгерскими этнографами: если покойник чем-то недоволен после похорон, его свободная душа по ночам выходит из могилы и беспокоит живых. Против этого живые старались предпринимать различные меры: труп прибавляли гвоздями ко дну гроба, связывали труп и пр. В двух древневенгерских погребениях было замечено, что после похорон могилу снова вскрыли, голову умершего отделили от тела и зарыли глубже [24. С. 322]. Этим действием, видимо, хотели

предотвратить дальнейшие возвращения и злодеяния свободной души покойного. Неоднократно за пределами могильника (чаще всего к северу от него) были зафиксированы погребения старых женщин, которые часто страдали разными болезнями. По этнографическим наблюдениям, в таких случаях предполагали, что их души после смерти будут причинять живым зло, поэтому их отделили от общества мертвых [26. С. 322–323]. Их часто хоронили с противоположной (восточной) или северной ориентировкой, на животе или в скорченном виде.

При раскопках древневенгерских могильников X в. наблюдается ряд явлений, отражающих различные религиозные представления, но они, как правило, связаны с суевериями и мало говорят о сущности религиозной системы древних венгров. Как уже отмечалось, при реконструкции древневенгерской религии исследователи опирались главным образом на данные сравнительной этнографии. В то же время в венгерской литературе неоднократно высказывалось мнение, согласно которому древневенгерская религия не может быть реконструирована на основании этнографического материала XIX–XX вв., поскольку венгерское общество в X в. стояло на более высоком уровне развития, чем общество шаманистических сибирских народов XIX в. На это указывает и богатая религиозная терминология древневенгерского языка [58, 59]. По письменным источникам вряд ли можно сомневаться в том, что это общество было весьма похоже на соседнее хазарское. Где-то около середины IX в. у венгров под влиянием хазар было установлено так называемое двоецарствие. При этом первый из двух «королей», вероятно, так же, как у хазар, был небесного, сакрального происхождения: его название было *kündü* (от древнетюрк. *kün* – «солнце») [60. С. 317]. Государственное образование у венгров IX–X вв. Д. Дьерфи называл образцом полукочевых государств [61]. В таком обществе, естественно, религия не могла быть шаманизмом типа сибирского шаманизма XIX в., а должна была соответствовать уровню общества.

Письменные источники дают весьма скудную информацию о религии древних венгров. Ибн Руста передает информацию Джайхани, записанную в 920-х гг. и отражающую состояние 870-х гг., когда венгры жили еще на территории восточноевропейских степей. В этом произведении отмечается лишь, что венгры огненпоклонники, не исповедуют ни одну из мировых религий [62. С. 73]. В литературе долгое время приводилось только это сообщение восточных источников. Однако недавно И. Зимони обратил внимание на сообщение испанского арабского историка и географа ал Бакри, около 1068 г. закончившего свое географическое произведение, в котором он использовал не дошедшее до нас упомянутое произведение Джайхани. Автор пишет, что венгры верят только в Бога Неба и кроме него у них нет других богов [Там же. С. 232].

Это сообщение, без сомнения, подтверждает, что у древних венгров мы можем предполагать существование такой же религиозной системы, какая была в государстве тюрков, уйгуров и хазар. В этих ранних государственных образованиях почитали также небо, бога Неба, хана *Тенгри* [60. С. 340], поэтому в научной литературе эта религиозная система называется часто тенгризмом [63]. В этих государствах владетеля верховной власти, кагана, считали лицом небесного происхождения, который был окружен шаманами высшей категории, исполнявшими церемонии, связанные с почитанием Тенгри и его небесного пантеона [64–67; 68. С. 314–215; 69. С. 140–153; 21. С. 14–17; 70]. Следы этой шаманистической религии прослежены у народов Алтая и Сибири. В шаманизме этих народов есть намеки на бывшее существование особой категории («белых») шаманов [71]. Существование этой высшей категории шаманов по письменным источникам и языковым данным можно установить уже у азиатских и европейских гуннов, аваров, а позже у тюрков, уйгуров и монголов [72. С. 137–138; 73. С. 113–114, 124; 74. С. 300; 75. С. 12–14]. И. Диенеш назвал эту категорию шаманов, игравших значительную роль в политической жизни государств, «шаманской аристократией» [75].

Существование тенгризма у древних венгров подтверждают, правда лишь косвенно, и археологические данные. Как известно, у древних тюрков встречаются изображения богов небесного пантеона, а именно женского божества Умай [76]. По обоснованному предположению С.А. Плетневой, бронзовые ажурные амулеты-подвески с изображением всадников (типа подвески из станицы Первомайской; рис. 6, 3), найденные на территории Хазарии, олицетворяют главное небесное божество Тенгри-хана, и с его культом связаны «солнечные амулеты», изображающие солнечный диск [77. С. 176–178]. Привески (ажурные наконечники украшений) такого же типа найдены и в древневенгерских погребениях у с. Тисашуй, Шарретудвари и Хайдусобосло (рис. 6, 1–2) [23. С. 260, 292; 78. С. 81–82. Табл. 72/5].

«Солнечные амулеты» в виде наконечников пластинчатых блях с изображением свастики или лучей вращающегося солнечного диска найдены у с. Бихаркерестеш и Терекканижа (рис. 6, 4–6) [23. С. 217, 355]. Не исключено, что изображения орла на бляхах из с. Ракамаз и Земплин (рис. 6, 6–7) связаны с легендой о происхождении сакральной династии Арпадов⁴ [Там же. С. 32, 163–165; 79. С. 38–39].

По всей вероятности, мы вправе прийти к выводу, что дохристианскую религию венгров можно называть тем же тенгризмом, что и религию древних тюрков, аваров, уйгуров и монголов. Это была самая высокая форма шаманизма, которую можно считать своеобразной государственной религией, где выделились шаманы небесного культа, игравшие важную роль и в политической жизни. Но одновременно были и шаманы, связанные лишь с родовым культом (только последние пережили эпоху ранних государственных образований, первые же оставили за собой лишь еле заметные следы [71. С. 64]).

Не исключено, что «первый король» венгров (*кын-ды*), являвшийся сакральным лицом, выполнял и роль «главного шамана», т.е. политическая и религиозная власть была сосредоточена в одних руках, как это было у некоторых тюркских каганов [65. С. 15]. Эта форма религии непосредственно предшествовала принятию мировой религии во всех названных государствах⁵. Однако шаманизм, даже его наиболее развитая форма, не может удовлетворить требования государственной религии развитых государственных образований [84. С. 91; 85. С. 71]. Мы его можем считать переходной формой, так же как кочевые / полукочевые государственные образования. Именно поэтому и древние венгры, после их переселения в Карпатскую котловину (895 г.), спустя относительно немного времени приняли мировую религию – христианство. Не случайно этот процесс шел параллельно со значительными политическими и экономическими изменениями, образованием государства нового, европейского типа. Этот процесс был длительным, начало его прослеживается уже у венгров, живших в Восточной Европе, где они освоили многие элементы оседлого хозяйства, внедрили указанную политическую структуру хазарского типа и, кроме этого, познакомились с элементами христианства византийского типа [87; 88; 89. С. 340–347].

Пластина от поясной сумки из с. Тисабездед, которая, может быть, была изготовлена еще на восточной родине венгров, наглядно иллюстрирует дохристианские, синкретические верования венгров того времени. Древо жизни обрамляет византийский крест, а в верхней части композиции изображены два сенмурва, связанных с мифологией сасанидского Ирана (рис. 1, 6; 7) [23. С. 181–184; 90; 91]. Эта форма шаманизма у древних венгров, по всей вероятности, во многом облегчила процесс принятия христианства, настоящей государственной религии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Раньше среди венгерских лингвистов господствовало мнение, по которому слово является болгаро-тюркским заимствованием в венгерском языке [11. С. 73–92]. Однако этой этимологии противоречит, что в аналогиях «тальтошу» из тюркских языков отсутствует значение «шаман» [8. С. 228]. К тому же, если заимствование и было, то произошло не раньше VI в. – периода начала венгеро-тюркских контактов в Поволжье и Приуралье. В то же время имеются доказательства существования шаманизма у угорских народов уже во время угорского единства, т.е. в эпоху бронзы [12].

² В венгерской археологии с начала XX в. существует традиция рассматривать изобразительное искусство древних венгров как отражение мифологии и религиозных верований данного общества [13–16]. Однако в последнее время было высказано искусствоведческое соображение, по которому изобразительное искусство древних венгров – и вообще всех кочевников – является лишь орнаментацией, не имеющее смыслового содержания [17. С. 138–142]. Не разбирая тут детально данный вопрос, хотелось только обратить внимание читателей на новые работы по

теоретическому осмыслению искусства древних кочевников Евразии [18, 19]. Большую роль археологии в исследовании истории религиозных верований неоднократно подчеркивали и западноевропейские ученые [20–22]. Древневенгерское искусство не составляет исключение и должно рассматриваться так же, как искусство всех кочевников Евразии. При этом нельзя упускать из виду состояние общества, религиозные верования и мифологию народов, создавших это искусство.

³ Такое же реалистическое оформление древа жизни мы видим в орнаментальной полосе серебряной чаши X в. из с. Кетпо (рис. 2). Внешнюю сторону чаши под венчиком украшает позолоченная полоса, в которой проходит извивающаяся ветка с полупальметками. Однако в одном месте в ритм орнамента включен мотив дерева: ствол с трилистником. Как будто бы древний мастер хотел разъяснить смысловой фон растительного орнамента. Внутри чаши, в середине дна изображена четырехлепестковая розетка с позолоченной поверхностью [23. С. 236–237; 24. С. 308–309]. В народных верованиях венгров древо жизни представляется как высокое дерево, среди верхних ветвей которого находятся солнце, луна и звезды. Они так и изображены в венгерском народном искусстве [25. С. 298–311; 26–28]. В искусстве древних венгров X в. однозначных изображений мы не находим, но, вероятно, можно рассматривать образ именно такого древа жизни на серебряных наконечниках из могильника у с. Шошхартян (рис. 3) [24. С. 314–315; 25. С. 408].

⁴ Первые венгерские хроники сохранили тотемистическую легенду о происхождении Альмоша, отца Арпада. По этой легенде отцом Арпада была птица *turul* (от тюркского названия орла или сокола).

⁵ Как известно, среди исследователей нет единого мнения в вопросе, является ли шаманизм религией, или нет. Одни считают, что шаманизм не религия, а лишь «система верований» [80. С. 117; 81. С. 7–8], «древняя техника экстаза» [82. С. 23], «комплекс различных обрядов и верований» [83. С. 1], «религиозно-мифологическая система» [66], «тенгризм» [63] и пр. [84. С. 85–87; 85. С. 65–67]. Имеются, однако, и противоположные мнения. Одним из самых ярких представителей этих исследователей был видный русский этнограф Л.П. Потапов. Он считал, что определить суть шаманизма указанными сложными, временами весьма туманными терминами невозможно. Шаманизм является своеобразной религией [65. С. 3–5; 86. С. 84–115]. Но эта религия была основана не людьми или богами, а возникла в течение длительного периода времени и включала в себя множество древних верований. У нас нет письменных свидетельств о ее догмах, канонах и теологии, до нас дошли лишь некоторые следы в фольклоре, и больше всего нам известны ее культовые предметы (бубны, костюмы и пр.) [86. С. 307]. По его мнению, не выражает суть шаманизма и термин «тенгризм» [86. С. 18]. Шаманизм был государственной религией с гуннского времени до конца существования тюркской империи [86. С. 310–311]. Автору этих строк представляется более убедительной теория Л.П. Потапова, особенно в отношении шаманизма в кочевых империях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tóth E. Sacer Mons. Szakrális helyek a magyarság kereszténység felvétele elitti vallásosságában. Sacer Mons. Additional Data about the Pre-Christian Hungarian Sacral Places // Csodaszarvas. 2009. Vol. III.
2. Diószegi V. Die Überreste des Schamanismus in der ungarischen Volkskultur // Acta EthnHung. 1958. Vol. 7.
3. Хоннаи М. Следы шаманизма в венгерских народных верованиях // Шаманизм и ранние религиозные представления. М., 1995.
4. Diószegi V. A pogány magyarok hitvilága. Budapest, 1967.
5. László Gy. A honfoglaló magyar nép élete. Budapest, 1944.
6. László Gy. Ísvallásunk nyomai egy szamosháti kocsistörténetben // Az Erdélyi Tudományos Intézet Évkönyve 1944. Kolozsvár, 1945.
7. Dömötör T. Volksglaube und Aberglaube der Ungarn. Budapest, 1982.
8. Erdélyi I. Táltos // NyK. 1960. LXII.
9. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest; Wiesbaden. 1986–1991. Vol. I–III.
10. Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Budapest. 1993–1997. Vol. I–III.
11. Pais D. A magyar ísvallás nyelvi emlékeiből. Budapest, 1975.
12. Mészöly G. Az ugorkori sámánosság magyar szókincsbeli emlékei // Magyar Nyelv. 1952. Vol. XLVIII.
13. László Gy. The Art of the Migration Period. Budapest; London, 1974.
14. Dienes I. Die Kunst der landnehmenden Ungarn und ihre Glaubenswelt // Actes du XXII Congrès International d'Histoire de l'Art. Budapest, 1972. Vol. I, III.
15. Dienes I. The Hungarians at the Time of the Conquest and Their Ancient Beliefs // Ancient Cultures of the Uralian Peoples. Budapest, 1976.
16. Fodor I. The Art and Religion of the Ancient Hungarians // Hungarian Archaeology at the Turn of the Millennium. Budapest, 2003.
17. Marosi E. Nachleben oder Wiederbelegung? Versuche zur Eingliederung des Schatzes von Nagyszentmiklós in die Geschichte der Kunst in Ungarn // Gold der Awaren. Der Goldschatz von Nagyszentmiklós. Budapest, 2002.
18. Кузьмина Е.Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев. Mythology and Art of Scythians and Bactrians. М., 2002.
19. Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М., 2008.
20. Jettmar K. Die Aussage der Archäologie zur Religionsgeschichte Nordeasiens und der amerikanischen Arktis. Stuttgart, 1962.
21. Johansen U. Zur Geschichte des Schamanismus // Synkretismus in den Religionen Zentralasiens. Wiesbaden, 1987.
22. Francofort H.-P. Art, Archaeology and Prehistories of Shamanism in Inner Asia // The Concept of Shamanism: Uses and Abuses. Budapest, 2001. (Bibliotheca Shamanistica, 10).
23. The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue – Budapest, 1996.
24. Fodor I. Die grosse Wanderung der Ungarn vom Ural nach Pannonien. Budapest, 1982.
25. Diószegi V. A honfoglaló magyarság hitvilágának történeti rétegei: a világfa. Die historischen Schichten der Glaubenswelt der Ungarn der Landnahmezeit. Der Weltbaum // Népi kultúra – népi társadalom. Budapest, 1969. Vol. II–III.
26. Solymossy S. Az „égbenyúló fá”-ról szóló mesei motívumok // Ethnographia. 1930. Vol. XLI.
27. Szócs S. Az „égbenyúló fa” a sárréti néphitben. The „Tree Reaching the Heaven” in the Folklore of Sárrét // Ethnographia. 1945. Vol. LVI.
28. Szócs S. Ísi mintájú ábrázolások pásztori eszközökön – Ancient Decorative Patterns on Herdsmen's Implements. // Ethnographia. 1952. Vol. LXIII.
29. Dienes I. Un cimetière de Hongrois conquérants à Bashalom // ActaArchHung. 1956. Vol. VII.
30. Dienes I. Les Hongrois conquérants. Budapest, 1972.
31. Dienes I. Der Weltbaum des landnehmenden Ungarn // Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum. Budapest, 1980. Pars II.
32. Штернберг Л.Я. Культ орла у сибирских народов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1925. Т. V, вып. 2.
33. Fodor I. Gégény – Monokdomb // The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Budapest, 1996.
34. Fodor I. Sankt Gallen und die Streifzüge der Ungarn // Die Ungarn und die Abtei Sankt Gallen / Hrsg. Csíhák, J. Gy., Vogler W. Sankt Gallen – Budapest, 1999.
35. Budinský-Krička V., Fettich N. Das altungarische Fürstengrab von Zemplín. Bratislava, 1973.
36. Ecsedy I., Kovács L., Maráz B., Torma I. Békés megye régészeti topográfiája. Budapest, 1982. Vol. IV/ 1. (Magyarország régészeti topográfiája, 6.).
37. Röheim G. A halálmadár // Ethnographia. 1913. Vol. XXIV.
38. Röheim G. Magyar néphit és népszokások. Budapest, 1925.
39. Nemeskéri J., Kralovánszky A., Harsányi L. Trephined Skulls from the Tenth Century // ActaArchHung. 1965. Vol. XVII.
40. Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М., 2001.
41. Dienes I. A honfoglalás kora. Budapest, 1970.
42. Paulson I. Die primitiven Seelenvorstellungen der nordeurasischen Völker. Stockholm, 1958.

43. Paasonen H. Über die ursprüngliche Seelenvorstellungen bei den finnisch-ugrischen Völker // Journal de la Société Finno-ougrienne. 1909. XXVI.
44. Генинг В.Ф. Гляденовское костыше – памятник с обрядом трупосожжения // Древности Волго-Камья. Казань, 1977.
45. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М., 1991.
46. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994.
47. Dienes I. Archäologische Beweise des Seelenglaubens der Ungarn zur Zeit der Landnahme // Alba Regia. 1979. XVII.
48. Диенеш И. Поединки и экстатические души шаманов // CIFU 6. Studia Hungarica. Syktyvkar, Budapest, 1985.
49. Фодор И. К вопросу о погребальном обряде древних венгров // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
50. Fodor I. L'heritage archéologique des Hongrois conquérants // Les Hongrois et l'Europe: conquête et integration. Szeged, 1999.
51. Кожин С.А. 1941: Сокровенное сказание. М.; Л., 1941.
52. Ligeti L. (ed.) A mongolok titkos története. Budapest, 1962.
53. Bálint Cs. Südungarn im 10. Jahrhundert. Budapest, 1991.
54. Шастина Н.П. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
55. Györffy Gy. Julianus barát és a Napkelet felfedezése. Budapest, 1986.
56. Меистерхази К. Памятники аскызской культуры у с. Ракамаз (Венгрия) // Проблемы археологии степей. Кемерово, 1984.
57. Kodolányi J. A táltos a magyar néphagyományban – The „táltos” in the Hungarian Folklore // Ethnographia. 1945. Vol. LVI.
58. László Gy. Különvélemény isvállásunkról // László Gy.: Íseinkr. Budapest, 1990.
59. Vargyas L. A honfoglaló magyarság hitvilágának legfejlettebb rétege a nyelv és a folklór tükrében // Elımunkálatok a Magyarság Néprájához, 3. Mıtosz és történelem. Budapest, 1978.
60. Gabain A. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950. Vol. 2. Aufl.
61. Györffy Gy. Autor de l'etat semi-nomades: la cas de la Hongrie. Budapest, 1975 (Studia Historica ASH 95).
62. Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. Wiesbaden, 2001 (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, 54).
63. Roux J.-P. Tengri. Essai sur le viel-dieu de peuple altaïques // Revue d'histoire des Religions. Vol. CXLIX. 1956.
64. Потапов Л.П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник 1972. М., 1973.
65. Потапов Л.П. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманизма // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
66. Стеблева И.В. К реконструкции древнетюркской религиозной-мифологической системы // Тюркологический сборник 1971. М., 1973.
67. Неклюдов С.Ю. Мифология тюркских и монгольских народов (проблемы взаимосвязей) // Тюркологический сборник 1977. М., 1981.
68. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 2000.
69. Harva U. Die religiöse Vorstellungen der altaischen Völker. Porvoo; Helsinki, 1938 (FF Communicationes. Vol. LII. No. 125).
70. Róna-Tas A. Materialien zur alte Religion der Türken // Synkretismus in den Religionen Zentralasiens. Wiesbaden, 1987.
71. Потапов Л.П. Древнетюркские черты почитания неба у саяно-алтайских народов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
72. Németh Gy. A honfoglaló magyarság kialakulása. Budapest, 1930.
73. Németh Gy. A honfoglaló magyarság kialakulása. Budapest, 1991.
74. Немет Д. К вопросу об аварях // Turkologica. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л., 1976.
75. Dienes I. Schamanenaristokratie in den Nomadenstaaten // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku, 1981. Pars VIII.
76. Длужневская Г.В. Еще раз о «кудыргинском валуне» (К вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник 1974. М., 1978.
77. Плетнева С.А. От кочевий к городам (Салтово-маяцкая культура) // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1967. Т. 142.
78. Nepper I. Hajdú-Bihar megye 10–11. századi sírletelei, 1–2. Budapest; Debrecen, 2002.
79. Fodor I. Hungarian Cultural History: the Early Periods // A Cultural History of Hungary. Budapest, 1999.
80. Hoppál M. Shamanism. An Ancient and/or Recent System of Beliefs // Siikala A.-L., Hoppál M. Studies on Shamanism. Helsinki ; Budapest, 1992. (Ethnologica Uralica 2).
81. Hoppál M. 2000: Shaman Traditions in Transition. Budapest, 2000.
82. Eliade M. A samanizmus. Budapest, 2001.
83. Siikala A.-L., Hoppál M. Siberian and Inner Asian Shamanism // Studies on Shamanism. (Ethnologica Uralica 2). Helsinki ; Budapest, 1992.
84. Voigt V. Glaube und Inhalt. Drei Studien zur Volksüberlieferung. (Az ELTE Ókori Történeti Tanszékeinek kiadványai 15). Budapest, 1976.
85. Voigt V. Shamanism in North Eurasia as a Scope of Ethnology // Shamanism in Siberia. Budapest, 1978.
86. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991.
87. Moravcsik Gy. Byzantine Christianity and the Magyars in the Period of their Migrations // Studia Byzantina. Budapest, 1967.
88. Róna-Tas A. The Christianity of the Hungarians before the Conquest // La civita Ungherese e il cristianesimo – A magyar művelődés és a kereszténység // Atti del IVo Congresso Internazionale di Studi Ungheresi I. Budapest – Szeged, 1998.
89. Кузнецова А.М. Христианство в Венгрии на пороге второго тысячелетия // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002.
90. Тревер Д.В. Сенмурв-паскудж. Собака-птица. Л., 1938.
91. Демаков Д.А., Фоменко Д.А. К проблеме идентификации сенмурва // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии). Самара, 1997.

Fodor Istvan. Hungarian National Museum (Budapest, Hungary). E-mail: istvan.fodor@t-email.hu

TO A QUESTION OF RELIGIOUS BELIEFS OF ANCIENT HUNGARIANS.

Keywords: ancient Hungarians; Shamanism; tengrism; shaman attributes; life tree.

The question about what nature Hungarian religion had before Christianity has been interesting for Hungarian science since the 18th century. Shaman burials of the 10th century were excavated as well as many artifacts with symbols and attributes of the World Tree, the centerpiece of shamanistic universe. The relics of shamanism, close to one of Siberian peoples, stayed among Hungarians to the middle of the 20th century. There are very insufficient written Arabian sources of 9th and 10th centuries, reporting that «Hungarians are fire-worshippers» that simply means they were pagans. It was all about the religion of Hungarians. The new knowledge was found in the geographical works by al-Bakri (1068): «There is a nation that has no other deity except the sublime God. They believe in the Lord of Heaven as the Only and Almighty». The pagan religion of Hungarians of the 10th century before Christianity in no case was identical with the shamanism of Siberian peoples of the 19th century. Their religion was similar to one of Khazars (also semi-nomadic nationhood), and resembled one of Turkic. This religion is commonly called Tengrism. I. Dienes called it «pagan state religion» for Hungarians of the 10th century. It is indeed possible that Hungarian sacred prince was at the same time the «supreme shaman», who was surrounded by the similar «shaman aristocracy» as it is known in eastern countries. So far Hungarian rulers held both political and religion power. There also were many shamans who dealt with «ordinary people». After Christianization they remained, though secretly, but the top

layer of «white shamans» was cut off. This «pagan state religion» as multicolored shamanism had a strongly syncretic character; from their neighborhood eastern areas Hungarians used ready-made foreign pieces of many religious communities, even of Byzantine Christianity. For example the archaeological plate of a belt bag from Tisabezded village with Hungarian, Iranian and Byzantine objects show it very well. However, even a highly developed variant of shamanism cannot perform the function of the state religion neither in nomadic nor in settled societies. For this purpose, only dogmatic religions can exist, especially world religions with the well-developed organization when Church can be the basis for the secular authorities. This is the reason why empires of the East adopt one of world religions as a state religion (even the typical nomadic state the Golden Horde embraced Islam). Semi-nomadic Hungarians very fast adopted Christianity, not long after they found their new Motherland in the Carpathian Basin. The «pagan state religion» (Tengrism) was a transition state between the former shamanism and state religion as well as the sacred Principality of semi-nomadic societies was between a tribal state and a real state. Both of them had the important function in Hungarian history. They considerably simplified the formation of the state of the European type and the adoption of Christianity, the both of which represent the guarantee of survival for the people came from Eastern.

REFERENCES

1. Tóth, E. (2009) Sacer Mons. Szakrális helyek a magyarság kereszténység felvétele elotti vallásosságában [Sacer Mons. Additional Data about the Pre-Christian Hungarian Sacral Places]. *Csodaszarvas*. III.
2. Diószegi, V. (1958) Die Überreste des Schamanismus in der ungarischen Volkskultur [The remains of shamanism in the Hungarian folk culture]. *Acta EthnHung*. 7.
3. Hoppal, M. (1995) Sledy shamanizma v vengerskikh narodnykh verovaniyakh [Traces of shamanism in Hungarian folk beliefs]. In: Funk, D.A. et al. *Shamanizm i rannie religioznye predstavleniya* [Shamanism and early religious ideas]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS.
4. Diószegi, V. (1967) *A pogány magyarok hitvilága* [Beliefs of pagan Hungarians]. Budapest: Akadémiai Kiadó.
5. László, Gy. (1944) *A honfoglaló magyar nép élete* [The life of the conquering Hungarians]. Budapest: Múzsák.
6. László, Gy. (1945) Isvallásunk nyomai egy szamossháti kocistörténetben.. In: Szabó T.A. (ed.) *Az Erdélyi Tudományos Intézet Évkönyve 1944* [The Transylvanian Research Institute Yearbook 1944]. Kolozsvár.
7. Dömötör, T. (1982) *Volks Glaube und Aberglaube der Ungarn* [Folk beliefs and superstitions of Hungary]. Budapest: Corvina-Verlag, 1982.
8. Erdélyi, I. (1960) Táltos [Shaman]. *NyK*. LXII.
9. Redei, K. et al. (eds) (1986–1991) *Uralisches Etymologisches Wörterbuch* [The Urals Etymological Dictionary]. Vol. I–III. Budapest; Wiesbaden: Harrassowitz.
10. Benkő, L. (1993–1997) *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen* [The Hungarian Etymological Dictionary]. Vol. I–III. Budapest: Akadémiai Kiadó.
11. Pais, D. (1975) *A magyar isvallás nyelvi emlékeiből* [The Hungarian language isvallás emlékeiből]. Budapest, 1975.
12. Mészöly, G. (1952) Az ugorkori sámánosság magyar szókinszbeli emlékei. *Magyar Nyelv*. XLVIII. (In Hungarian).
13. László, Gy. (1974) *The Art of the Migration Period*. Budapest; London: Corvina Press, 1974.
14. Dienes, I. (1972) Die Kunst der landnehmenden Ungarn und ihre Glaubenswelt [The art of conquering Hungarians and their beliefs]. In: Rózsa, G. (ed.) *Actes du XXIIe Congrès International d'Histoire de l'Art* [Acts of the 22nd International Congress of Art History]. Vols I, III. Budapest : Akadémiai Kiadó.
15. Dienes, I. (1976) The Hungarians at the Time of the Conquest and Their Ancient Beliefs. In: Balogh, I. & Hajdú, P. (eds) *Ancient Cultures of the Uralian Peoples*. Budapest : Corvina Press.
16. Fodor, I. (2003) The Art and Religion of the Ancient Hungarians. In: Visy, Z. & Bartosiewicz, L. (eds) *Hungarian Archaeology at the Turn of the Millennium*. Budapest: Ministry of National Cultural Heritage.
17. Marosi, E. (2002) Nachleben oder Wiederbelegung? Versuche zur Eingliederung des Schatzes von Nagyszentmiklós in die Geschichte der Kunst in Ungarn [After life or revival? Attempts to integrate the treasure of Nagyszentmiklós in the history of art in Hungary]. In: Kovács, T. (ed.) *Gold der Awaren. Der Goldschatz von Nagyszentmiklós* [Gold of Avar. Gold Treasure of Nagyszentmiklós]. Budapest: Helikon.
18. Kuz'mina, E.E. (2002) *Mifologiya i iskusstvo skifov i baktriytsev* [Mythology and Art of Scythians and Bactrians]. Moscow: The RF Ministry of Culture.
19. Korol', G.G. (2008) *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii* [The art of the medieval Eurasian nomads]. Moscow, Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
20. Jettmar, K. (1962) Die Aussage der Archäologie zur Religionsgeschichte Nordeurasiens [The testimony of archeology to the religious history of Northern Eurasia]. In: Paulson, I., Hultkrantz, A. & Jettmar, K. *Die Religionen Nordeurasiens und der amerikanischen Arktis* [The religions of Northern Eurasia and American Arctic]. Stuttgart: W. Kohlhammer.
21. Johansen, U. (1987) Zur Geschichte des Schamanismus [On the history of shamanism]. In: Heissig, W. & Klimkeit, H. (eds) *Synkretismus in den Religionen Zentralasiens* [Syncretism in Central Asian religions]. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag.
22. Francofort, H.-P. (2001) Archaeology and Prehistories of Shamanism in Inner Asia. In: Francofort, H.-P., Hamayon, R. & Bahn, P.G. (eds) *The Concept of Shamanism: Uses and Abuses*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
23. Fodor, I. (1996) *The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
24. Fodor, I. (1982) *Die grosse Wanderung der Ungarn vom Ural nach Pannonien* [The great migration of Hungary from the Ural to Pannonia]. Budapest: Corvina Press.
25. Diószegi, V. (1969) A honfoglaló magyarság hitvilágának történeti rétegei: a világfa [The historical layers of the spiritual world of the Hungarians during the Conquest period]. In: Ortutay, G. (ed.) *Népi kultúra – népi társadalom* [Folk culture – Folk society]. Vol. II–III. Budapest: Akadémiai kiadó.
26. Solymossy, S. (1930) Az „égbenyúló fá”-ról szóló mesei motívumok [The tale of the “towering tree”]. *Ethnographia*. XLI.
27. Szöcs, S. (1945) Az „égbenyúló fá” a sárréti néphitben [The “Tree Reaching the Heaven” in the folklore of Sárrét]. *Ethnographia*. LVI.
28. Szöcs, S. (1952) Isi mintájú ábrázolások pásztori eszközökön [Ancient Decorative Patterns on Herdsmen's Implements]. *Ethnographia*. LXIII.
29. Dienes, I. (1956) Un cimetière de Hongrois conquérants à Bashalom. *ActaArchHung*. VII.
30. Dienes, I. (1972) *Les Hongrois conquérants* [The Hungarian conquerors]. Budapest: Corvina Press.
31. Dienes, I. (1980) Der Weltbaum des landnemenden Ungarn [The World Tree of landnemenden Hungary]. *Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Pars II. Budapest.
32. Sternberg, L.Ya. (1925) Kul't orla u sibirskikh narodov [The cult of eagle among Siberian peoples]. In: Karskiy, E.F. (ed.) *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [the collection of Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 5. Leningrad: USSR AS.
33. Fodor, I. (1996) Gégeny – Monokdomb. In: Fodor, I. (ed.) *The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
34. Fodor, I. (1999) Sankt Gallen und die Streifzüge der Ungarn [Sankt Gallen and the rambles of Hungary]. In: Csiahk, J.Gy. & Vogler, W. (eds) *Die Ungarn und die Abtei Sankt Gallen* [The Hungarians and the Sankt Gallen Abbey]. Sankt Gallen – Budapest.
35. Budinský-Krička, V. & Fettich, N. (1973) *Das altungarische Fürstengrab von Zemplín* [The old Hungarian royal grave of Zemplín]. Bratislava: SAV, t. Tlac. SNP.

36. Ecsedy, I., Kovács, L., Maráz, B. & Torma, I. (1982) *Békés megye régészeti topográfiája*. Vol. IV/ 1. Budapest.
37. Róheim, G. (1913) A halálmadár [The death of birds]. *Ethnographia*. XXIV.
38. Róheim, G. (1925) *Magyar néphit és népszokások* [Hungarian people and folk customs]. Budapest: Athenaeum.
39. Nemeskéri, J., Kralovánsky, A. & Harsányi, L. (1965) Trephined Skulls from the Tenth Century. *ActaArchHung*. XVII.
40. Mednikova, M.B. (2001) *Trepanatsii u drevnikh narodov Evrazii* [Trepanations of the ancient peoples of Eurasia]. Moscow: Nauchny mir.
41. Dienes, I. (1970) *A honfoglalás kora* [The age of conquest]. Budapest: Minerva.
42. Paulson, I. (1958) *Die primitiven Seelenvorstellungen der nordeurasischen Völker* [The primitive performances of northern Eurasian peoples]. Stockholm: Ethnographical Museum of Sweden.
43. Paasonen, H. (1909) Über die ursprüngliche Seelenvorstellungen bei den finnisch-ugrischen Völker [About the original soul performances at the Finno-Ugric peoples]. *Journal de la Société Finno-ougrienne*. XXVI.
44. Gening, V.F. (1977) Glyadenovskoe kostishche – pamyatnik s obryadom trupozozhzheniya [The Glyadenovo Bone Bed as a monument to the rite of cremation]. In: Smirnov, A.P. & Fyodorov-Davydov, G.A. (eds) *Drevnosti Volgo-Kam'ya* [Antiquities of the Volga-Kama region]. Kazan: USSR AS.
45. Kosarev, M.F. (1991) *Drevnyaya istoriya Zapadnoy Sibiri: chelovek i prirodnaya sreda* [The ancient history of West Siberia: man and the natural environment]. Moscow: Nauka.
46. Vladykin, V.E. (1994) *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Religious and mythological world picture of Udmurt people]. Izhevsk: Udmurtiya.
47. Dienes, I. (1979) Archäologische Beweise des Seelenglaubens der Ungarn zur Zeit der Landnahme [Archaeological evidence of soul faith of Hungarians at the time of the Conquest]. *Alba Regia*. XVII.
48. Dienes, I. (1985) Poedinki i ekstatcheskie dushi shamanov [Fights and ecstatic souls of shamans]. *CIFU 6. Studia Hungarica*. Syktyvkar, Budapest, 1985.
49. Fodor, I. (1972) K voprosu o pogrebal'nom obryade drevnikh vengrov [On the issue of the funeral rite of the ancient Hungarians]. In: Smirnov, A.P. (ed.) *Problemy arkheologii i drevney istorii ugrov* [Problems of archeology and ancient history Ugric peoples]. Moscow: Nauka.
50. Fodor, I. (1999) L'heritage archéologique des Hongrois conquérants [The archaeological heritage of the Hungarian conquerors]. In: Csernus, S. & Korompay, K. (eds) *Les Hongrois et l'Europe: conquête et integration* [Hungarians and Europe: conquest and integration]. Szeged: Publications de l'Institut hongrois de Paris.
51. Kozhin, S.A. (1941) *1941: Sokrovennoe skazanie* [1941: The Secret History]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
52. Ligeti, L. (1962) (ed.) *A mongolok titkos története* [The Secret History of the Mongols]. Budapest: Fapadoskönyv.hu Kiadó.
53. Bálint, Cs. (1991) *Südungarn im 10. Jahrhundert* [Southern Hungary in the 10th century]. Budapest: Akadémiai Kiadó.
54. Shastina, N.P. (1957) *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travel to the East by Plano Carpini and Rubruk]. Moscow.
55. Györffy, Gy. (1986) *Julianus barát és a Napkelet felfedezése*. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó.
56. Meshterkhaz, K. (1984) Pamyatniki askyzskoy kul'tury u s. Rakamaz (Vengriya) [Monuments of Askizsky culture at Rakamaz River (Hungary)]. In: Martynov, A.I., Erdéli, Y. & Molodin, V.Y. (eds) *Problemy arkheologii stepey* [Problems of the steppe archeology]. Kemerovo: Kemerovo State University.
57. Kodolányi, J. (1945) A táltos a magyar néphagyományban – The “táltos” in the Hungarian Folklore []. *Ethnographia*. LVI.
58. László, Gy. (1990) *Iseinkril*. Budapest.
59. Vargyas, L. (1978) A honfoglaló magyarság hitvilágának legfejlettebb rétege a nyelv és a folklór tükrében. In: *Elmunkálatok a Magyarság Néprajzához, 3. Mítosz és történelem*. Budapest.
60. Gabain, A. (1950) *Altürkische Grammatik* [Old Turkish grammar]. Vol. 2. Leipzig: Harrassowitz.
61. Györffy, Gy. (1975) Autor de l'état semi-nomades: la cas de la Hongrie [Autor of the semi-nomadic state: the case of Hungary]. *Studia Historica ASH 95*. Budapest.
62. Göckenjan, H. & Zimonyi, I. (2001) Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica*. 54.
63. Roux, J.-P. (1956) Tengri. Essai sur le viel-dieu de peuple altaïques. *Revue d'histoire des Religions*. CXLIX.
64. Potapov, L.P. (1973) Umay – bozhество drevnikh tyurkov v svete etnograficheskikh dannyykh [Umai - deity of the ancient Turks in the light of ethnographic data collection]. In: Kononov, A.N. (ed.) *Tyurkologicheskii sbornik* [Turcologica]. Moscow: Nauka.
65. Potapov, L.P. (1978) K voprosu o drevnetyurkskoy osnove i datirovke altayskogo shamanizma [To the question on the ancient Turkic basis and dating of Altai shamanism]. In: Okladnikov, A.P. (ed.) *Etnografiya narodov Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ethnography of Altai and Western Siberian peoples]. Novosibirsk: Nauka.
66. Stebleva, I.V. (1973) K rekonstruktsii drevnetyurkskoy religioznoy-mifologicheskoy sistemy [The reconstruction of the ancient Turkic religious-mythological system]. In: Kononov, A.N. (ed.) *Tyurkologicheskii sbornik* [Turcologica]. Moscow: Nauka.
67. Neklyudov, S.Yu. (1981) Mifologiya tyurkskikh i mongol'skikh narodov (problemy vzaimosvyazey) [The mythology of Turkic and Mongolian peoples (the problem of the relationship)]. In: Kononov, A.N. (ed.) *Tyurkologicheskii sbornik* [Turcologica]. Moscow: Nauka.
68. Pletneva, S.A. (2000) *Ocherki khazarской arkheologii* [Essays on Khazar archeology]. Moscow; Ierusalem: Mosty kul'tury.
69. Harva, U. (1938) Die religiöse Vorstellungen der altaischen Völker [Religious ideas of Altai peoples]. *FF Communicationes*. LII(125).
70. Róna-Tas, A. (1987) Materialien zur alte Religion der Türken [Material about Turkic old religions]. In: Heissig, W. & Klimkeit, H. (eds) *Synkretismus in den Religionen Zentralasiens* [Syncretism in Central Asian religions]. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag.
71. Potapov, L.P. (1978) Drevnetyurkskie cherty pochitaniya neba u sayano-altayskikh narodov [Ancient worship of the sky at the Sayano-Altai]. Okladnikov, A.P. (ed.) *Etnografiya narodov Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ethnography of Altai and Western Siberian peoples]. Novosibirsk: Nauka.
72. Németh, Gy. (1930) *A honfoglaló magyarság kialakulása* [The conquering Hungarians formation]. Budapest (s.n.).
73. Németh, Gy. (1991) *A honfoglaló magyarság kialakulása* [The conquering Hungarians formation]. Budapest: Akadémia Kiadó.
74. Nemet, D. K voprosu ob avarakh [The Avars]. In: Kononov, A.N. (ed.) *Tyurkologicheskii sbornik* [Turcologica]. Leninrad: Nauka.
75. Dienes, I. (1981) Schamanenaristokratie in den Nomadenstaaten [Shamans aristocracy in the nomads states]. *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum*. VIII. Turku.
76. Dluzhnevskaya, G.V. (1974) Eshche raz o “kudyrginskom valune” (K voprosu ob ikonografii Umay u drevnikh tyurkov) [Once again about the “Kudyrga stone” (On the question of the iconography of the ancient Turks Umai)]. In: Kononov, A.N. (ed.) *Tyurkologicheskii sbornik* [Turcologica]. Moscow: Nauka.
77. Pletneva, S.A. (1967) Ot kochevy k gorodam (Saltovo-mayatskaya kul'tura) [From nomads to the cities (Saltovo-Mayatzky culture)]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and researches on archeology of the USSR]. Vol. 142. Moscow: Nauka.
78. Nepper, I. (2002) *Hajdú-Bihar megye 10–11. századi sírleletei, 1–2*. Budapest; Debrecen.
79. Fodor, I. (1999) Hungarian Cultural History: the Early Periods. In: Kósa, L. (ed.) *A Cultural History of Hungary*. Budapest: Corvina.
80. Hoppál, M. (1992) Shamanism. An Ancient and/or Recent System of Beliefs. In: Siikala, A.-L. & Hoppál, M. (eds) *Studies on Shamanism. (Ethnologica Uralica 2)*. Helsinki; Budapest.
81. Hoppál, M. (2000) *2000: Shaman Traditions in Transition*. Budapest: International Society for Shamanistic Research.
82. Eliade, M. (2001) *A samanizmus* [Shamanism]. Budapest: Osiris.
83. Siikala, A.-L. (1992) Siberian and Inner Asian Shamanism. In: Siikala, A.-L. & Hoppál, M. (eds) *Studies on Shamanism. (Ethnologica Uralica 2)*. Helsinki; Budapest.

84. Voigt, V. (1976) Glaube und Inhalt. Drei Studien zur Volksüberlieferung [Faith and content. Three studies on the folk tradition]. *Az ELTE Ókori Történeti Tanszékeinek kiadványai*. 15. Budapest.
85. Voigt, V. (1991) Shamanism in North Eurasia as a Scope of Ethnology. In: *Shamanism in Siberia*. Budapest.
86. Potapov, L.P. (1991) *Altayskiy shamanism* [The Altai shamanism]. Leningrad: Nauka.
87. Moravcsik, Gy. (1967) *Studia Byzantina*. Budapest: Adolphi M. Hakkert.
88. Róna-Tas, A. (1998) The Christianity of the Hungarians before the Conquest. *La civita Ungherese e il cristianesimo – A magyar művelődés és a kereszténység*. Proceedings of the IVth International Congress of Hungarian Studies. Budapest – Szeged.
89. Kuznetsova, A.M. (2002) Khristianstvo v Vengrii na poroge vtorogo tysyacheletiya [Christianity in Hungary, on the threshold of the second millennium]. In: Florya, B.N. (ed.) *Khristianstvo v stranakh Vostochnoy, Yugo-Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy na poroge vtorogo tysyacheletiya* [Christianity in Eastern, South-Eastern and Central Europe on the threshold of the second millennium]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
90. Trever, D.V. (1938) *Senmurv-paskudzh. Sobaka-ptitsa*. [The Dog-Bird Senmurv-Paskudj]. Leningrad: The State Ermitage.
91. Demakov, D.A. & Fomenko, D.A. (1997) K probleme identifikatsii senmurva [On the problem of senmurv identification]. In: Stanshenkov, D.A. et al. *Kul'tura stepey Evrazii vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (Voprosy khronologii)* [The culture of the Eurasian steppes of the second half of I millennium BC (Questions of chronology)]. Samara: Samara Regional Museum.

Н.О. Тадышева

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Рассматривается свадебная обрядность народов Саяно-Алтая в хронологических рамках конца XIX – начала XXI в. Выявляются общие элементы проведения свадебной церемонии у алтайцев, тувинцев и хакасов, основанные на бинарной оппозиции «свой–чужой». Также отмечается наличие локальных особенностей, которые определяются тенденциями и закономерностями развития этнической религиозной картины мира этих народов. Для Алтая характерно влияние комплекса бурханистских представлений, культовых предметов, обрядов. Тувинский традиционный свадебный обряд испытал сильное влияние буддизма (ламаизма).

Ключевые слова: традиционная культура; семейная обрядность; мировоззрение; изменчивость; устойчивость.

Семейная обрядность является одной из консервативных сфер традиционной культуры. Обряд, оформляющий заключение брака, объединен по своему содержанию с другими переходными обрядами семейного цикла, но имеет и свою специфику: свадебная обрядность связана с изменением социального статуса человека в отличие от родильных и похоронных обрядов, определяемых в первую очередь природно-биологическими факторами.

Объектом нашего исследования является свадебная обрядность народов Саяно-Алтая в хронологических рамках конца XIX – начала XXI в. Анализ свадебной обрядности алтайцев, хакасов и тувинцев проведен на основе материалов этнографической литературы конца XIX – начала XXI в., а также полевого материала автора. Задачей исследования не является описание способов заключения и форм брака. Интерес представляет выделение общих и отличительных черт свадебной обрядовой культуры саяно-алтайских тюрков, которые в народной традиции имеют культурно-символическое значение, а значит, тесно связаны с этнической идентификацией.

В традиционной свадебной обрядности тюрков Саяно-Алтая соблюдается **экзогамный брак**, т.е. присутствуют ограничения к вступлению в брак по отцовской родовой принадлежности. Брак, экзогамия обладают сакральностью. В традиционном мировоззрении брак является обязательным, а безбрачие воспринимается как неполнота, неисчерпанность жизненного цикла. Про таких людей говорят *куру* (пустой).

В брачном ритуале сильны представления о категории «свой–чужой» и о вере в негативное воздействие со стороны «чужого». В семейной обрядности проводятся последовательные церемонии, которые сопровождают переход будущих супругов из одного состояния в другое, из «чужого» мира – в «свой». Первоначально невеста *келин* предстает в качестве «чужой». Слово *келин* произошло от слова *kel* – приходить [1. С. 295], т.е. невеста – это «пришедшая». Ее «опасное» воздействие сильно по отношению к новым родственникам, и против нее принимаются меры магически-религиозной защиты. В результате совершения обрядов

происходят «отделение» ее от семьи родителей, от прежнего домашнего культа и постепенное включение в новую среду.

Так, *родители невесты на свадьбе не присутствуют* и в течение года не имеют права навещать свою дочь. На этом промежуточном этапе совершаются обряды «отделения» от дома родителей и «включения» в семью мужа. Срок определяется периодом рождения ребенка, и невеста, став матерью, тем самым укрепляет свои новые родственные связи и присоединяется к семье мужа.

Обязательным обрядом свадебной церемонии является обычай **закрывать лицо невесты** – у алтайцев *кӧжӧӧ* – свадебным занавесом, у хакасов – платком способом *тумах* [2. С. 205], у тувинцев – свадебной вуалью *тумалай* / *думаалай* [3. С. 105; 4. С. 58]. Пока не проведены обряды перехода нового члена в семью, она являлась «чужой» и «опасной». Поэтому было необходимо прикрывать молодую девушку до завершения ее ритуального перехода в дом и семью мужа.

У алтайцев **в день свадьбы жених не ездил за невестой**, за ней отправлялись невестки – *јеҥе*, племянники – *јеени* (по материнской линии). Данный обычай, вероятно, также направлен на защиту жениха и его семьи от «чужих», ведь в процессии участвуют женщины и племянники из другого рода. В этом отражалась значимость представления о родстве по материнской линии, так как в основном старались жениться на девушках рода матери, значит *јеени* жениха и невеста, и может быть, и *јеҥелер* жениха были одного рода. Отправку за невестой племянников, младшего брата или близкого младшего родственника жениха исследователи связывают с обычаем левирата [5. С. 187] или отголоском группового брака [6. С. 69]. Но, по нашему мнению, этот обычай подчеркивает сохранение в алтайской семейной обрядности норм матрилокальности.

У хакасов также зафиксировано, что право на первый контакт с невестой до обрядов перехода ее в статус жены имели только невестки. Так, на свадьбе тетка (жена старшего брата мужа) закрывает невесту сукном и не показывает ее лицо гостям [7. С. 351].

Посаженной матерью могла быть жена *тайы*, для участия в обряде «поднятия парги» (подарок) – «*паргаа хантырганы*» приглашались и *тайы* с женой. На тувинской свадьбе в роли старухи *Аскак-Кадай* выступает мужчина, в большинстве случаев – дядя невесты со стороны матери. Значительную роль *таайы/тайы* в семейных обрядах можно объяснить устойчивыми реликтами материнского рода в традиционном обществе.

Рубить кости забитого на свадьбу животного запрещалось, что, видимо, отражало древние представления, связанные с верой в реинкарнацию. Чтобы душа ожила, необходимо было сохранить останки в целостности и разделять мясо только по суставам.

Јодо чачары (букв. «бросать берцовую кость»). На Алтае на следующий день после свадьбы в доме родителей жениха проводится обряд *байтал баи* (букв. «голова двухлетнего коня», здесь ритуальное угощение). В этот день варят голову коня, заколотого к свадьбе, и внутренности овечки. *Таайы* жениха выбрасывает из дымохода аила *сүме кабырга* (грудинное ребро) или *јодо* (большая берцовая кость). Их старались ловить только родственники жениха или сам жених, чтобы счастье семейное из дома не ушло. Если удачливее оказывался кто-то другой, *јодо* обязательно выкупают [10. С. 121].

Тувинский обряд *Чода куназир* – «борьба за кость» – состоит в том, что во время свадебного пира свекровь или сват бросают в дверь или в отверстие над очагом, в толпу молодежи родов жениха и невесты, обглоданную баранью кость голени (чода). Самые сильные, проворные и ловкие состязаются, кто завладеет ею. Завладение костью юношей из рода жениха является хорошим предзнаменованием, поэтому воспринималось нормально, если невестина сторона слукавит и не будет стараться захватить кость [3. С. 104–105; 4. С. 58].

В конце XIX в. у хакасов отмечалось, что на большом пире варили голень заколотого животного, сварив, мазали ею косы невесты, потом бросали голень в степь. Также существовала ритуальная игра между мужчинами и юношами, чтобы завладеть ею [Образцы, 352].

Некоторые исследователи объясняют этот обычай тем, что кость «чода» имела сакральное значение, связанное с общественным статусом человека [2. С. 205]. Другие рассматривают «*јодо*» как символ благополучия [14. С. 126–127; 15. С. 128].

Поклонение огню. В свадебной обрядности народов Саяно-Алтая отражены архаические представления о культе огня. Огонь является для многих народов стихией, которую особенно выделяли и почитали. Огонь – символ новой семьи, нового дома. *Алкыш* для молодой семьи звучит: «*таиш-очогы тайкылбазын, талкан-күйи чачылбазын*» (букв. «пусть очаг не соскользнет, пусть огонь не рассыплется»). Угощение огня является просьбой благословить новую семью. При сватовстве родственники жениха в первую очередь поклоняются огню дома родителей невесты. Сакральным местом в алтайском аиле является «*оттыН баажы*» (голова огня), где не разрешается никому ходить [10. С. 114].

Тувинская невеста во время свадьбы должна поклониться огню, про себя проговорить заклинание, обращенное к духу-хозяину домашнего очага, и сварить традиционный чай [13. С. 58]. У хакасов поклонение огню также совершалось женихом и невестой [2. С. 206].

Реликтовым является и обряд «*энезиниН сүдиниН каргыжы*» (букв. «проклятье материнского молока») у алтайцев, «*сют агы*» (букв. белое молоко) или «*эмджек агы*» (букв. белая грудь) у хакасов, у тувинцев – «*эмиг каргыжы*» (букв. «проклятье груди»), который поводится во время свадебной поездки к родителям невесты, а также алтайский *белкенчек* (букв. задняя часть туши животного, здесь поездка родителей и родственников жениха к родителям невесты с вином и угощением за получением приданого) и хакасский *тёргин* (то же, что у алтайцев *белкенчек*). Мама тувинской невесты получала дойную скотину – возмещение молока, которое было выпито дочерью из ее груди [3. С. 104, 4. С. 58]. Суть данного обряда сводится к подношениям матери невесты символической платы сватов, молодых за грудное молоко матери, за воспитание дочери.

Однако отмечаются и различия в проведении свадебных обрядов. Такие элементы, как молоко, арчын, белый цвет и др., игравшие существенную роль в культуре народов Южной Сибири и Средней Азии, известны многим тюркским, монгольским народам. Но именно в культовой практике алтайского населения они приобрели ярко выраженный характер, что можно объяснить влиянием бурханизма, возникшего и распространившегося в Горном Алтае в начале XX в.

В религиозно-обрядовой традиции алтайцев большое место занимает **культ *јайык*** (семейное божество). В пантеоне алтайского шаманизма *јайык* – это дух-посредник, охранявший человека от всех несчастий и бед. Именно через него приходили души всего живого на землю, но основная его роль заключалась в посредничестве между человеком и верхними божествами. С возникновением бурханизма значение *јайыка* актуализировалось, со временем он трансформировался в самостоятельное семейное божество. Таким образом, в нем отражены древние анимистические, тотемистические, шаманские и бурханистские представления. Сакрализация культа *јайык* определила его место в алтайской семейной обрядности. Так, во время сватовства родственники жениха, приехав к родителям невесты, обращаются: «*Ак јайыгардаН, от-очоктоН, ада-энезинеН, уур эткен улус эдис, кудалап келгенис*» (букв. «От семейных божеств – *јайыка*, хозяина огня, из дома, от родителей совершившие воровство, приехали сватать»). Во время свадьбы молодой семье устанавливают своеобразный *јайык* – *арчын* с *кыйра* [16. С. 169–171].

Отличительным элементом в алтайской свадебной обрядности является высокая степень **сакрализации молока**. При сватовстве к родителям невесты обязательно заходят с молоком и молочной водкой *аракы*. На свадьбу *белкенчек* необходимо приготовить молочные продукты – сырчик-курут, *пыштак* (вид сыра), топленое масло – *сарыу*. Неве-

сте, после того как открыли *кӱжӱӱ*, дают выпить молоко. Такой ярко выраженный выход на первый план молока и молочных продуктов у алтайцев также связан с бурханизмом. Не случайно алтайцы называли свою веру «*ак јан, сӱт јан*» – «белой верой, молочной верой».

Также особое место занимает *арчын* – можжевельник, он является необходимым компонентом во всех без исключения бурханистских обрядах. Во время сватовства приезжают с *арчыном*, во время проведения обряда «*баишады*» кладут *арчын* в огонь, *таайы* им может открыть *кӱжӱӱ*. *Арчын* – элемент архаичных дошаманских культов, ему приписывают охранительные и очистительные свойства. В бурханизме он стал своеобразным паролем, символом принадлежности к «белой вере» [17. С. 209].

В хакасской свадебной обрядности обязательным в обрядах было нечетное число участвующих [5. С. 189]. У алтайского населения сватовство, приготовление *кийиса* – войлочного ковра – должны были проводиться *четным количеством* людей. В этом не могли участвовать люди разведенные, вдовы, вдовцы, так как они одни «*ээжӱ јок*» (без пары). При сватовстве каждую процедуру повторяют четное число раз. Наблюдением соблюдения языка символов и знаков: «живое – неживое», «четное – нечетное», «полное – неполное».

Отличительной особенностью в тувинских предсвадебных мероприятиях является *роль ламы-астролога*. Именно он определял благоприятный день свадьбы – «*Хун коргузер*» (букв. назначить день) [18. С. 162].

Желательно было, чтобы год рождения жениха по тем или иным признакам превосходил год рождения невесты или же чтобы соотношение было равным, т.е. животное, в год которого был рожден жених, должно быть физически сильнее животного, в год которого родилась невеста. Так, девушка, рожденная в год тигра, не могла выйти замуж за юношу, родившегося в год зайца, так как тигр мог «съесть» зайца, т.е. мужчина не будет главой семьи. Но эти несоответствия можно было исправить прочтением специальных молитв или жертвоприношениями [Там же].

Некоторые отличия есть и в обряде со свадебным занавесом. Так, у алтайцев *кӱжӱӱ* открывает традиционно только *таайы*, который говорит: «*јолымды кечте, адымды адаба*» (букв. дорогу мне не переходи, имя мое не называй), тем самым определяет правила поведения невесты – *кайындаш*.

У тувинцев отец мужа срывает *тумалай* / *думалай* и гладит темя невесты, после чего она может не прятать лицо [3. С. 105]. Но у хакасской невесты платок срывали холостые парни [2. С. 205].

После того как в сопровождении *Аскак-Кадай* тувинская невеста входит в аал, она должна три раза обойти очаг и «угостить» огонь, при этом она поклонялась огню [13. С. 58]. Как отмечают исследователи, одна из особенностей тувинской свадьбы – благословление невесты *келин алгаары* [11. С. 29–32]. Тогда как у алтайцев *алкыш* произносят в честь молодой семьи.

Во время проведения обряда *баишады* на алтайской свадьбе, когда за *кӱжӱӱ* невестки заплетали волосы невесты, присутствующие говорили *алкыш* в честь молодой семьи. Жених с *таайы* «угощали» *От-ээзи* (Хозяина огня), наливали топленое масло, обходя вокруг очага. У алтайцев строго запрещается невестке проходить по *оттыҥ бажы*.

Этнографическая литература и полевой материал позволили выявить общее в свадебной обрядности алтайского, тувинского и хакасского этносов. Можно сделать вывод о том, что некогда общий пласт представлений народов Саяно-Алтая как синтез архаических верований и шаманизма и сегодня функционирует в модифицированном виде в каждой этнической культуре. Это культ огня, культ предков, сакрализация молока, благопожелания, магия слова, бинарная оппозиция «свой – чужой» и др. Архаические представления, трансформировавшись, продолжают действовать в современной семейной обрядности, что говорит об их значимости в традиционном сознании и свидетельствует об их устойчивости в традиционной культуре.

Также необходимо отметить и наличие локальных особенностей, которые связаны с не во всем совпадающей религиозной картиной мира тюркоязычных народов Саяно-Алтая. Для Алтая характерным отличием свадебной обрядности является воздействие на него комплекса бурханистских культовых предметов, обрядов. Бурханизм оказал значительное влияние на этническое мировосприятие алтайского населения, что отражается в их идентификации. У тувинцев буддизм (ламаизм) сыграл определенную роль в сохранении и трансляции традиционной культуры, вобрав в себя многие архаические представления.

Таким образом, рассмотренный материал показывает, что, трансформируясь, традиционное мировоззрение, сохраняет и развивает традиционную культуру, в том числе и свадебную обрядность тюрков Саяно-Алтая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Древнетюркский словарь. Л. : Наука, 1969. 676 с.
2. Бутанаев В.Я. Будни и праздники тюрков Хонгорая. Абакан : Журналист, 2014. 316 с.
3. Кон Ф. За пятьдесят лет // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX века). Кызыл : Тувинское книжное издательство, 2002. С. 69–108.
4. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX века). Кызыл : Тувинское книжное издательство, 2002. С. 55–68.

5. Бутанаев В.Я. Свадебные обряды хакасов в конце XIX – начале XX в. // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск : Наука, Сиб. отд., 1987. С. 179–193.
6. Бутанаев В.Я. Особенности культуры и быта тюрков Саяно-Алтая. Астана : Кантана Пресс, 2011. 440 с.
7. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Репринт изд. [Б.м.], [б.г.] 696 с.
8. Хертек Л.К. Образ «Аскак-Кадай» «Хромой Старухи» в традиционной свадебной обрядности тувинцев. URL: http://tomb-raider6.narod.ru/lib/kk/kultura_i_mentalitet_naselenija_s/obraz_askak-kadaj-hromoj-staru.html, свободный (дата обращения: 31.05.2014).
9. Тадина Н.А. Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). Горно-Алтайск : Юч-Сюмер, 1995. 207 с.
10. Тадышева Н.О. Влияние христианизации на семейную обрядность коренного населения Горного Алтая. Горно-Алтайск : Горно-Алтайская типография, 2011. 176 с.
11. Юша С.Ю. Свадебные обряды тувинцев. URL: <http://2003.vernadsky.info/works/g4/03038.html>, свободный (дата обращения: 30.05.2014).
12. Шерстова Л.И. Представление о «чужих» в ментальной традиции аборигенов Южной Сибири // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX вв.). Новосибирск, 2008. С. 186–246.
13. Юша Ж.М. Свадебная обрядность тувинцев: традиции и новации // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири. Новосибирск, 2008. С. 52–62.
14. Ойношев В.П. О некоторых аспектах символики пищи при совершении обрядовых действий // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск. 2007. Вып. 6. С. 126–127.
15. Торусhev Э.Г. Некоторые кости животных в ритуалах алтайцев // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск. 2007. Вып. 6. С. 127–129.
16. Тадышева Н.О. Культ жайык в традиционных представлениях алтайцев // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 169–171.
17. Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск : Томский государственный университет, 2010. 228 с.
18. Монгуш М.В. История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.). Новосибирск : Наука, 2001. 200 с.

Tadisheva Natalya O. Budgetary Research Institution of the Altay Republic «S.S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics» (Gorno-Altaysk, Russian Federation). E-mail: tadisheva@mail.ru

WEDDING RITES OF THE SAYANO-ALTAI REGION NATIONS: THE GENERAL AND SPECIAL.

Keywords: traditional culture; family rituals; outlook; variability; stability.

The family ceremony is one of the conservative elements of traditional culture. The ritual registering a marriage resembles with other transitional rites of a family cycle, but has its own specifics in comparison with other family ceremonies. The wedding rites are connected with change of the social status of the person, while maternity and funeral rituals are mostly determined by natural and biological factors. The object of the article is the wedding ceremony of the Sayano–Altai region nations within the chronological scope of the end of XIX – the beginnings of the XXI century. The analysis of the wedding rites of the Altaians, Tuvinians and Khakassess is based on the ethnographic literature of the end of XIX – the beginning of the XXI century, also the author's field materials were engaged. The ethnographic data on customs, marriage ceremonies in cultures being in consideration have revealed the identical representations of traditional outlook based on opposition “one's own” in contrast to “another's”. The research isn't aimed at the description of the ways of the marriage registration and its forms. The common and distinctive features of the wedding rites in the Turkic traditional culture in their perception as the token are being investigated. The ethnographic literature and the author's field material led to revealing of the distinguishing feature in the wedding ceremony of the Altaians, Tuvinians and Khakassess. The general elements such as fire and ancestors worship, milk sacralization, blessing words, magic of the word, binary opposition “one's own” in contrast to “another's” in ideology of the Sayano-Altai region nations based on the complex of archaic beliefs and shamanism are modified. The modified archaic representations keep acting in contemporary family ceremony governed by their value in traditional sense and stability in traditional culture. The local distinguished features connected with a religious presentation of the world are also considered. Altai distinguishes from others by the complex of the Burkhanist cult articles, ceremonies. Burkhanism had considerable influence on ethnic attitude of the Altaians to the outside world that is reflected in identification and positioning in space and reveals the ethnoconfessional characteristic of indigenous people of Altai Republic. Buddhism had an influence on preservation and delivery of traditional culture of the Tuvinians. The considered material exposes that modified traditional outlook keeps and develops traditional culture of the Turkic nations of the Sayano–Altai region.

REFERENCES

1. Nadelyaev, V.M. (ed.) (1969) *Drevnyeturkskiy slovar'* [Old Turkic Dictionary]. Leningrad: Nauka.
2. Butanaev, V.Ya. (2014) *Budni i prazdniki tyurkov Khongoraya* [The everyday life and holidays of the Turks Khongor]. Abakan: Zhurnalist.
3. Con, F. (2002) *Za pyat'desyat let* [For the fifty years]. In: Kuzhuget, A.K. (ed.) *Traditsionnaya kul'tura tuvintsev glazami inostrantsev (konets XIX – nachalo XX veka)* [The traditional culture of Tuva through the eyes of foreigners (the late 19th – early 20th centuries)]. Kyzyl: Tuva Book Publishing. pp. 69–108.
4. Yakovlev, E.K. (2002) *Etnograficheskiy obzor inorodcheskogo naseleniya doliny yuzhnogo Eniseya i ob'yasnitel'nyy katalog etnograficheskogo otdela muzeya* [An Ethnographic review of non-Russian population of the valley south of the Yenisei River and an explanatory catalog of the museum ethnographic department]. In: Kuzhuget, A.K. (ed.) *Traditsionnaya kul'tura tuvintsev glazami inostrantsev (konets XIX – nachalo XX veka)* [The traditional culture of Tuva through the eyes of foreigners (the late 19th – early 20th centuries)]. Kyzyl: Tuva Book Publishing. pp. 55–68.
5. Butanaev, V.Ya. (1987) *Svadebnye obryady khakasov v kontse XIX – nachale XX v.* [Wedding ceremonies of Khakasess in the late 19th – early 20th centuries]. In: Rusakova, L.M. & Minenko, N.A. (eds) *Traditsionnye obryady i iskusstvo russkogo i korennykh narodov Sibiri* [Traditional ceremonies and art of Russian and indigenous peoples in Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 179–193.
6. Butanaev, V.Ya. (2011) *Osobennosti kul'tury i byta tyurkov Sayano-Altaya* [The culture and life of the Sayano-Altai Turks]. Astana: Kantana Press.
7. Katanov, N.F. (ed.) (1907) *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen. Ch. IX. Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov* [The samples of folk literature of Turkic tribes. Part IX. Dialects of Uryankhay (Soyots), Abakan Tatars and Karagas]. St. Petersburg.
8. Khertek, L.K. (n.d.) *Obraz “Askak-Kadai” “Khromoy-Starukhi” v traditsionnoy svadebnoy obryadnosti tuvintsev* [The image of “Askak-Kadai”, “Lame Old Woman”, in the traditional wedding rites in Tuva]. [Online] Available from: http://tomb-raider6.narod.ru/lib/kk/kultura_i_mentalitet_naselenija_s/obraz_askak-kadaj-hromoj-staru.html. (Accessed: 31st May 2014).
9. Tadina, N.A. (1995) *Altayskaya svadebnaya obryadnost' (XIX–XX vv.)* [Altai wedding rituals (the 19th – 20th centuries)]. Gorno-Altaysk: Yuch-Syumer.
10. Tadysheva, N.O. (2011) *Vliyaniye khristianizatsii na semeynyuyu obryadnost' korennykh naseleniya Gornogo Altaya* [The impact of Christianization on the family rites of the indigenous population in the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya tipografiya.

11. Yusha, S.Yu. (2003) *Svadebnye obryady tuvintsev* [The Tuvan wedding ceremonies]. [Online] Available from: <http://2003.vernadsky.info/works/g4/03038.html>. (Accessed: 30th May 2014).
12. Sherstova, L.I. (2008) Predstavlenie o "chuzhikh" v mental'noy traditsii aborigenov Yuzhnoy Sibiri [The concept of "others" in the mental tradition of aboriginal population of South Siberia]. In: Baulo, A.V. (ed.) *Narodonaselenie Sibiri: strategii i praktiki mezhkul'turnoy kommunikatsii (XVII – nachalo XX vv.)* [Siberian population: strategy and practice of intercultural communication (the 17th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 186-246.
13. Yusha, Zh.M. (2008) Svadebnaya obryadnost' tuvintsev: traditsii i novatsii [Tuvan wedding rituals: traditions and innovations]. In: Soldatova, G.E. (ed.) *Traditsii i innovatsii v sovremennom fol'klore narodov Sibiri* [Tradition and innovation in the modern folklore of the Siberian peoples]. Novosibirsk: Arta. pp. 52-62.
14. Oynoshev, V.P. (2007) O nekotorykh aspektakh simboliki pishchi pri sovershenii obryadovykh deystviy [Some aspects of food symbolism in ritual]. In: Soenov, V.I. & Oynoshev, V.P. (eds) *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri* [The study of the historical and cultural heritage of the peoples in Southern Siberia]. Gorno-Altaysk: AKIN. pp. 126-127.
15. Torushev, E.G. (2007) Nekotorye kosti zhiivotnykh v ritualakh altaytsev [Some animal bones in the Altai rituals]. In: Soenov, V.I. & Oynoshev, V.P. (eds) *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri* [The study of the historical and cultural heritage of the peoples in Southern Siberia]. Gorno-Altaysk: AKIN. pp. 127-129.
16. Tadyшева, N.O. (2013) Cult of jayk in traditional representations of the Altaians. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(23). pp. 169-171. (In Russian).
17. Sherstova, L.I. (2010) *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: the origins of ethnicity and religion]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Mongush, M.V. (2001) *Istoriya buddizma v Tuve (vtoraya polovina VI – konets XX v.)* [The history of Buddhism in Tuva (second half of the 6th – late 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.

УДК 316.3:572
DOI 10.17223/19988613/38/20

П.А. Кошкарева

«БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ КАЗАКОМ?»: КАЗАЧЬЯ СМЕНА НА ФОРУМЕ «СЕЛИГЕР» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОЙ ДРАМАТУРГИИ ИРВИНГА ГОФМАНА

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Рассматривается современное казачество с точки зрения социальной драматургии Ирвинга Гофмана. Иллюстративным кейсом выступает казачья смена на форуме «Селигер», участие в которой принимал автор летом 2014 г., используя методы включенного наблюдения и биографического интервью. Ключевой аналитической категорией выступает «исполнение». «Исполняя» казачество для других, для самих себя у казаков нет однозначных представлений о границах своего сообщества. Поэтому важным является вопрос аутентичности – вопрос об «истинном казаке». В заключение делается вывод о двух тенденциях в дискурсе о казачестве: навязываемая сверху «мы»-идентичность, которая «исполняется» на публике, и конструирование мы-идентичности «на местах» внутри сообщества и на уровне каждого отдельного члена.

Ключевые слова: казаки; социальная драматургия; исполнение; идентичность.

Американский социолог, представитель символического интеракционизма Ирвинг Гофман предложил теорию, вошедшую в историю науки под названием «социальная драматургия». Ее главной метафорой является метафора театра, а социальный мир выступает в ней как своеобразные театральные подмостки. Опираясь на анализ социологии И. Гофмана, данный Виктором Вахштайном в журнале СОЦИС еще в 2003 г., отметим, что «общество» рассматривается как совокупность «исполнений» (performances) и «интеракций», как фундамент социальной организации. Интеракция у Гофмана – это взаимодействие небольшого числа людей в обстоятельствах соприсутствия. Далее процитируем В. Вахштайна: «Драматургическая перспектива – пишет Гофман, – предлагает описание приемов управления впечатлениями, выработанных в данном социальном образовании, основных проблем управления впечатлениями в нем, критериев идентификации отдельных исполнительских команд, действующих в пределах такого образования и взаимоотношений между ними» [1. С. 285–286]. В центре внимания социальной драматургии Гофмана оказывается непосредственная «доступность взгляду» [2. С. 105].

Настоящая статья рассматривает современное казачество (в частности, иллюстративным кейсом выступит казачья смена на форуме «Селигер») с точки зрения социальной драматургии. Ключевой аналитической категорией, которую дает И. Гофман в работе «Представление себя другими в повседневной жизни», выступит «исполнение» (или «выступление»).

Казачья смена на форуме «Селигер» (время проведения – июль 2014 г.) и была той площадкой, на которой происходило «исполнение». Еще раз сошлемся на И. Гофмана и определим исполнение, как «все проявления деятельности данного участника в данном эпизоде, которые любым образом влияют на любых других участников взаимодействия» [1. С. 43]. Исполнение, в свою очередь, концептуализировало «сообщество» при помощи

конкретных моментов театрального действия, игры и опыта, в рамках которых «сообщество» возникает в первую очередь как перформативный результат сложных случаев театрализованного (само)наблюдения [3].

Основными участниками «казачьего представления» (моими респондентами) были молодые люди обо-его пола в возрасте от 18 до 30 лет из разных регионов России (Урал, Сибирь, юг России). Все они так или иначе имеют отношение к казачеству: одни считают себя казаками (потомки казаков и казаки «по духу»); другим интересно казачество, но они еще не определились, казаки они или нет (сочувствующие). Методами исследования были включенное наблюдение и биографическое интервью.

Опираясь на термины Гофмана, площадка форума «Селигер» выступает передним планом, под которым понимается *стандартный набор выразительных приемов и инструментов, намеренно или невольно выработанных индивидом в ходе исполнения*. Имеется в виду обстановка, включая мебель, декорацию, физическое расположение участников, которые составляют сценический и постановочный реквизит для протекания человеческого действия [1. С. 54]. Идеология смены была визуализирована, по территории лагеря размещены баннеры с лозунгами: «Слава Богу, что мы казаки», «Казачьему роду – нет переводу!» и т.д.

Гофман говорит о том, что обстановка довольно статична, и лишь в исключительных случаях обстановка передвигается вместе с исполнителями: в случае нашего кейса таким перемещением может выступать Крестный ход, который был инициирован и организован казаками.

Параллельно с казачьей сменой на форуме находились участники других направлений (молодые учителя и библиотекари России, лидеры молодежных и политических организаций и др.). Используя концепцию Гофмана, можно предположить, что эти «другие участники» по отношению к казакам представляли собой

публику, аудиторию, наблюдателей или соучастников. Разыгрывание «сообщества» на форуме необходимо самим казакам – они участвуют как драматурги, как актеры, как зрители и интерпретаторы.

По нашим наблюдениям, организаторы сделали упор на внешние отличия казаков от остальных участников форума, акцентируя внимание на следующих моментах:

– Самоорганизация. По словам руководителя смены, никто из участников форума (аудитории) не может похвастаться такой организованностью и сплоченностью, как казаки (*«Все лишь занимаются болтовней, а казаки – реальными делами»*). Демонстрацией этой организованности стал казачий круг, на который были приглашены все казаки (казачки не допускаются к обсуждению): на нем были установлены правила, которые все участники смены должны были неукоснительно соблюдать.

– Обязательное участие в религиозных действиях – посещение вечерних и заутренних служб. Устанавливалось правило – всеобщая молитва перед едой.

– Внешний вид участников. Гофман, как и руководители казачьей смены, большое внимание уделяет сигналам внешнего вида, они сообщают нам также о временном ритуальном состоянии индивида: занят ли он официальной общественной деятельностью, работает или предается неофициальным развлечениям; переживает он или нет новую фазу в сезонном либо во всем жизненном цикле и т.п. [1. С. 56].

На форуме внешний вид участников казачьей смены имел огромное значение: девушки всегда должны ходить в длинных юбках, чтобы отличаться от остальной массы участников форума (казачке так ходить пристойнее). Парни должны ходить в справе (форме), если ее с собой нет или нет возможности ее надеть, они должны носить футболки со знаком казачьей смены. Руководитель смены употребил такой термин, как «брендирование», т.е. казаков сразу, издалека должно быть видно. Также демонстрация казачьего костюма, или справы, несет за собой необходимость соблюдения определенных правил поведения.

Не все молодые казаки одобряют концепцию «брендирования», видя в ней опасность для имиджа казачества.

«Вот мне еще не нравится, бренд казачества, это становится брендом, это становится популярным, вот это мне больше всего не нравится, это выводит просто. В Москве я где-то слышал, что сделали казачье такси, т.е. собираются брать казаков и такси, что это будет – я вот этого вообще не понял, мне кажется так же набирают народ, припишут их к казакам и будут они, типа, казаки, мне кажется это так произойдет, но я точно не знаю. Но мы вот в частности, как рассказал коллега мой, занимаемся именно с детьми» (М., 22 года; здесь и далее в цитатах информантов авторские орфография и пунктуация сохранены).

«Исполняя» казачество для других, для самих себя у казаков нет однозначных представлений о границах своего сообщества. В частности, одна из тем для раздора – вопрос об «истинном казаке». В современном казачьем сообществе существует категория «ряженные». Организаторы яростно осуждали «ряженных», противопоставляя себя им, т.е., по мнению респондентов, есть настоящие, истинные казаки, а есть «ряженные», которые не имеют отношения к «настоящему» казачеству.

«Кто такой современный казак? Вопрос сложный. Потому что видел я людей разных, видел тех, кто служит в реестре, видел тех, кто наряжается казачком, вешает на себя ордена предков и считает, что это правильно их носить. Я с этой точкой не согласен кардинально. В общем, однозначно сказать, кто такой современный казак, трудно, они очень из крайности в крайность, либо сказать, что это реестровое, которое служит отечеству, за спасибо, многим денег за это не платят, или это ряженные которые разгуливают по улицам, увешанные орденами, ни за что полученные. Есть те, кто старается поддержать традицию казачью. Я думаю, что время покажет, и современного казака мы еще увидим. В настоящий момент казачество только начало возрождаться» (М., 26 лет).

Ряженные в понимании казаков представляют фальшивый передний план исполнения, они притворяются и обманывают аудиторию, в их «исполнении» есть расхождение между видимостью и реальностью. «Ряженные» ставят себя в опасное положение, поскольку в любой момент спектакля может случиться событие, грубо противоречащее тому, что ими открыто заявлено, на котором их поймают, и, как следствие, их ждет наказание и открытое порицание [Там же. С. 92].

По словам организаторов смены, на «Селигере» ряженных нет, но всем молодым казакам стоит быть осторожными: существует опасность, что партнер по команде может оказаться обманщиком или мошенником; в нашем случае если не имеющий на то право человек называл себя казаком, он не был полноправным ответственным носителем соответствующего статуса. Упомянутая категория «команды» является важной в работах И. Гофмана.

Все участники казачьей смены были поделены на «двадцатки», которые олицетворяли собой некую модель казачьей «команды». В «двадцатках», состоявших из делегатов разных регионов России (в одной из которых находилась я), каждый участник команды был вынужден полагаться на доброжелательное поведение своих соратников, а они, в свою очередь, вынуждены полагаться на него. Волей-неволей между участниками установилась взаимозависимость, соединяющая друг с другом членов команды [Там же. С. 118].

Из уст организаторов часто можно было услышать, что в казачество необходимо посвящать людей, создавать положительный имидж казака, с другой стороны, современ-

ное казачество – это замкнутая структура, казакам трудно общаться между собой. Казачество разобщено, неоднородно, внутри много разногласий; это связано с разделением на казаков реестровых (состоят на государственной службе) и казаков из общественных организаций.

«Для тех, кто давно живет и занимается казачеством это очень больной вопрос. Мы в регионе это прожили, прошли, мы живем в этой проблеме. Как к ней можно относиться, если у меня есть братья, ну вот они общественники, я реестровый казак, может так случиться, что сниму я погоны и буду ходить вот так в справе, буду общественным казаком, это нельзя разделять, и неоднократно я всем братьям говорил эту позицию, что в районе должно быть одно станичное казачье общество, все и общественники и реестровые, должен быть один атаман, его все выбрали, ему все подчиняются, но это должен быть человек занимающийся реестровой службой, ему должны подчиняться казаки реестровые, те кто на государственной службе, они выполняют определенные функции. Так я отношусь к этому негативно, мы не должны ругаться, нас и так мало, нам нужно объединяться, наоборот, и знать из казачества тех, кто пытается популяризировать себя или свой бизнес» (М., 26 лет).

По утверждению Гофмана, публичные разногласия среди членов команды не только лишают их способности к единству действий, но и осложняют определение реальности, поддерживаемое командой. Таким образом, можно предположить, что стать единой командой молодым казакам мешают разногласия о реестровом и общественном казачестве [1. С. 121].

Если предположить, что все казаки на смене – это одна команда, а все остальные участники форума – другая команда, то их взаимодействие можно толковать как *диалог между командами*; удобно называть одну команду исполнителями, а другую – наблюдателями или аудиторией, на время пренебрегая тем, что эта аудитория тоже будет находиться в этот момент в процессе представления своего командного исполнения [Там же. С. 128].

Еще одной важной категорией в работах Гофмана является *зона заднего плана*. На «Селигере» этой зоной являлась внутренняя жизнь казачьих лагерей, взаимоотношения внутри двадцаток, обсуждения насущных проблем казачества. Естественно, проблемы и разногласия, которые есть внутри казачества, не показываются и обсуждаются внутри сообщества, при этом аудитории демонстрируется мнимое единство, поскольку каждая команда занимается поддержанием стабильности каких-то ситуаций, скрывает или смягчает для этого определенные факты.

Необходимо обратить внимание на то, что зона заднего плана скрывает жизненно важные секреты спектакля, там же исполнители позволяют себе временно выходить из роли, а аудитории видеть это не обязательно. Например, на казачьей смене участников обучали казачьим песням, пляске, боевым искусствам,

многие участники с удовольствием демонстрировали свои знания традиционной культуры вне своих «двадцаток». Но часто можно было наблюдать, как участники казачьей смены выключались из исполнения. Пример: я предложила вечером в свободное время, сидя у костра, попеть казачьи песни, на что участники смены сказали: «Давайте отдохнем», – и начали петь что-то из популярной музыки 90-х. Получается, молодые казаки устали от исполнения и, находясь за кулисами, решают отдохнуть от него.

Гофман отводит большую роль в «исполнении» распорядителю, в свою очередь, он направляет и контролирует ход драматического действия. На «Селигере» распорядителем являлся «главный казак» – организатор, который контролировал всю работу смены, устанавливал правила, проводил агитационные беседы и в целом представлял собой некий образец для подражания. На распорядителя могут возложить обязанность корректировать любого члена команды, чье исполнение становится не соответствующим к обстановке. В этих целях обычно используются исправительные процедуры успокоения и наказания [Там же. С. 134]. «Главный казак» разбирался с нарушителями и наказывал их.

Стоит заметить, что в нашей «двадцатке» был избран походный атаман, который, наподобие «главного», исполнял роль распорядителя, решая проблемы в рамках нашей небольшой команды.

Рассматривая казачью смену на форуме «Селигер», применяя концепцию социальной драматургии И. Гофмана, мы увидели, что она являлась площадкой для «исполнения» и самопрезентации казачьего сообщества.

Таким образом, можно прийти к выводу, что присутствуют две тенденции в дискурсе о казачестве:

- навязываемое сверху «мы» (казаки едины, они патриоты страны; в этом смысле организаторы казачьей смены выполняют и общий государственный заказ, понимая «патриотизм» определенным образом), которое «исполняется» на публике;

- сложный процесс самоопределения и конструирования мы-идентичности казаков, «идущий на местах», как внутри сообщества, так и на уровне каждого отдельного члена. Многие респонденты считают, что главной задачей казачества должно быть воспитание молодого поколения, именно это решит многие проблемы и противоречия в казачьем сообществе. Казачья «молодежь» считает, что необходимо адаптировать функции казаков под современные реалии, в частности они ссылаются на законодательство, в котором прописаны функции современного казачества.

Это выражается также и в трансформации гендерных ролей в казачьем сообществе, в котором казачки занимаются творческой деятельностью, участвуют в организации культурных мероприятий, вечеров, поют в фольклорных ансамблях, занимаются восстановлением и сохранением казачьих традиций. Но есть случаи, когда казачки ощущают потребность в равноправии, желают быть наравне с мужчинами-казаками, несут службу и участву-

ют в казачьих кругах. На форуме «Селигер» такое поведение осуждалось и считалось неприемлемым.

На мой взгляд, несмотря на внутренние противоречия и сложности, казачество остается привлекатель-

ным, все больше молодых людей интересуются казачьей культурой, которая в современном ее варианте пропитана патриотизмом и желанием привнести в настоящее все лучшее, что было в прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А.Д. Ковалева. М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
2. Вахштайн В.С. Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения // СОЦИС. 2003. Т. 3, № 4. С. 104–118.
3. Байфорд Э. Разыгрывая «сообщество»: русскоязычные мигранты современной Британии // Новое литературное обозрение. 2014. № 3 (127). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/24b.html>, свободный (дата обращения: 06.01.2015).

Koshkareva Polina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: polligi@yandex.ru

“TO BE OR NOT TO BE A COSSACK?”: THE COSSACKS AT THE SELIGER FORUM THROUGH THE PRISM OF ERVING GOFFMAN’S SOCIAL DRAMATURGY.

Keywords: Cossacks; social drama; performance; identity.

The paper explores the phenomenon of modern Cossacks through the concept of Erving Goffman’s social dramaturgy. Here, the Cossacks’ presence at the Seliger forum is taken as a case study. The author herself took part in the forum in summer of 2014 using the methods of participant observation and biographical interviews. ‘Performance’ is used here as a key analytical category. Based on Goffman’s terms, the Seliger forum is considered a “front stage” and serves as the prime base for a standard set of expressive techniques and tools, developed intentionally or unintentionally by an individual in the course of a performance. The Cossack ideology was visualized via banners placed around the camp, with slogans, if translated, roughly reading the following: ‘Thank God that we are Cossacks’, ‘The Cossack race is endless!’, etc. The Cossacks attach great importance to a proper dress code: girls had to walk around at the forum wearing long skirts (that is the Cossack idea of a decent dress code) in order to visually differ from the rest of the forum participants. Boys had to wear ‘sprava’ (the Cossack uniform), if they had it. Otherwise, they would have to wear T-shirts with the Cossack distinguishing sign on them. It is noteworthy that the leader of the group used the term ‘branding’ then to highlight the importance of adhering to the dress code in order to help distinguish the Cossack youth from other people at the forum. Furthermore, this dress code suggests Cossack girls and boys follow and respect certain rules of conduct. Another important category in Goffman’s work is that of a ‘back stage’. The inner life of Cossack camps, the relationship within Cossack groups – the so-called ‘dvadtsatki’ – discussions of pressing issues of the Cossacks are all part of this category. Naturally, the problems and differences that exist among the Cossacks are not shown to outsiders, and are discussed within the community only, with an imaginary unity being demonstrated by them to everyone else. As every Cossack group tries to maintain the coherence in viewing the situation, to that end, they hide or mitigate certain facts. While there is the ‘performance’ of being Cossacks intended for others, among themselves the Cossacks do not have a clear idea of where the boundaries of their community lie. Therefore, the important question of authenticity arises that is the question of being a ‘true Cossack’. In conclusion, there are two trends being observed in the discourse about the Cossacks: 1) ‘we’-identity imposed top-down and ‘performed’ in public, and 2) the construction of ‘we’- identity ‘on the ground’, within the community, by each of its members individually.

REFERENCES

1. Goffman, E. (2000) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [Self-presentation in everyday life]. Translated from English by A.D. Kovalev. Moscow: Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole.
2. Vakhstein, V.S. (2003) *Dramaturgicheskaya teoriya Irvinga Gofmana: dva prochteniya* [Dramatic theory of Irving Goffman, two reading]. *SOTSIS – Sociological Studies*. 3(4). pp. 104–118.
3. Byford, E. (2014) *Razygryvaya “soobshchestvo”*: russkoyazychnye migranty sovremennoy Britanii [Playing off the “community”: Russian-speaking migrants in modern Britain]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 3(127). [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/24b.html>. (Accessed: 6th January 2015).

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.17223/19988613/38/21

В.В. Керов

РЕЦЕНЗИЯ: НИКУЛИН П.Ф. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НАЧАЛА XX ВЕКА. ТОМСК : ТМЛ-ПРЕСС, 2009. 392 с.

Проблематика экономической модернизации нашей страны в последние годы неизменно привлекает внимание исследователей. Изучение этих процессов или возможности их в сельском хозяйстве в последнее время обретает особую актуальность и одновременно представляет существенные сложности в первую очередь ввиду недостаточной разработанности проблемы соотношения традиционного и модернизационного компонентов в крестьянском хозяйстве различных регионов страны, несмотря на усилия поколений историков-аграрников.

В очерченном проблемном поле П.Ф. Никулин выбрал для своего исследования сложную тематику. Автор обращается к важнейшим факторам модернизации – социокультурным и социально-психологическим. Избегая упрощенного представления о дихотомическом характере проблемы оценки модернизационного потенциала русской деревни начала XX в. (капиталистическое / некапиталистическое, традиционное / модернизирующееся хозяйство и т.д.), автор справедливо поставил вопрос о приоритете построения модели крестьянского хозяйства как культурно-хозяйственной системы. Такой подход, предполагающий выявление взаимосвязи социокультурной составляющей и экономического развития крестьянского хозяйства, лежит в русле новейших тенденций современной мировой исторической науки, что придает представленной работе дополнительную актуальность и новизну.

П.Ф. Никулин, поставив перед собой ясные, конкретные, но в то же время масштабные цели и задачи, четко формулирует объект и предмет исследования. Территориальные и хронологические рамки исследования вполне обоснованы, их избрание автором дает ему возможность изучать условно «чистый крестьянский» тип эволюции сельского хозяйства.

Теоретико-методическая база исследования вполне соответствует поставленным задачам и характеризуется междисциплинарностью с использованием многих перечисленных положений и методов социологии, этнологии, культурологии и пр., что представляется несомненным достижением работы. Очень важно, что стержнем исследовательской модели является системный подход.

Не вызывает сомнения новизна исследования. Она реализуется прежде всего в подходе автора, в рамках которого социокультурный анализ крестьянского хо-

зяйства позволил выявить сущностную структуру крестьянского хозяйства, в котором взаимо- и противодействовали традиционалистский и инновационный компоненты. Кроме того, сама постановка цели и задач обеспечивает новизну исследования, так же как и применение к решению исследовательских проблем оригинальной методики, основанной на таких количественных методах исследования, как корреляционный и факторный анализ. Важно в плане новизны и введение в оборот новых исторических источников. Соответственно новизной обладают выводы.

Структура исследования П.Ф. Никулина достаточно логична и позволяет решить проблему социокультурной и хозяйственной сущности крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в.

Заметно, что автор внимательно относится к научному наследию своих предшественников. Особый интерес вызывают главы, где представлена сформированная исследовательская модель крестьянского хозяйства в регионе и его эволюция. Очень важна реализованная факторная система крестьянского хозяйства региона и, в еще большей степени, адекватная интерпретация полученной модельной информации.

Наибольшее значение для современной отечественной историко-экономической науки, на наш взгляд, имеют два главных положения работы. Во-первых, выявлен нонэтистский альтернативный путь аграрной модернизации в России, названный «народной модернизацией». Во-вторых, в качестве важнейшего фактора генезиса такой модернизации аргументированно представлено развитие ценностно-трудовой и православно-религиозной подсистем крестьянской культуры. То есть западно-сибирская «чисто крестьянская» модернизация в значительной мере имела своим источником не усилия государства или «прогрессивной интеллигенции», не западные заимствования, а развитие традиционной русской православной ценностно-институциональной системы в новых цивилизационных условиях.

Результаты проделанной автором работы имеют большое практическое значение. Они найдут применение в дальнейшей научной разработке истории русской деревни, а также в ряде учебных курсов, читаемых на гуманитарных факультетах российской высшей школы. Представленная монография уже вызвала серьезный интерес не только историков, но и гораздо более широкой научной общественности.

Однако к автору возникают вопросы. В частности, не совсем ясно соотношение в терминологической системе работы понятий «экономический строй» и «внутренний экономический строй». В ряде высказываний они представлены как синонимы.

Заявленные выводы и заключения, представленные как в тексте глав, так и в обобщенном виде – в заключении, вполне аргументированы и вытекают из проведенного анализа. Однако иногда кажется, что автор несколько упрощает конкретно-исторические связи социальных явлений и процессов. Примером может служить аргументация наличия в среде зажиточных крестьян «устойчивой предпринимательской тенденции» тем, что в их хозяйствах было сосредоточено значительно больше скота и посевов, чем у других групп крестьянства. На наш взгляд, в данном фрагменте смешиваются феномены социальной и экономической дифференциации.

Однако отмеченное ни в коей мере не снижает значения настоящего исследования, его значительной историографической и практической значимости. Поставленные вопросы или носят рекомендательный характер, или скорее указывают на перспективы дальнейшей разработки вопроса. Монография является результатом серьезной, масштабной, скрупулезной и очень трудоемкой научной работы. Она отличается новизной в рассмотрении проблемы и разрешении ряда задач, представляет собой самостоятельное, оригинальное, законченное научное исследование актуальной исторической темы, впервые разработанной монографически.

Таким образом, представленная публикация полностью отвечает требованиям современной исторической науки и безусловно заслуживает самой высокой оценки.

Kerov Valery V. Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: vvkerov@gmail.com

REVIEW: NIKULIN P.F. THE ECONOMIC STRUCTURE OF PEASANT ECONOMY OF WESTERN SIBERIA EARLY XX CENTURY. TOMSK : TML-PRESS. 2009. 392 p.

М.В. Котляров

**«ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД». РЕЦЕНЗИЯ: ИСТОРИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА / ОТВ. РЕД. А.Б. БЕЗБОРОДОВ ; НАУЧ. РЕД.
Н.В. ЕЛИСЕЕВА. М. : ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2014. 671 с.**

История политической организации, построившей советское государство, будучи в нашей стране идеологическим и историографическим мейнстримом практически весь «короткий» XX в., в 1990–2000 гг., в основном по общественно-политическим причинам, оказалась на периферии исторических исследований. В течение двух последних десятилетий Коммунистическая партия Советского Союза, несмотря на огромный интерес к политической истории советского периода, изучалась слабо и фрагментарно. Поэтому издание 670-страничной книги, полностью посвященной историческому пути КПСС (от зарождения в конце XIX в. и до коммунистического движения в постсоветской России), написанной коллективом авторов, в числе которых известные доктора и кандидаты исторических и политических наук – А.Б. Безбородов, Н.А. Борисов, С.П. Донцев, С.И. Голотик, Н.В. Елесева, Т.Ю. Красовицкая, Г.Н. Ланской, Л.А. Молчанов, К.А. Соловьев, Ф.Г. Тараторкин, А.В. Шубин – должна была стать историографическим событием. Однако этого не произошло.

В настоящей рецензии предпринята попытка ответить на вопрос, почему так случилось.

Выдающийся исследователь революции и Гражданской войны Г.З. Иоффе оставил воспоминания о том, как в годы перестройки по заказу «сверху» большой коллектив маститых исследователей попытался написать новую историю КПСС. Перед историками ставилась непростая задача сделать труд «предельно честным, предельно научным и предельно ответственным» [1. С. 161]. Попытка не увенчалась успехом, так как «заказчик» (руководство партии в данном случае выступало в лице секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева) сначала «осторожничал», будучи стесненным жесткими идеологическими рамками, а затем, вследствие известных событий 1991 г., просто исчез.

Однако не только динамичные идейно-политические процессы второй половины 1980-х гг. препятствовали исследованию, которое могло сыграть эпохальную идеологическую и историографическую роль. Были еще две причины, связанные как с политическими условиями, так и с сугубо научными. Во-первых, как вспоминал Г.З. Иоффе, «совершенно не ясен был концептуальный стержень книги», а во-вторых, был ограничен доступ к источникам: сам А.Н. Яковлев в то время советовал историкам, что «до некоторых “Особых папок” я не могу добраться» [Там же. С. 165]. Очевидно, что любые исследователи, «за-

махнувшиеся» на столь историографически и общественно значимую тему, неизбежно столкнутся с этими же проблемами.

Если первая проблема, о которой говорил Г.З. Иоффе, вызванная идеологизацией истории партии в советское время, сегодня уже не довлеет над исследователями (и, надо отдать должное, в рецензируемой книге нет и тени политической тенденциозности), то относительно двух других нельзя сказать, что они были успешно преодолены.

«История Коммунистической партии...» в разделе I содержит 18-страничный «Теоретико-методологический очерк», который, согласно исследовательской логике, должен был дать книге «концептуальный стержень». Однако раздел представляет собой лишь краткий обзор хорошо известных историкам точек зрения родоначальников русского марксизма, вождей коммунистических партий различных стран, а также ряда мыслителей на идеологию и деятельность РСДРП–РКП(б)–ВКП(б)–КПСС, который завершается оценкой текущей ситуации: «...раскол российской общественной мысли по поводу КПСС, ее истории, коммунизма, таким образом, налицо» [2. С. 27]. Этот тезис не дает теоретических ориентиров, а только демонстрирует, что авторы не смогли определить методологическое основание исследования.

Между тем концептуальный подход в изучении этой темы чрезвычайно важен. Достаточно рассмотреть вопрос о том, как писать историю коммунистической партии: по хронологическому принципу или проблемно-хронологическому. Авторы «Истории Коммунистической партии ...» применили хронологический принцип, который кажется самым объективным, а также удобным как для изложения материала исследователями, так и для его понимания читателями. Однако в данном случае этот принцип привел к тому, что анализ проблем истории партии подменяется изложением основных вех ее становления и развития, которые хорошо известны. Как результат, содержание книги имеет преимущественно фактографический характер.

Авторы могли добиться гораздо большего, если бы применили проблемно-хронологический принцип исследования. Любая «солидная» политическая партия имеет четыре взаимосвязанных измерения: человеческое – лидеры / вожди партии, численность и состав партийной массы и ее сторонников; институциональное – устав, организационная структура, формальные и неформальные механизмы принятия решений, формы и

методы работы; идеологическое – идейно-политический и культурный багаж партии; наконец, политика партии, которая является производной от всех других элементов и, конечно, наиболее общественно значимым вопросом, так как позволяет понять историческую правоту или ошибочность партийных решений и способов их реализации. Изучение КПСС в этом ключе и соответствующее структурирование содержания книги отличались бы научной новизной, позволили бы удерживать в фокусе непосредственно объект исследования и, безусловно, потребовали бы от авторов поиска новых источников и более глубокого их осмысления.

Другим не менее важным методологическим вопросом является применение теорий, позволяющих выделить общее и особенное в исторических метаморфозах коммунистической партии, а также понять, была ли в этих изменениях внутренняя логика или они происходили по большей части под давлением задач захвата и удержания власти, политических, экономических условий и социокультурной среды. Большевики, захватив власть и победив в Гражданской войне, установили однопартийную диктатуру, опиравшуюся на всю мощь государственного аппарата. Это открыло широкие возможности для принудительного переустройства социума, а также концентрации государственной власти первоначально в узкой партийной верхушке, а затем и в руках одного человека. В результате это обернулось жесточайшими репрессиями в отношении самой партии. Раскрытие даже неполной информации о них и реабилитация жертв стали одними из важнейших причин идейно-политического кризиса в КПСС в периоды «Оттепели» и перестройки, а также в международном коммунистическом движении. Становление, трансформация и различные аспекты функционирования партии государственного типа, на мой взгляд, наилучшим образом объясняет теория тоталитаризма, которая продолжает развиваться, учитывая не только институциональные характеристики политической системы, но и социокультурные факторы, формальные и неформальные политические практики [3]. Изучение *всей* истории коммунистической партии предоставляло новые возможности для проверки эвристической ценности не только этой теории, но и других (теории элит, бюрократии). Однако авторы «Истории Коммунистической партии...», как уже говорилось выше, проигнорировали концептуальные проблемы, в результате содержательная сторона книги сильно проиграла.

Историки всегда готовы простить коллегам «концептуальную простоту», если в научный оборот вводятся новые факты, особенно когда они извлечены из документов, ранее не известных специалистам. К сожалению, в «Истории Коммунистической партии...» с большим трудом обнаруживаются новые данные. Причина слабой эмпирической новизны, скорее всего обусловлена тем, что авторы уделили недостаточно внимание анализу источников, к настоящему времени в

большом количестве доступных в фондах Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива новейшей истории и региональных архивов. Весь обширный текст основной части книги (разделы II–VIII, 546 стр.) содержит 837 ссылок, но только 48 (5,7%) из них являются ссылками на архивные фонды и документы. На основе этих данных можно сделать вывод, что авторы ставили перед собой задачу обобщить накопленную за последние десятилетия историографию, а не обогатить ее за счет поиска и анализа новых источников.

Создание исследования преимущественно на достижениях других историков требует высокого профессионализма и строгого соблюдения научной этики. К сожалению, рецензируемая книга не является достойным примером этого. В «Истории Коммунистической партии...» в главе «Историография» на страницах 68–75 были обнаружены заимствования из рукописи моей диссертации без ссылок на источник [4. С. 7–13]. С помощью системы «Антиплагиат» на этих страницах выявлено 72,9% заимствованного текста. Важно отметить, что в основной части книги столь явных примеров некорректного заимствования обнаружено не было.

Содержание книги при этом не позволяет сказать, что авторы глубоко и тщательно проанализировали имеющиеся публикации по истории партии. Об этом говорит несоразмерное соотношение в описании ряда проблем. Например, важнейшему для страны и коммунистической партии периоду – Гражданской войне – в книге посвящены три страницы, на которых совершенно не раскрыты значимость и влияние войны на большевиков и их политику. В частности, проигнорирован самый главный вопрос – о роли РКП(б) в разжигании и обострении Гражданской войны. Понимание этой проблемы дают публикации, посвященные красному террору, красному бандитизму, продразверстке, партизанскому движению, крестьянским восстаниям [5–9].

Авторы книги сосредоточены на описании изменений, происходивших в центральных партийных органах, и их политики, что оправданно, учитывая вождистский и жестко централизованный характер партии. Однако такой подход абсолютно не дает представления о национальных и региональных особенностях партийного строительства, преломлении политики партийного центра на уровне макрорегионов и отдельных административно-территориальных единиц огромной страны, хотя именно в этом направлении исследователям удалось достичь наибольших успехов в постсоветский период [10–20]. Важность анализа и описания региональной специфики функционирования партийных структур диктуется одним из наиболее актуальных вопросов в истории партии и советского государства: «Как работали политические механизмы на самом деле и к чему это привело?». Ответить на него невозможно без изучения регионального эмпирического материала.

В завершение нельзя обойти вниманием вопрос, почему книга слабо фундирована новыми источниками и

содержит серьезные лакуны в анализе проблем истории КПСС? Причина, как представляется, состоит не только в исторической протяженности и объективной сложности темы, но и в том, что ни один из авторов книги до этого специально не изучал историю Коммунистической партии Советского Союза. В каталогах библиотек за последние пятнадцать лет мне не удалось найти крупных публикаций авторов книги, посвященных тем или иным проблемам истории КПСС. Само по себе это, конечно, не является препятствием на пути исследования, при условии, что были решены методологические вопросы, проведен тщательный анализ литературы и доступных источников. Однако содержание книги говорит о том, что этого сделано не было.

Сочинение В.И. Ленина 1904 г. «Шаг вперед, два шага назад (кризис в нашей партии)», посвященное Второму съезду РСДРП, в котором он оценил успех работы съезда как шаг вперед в создании революционной партии, а «оп-

портунистическую» позицию меньшевиков – двумя шагами назад, в советский период стало хрестоматийным, а ее название превратилось в афоризм. Этот афоризм, на мой взгляд, уместен для характеристики историографического значения рецензируемой книги. Авторы «Истории Коммунистической партии...» в целом смогли обобщить основные достижения современной историографии и написать непротиворечивую и нетенденциозную книгу, которая наверняка сыграет роль в возвращении интереса исследователей к проблемам истории «политического ядра» советского общества и поможет подготовке студентов-историков и политологов по курсу истории политических партий. Это, безусловно, шаг вперед. Однако нерешенность теоретико-методологических вопросов, отсутствие научной новизны, сосредоточенность на событийности, упущение ряда важных проблем истории партии и объективистский характер содержания книги стали отступлением назад в изучении этой темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иоффе Г.З. Финал советской историографии (как мы не написали последнюю «Историю КПСС») // Отечественная история. 2002. № 4. С. 151–168.
2. История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А.Б. Безбородов; науч. ред. Н.В. Елисеева. М., 2014.
3. Работяжев Н.В., Соловьев Э.Г. Феномен тоталитаризма: политическая теория и исторические метаморфозы. М.: Наука, 2005.
4. Котляров М.В. Институциональные изменения и идейно-политические процессы в организациях КПСС Западной Сибири в период перестройки (1985–1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011.
5. Шишкин В.И. Красный бандитизм в Советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки / отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1992. С. 3–79.
6. Шишкин В.И. Гражданская война в Сибири (1920 г.) // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 121–139.
7. Шишкин В.И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х годов // История сталинизма: крестьянство и власть: матер. междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г.). М.: РОССПЭН, 2011. С. 129–142.
8. Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006.
9. Савин А.И., Тепляков А.Г. Заложничество в политике большевиков в Сибири в начале 1920-х годов // Голоса Сибири: литературный альманах. Кемерово, 2009. Вып. 10 / сост. М. Кушникова, В.В. Тогулев. С. 609–624.
10. Гузаров В.Н. Партийный аппарат Российской коммунистической партии большевиков. 1917–1925 гг. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007.
11. Иванцов И.Г. Система партийно-государственного контроля РКП(б)–ВКП(б) на Кубани и Северном Кавказе, 1920–1934 гг. Краснодар, 2008.
12. Коновалов А.Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004.
13. Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). Кемерово: Сибир. книгоиздат. фирма, 2005.
14. Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006.
15. Котляров М.В. Идейно-политические процессы в организациях КПСС Западной Сибири в период перестройки (1985–1991 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. Новосибирск: Параллель, 2012. Вып. 3 / науч. ред. В.И. Шишкин. С. 219–241.
16. Кузнецова П.Ю. Эволюция регионального аппарата КПСС как социальной группы: 1965–1985 гг.: дис. ... канд. соц. наук. Пермь, 2007.
17. Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995.
18. Сизов С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири): в 2 ч. Омск: Изд-во СибАДИ, 2001. Ч. 1. «Поздний сталинизм» (1946 – март 1953 гг.).
19. Сизов С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири): в 2 ч. Омск: Изд-во СибАДИ, 2001. Ч. 2. «Оттепель» (март 1953–1964 гг.).
20. Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб.: Европейский Дом, 2007.

Kotlyarov Maxim V. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mv-kotlyarov@mail.ru

ONE STEP FORWARD, TWO STEPS BACK. REVIEW. THE HISTORY OF THE COMMUNIST PARTY OF THE SOVIET UNION (COLLECTIVE OF AUTHORS). MOSCOW, 2014. 671 p.

REFERENCES

1. Ioffe G.Z. (2002) Final sovetskoy istoriografii (kak my ne napisali poslednyuyu "Istoriyu KPSS") [The final of Soviet historiography (how we have not written the last "History of the CPSU")]. *Otechestvennaya istoriya*. 4. pp. 151–168.
2. Bezborodov, A.B. et al. (2014) *Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza* [The history of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow: ROSSPEN.
3. Rabotyazhev, N.V. & Solov'ev, E.G. (2005) *Fenomen totalitarizma: politicheskaya teoriya i istoricheskie metamorfozy* [The phenomenon of totalitarianism: political theory and historical metamorphosis]. Moscow: Nauka.
4. Kotlyarov, M.V. (2011) *Institutsional'nye izmeneniya i ideyno-politicheskie protsessy v organizatsiyakh KPSS Zapadnoy Sibiri v period perestroyki (1985–1991 gg.)* [Institutional changes and ideological and political processes in the organizations of the Communist Party in Western Siberia during Perestroika (1985–1991)]. History Cand. Diss. Novosibirsk.

5. Shishkin, V.I. (1992) Krasnyy banditizm v Sovetskoy Sibiri [The Red bandits in Soviet Siberia]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Sovetskaya istoriya: problemy i uroki* [The Soviet history: Challenges and lessons]. Novosibirsk: Nauka. pp. 3-79.
6. Shishkin, V.I. (1995) Grazhdanskaya voyna v Sibiri (1920 g.) [The Civil War in Siberia (1920)]. In: Shishkin, V.I. et al. *Sibir' v period grazhdanskoy voyny* [Siberia during the Civil War]. Kemerovo: SB RAS. pp. 121-139.
7. Shishkin, V.I. (2011) [Armed resistance to the communist regime of the Siberian peasantry in the early 1920s]. *Istoriya stalinizma: krest'yanstvo i vlast'* [The history of Stalinism: peasantry and power]. Proc. of the International Research Conference. Ekaterinburg. 29th September to 2nd October 2010. Moscow: ROSSPEN. pp. 129-142. (In Russian).
8. Rat'kovskiy, I.S. (2006) *Krasnyy terror i deyatel'nost' VChK v 1918 godu* [The Red Terror and the activities of the Cheka in 1918]. St. Petersburg: St. Petersburg University.
9. Savin, A.I. & Teplyakov, A.G. (2009) Zalozhnichestvo v politike bol'shevikov v Sibiri v nachale 1920-kh godov [The hostage-taking in the policy of the Bolsheviks in Siberia in the early 1920s]. In: Kushnikova, M. & Togulev, V.V. (eds) *Golosa Sibiri* [The Voices of Siberia]. Kemerovo. pp. 609-624.
10. Guzarov, V.N. (2007) *Partiynyy apparat Rossiyskoy kommunisticheskoy partii bol'shevikov. 1917–1925 gg.* [The party apparatus of the Russian Communist Party of Bolsheviks. 1917–1925] Tomsk: Tomsk State University.
11. Ivantsov, I.G. (2008) *Sistema partiyno-gosudarstvennogo kontrolya RKP(b)–VKP(b) na Kubani i Severnom Kavkaze, 1920–1934 gg.* [The system of party-state control of the RCP (b) -VKP (b) in Kuban and North Caucasus, 1920–1934]. Krasnodar (s.n.).
12. Kononov, A.B. (2004) *Istoriya Kemerovskoy oblasti v biografiyakh partiynykh rukovoditeley (1943–1991)* [The history of Kemerovo region in the biographies of the party leaders (1943–1991)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
13. Kononov, A.B. (2005) *Partiynaya nomenklatura Kuzbassa v gody “poslevoennogo stalinizma” i “otepeli” (1945–1964)* [The party nomenclature in Kuzbass during the postwar Stalinism and the Thaw (1945–1964)]. Kemerovo: Siberian Book Publishing.
14. Kononov, A.B. (2006) *Partiynaya nomenklatura Sibiri v sisteme regional'noy vlasti (1945–1991)* [The Siberian party nomenclature in the regional government (1945–1991)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
15. Kotlyarov, M.V. *Ideyno-politicheskie protsessy v organizatsiyakh KPSS Zapadnoy Sibiri v period perestroyki (1985–1991 gg.)* [Ideological and political processes in the CPSU organizations of Western Siberia during the Perestroika (1985–1991)]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and society in Siberia in the XX century]. Novosibirsk: Parallel'. pp. 219-241.
16. Kuznetsova, P.Yu. (2007) *Evolutsiya regional'nogo apparata KPSS kak sotsial'noy gruppy: 1965–1985* [The evolution of the regional Communist Party apparatus as a social group: 1965–1985]. Sociology Cand. Diss. Perm'.
17. Olekh, G.L. (1995) *Partiynaya mashina RKP(b) v nachale 20-kh gg.: ustroystvo i funktsionirovanie* [The party machine RCP (b) in the early 20-s.: Structure and functioning]. Novosibirsk: Novosibirsk Institute for the Humanities.
18. Sizov, S.G. (2001) *Intelligentsiya i vlast' v sovetskom obshchestve v 1946–1964 gg. (Na materialakh Zapadnoy Sibiri): v 2 ch.* [Intellectuals and power in Soviet society in 1946–1964. In 2 Parts (A case study of Western Siberia)]. Part 1. Omsk: SibADI.
19. Sizov, S.G. (2001) *Intelligentsiya i vlast' v sovetskom obshchestve v 1946–1964 gg. (Na materialakh Zapadnoy Sibiri): v 2 ch.* [Intellectuals and power in Soviet society in 1946–1964. In 2 Parts (a case study of Western Siberia)]. Part 2. Omsk: SibADI.
20. Chistikov, A.N. (2007) *Partiyno-gosudarstvennaya byurokratiya Severo-Zapada Sovetskoy Rossii 1920-kh godov* [The party and state bureaucracy in Northwest of Soviet Russia of the 1920s]. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom.

В.П. Зиновьев, И.В. Чепурин

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА – ГОЛИКОВА ВАЛЕРИЯ ИВАНОВИЧА (11.01.1949 – 03.10.2015)

Валерий Иванович, как и большинство людей нашего поколения, родился далеко от больших городов – в рабочем поселке Панютино Лозовского р-на Харьковской области. Для нас было характерно стремление к знаниям, это всячески поощрялось родителями. Валерий Иванович постоянно учился. После школы в 1970 г. он окончил Харьковское гвардейское высшее танковое командное училище, затем Военную академию бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского. В Томском государственном университете он работал с 1983 г., с 1988 г. – начальник военной кафедры, с 2008 г. – директор Института военного образования ТГУ.

Под руководством В.И. Голикова подготовлены тысячи офицеров для Вооруженных сил Российской Федерации, в том числе специалистов для силовых структур, часть которых в настоящее время занимают руководящие должности в правоохранительных и судебных органах как на региональном, так и на федеральном уровнях. Под непосредственным руководством В.И. Голикова были оснащены учебные аудитории новых корпусов военной кафедры, создана и усовершенствована укомплектованная современной техникой и вооружением материально-техническая база Института военного обра-

зования Томского государственного университета, которая позволяет на высоком уровне обеспечивать подготовку офицеров запаса по широкому перечню военно-учетных специальностей и оказывать необходимую помощь в проведении занятий со специальными подразделениями различных силовых структур Томской области.

С 2009 г. В.И. Голиков стал главным организатором олимпиады «Ратная слава России», в которой ежегодно принимают участие студенческие коллективы многих вузов России, выводя ее на новый, всероссийский уровень. Являясь членом президиумов Томского областного совета ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов, Областного совета организации РОСТО (ДОСААФ) и Комиссии по проблемам патриотического воспитания молодежи, а также секретарем Томского клуба генералов, В.И. Голиков проводил большую работу среди довузовской и студенческой молодежи г. Томска и Томской области и оказывал действенную помощь в проведении военно-патриотической работы в регионе. Под его руководством на базе ТГУ проводились различные мероприятия военно-патриотической направленности: встречи студентов с ветеранами Великой Отечественной войны и участниками боевых действий в «горячих точках» планеты; региональные и межвузовские научно-практические конференции по военно-исторической тематике; подготовка парадных расчетов для участия в прохождении торжественным маршем в честь Дня Победы 9 мая и т.д.

Постоянная работа с молодежью, необходимость обращаться при этом к истории Российской и Советской армии в сочетании с основательностью и добросовестностью привели В.И. Голикова к профессиональной работе историка. Опыт работы Валерия Ивановича в архивах нашел отражение сначала в справочных изданиях [1, 2], а затем в его серьезных научных статьях и монографиях [3–7]. Его товарищами в святом деле восстановления памяти о боевых подвигах советских воинов в период Великой Отечественной войны стали подполковник запаса, ветеран боевых действий в Афганистане, председатель регионального совета Всероссийской политической партии «Защитники Отечества» в Томской области Виталий Иванович Феськов, преподаватель Томского университета Константин Анатольевич Калашников, журналист Сергей Анатольевич Слугин, доцент ТПУ Александр Юрьевич Чмыхало. Его наставником на этом пути ученого стал профессор исторического факультета Юрий Васильевич Куперт. В 2006 г. Валерий Иванович блестяще защитил кандидатскую диссертацию по истории [8], в 2007 г. ему было присвоено ученое звание доцента, а в 2011 г. он был избран профессором Академии военных наук. Валерий Иванович работал над докторской диссертацией по истории сибирских военных частей и соединений накануне и в период Великой Отечественной войны. В.И. Голиков является автором и соавтором ряда монографий и свыше 50 научных статей, посвященных истории сибирских и дальневосточных воинских формирований XVIII–XX вв.

За особые отличия в службе награжден орденом Красной Звезды, орденом Почета, памятной медалью «Патриот России», 25 ведомственными и отраслевыми наградами исполнительной власти Российской Федерации. За ак-

тивную педагогическую, воспитательную работу и высокий профессионализм отмечен нагрудными знаками «Почетный работник высшего профессионального образования», «За заслуги перед Томской областью», «Почетный радист Вооруженных сил Российской Федерации» и др. Неоднократно поощрялся грамотами Министра обороны РФ и Министра образования РФ и их заместителей, главнокомандующего Сухопутными войсками РФ, начальников родов войск и командующих военных округов, администрации Томской области и г. Томска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голиков В.И. Красная Армия в июне 1941 года : стат. сб. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 200 с. В соавторстве с К.А. Калашниковым, В.И. Феськовым, А.Ю. Чмыхало.
2. Голиков В.И. Красная Армия в июне 1941 года : стат. сб. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 208 с. В соавторстве с К.А. Калашниковым, В.И. Феськовым, А.Ю. Чмыхало.
3. Голиков В.И. Красная Армия в победах и поражениях 1941–1945 гг. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 620 с. В соавторстве с К.А. Калашниковым, В.И. Феськовым.
4. Феськов В.И., Калашников К.А., Голиков В.И. Красная Армия в победах и поражениях 1941–1945 гг. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 246 с.
5. Голиков В.И. Хроника обыкновенного подвига : (история 166-й стрелковой дивизии). М. : Информ-Знание, 2010. 191 с.
6. Голиков В.И., Чернов К.А. Томский пехотный полк в боях и сражениях в XVIII–XX веках. Томск : Изд-во НТЛ, 2012. 427 с.
7. Феськов В.И., Голиков В.И., Калашников К.А., Слугин С.А. Вооруженные Силы СССР после Второй мировой войны: от Красной Армии к Советской. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Ч. I: Сухопутные войска. 640 с.
8. Голиков В.И. История формирования стрелковых частей и соединений Красной Армии в Сибирском военном округе (1939–1943 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. 14 с.

Zinovyev Vasily P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru; Chepurin Igor V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: admin@mf.tsu.ru

DEDICATED TO THE MEMORY GOLIKOV VALERIY IVANOVICH (11.01.1949 – 03.10.2015).

REFERENCES

1. Golikov, V.I. et al. (2001) *Krasnaya Armiya v iyune 1941 goda. Statisticheskiy sbornik* [The Red Army in June 1941. Statistics]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Golikov, V.I. et al. (2003) *Krasnaya Armiya v iyune 1941 goda. Statisticheskiy sbornik* [The Red Army in June 1941. Statistics]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
3. Golikov, V.I., Kalashnikov, K.A. & Fes'kov, V.I. (2003) *Krasnaya Armiya v pobedakh i porazheniyakh 1941–1945 gg.* [The Red Army in the victories and defeats of 1941–1945]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Fes'kov, V.I., Kalashnikov, K.A. & Golikov, V.I. (2004) *Krasnaya Armiya v pobedakh i porazheniyakh 1941–1945 gg.* [The Red Army in the victories and defeats of 1941–1945]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Golikov, V.I. (2010) *Khronika obyknovennogo podviga: (istoriya 166-y strelkovoy divizii)* [The chronicle of an ordinary feat: (the history of the 166th Infantry Division)]. Moscow: Inform-Znanie.
6. Golikov, V.I. & Chernov, K.A. (2012) *Tomskiy pekhotnyy polk v boyakh i srazheniyakh v XVIII – XX vekakh* [Tomsk Infantry Regiment in the battles in the 18th – 20th centuries]. Tomsk: NTL.
7. Fes'kov, V.I., Golikov, V.I., Kalashnikov, K.A. & Slugin, S.A. (2013) *Voоружennyye Sily SSSR posle Vtoroy mirovoy voyny: ot Krasnoy Armii k Sovetskoy* [The Soviet Union Armed Forces after World War II: From the Red Army to the Soviet]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Golikov, V.I. (2005) *Istoriya formirovaniya strelkovykh chastey i soedineniy Krasnoy Armii v Sibirskom voennom okruge (1939–1943 gg.)* [The history of the infantry units and formations of the Red Army in the Siberian Military District (1939–1943)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВА Татьяна Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков Томского государственного университета. E-mail: andreeva.tl2012@mail.ru

АРУТЮНЯН Ван Самвелович, аспирант кафедры Новой истории и международных отношений Института истории и политических наук Тюменского государственного университета. E-mail: van_80@mail.ru

БАРСУКОВ Евгений Владимирович, старший преподаватель кафедры археологии и исторического краеведения, заведующий Музеем археологии, этнографии Сибири Томского государственного университета. E-mail: barsukovevg@mail.ru

БОРОДОВСКИЙ Андрей Павлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск). E-mail: altaicenter2011@gmail.com

ВИТЮТНЕВА Анна Сергеевна, студентка 2-го курса общеобразовательного факультета Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: annakiss96@mail.ru

ГЕРМАН Павел Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека Сибирского отделения РАН (г. Кемерово). E-mail: lithos@mail.ru

ГЛАДКОВА Юлия Павловна, аспирантка кафедры всеобщей истории, сотрудник Управления международного сотрудничества Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: yuliagladkova@yandex.ru

ГОРОХОВ Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета. E-mail: gsvgs12@gmail.com

ДЕВЯТКОВ Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий отделом немецкой литературы Информационно-библиотечного центра Тюменского государственного университета. E-mail: devyatkovav@gmail.com

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

ИГНАТОВ Михаил Михайлович, инженер Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск). E-mail: mmignatov@gmail.com

КАЧИН Николай Андреевич, аспирант кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: Kachinnikolay@rambler.ru

КЕРОВ Валерий Всеволодович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: vvkerov@gmail.com

КОТЛЯРОВ Максим Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории журналистики Новосибирского государственного исследовательского университета. E-mail: mv-kotlyarov@mail.ru

КОШКАРЕВА Полина Александровна, магистрант исторического факультета, лаборант лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: polligi@yandex.ru

ЛУКОВ Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: lev74@mail2000.ru

МАЛИНОВСКАЯ Светлана Михайловна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института развития образовательных систем РАО Томского государственного педагогического университета. E-mail: malina-1949@mail.ru

МИТРОФАНОВА Ксения Николаевна, магистрант Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: sifero00@yandex.ru

ПИНАЕВА Дарья Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева-КАИ. E-mail: dashkeva1@mail.ru

РОДИГИНА Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН, профессор кафедры отечественной истории Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: natrodigina@list.ru

РУМЯНЦЕВ Петр Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: petroom@mail.ru

САВЕЛЬЕВА Анна Сергеевна, младший научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека Сибирского отделения РАН (г. Кемерово). E-mail: antverpen@mail.ru

СЕМИКОЛЕНОВ Максим Владимирович, аспирант кафедры отечественной истории и методики преподавания истории Новокузнецкого института (филиал) Кемеровского государственного университета. E-mail: semikolenov.maksim@yandex.ru

СУСЛОВ Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета. E-mail: plusha131333@yandex.ru

ТАДЫШЕВА Наталья Олеговна, кандидат исторических наук, заместитель директора Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова (г. Горно-Алтайск). E-mail: tadisheva@mail.ru

ТАЛОВСКАЯ Бэла Марковна, лаборант кафедры Новой, Новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: bella.talovskaya@gmail.com

ТАТАУРОВ Сергей Филиппович, кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. E-mail: TatSF2008@rambler.ru

ФОДОР Иштван, доктор исторических наук, профессор, почётный генеральный директор Венгерского Национального музея (г. Будапешт, Венгрия). E-mail: istvan.fodor@t-email.hu

ХРАМЦОВ Александр Борисович, кандидат исторических наук, доцент, доцент инженерно-экономического института Тюменского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: khramtsov_ab@bk.ru

ЧЕПУРИН Игорь Вениаминович, полковник, и.о. директора Института военного образования Томского государственного университета, начальник учебного военного центра при Томском государственном университете. E-mail: admin@mf.tsu.ru

ЧЁРНАЯ Мария Петровна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета. E-mail: mariakreml@mail.ru

ЧИНДИНА Людмила Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета. E-mail: chindina37@mail.ru

ШАПОВАЛОВА Татьяна Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: stalx@bk.ru

ЮНУСОВА Римма Рустамовна, соискатель кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева-КАИ. E-mail: lilith20@mail.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

2015. № 6 (38)

Редактор К.В. Полькина
Оригинал-макет А.Н. Воробьевой
Редактор-переводчик Н.А. Глущенко
Дизайн обложки Яна Якобсона (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано к печати 15.12.2015 г. Формат 60x84^{1/8}.

Гарнитура Times.

Печ. л. 18,5; усл. печ. л. 17,2.

Тираж 60 экз. Заказ № 1462.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28